

Записки Восточно - сибирскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО
Русскаго Географическаго Общества

П О Э Т Н О Г Р А Ф И И

Т. I, вып. 3.

Подъ редакціей правителя дѣлъ.

ВЕРХОЯНСКІЙ СБОРНИКЪ.

Якутскія сказки, пѣсни, загадки и пословицы, а также русскія сказки и пѣсни, записанныя въ Верхоянскомъ округѣ

И. А. Худяковымъ.

ИЗДАНО НА СРЕДСТВА И. М. СИБИРЯКОВА.

Иркутскъ.

Печатано въ Типографіи К. І. Витковской.

1890.

1962 г.

1965 г.

Печатано по распоряженію Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго
Русскаго Географическаго Общества.

1958.

81

**БИБЛИОТЕКА
НИИ Исследования**

П2749/2

БИБЛИОТЕКА
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ
Естественной Истории
и Зоологии
Государственного
Политехнического Музея.

Библиотечка Госуд. Центр.
Музея Исследования
Книг. № 14820

Время поступ. 20 окт. 1924

Инвент. № 28569

1157.

Шифр:

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Страниц.
Предисловіе.	
I. Пословицы и поговорки	1
II. Пѣсни	10
(Импровизація дѣвушки-якутки. Покошь. Утро. Полдень. Осень. Начало покоса. Орель)..	
III. Якутскія загадки	21
1) Природа и волшебство, 21. 2) Животныя, 25. 3) Человѣкъ, 30. 4) Домъ, 33. 5) Одежда, 36. 6) Промыслы, 38. 7) Принадлежности хозяйства, 40).	
IV. Саги.	
1) Бартъ-Хара	47
2) Хоро (прародители якутовъ)	54
3) Хаптагай-батырь	58
4) Кяльтяскиляръ	66
5) Саппы-Хосунъ	67
V. Сказки.	
1) Чирокъ и беркутъ	69
2) Летающія крылатыя	73
3) Хорошій Юджіанъ	74
4) Низенькая старушка съ пятью коровами	80
5) Ураныканъ-старикъ	89
6) Беръ-Хара	95
7) Старуха со старикомъ	112
8) Ханъ-Джаргыстай	
Ч. I. Бѣлый юноша	131
Ч. II. Сильный человѣкъ Кеньче-беге	164
Ч. III. Ханъ-Джаргыстай	202
9) Чарчаханъ	234
10) Пташка и ѣдунъ (обжора)	239
11) Онгостонъ-Чоканъ и Олонъ-Долонъ	240
12) Басымниланъ-батырь	247

II.

VI. Русскія сказки у якутовъ Верхоянскаго округа

- 1) Илья Муромецъ 254
- 2) Старецъ Пилигримъ 268

VII. Русскія сказки, у русскихъ.

- 1) Воронъ 288
- 2) Крестьянскій парень 291
- 3) Промышленники 294
- 4) Опять промышленникъ 296
- 5) Старичекъ 298
- 6) Старикъ —
- 7) Моховой старичекъ 299
- 8) Два парня 300

VIII. Пѣсни (русскія).

- 1) Алеша 303
- 2) Царь Елизаръ 307
- 3) Милославскій 310

Указатель собственныхъ именъ въ якутскихъ
образцахъ 311

Предметный указатель 314

Рукопись, содержащую собраніе образцовъ якутской устной словесности, помѣщенную въ этомъ выпускѣ «Записокъ» Восточно-сибирскаго Отдѣла, мы приписали Ив. Александр. Худякову; хотя точнаго указанія на принадлежность ему этого труда мы не имѣемъ, но мы не думаемъ, что мы ошиблись. Рукопись эта пожертвована Отдѣлу бывшимъ Покровителемъ его графомъ А. П. Игнатьевымъ, который получилъ ее отъ покойнаго балаганскаго исправника г. Бубякина при слѣдующемъ письмѣ: «На распоряженіе вашего сіятельства имѣю честь представить составленныя неизвѣстнымъ лицомъ записки, переданныя мнѣ верхоянскою мѣщанкою Хресіею Гороховою, теперь умершею. 27-го марта 1885 г. Село Тулунъ». Худяковъ жилъ въ Верхоянскѣ съ 1867 по 1875 годъ и былъ знакомъ съ Хресіей Яковл. Гороховой; сохранились извѣстія о томъ, что онъ занимался въ Верхоянскѣ собираніемъ этнографическихъ матеріаловъ о якутахъ; одна изъ рукописей Худякова съ подобнымъ содержаніемъ по слухамъ хранилась въ канцеляріи иркутскаго губернатора. Слухи объ этой рукописи въ 1880 г. дошли до Отдѣленія этнографіи Географическаго Общества въ Петербургѣ и оно старалось разыскать эту рукопись, но безъ успѣха. Такъ какъ неизвѣстно, чтобы какой-нибудь другой фольклористъ проживалъ въ Верхоянскѣ, то рукопись, переданная Хр. Я. Гороховой покойному Бубякину, по всей вѣроятности принадлежитъ Худякову. Лица, которыя знавали Худякова, признали въ рукописи его почеркъ *).

Остается не рѣшеннымъ, представляетъ-ли найденная рукопись копию съ той, которую разыскивали въ 1880 г., или она имѣетъ другое содержаніе, иначе сказать, заключается-ли въ найденной рукописи все наслѣдство Худякова или онъ еще что-нибудь оставилъ, кромѣ нея. На стр. 231 настоящаго выпуска есть ссылка на какой-то т. I; ясно, что тутъ подразумѣвается другой томъ, а не этотъ, напечатанный. Далѣе опять ссылка: ср. № 13 (по подлиннику**). Въ найденной рукописи справка по этимъ указаніямъ

*) Ив. Ал. Худяковъ былъ сынъ смотрителя уѣзднаго училища въ Тобольскѣ; учился сначала въ тобольской гимназій, а потомъ въ 60-хъ годахъ въ Казанскомъ и Московскомъ университетахъ; умеръ въ 1877 г. въ Иркутскѣ въ больницѣ умалишенныхъ.

**) На 231 страницѣ опечатка; вм. ср. набрано стр.

не даетъ ничего соотвѣтственнаго *). Все это ведетъ къ предположенію, что кромѣ найденнаго тома отъ Худякова осталось и еще что-то и что рукопись, которую искали въ 1880 г., можетъ быть была наполнена совершенно другимъ матеріаломъ, и если не уничтожена, то можетъ быть когда-нибудь и найдется еще.

Всѣ якутскіе образцы въ рукописи записаны вдвойнѣ: по-якутски и въ переводѣ по-русски, за исключеніемъ немногихъ, о которыхъ сказано, что они записаны безъ якутскаго текста. Якутскій текстъ пока за неимѣніемъ средствъ остался не изданнымъ.

Къ объясненіямъ якутскихъ и мѣстныхъ русскихъ словъ, сдѣланнымъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, присоединяемъ еще нѣкоторыя:

Аяхъ (стр. 146)—чашка.

Байдунцы (стр. 58)—люди Байдунскаго наслѣга.

Емюряхъ, нервно больной; при неожиданномъ стукѣ онъ всегда вскрикиваетъ: бабать! когда ему крикнуть какое-нибудь слово, онъ его повторяетъ.

Кулусунъ (стр. 148)—тростникъ или камышъ.

Лысовый ремень (стр. 100, 114)—ремень изъ моржевой кожи, употребляемый на повода, возжи и пр. Его выдѣлываютъ, кусая зубами, дѣлаютъ очень мягкимъ и крѣпко продымляютъ.

Ожикъ (ожигъ), русское слово, деревянная кочерга.

Пашенный, русск. сл., крестьянинъ.

Ровдуга—выдѣланная оленья кожа (грубая замша).

Сарное небо (стр. 116) можетъ быть отъ слова сарь—выдѣланная конская кожа съ крестца; идетъ на обувь.

Сендуха, (стр. 156) русск. сл.; выраженіе: спалъ на сендухѣ значитъ «въ полѣ, на открытомъ воздухѣ».

Сора (стр. 8, 88)—скващенное молоко; осенью бываетъ лучше.

Торбосъ, испорченное изъ якутскаго этербесъ, обувь изъ коровьей кожи.

Тусахта (стр. 157) бѣлое пятно на лбу у быка и у лошади, а также мѣдная бляха на женской шапкѣ.

Ураса—конусообразная юрта изъ бересты или оленьихъ шкуръ.

*) Въ найденной рукописи сказки № 13 совѣмъ даже и нѣтъ. Въ ней всего двѣнадцать сказокъ.

I. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ.

Конный скотъ знакомится между собою ржаньемъ, коровы— (коровымъ) мычаньемъ, быки—бычьимъ мычаньемъ, человекъ— разговоромъ, русскіе посредствомъ письма.

Вѣдь ты сталъ подобно тому, какъ стали враждовать мышь съ сохатымъ (говорится при ссорѣ богатаго или сильнаго человекъ съ бѣднымъ и слабымъ) *).

Такъ что-ли вы, какъ бранились заяцъ съ сохатымъ? (Говорится въ томъ случаѣ, когда два человекъ будутъ застигнуты внезапнымъ несчастіемъ или захвораютъ и станутъ взаимно укорять другъ друга, что вотъ молъ ты какой нѣжный, разлеживаешься и т. п.) **).

*) Пословица основана на слѣдующемъ преданьи. Въ старину во время обложенія ясакомъ мышь и сохатый (предки нынѣшнихъ мышей и сохатыхъ) поспорили между собою. Сохатый (лось) говоритъ: «солнце наше взойдетъ съ востока!» А мышь: «нѣтъ, солнце у насъ взойдетъ съ запада!»—Вотъ сохатый лежитъ лицомъ къ востоку, а мышь къ западу. А когда солнце восходитъ, прежде чѣмъ ему показаться, солнечные лучи освѣщаютъ вершины горъ, находящихся на западѣ. «Широкоспинный! пестрое твое солнце повернулось задницей!» вскричала мышь при первыхъ лучахъ солнца. Сохатый разсердился на эту уловку и съ тѣхъ поръ врагъ мыши.

**) Во время обложенія ясакомъ лежалъ сохатый раненный на вилобразной желѣзной пикѣ (таях карамта). Заяцъ пришелъ къ нему и говоритъ: «А, значить, ты легъ; выставивъ спину, умираешь на этомъ желѣзѣ, подобномъ чешуѣ ельчика (?). И мнѣ случалось, пришедши, наткаться на желѣзо величиною съ двѣ вилы и прокалываться насквозь около (самаго) сердца; такъ и я, столь малый собою, сколько разъ таскалъ такое желѣзо съ собой, сколько лѣсовъ перехаживалъ, сколько водныхъ ложбинъ переходилъ!»—Такъ ругался заяцъ, оттого и до нынѣшняго времени сохатый въ злобѣ на зайца.

Ты сталъ (мелочничать, бросаться на всякую мелочь), какъ медвѣдь ѣсть (черныхъ муравьевъ)? (Говорится богатому или сильному человѣку, гоняющемуся за мелочами).

Стадо волковъ не выкапываетъ (одной) норы. (Говорится въ томъ случаѣ, когда нѣсколько человѣкъ ссорятся и, по несогласію, не могутъ сдѣлать самаго легкаго дѣла).

Ты сталъ подобно тому, какъ чечетка (чарыэс)*) съ мышью? (Говорится въ случаѣ обмана)**).

Мышь-то (ужь) увеличила свою нору. (Говорится о струсившемъ человѣкѣ)***).

Подобно тому, какъ мышь, покрывшись шерстью, говоритъ: «У, холодно!» (О бѣдномъ, когда онъ разбогатѣетъ, а все не доволенъ своимъ богатствомъ; говоритъ, что мало).

Быкъ опасается быка, жеребецъ—жеребца, а человѣкъ боится человѣка.

Точно, какъ (корова), увидавшая новую корову. (Говорится въ томъ случаѣ, когда двое незнакомыхъ людей, встрѣтившись въ первый разъ, стануть браниться другъ съ другомъ, придираются, поспорятъ и потомъ уже познакомятся****).

*) У Бѣтлинга чарыас, снѣгирь, Dompfaff (Böhtl., Wörterbuch, 120).
Ред.

**) У якутовъ есть преданіе, что чечетка съ мышью (самыя малыя животныя изъ птицъ и млекопитающихъ) стали уговариваться жить вмѣстѣ. Мышь наговорила чечеткѣ: «У меня-де много припасовъ, въ разныхъ мѣстахъ, сперва мы твое будемъ ѣсть, а потомъ мое!» Чечетка согласилась и долгое время кормила мышь своими припасами; когда-же пришла очередь мыши кормить чечетку, мышь отказалась. Другіе прибавляютъ, что чечетка ходила на югъ (въ Россію) жаловаться на мышь орлу; орелъ посылалъ сперва за нею лисицу, потомъ сокола, мышь не сдавалась, не шла. Наконецъ орелъ послалъ горностаю и тотъ, захвативъ мышь зубами, принесъ ее къ орлу для суда!—Орелъ, выслушавъ всѣ стороны, присудилъ мышь возвратить чечеткѣ годовой запасъ ея пищи.

***) Мышь—самое слабое, трусливое животное; у нея много сильныхъ и опасныхъ враговъ и мыши приходится частенько трусить. «И, струсивши, она увеличиваетъ свою нору, чтобы лучше укрыться».

****) Незнакомыя коровы, встрѣчаясь другъ съ другомъ, бодаются (по глупости, отъ удивленія), и потомъ уже знакомятся.

Вѣдь ты сталъ точно корова, которая свирѣпо отгоняетъ отъ себя своего теленка, но когда дойница подойдетъ, найдетъ у нея болное зудящееся мѣсто и станетъ шекотать, то она (корова) стоитъ смирно и даетъ молоко.

Человѣкъ, подобный «мычливой» коровѣ *). (Говорится о человѣкѣ, который, имѣя что-нибудь, всегда говоритъ, что (этого у него) нѣтъ).

Подобно часто зовущей своихъ дѣтей (кряхтящей) коровѣ, не имѣющей молока. (О человѣкѣ, который какъ будто хочетъ что-нибудь дать, но не даетъ).

Ухо-то остается (по прежнему), а рогъ выдвигается впередъ **). (О человѣкѣ, который изъ низкаго состоянія достигнетъ высокаго и станетъ начальникомъ тѣхъ, родители которыхъ были начальниками (хозяевами) его родителей).

Вы, будучи (равными), какъ два (гладкихъ и равныхъ) рога трехтравой коровы.... (говорится двумъ роднымъ братьямъ).

Вы стали сердечно дружны, точно кобыла съ жеребенкомъ.

Не вертись, пришедши съ краю, подобно яловой кобылѣ ***). (Говорится, когда третій со стороны безъ всякой надобности въ дѣла двоихъ будетъ мѣшаться).

Не юли, подобно сукѣ ****). (Говорится о женщинѣ, которая лишь только увидала мужчину, такъ и захотѣла войти съ нимъ въ любовную связь).

Отклоняешься ты подобно собачьей головѣ, скатившейся съ серебрянаго блюда. (О недостойномъ человѣкѣ, съ которымъ хорошо обходятся, но онъ отвѣчаетъ на это дурными поступками).

*) «Мычливая» корова, сколь-бы ни была жирна и сыта, всё мычитъ.

***) Уши у теленка бываютъ большія и при рожденіи, рогъ-же вырастаетъ впоследствии, возвышается надъ ними и превосходитъ ихъ величиною.

****) Если жеребецъ совокупляется съ кобылой, то яловая кобыла, увидавъ это, суется между ними.

*****) Сука, ищущая кобеля, лишь только завидитъ его, сейчасъ бѣжитъ и сама нюхаетъ кобеля.

Ну, парень, не заставь царапать твое садно! (Подобно тому, какъ лошадиное садно обнаруживается впоследствии, такъ обнаруживается и вина (виновнаго) человѣка).

Эхъ, чуть-чуть не вытащилъ (скрытое) въ сумѣ! *) (о человѣкѣ, чуть не обнаружившемъ тайны другаго).

Если собакѣ нечего дѣлать, то она лижетъ себѣ задницу (о дѣлающихъ отъ праздности бесполезное).

Лѣнивый (всегда) совѣтуетъ или разсуждаетъ (придумывая отговорки).

Якутъ не стыдится, собака не давится.

Значить, обрѣзавъ затылокъ, сталъ гладить челку**) (лицемѣру).

Хорошо, когда вода близко, а родственники далеко. (Когда бѣдный разсерженъ на богатаго).

Черть ихъ возьми! Пусть они хоть головой, хоть головами становятся!

Вѣдь вы, какъ двое плѣшивыхъ другъ у друга ищущихъ вшей***) (о двухъ бѣдныхъ, упрекающихъ другъ друга въ имуществѣ, котораго нѣтъ).

Встаютъ рано, какъ мужъ съ женою, ненавидящіе другъ друга. (Подразумѣвается, что любящіе другъ друга супруги долѣе спятъ и нѣжатся, лежа въ постели).

Женская мысль короче ея волосъ.

У женщины хоть волоса и долги, да мысль коротка.

Что-же, ты (разсуждаешь), какъ Хоккумоева голова****).

*) Существуетъ разсказъ, что изъ двухъ знакомыхъ одинъ открылъ какъ-то суму другаго и узналъ его тайну.

**) Два вора однажды подошли къ лошади и прокололи ей лёнъ (сухожилъ на загривкѣ), но, увидѣвши хозяина, стали гладить лошадь по челкѣ, говоря: «бѣдная!»

***) Двѣ плѣшивыя женщины, скрывая свою плѣшь, ходили въ колпакахъ; однажды у одной изъ нихъ при гостяхъ зачесалась (въ ненастье) болячка на головѣ; почесавъ голову, она сказала другой плѣшивой: «Ну, меня вошь кусаетъ. Ты вотъ у меня вшей-то не ищешь!» Если-бы ты у меня искала вшей, то и я бы у тебя искала—отвѣчала другая. Это они говорили для того, чтобы скрыть отъ постороннихъ свою плѣшивость.

****) Хоккумой былъ очень хорошій, добрый человѣкъ, но «по глупости очень глупый» человѣкъ.

Подобно тому, какъ дьявольская дочь сбилась, (считая) четырехгранную мутовку. (Объ ученомъ и умномъ, когда онъ ошибется въ пустякахъ).

Молодецъ становится человѣкомъ послѣ трехъ неудачъ, трижды повѣсивши ножны лука (т. е. трижды имѣя неудачу въ охотѣ).

Хорошій человѣкъ даетъ долю, а отличный человѣкъ щедрый.

И Богъ его должно быть сказалъ: если постигнуть тебя несчастья, помогу тебѣ черезъ хорошаго человѣка.

Разстались мы, видѣвшись только одинъ разъ, подобно тому, какъ мѣсяцъ (только одинъ разъ) сходилъ (прошелъ мимо) съ солнцемъ).

Дорожный человѣкъ бываетъ съ задержками, путникъ стремителенъ.

Ходившій (ѣздившій) хоть соринку да находить.

Если и ягоды собирать, туесь *) наполняется (т. е. приобретаая по-немногу, получаешь значительную пользу).

Всполошный (ѣмюряхъ) бьетъ, какъ олень. (Подобно тому, какъ и ѣмюряхъ (иногда) удачно попадетъ (скажетъ)).

Несчастный человѣкъ бываетъ пѣвцемъ.

Пѣвецъ и танцоръ не бываютъ счастливыми людьми.

Дважды окружилъ верхъ большаго пальца, и трижды верхъ указательнаго (о вѣтренномъ человѣкѣ, вѣрткомъ, но неосновательномъ).

Человѣкъ, противящійся (сильнымъ), не одолѣетъ и землеройки.

Ты вѣрно также, какъ (нѣкто) изъ подлобья свирѣпо смотрѣлъ на русскаго, уѣхавшаго въ городъ? (Когда по-заглаза бранять человѣка, находящагося далеко) **).

*) Туесь, берестяная посуда; сибирскій провинціализмъ. Ред.

**) Однажды русскій, захавши къ одному женатому шаману, прибилъ его; а жены шамана не было дома. Черезъ долгое время, когда русскій уже уѣхалъ въ городъ и, по расчету пути, долженъ былъ уже быть въ городѣ, приѣзжаетъ домой жена. Шаманъ, стыдясь того, что его поколотилъ русскій, сидитъ, прячетъ свое лицо отъ жены, смотритъ изъ подлобья свирѣпо... «Другъ! ты сердишься, что-ли?» спрашиваетъ жена.—«Не на тебя я свирѣпую, а гляжу сердито на человѣка!»—отвѣчаетъ шаманъ.—«На кого?»—«Да, вотъ наредни проѣзжалъ русскій, на него я кошусь (смотрю изъ подлобья)!....»

Принципъ проклятiя съ кровью; принципъ благословенiя съ масломъ (т. е. не проклинай! — это ведетъ къ кровопролитью; — а благословляй! — это ведетъ къ благополучiю).

Между обоими вода не проливается, т. е. водой не разольешь. (О неразрывныхъ друзьяхъ).

Своя жизнь себѣ-самому дорога.

Дитя рыбаковъ дорого для нихъ самихъ (т. е. свое своему всегда дорого).

Дитя богатого дерзко (но глупо); дитя состоятельнаго чело-вѣка пылко.

Подобно ворону, сказавшему: мое дитя лучше всѣхъ.

И отъ хорошаго худое родится.

Орленокъ всегда орелъ; вороненокъ всегда воронъ.

Подобно малому дитяти, пролившему свое молоко. (Говорится при несчастiи).

Подобно тому, какъ (модница) взяла ножъ, чтобы ѣсть крошечную рыбку *).

*) Жилъ когда-то бѣдный рыбакъ съ двумя дочерьми. Однажды пришли два чело-вѣка (одинъ богатый, а другой бѣдный) смотрѣть этихъ невѣсть. Пришли и сидятъ; обѣихъ дочерей не было дома. Но вотъ они обѣ приходятъ. Мать-старуха подаетъ имъ въ посудѣ вареную рыбку *ылбай*. Старшая дочь спрашиваетъ: «Какъ и чѣмъ-же упромыслила (такую рыбу)?» Да вотъ давеча отецъ твой смотрѣлъ морду! Поперешная мордочка! — «Со-всѣмъ не знаю!» — Мать промолчала, поняла, что она модничаетъ. — Дочь опять спрашиваетъ: «Какъ-же мы будемъ её ѣсть?» — Ышь поварёшкой! — «Мать! по-дай мнѣ ножикъ; поварёшка мнѣ въ ротъ не влѣзетъ!» — Взяла ножъ, рѣжетъ (рыбу) и ѣсть. А другая (сестра) ѣсть молча поварёшкой. Поѣвши немного, старшая (дочь) и говоритъ: «Ая, ая! дѣйствительно, вѣрно, я захо-тѣла ѣсть: полторы рыбки съѣла!» — Мать молчитъ. Богатый не видитъ, а бѣдный удивляется. Младшая съѣла половину чашки, а остатки положила къ яслямъ (половину юрты занималъ хотонъ). Какъ только богатый вы-шелъ изъ юрты, старшая и пошла къ рыбѣ, захватила горстью и стала ѣсть. — Вышелъ и бѣдный (изъ юрты) и говоритъ богатому: «Которую (изъ нихъ) ты возьмешь за-мужъ?»

— «Я возьму ту нѣжную, которая мало ѣла!» отвѣчалъ богатый. — «Ну, а мнѣ бѣдному надо такую, которая-бы все ѣла, что ни добуду!» сказалъ бѣдный.

Вотъ потомъ они женились, взяли невѣсть изъ родительскаго дома. Та, которую взялъ богатый, оказалась совершенно ненасытной, никакъ онъ

Семь дѣвиць съ одной серьгой изъ кругловатой побрякушки. Дѣвочекъ больше окуней; женщинъ болѣе хѣргузовъ (рыбы). Не будешь-же лизать, наливши на лицо сору? т. е. на что тебѣ его (или ея) красота?

Дѣвочка имѣеть цѣну и колымъ.

Дѣвушка и десять разъ (обзаводится) хозяйствомъ (и семьей) (т. е. не унывай)!

Дѣвушка, живущая на родинѣ, не бываетъ счастлива.

Счастливая дочь выходитъ замужъ далеко отъ родины (родителей).

Не годится оставлять (жить) дома дѣвочекъ, мочащихся (себѣ) на ноги.

Хотя и вѣтренное (мѣсто), да госпожа моя (свекровь) указала мнѣ его (для ночевки); хотя и безъатавное поле, да родимое мѣсто.

Бываетъ-ли дерево, на которомъ-бы не сидѣла (когда-нибудь) птичка? (Употребляется иногда въ смыслѣ: «есть-ли женщина, у которой-бы не было любовника»)?

У сытаго человѣка концы играютъ. (О потѣхахъ богатаго).

Точно ламуть, имѣющіи раба.

Что ни пригорокъ, то барыня; что ни возвышеніе, баринъ (господинъ).

Обидчивъ, какъ инородецъ.

не могъ ее накормить. Однажды онъ убилъ кобылу съ двухтравнымъ жеребенкомъ и говоритъ женѣ: «Другъ! я краденыхъ кобылу и жеребенка досталъ; какъ мы спрячемъ?»—Самъ укралъ, самъ какъ знаешь и прячь!—говоритъ жена.—«Да я убилъ ихъ, а теперь некуда спрятать!» Ну, я это сварю, а потомъ съѣдимъ; а что останется, сождемъ.—«Хорошо». Ушелъ мужъ и, спрятавшись, лежитъ. Жена сварила кобылу и жеребенка, и стала ѣсть. Потомъ мужъ со двора и спрашиваетъ: «Ну, что, другъ, осталось у тебя что?»—Легкіе остались да копыта.—«Ну, постарайся, люди идутъ, посуду-то скорѣе убирай, говоритъ мужъ. Вотъ она стала собирать посуду—тырт!... «Ну, постарайся!—говоритъ мужъ.... Она молчитъ. Отворилъ онъ дверь; она лежитъ мертвая, брюхо лопнуло.—Вотъ заморозилъ ее мужъ да такъ и повезъ ее мертвую съ лопнувшимъ животомъ къ матери. Потомъ, отворивши дверь юрты, и говоритъ тѣщѣ: «Дочь тебѣ въ гостинцы послала!»—Эхъ, ей такъ и слѣдовало быть, я такъ и ожидала—сказала старуха - мать.

Отдыхаетъ чурбанъ до паденія топора.

Бѣлка ищетъ (просить) стрѣлы; собака очень (расположена) къ осколотившему ея человѣку. (Говорится о человѣкѣ, расположенномъ къ своему притѣснителю).

Одно яйцо гдѣ не гниетъ? (Одинокому).

Съ больнаго (мѣста) не сходитъ рука, а съ любимаго — глазъ.

Хоть и малая, но вкусная пища подкрѣпляетъ (выздоровливаетъ).

Живетъ однимъ мясомъ, подобно ястребу.

Осенняя сора (такъ хороша, что) жалко не дается (даже зятю).

Чѣмъ много говорить, возьми въ ротъ побольше.

Пьетъ воду да нахваливаетъ (т. е. безъ заслуги).

Отъ бѣды (разрушенья) получается пища (т. е. по Прудону: вопросъ о продовольствіи есть вопросъ войны).

Не подавись, думая похвалиться.

Зимою человѣкъ (питается) смѣхомъ, а лѣтомъ облизываясь. (О бѣдныхъ и голодныхъ).

Хоть и не ѣлъ, думай, что наѣлся; хоть и не взялъ, думай, что взялъ.

Отъ несчастнаго неотступны страданья, отъ мучащагося не отстаютъ мученья.

Пролитое не пополняется; оторванное не приставляется.

Вѣдь я (человѣкъ) съ мрачными несчастіями, которыхъ не поднимаютъ мои локти; (человѣкъ) съ несчастными несчастіями, которыхъ не сдерживаютъ мои голени.

Потерянное потерялось, ушедшее ушло. (Въ родѣ русскаго: что съ возу упало, пиши пропало).

Если ты помрешь, земля останется землею и мѣсто мѣстомъ, т. е. ничто не перемѣнится.

Кривоногій замѣтенъ (видѣнъ), хромой дорогъ (и рѣдокъ).

Не выглядываетъ въ пасмурную погоду и глазъ не показываетъ въ ясную (о человѣкѣ, нигдѣ не показывающемся).

Небо высоко, земля широка, море глубоко.

Имѣющій лицомъ землю (униженіе).

Человѣкъ съ тремя тѣнями, т. е. обманщикъ.

Голова моя, какъ море; хвостъ мой, какъ трясина (о богатомъ).

Возьмешь, что-ли, потесавъ топоромъ ничто? (съ ничего и не возьмешь ничего; въ родѣ: на нѣтъ и суда нѣтъ).

Постой уже, свидимся! Станемъ на одну половицу (тягаться).

Если сказалъ: «вода», (то значить) «снѣгъ», (а) сказалъ, (что) снѣгъ, (то значить) вода. (Объ обманщикѣ).

Не суйся, какъ яловая корова.

Не суйся (тискайся) туда-сюда, какъ корова.

Съ верховаго беретъ плетку, съ пѣшехода посохъ (т. е. отбираетъ послѣднее имущество).

Надѣлаемъ грѣховъ, что быкъ не свезетъ.

О покойникѣ жалѣють (только) три дня (ночи).

Рожень-то наполнился.

Значить ужь рожень-то наполнился. (Когда рожень полонъ мяса, то новые куски мяса уже не входятъ; говорится о вполнѣ богатомъ, когда онъ желаетъ еще большаго, т. е. невозможно-многого).

Значить пора (время—мѣра) настала.

Нечаянныхъ несчастій (происшедшихъ отчасти отъ небрежности) болѣе травы, ошибокъ болѣе сору.

Оттуда-отсюда, далеко-ли отсюда?

Подобно приготовившему колыбель для дитяти, еще неродившагося. (О человѣкѣ, который приготовляетъ что-нибудь для того, чего еще у него нѣтъ, но онъ ожидаетъ въ будущемъ).

Сѣмъ голову тайменя на будущій годъ (т. е. получу что-нибудь послѣ очень долгихъ ожиданій).

Хорошій человѣкъ съ рукавицами, превосходный человѣкъ съ шапкой.

Хорошій человѣкъ съ лицомъ изъ рукавицы, отличный человекъ съ лицомъ изъ (распухшей) скотской желѣзы. (Въ насмѣшку).

Лучше людей на шесть, лучше человек на тетиву, лучше якута на туесную бересту.

На шесть лучше дивнаго, на шапку лучше отличнаго, на рукавицу лучше хорошаго.

Щеголь съ перинымъ поясомъ, съ ножнами изъ китайки!

Модникъ-щеголь, не ѣдящій мясо съ жиромъ.

Человекъ, не ѣдящій сырого*), не берущій въ ротъ жилы. (О дѣвушкѣ, когда она, имѣя много любовниковъ, притворяется невинною; или скрываетъ то, что уже извѣстно).

Подобно таймену, сгнившему съ головы. (Говорится о богатомъ или знатномъ, уничтожающимъ своею глупостью свое собственное достоинство или богатство; или объ умномъ, когда онъ сдѣлаетъ что-нибудь необдуманно).

Пусть онъ не мажетъ мнѣ уста жиромъ, т. е. пусть не лицемѣритъ.

Остался, глядя бороду. (О томъ, кто вдался въ обманъ и догадался уже послѣ, когда нельзя поправить дѣло).

Зачѣмъ ты важничаешь? (вѣдь ты человекъ) вертящійся около порога, дожидался около стѣнъ (чтобы что-нибудь дали).

У богатаго много надобностей.

«Ты кривой»! — Да и ты кривой! (Говорится когда двое людей, равныхъ между собою, стануть осуждать другъ друга.

Э, волчья задница, не раздувай мѣхомъ! (Клеветнику).

II. ПѢСНИ.

1.

Импровизація дѣвушки-якутки.

Ахъ, ребята! голову-мысли мои векружили ловкіе (верткіе) мужчины, стоя-кружась, свѣтя своимъ блескомъ, покрывая свой внутренній обманъ, околдовывая удачною своихъ выраженій (словъ),

*) Якуты, и большіе и малые, вообще очень любятъ ѣсть сырое мясо, какъ конское и коровье, такъ и оленье.

заставляя завидовать на свое добро (богатства и добрыя качества), проникая взоромъ мое сердце и печень....

Ахъ, ребята! Еслибъ полюбивши этого человѣка, обнявши его на два или на нѣсколько часовъ, поцѣловавши-понюхавши, приблизивши къ своему сердцу, хотя и расталась-бы я (съ нимъ), то я, худая собою, послѣ, когда тѣло мое будетъ жидко, какъ вода, когда стану я старухой хрупкой, какъ гнилое дерево, постарѣю, развѣ скажу я, что въ молодости я не была счастлива? Эгяй, 2.

Ахъ! Русскій молодець! сидишь ты, слушаая—думая, чего хорошаго скажетъ, что можетъ сказать женщина-дѣвушка съ такою недалъною (короткою) мыслью, съ такою узкою памятью, съ жесткимъ (грубымъ, невыдѣланнымъ) платьемъ? Эгяй, 2.

Мужчины-люди, вы думаете, что лучшія изъ женщинъ, дѣвицы, не имѣютъ сердца способнаго любить! Еслибъ знала я, что языкъ мой, рѣчь, голосъ моего горла, можетъ расшевелить ваше сердце, заставить его разрываться отъ жалости, можетъ заставить васъ хорошо думать обо мнѣ—пѣла-бы я, ребята, безостановочно; воспѣвала-бы я, ребята. Обратившись отголоскомъ голоса, украшеніемъ выраженій, я разжалобила-бы ваши сердца, размягчила-бы каменную вашу мысль, развязавъ, растопивъ вашу ледяную память, сдѣлала-бы я васъ столь безсильными, какъ маленькое дитя, только что начинающее сидѣть; запѣла-бы васъ такъ, чтобы вы не могли ни встать, ни пошевелиться.

Ахъ! Имѣющіе голосъ пѣвчей птички (канарейки), платье подобное наружной сторонѣ крыльевъ чирка, поясъ подобный радугѣ, туда-сюда развѣдетесь вы далеко, свѣтя, какъ падающая звѣзда, расчеркивая небо, блестя, какъ молнія, заставивъ зариться*), полюбить себя. Только ребята, я, ходя взадъ и впередъ, видя во снѣ, удерживая въ памяти, нѣжа сердце-печень, думая (о васъ), считаюсь за счастливую, одна на землѣ, буду ходить несчастною. Эй! Ахъ, парни! ахъ, хорошіе люди! Вы подумаете, разсердитесь, осуждая (меня):

*) Зариться—завидовать; сибирскій провинціализмъ.

«Эдакая страшная осмѣлилась посмотрѣть на насъ! Чѣмъ я спасусь отъ этого, ребята? Развѣ обвиню ваше доброе? Развѣ обвиню вашу хорошую сторону? Ахъ, досада моя! Быть-бы мнѣ лучшей-почетной и вскружить ваши мысли. Ахъ, досада моя! Значить вы уйдете, оскорбившись и осердившись. И хорошіе и худые смотрятъ глазами на (мое) ласковое блестящее солнце, (развѣ оно) оскорбляется этимъ, что-ли?

Ахъ, ребята! Говорятъ на томъ свѣтѣ есть господинъ, списывающій хорошее и худое, грѣхъ и черное (темныя дѣла). Тотъ господинъ, поставитъ-ли мнѣ въ вину эти сказанныя мною слова, за то, что я осмѣлилась любящими глазами посмотрѣть на лучшихъ себя, думая, что всѣ должны быть равны мнѣ? и внесетъ (ли) онъ ребята (эти слова) въ черное письмо?

Ахъ, досадные! Улыбнувшись, какъ тѣни, вы уѣзжаете такъ, какъ огонь заходящаго солнца уменьшается, выйдетъ на гору, удаляется-удаляется и исчезаетъ! Но все-таки, какъ отъ солнца остается по горамъ солнечный отблескъ, такъ въ памяти и мысли я буду носить (о васъ воспоминаніе). Эгяй, 2.

2.

Думала я, что ликъ блестящаго ласковаго слова *) спустился съ неба и стоитъ на якутскомъ дворѣ. То пришелъ и стоялъ юноша, счастливый лицомъ, блестящій ликомъ.

Думала я, что спустилась на землю весенняя небесная солнечная серьга (кюнюмъ ытаргата; пряди солнечныхъ лучей въ ненастную погоду). То изъ черна свѣтились завистливые черные очи и брови счастливаго человѣка.

Думала я, отчего (это) радуга, разныя украшенія моего неба, спустившись, опоясали земнаго человѣка. А то были пестрые цвѣта шелковаго кушака лучшаго человѣка.

Отчего такъ громко нѣжное пѣніе моихъ пташечекъ? думала я, друзья! То былъ голосъ лучшаго человѣка. Думала я: блестятъ

*) Солнца? Въ якутскомъ текстѣ: аламай кюнюмъ (солнце) тунайганнах нюра.

перья стерховъ и лебедей. Друзья! то сіяла, какъ серебро, наружность его рукъ!

Ахъ, ребята! Этотъ человѣкъ происходитъ отъ какого-нибудь лучшаго человѣка, съ зычнымъ голосомъ, съ двойнымъ подбородкомъ, съ густою черной бородой, отъ чрезвычайно почтеннаго (важнаго) хорошаго мужчины!

Ахъ, ребята! Этотъ человѣкъ родился отъ какой-нибудь госпожи матери съ чрезвычайно хорошимъ нравомъ, съ островатыми тихонѣжными мыслями и сердцемъ, съ звонкимъ умнымъ голосомъ!

Ахъ, ребята! Хорошо было-бы, еслибъ вы не сказали, что память—мысли мои смѣшались, что должно быть глаза мои завидуютъ на наружность хорошаго человѣка, что закаленное мое сердце размякло на ласковость его голоса.

Ахъ, ребята! какъ человѣкъ, происходящій отъ чужихъ людей, имѣющій чужое мѣсто, отца и мать, вотъ онъ хочетъ уѣзжать, ребята!

Горе, друзья! Еслибъ знать мѣсто, его восьми-извилисто-бугристый путь, лечь-бы мнѣ на дорогѣ и дать его лошади пройти по моей спинѣ, ребята!

Эхъ, дѣти! Какая-то счастливая изъ дѣвушекъ, лучшая изъ женщинъ, осмѣлясь развязно посмотрѣть (напротивъ) на такого человѣка, не упуская своего счастья, положить его вмѣстѣ подъ однимъ одѣяломъ, разнѣжить его сердце, осчастливится, ребята. Ахъ! дѣти! Еслибъ умерла я, увидавши ее, лучше-бы было (у меня) на душѣ.

Этотъ человѣкъ, когда ѣхать ему изъ дому, сѣлъ на лошадь; мать старуха, отецъ-старикъ, какъ-то и какъ-то благословляя его, желали, чтобы онъ остался вмѣстѣ съ ними.

Ахъ, ребята! Благословляя, пусть благословленье ваше, ребята, будетъ сопутствовать эту хорошему человѣку.

Ну, ребята! Оставайтесь, поючи и благословляючи, говоря: «Пусть восемь святыхъ женъ, сопутствуя, покрывая, заслоняя его отъ бѣдъ»

приходящихъ и уходящихъ, отъ вѣтровъ и дождей, отъ летающихъ облакомъ, протянуть его длинную дорогу гладкою, какъ серебро; пусть онѣ сопутствуютъ ему такъ»!

3.

Ахъ, друзья, друзья! напрасно-напрасно заставили вы говорить мои вздернутыя губы! вы сидите, слушая—внимая. Друзья! какія умныя слова, какія полезныя рѣчи думаете вы слышать отъ такой невзрачной уродки?

Ну, друзья! Еслибъ духи моихъ словъ и голоса, пронзивъ насквозь ваше темя, могли-бы свести васъ съ ума, нѣла-бы я, воснѣвала; вѣщала-бы я.

Ну, другъ! Въ эту минуту здѣсь и голосъ мой не выходитъ, языкъ не поворачивается. Эгей-ини, другъ!

Ахъ, ребятушки, что это такое, что это такое! Мое сердце и печень истожились; зрячіе глаза мои потемнѣли, мыслящая мысль моя смѣшалась (истожилась), ребята!

Если вы говорите: «Отъ какой нужды-печали, отъ какой крайности стала ты такъ говорить»?—Ожидаю я серебряненькаго моего, мою нѣжную пташечку, лучшаго моего человѣка.

Въ первый разъ днемъ, когда (онъ) обманывалъ меня, стоялъ, нѣжа свѣтомъ, говоря: «Ночью я буду являться тебѣ во снѣ, днемъ буду пріѣзжать на лошади и, посмотрѣвъ на тебя, буду уѣзжать»!

Говорилъ онъ: «Что за старинный, отцемъ твоимъ не дѣланый, грѣхъ? «Амбаръ сломаемъ»!—что ли я говорю тебѣ? поцѣлуемся-полюбujemy»!

«Что за старинный грѣхъ, не дѣланый твою госпожею матерью? «Человѣка убьемъ»!—что-ли, я говорю тебѣ? Буду любить тебя, уважать, буду неразлучнымъ товарищемъ, неостанавливающимся другомъ»!—говорилъ онъ, ребята.

Ахъ, ребятушки! не виновата я въ томъ, что полюбила; столь былъ онъ пріятень (милъ), такъ разнѣжилось мое сердце.

его: нѣтъ его; смотрю: нѣтъ его. Должна-ли буду сказать, что всѣ, сказанныя имъ, слова—ложь?

Ахъ, ребята! Онъ скажетъ: «влюбившись въ меня, (она сама) падала на меня». Темнотою покрылась я, въ печальныхъ мысляхъ своихъ не видя свѣта ни днемъ, ни ночью.

Ну, ребята! Голоса моей гортани станьте громогласны, силы моего языка умножьтесь-умножьтесь! Эгей, Эгей, ребята!

Ахъ, еслибъ силою моихъ пѣсенъ, моихъ воспѣваній я останавливала-бы вѣтерки, заставляла летѣть облака, умѣрила зной солнца, то вскруживъ голову-мысли этого лучшаго человѣка, обморочивъ очи, повернула-бы я его въ свою сторону, (расположила-бы его къ себѣ).

Ахъ, ребята! Отчего не сдѣлалась я пташкой, отчего не сдѣлаюсь чечеткой и, летая—порхая въ облакахъ, сдѣлавшись духомъ дождя и града, дыханіемъ вѣтра и снѣга, не паду я на этого человѣка, друзья?

4.

Ахъ, ребята 2! Этотъ человѣкъ виноватъ тѣмъ, что родители его не собрали, не расплодили восемь табуновъ кобылъ!—Должно быть раставшись, онъ пришелъ-пріѣхалъ сюда, чтобы силою груди, стремительною рукъ пропитать себя, думая: «ворочусь, разжившись-разбогатѣвши»!

Ахъ, ребята! Этотъ человѣкъ виноватъ тѣмъ, что почтенный господинъ отецъ, почтенная госпожа-мать не накопили, не дали (ему) девять замкнутыхъ амбаровъ имущества. Думаетъ онъ, должно быть: «ворочусь я, заставивъ силою устъ полюбить свои слова и мысли, расположивъ къ себѣ, пропитавшись, разбогатѣвъ, разжившись»! думаетъ.

Ахъ, ребята! Какъ онъ хорошъ! Ахъ, ребята, какъ онъ бѣденъ страшно. Ахъ, ребята, какъ его голосъ звученъ! Ахъ, ребята, какъ умны слова его и рѣчи! Ахъ, ребята, какъ мысль его нѣжна и тиха. Ахъ, ребята, какъ пѣснь не тороплива! Ахъ, ребята, какъ

онъ берется—дѣлаетъ все ловко! Ахъ, ребята, какъ кровь его чиста, глаза чѣрны! Ахъ, ребята, какъ онъ хорошъ!

Эгей-ини, дѣти! И сколько-то высоко думаютъ объ этомъ бѣднякѣ его отецъ и мать? У матери бѣдняжки днемъ и ночью мысли, должно быть, о немъ одномъ. Ахъ, ребята! соединивъ свои благословенія, благословите, воспойте его пожалуста!

Ахъ, ребята! Какъ-бы я желала, обогативъ его богатствомъ, введши его въ среду лучшихъ людей, заставить (другихъ) завидовать—удивляться на него!

Эчикія, ребята! Какъ-то велика дума у этого человѣка; его сердце какъ-то не помѣщается въ узкомъ пространствѣ, голова и мысли его какъ-то мучатся, осѣдаютъ, какъ земля. Скажу-ли я, что вчужѣ мое сердце разрывается отъ жалости? приходится сказать, что вчужѣ глаза мои завидуютъ. Буя, буя!

Бѣлый господь Богъ мой, укажи—направь счастье—богатство, поручи—дай лучшее этому бѣдняку. Девять святыхъ женщинъ, тихо кружась по верху и свѣтя, пригоните, поймите, дайте ему добро солнечнаго мѣста. Ходите, умоляя, спасая его—отъ переходящихъ обмановъ, отъ мѣстныхъ волшебствъ!—сказала я. Ахъ, ребята, буя 3. Эгяй 2.

5.

Эй! ягяй, ребята, поиграемъ, посмѣемъ, повеселимся, пока молоды и здоровы.

Эй! Голосящая, поющая, воспѣвающая моя гортань! вынеси погромче, дай (миѣ) пѣсенъ.

Эй! Голубчики ребята, будемъ пѣть, пока мы не постарѣли, не опутали насъ болѣзни, пока не выжили мы изъ ума.

Дѣвушка. Ахъ, ребята! 2. О чемъ и какъ я буду пѣть-напѣвать?

Парень. Пусть отдалятся прочь мысли отъ разговора о грѣхѣ; пусть станутъ на проклятіи слова о старости и смерти. Донг-ини, донг-ини! Тѣтушки сестрицы! весело станемъ смѣяться, играть, веселиться!

жетъ заболѣть, голова моя можетъ одурѣть, моя память смѣшаться; пожалѣете-ли, посмотрите-ли хоть разъ ласковымъ глазомъ?

Дѣвушка. Ахъ, вотъ словъ его цвѣтистость, посмотрите, ребята: какъ будто человекъ съ чистѣйшимъ сердцемъ, съ прямымъ нравомъ! Ягяй, ребята, не вѣрьте этому.

Эгяй-ини, ягяй! Такимъ-то образомъ лучшіе мужчины, игривые парни, обманывая волшебными словами, вовлекая въ удачи—хитрости, обманывая дѣвушекъ (людей) все равно, что убиваютъ (ихъ)!

Всѣ. Фу, какая пѣвунья дѣвка!

Б.

П о к о с ь.

Вотъ, говорю, большое водянистое поле не стало отпускать меня на длину подошвы.

Вотъ грязно—моховой край водной ложбины не сталъ пускать меня на длину лошадиного ремня (аркана).

Вотъ мшистый край водной ложбины не сталъ пускать меня на длину лошадиного повода.

Вотъ я-то я (человекъ), стоячи спутникомъ вмѣстѣ съ восьмизубымъ деревомъ (вилую), стѣя—вошедши на самую середину мѣдно-желтаго мѣста, стою я вотъ, досажую!

Вотъ я-то я человекъ, вошедши и стоя на блестящемъ серебряномъ пунѣ средняго мѣста (земли), держучи дерево съ корнями и вѣтвями, стоя съ нимъ рядомъ, стою, мучаюсь!

Вотъ я-то человекъ, стоя, подружившись съ восьмизубымъ деревомъ (вилой), сталъ я безотлучнымъ на срединѣ часовеннаго пригорка.

У т р о.

Горе, ребята! Какъ холодна, ребята, сырость нашей земли! Холодъ нашего неба (погода) заставилъ (насъ) дрожжать, ребята! Какъ болѣзненно дѣйствуетъ на насъ ледъ нашихъ водныхъ ложбинъ! Ласковое наше солнышко, освѣти-же и, бросивши лучи, согрѣй-же намъ холодъ (неба), смягчи его суровость!

П о л д е н ь .

Ахъ, досада! Горлышко мое осипло. Суровость горячаго жара сдѣлала меня безъ движенія; рученьки мои какъ-бы приклеила къ пазухамъ. Ахъ, ласковое солнце, пожалѣй пожалуйста, приумѣрь твой жаръ; приокороти немного твой (свѣтлый) зной!

Вѣтры мои—вѣтерки, завѣтрите шумно, задуйте нѣжно на верхъ неба, кверху (для меня) взвейте пышныя бѣлыя облака.

7.

О с е н ь .

Наши стародойки не стали давать молока; поблѣкла трава осока, полетѣлъ хлопокъ «кытыэна» (цвѣтка); прибыли птицы (гуси) съ моря; пришла, приводя насъ въ нужду, туманная суровая зима; съ тридцатью перехватами (выемками) годовая погода пришла, понуждая работать черезъ силу; стѣснилъ насъ высокосный (несчастный) годъ.

8.

Н а ч а л о п о к о с а .

Настуило нѣжное лѣто; ударилъ ужасный зной; шибко хорошо убралось почтенное мѣсто; крайне хорошо украсилось пространное мѣсто. Ужь очень хорошо распустился нашъ длинный мягкій тальникъ, распространяющійся съ верховьевъ (Яны), начинаясь отъ Татты. Съ самаго моря наши лиственницы, подобныя мотку шелка, пришли въ полную зелень. Пришла пора разкашивать восьмисуставчатую многовѣтвистую траву восьмидесяти рублевымъ англійскимъ желѣзомъ. Наступилъ день скашивать девятисуставчатую нанково-зеленую траву горбатымъ желѣзомъ. Настало время сгребать въ разныя стороны нашу восьмисуставчатую траву восьмизубою деревянной вилой.

9.

О р е л ь .

Съ пятками, отдѣланными вышивкой оленьей шерстью, съ (вышито) узорчатыми подошвами, съ мелко узорчатыми бабками (ло-

дыжками), съ шелковыми голеними, съ узорчатыми бедрами, съ стройными бедрами, съ шахматной поясницей, съ спиннымъ хребтомъ, отдѣланнымъ (вышитымъ) оленьей шерстью, съ огромными круглыми узорами на спинѣ, съ зубчатыми узорами на плечахъ, съ перьями вылитого серебра (золота), съ костями крыльевъ (изъ) кованнаго серебра, съ круглой складкой на горлѣ, съ мелкоузорчатой глоткой, съ зычнымъ голосомъ, съ горбатымъ клювомъ, съ коренастымъ складомъ скелета, мать пестро-перыхъ, отецъ пѣго-перыхъ, господинъ пернатыхъ, летя съ юга, имѣя вмѣсто подорожниковъ бѣлаго снигиря, прилетѣвъ съ поднятой кверху головой, опустился на высокій свой темный боръ, собравъ вмѣстѣ верхушки девяти сухихъ (лѣсинъ), сѣлъ, господствуя; сталъ орать, оборотясь на южную сторону, поднявъ кверху голову, и украсился-улучшился (отъ его пѣнія) высокій темный лѣсъ.

10.

Съ сѣдалищемъ изъ тундрянаго моря, съ зависимостью отъ сѣвернаго моря, съ окраинами изъ западнаго моря, съ краями изъ южнаго моря, съ ободкомъ изъ восточнаго моря, съ порогомъ изъ глиняной горы, съ «ровнями» (поперешными бревнами подъ поломъ) изъ лежащей горы, съ основаніемъ изъ стоящей горы, съ ногами изъ Лошадь-горы (200 версть отъ Верхоянска), съ тихо-свѣтающимъ небомъ, подъ моимъ дорогимъ серебрянымъ солнцемъ, съ высоко кружась восходящимъ бѣло-свѣтымъ*) (кругообразно поднимающимся кверху) солнцемъ, съ ущербующимся мѣсяцемъ, съ преходящими ночевками, съ постоянно возрастающимъ съ пребѣлымъ мѣсяцемъ, съ глубокими имѣющими быстрыя теченія водами, съ убывающей прозрачной тихой водой, съ падающимъ прямымъ отборнымъ (ростущимъ рѣдко другъ отъ друга) лѣсомъ, съ жирной мягкой зеленой травой по ладыжку четырехтравяго коня; противоположнаго берега не видно, предѣла не замѣтно, не отгадываемая длина, прямая земля съ цвѣтущей растительностію. Мое почтенное мѣсто украсилось колыбельными дѣтьми. Восьмигранную мать-все-

*) Маяхъ не означаетъ бѣлое вполне, а бѣловатое.

ленную восемь боговъ, которымъ поклоняемся, благословили шестилѣтнимъ самцемъ-быкомъ; девять боговъ сдѣлали на девятигранномъ полномъ матери мѣстѣ, девятитраваго жеребца сдѣлали табуннымъ жеребцемъ; по всему пространству неизмѣримой моей мѣстности распространена не исчислимая благодать (скоть); длинное богатство (скоть) насадилось на (всемъ) протяженіи моего неизвѣдано длиннаго мѣста.

III. ЯКУТСКІЯ ЗАГАДКИ.

1.

Природа и волшебство.

1) Говорятъ, выиграла морская рыба? *Съверное сіяніе* (джюкябилъ уота).

2) а. Божій олень съ семью глазами? *Утичье итэдо* (созвѣздіе Плеядъ, по-якутски Юргяль).

б. Въ морѣ семь монетъ утонувши лежатъ? *Плеяды*.

в. На днѣ плота семь монетъ лежатъ. *Плеяды*.

г. На кончикѣ шеста есть игривый узоръ. *Плеяды*.

3) Чѣмъ больше смотрѣть, тѣмъ онъ больше увеличивается. *Звѣзда Венера*. (Уоттах сулус).

4) Солнечная дѣвица ушла, позабывши серебряный бѣлошелковый платокъ. *Восходъ и закатъ солнца*.

5) а. Почтенно-важное, какъ будто узорчатое. *Радуга* (кустук).

б. Добрый молодець махнулъ краснымъ платкомъ, а никто его не видалъ. *Радуга*.

6) а. Каждое утро дочь царя Сыратъ-инородцевъ (сырад омук) приходитъ, сердясь и шаманя. *Разсвѣтъ*.

б. Говорятъ, голубѣть голубой шелковый платокъ солнечной дочери? *Разсвѣтъ*.

7) Одинъ дикій олень-самка, пришедши съ востока, теряется (впитывается) на западѣ. *Разсвѣтъ или заря* (пожалуй и солнце).

- 8) а. Вверху на юртѣ лежитъ кривая поваренка? *Мѣсяцъ.*
б. Надъ домомъ лежитъ кривая поваренка. *Мѣсяцъ въ ущербѣ.*
в. Надъ юртой лежитъ половина лопаты? *Мѣсяцъ.*
г. Около трубы криво лежитъ полковша *)? *Мѣсяцъ.*
9. а. Надъ домомъ лежитъ разсыпанная сухая мелкая рыба?

Звѣзды.

10. Буланая кобыла, которой не видать конца, растетъ, воспитываясь своимъ жеребенкомъ. *Большая рѣка и впадающія въ нее рѣчки (притоки).*

11) а. Бѣлая кобыла ушла; желто-бѣлая прошла (миновала), а буланая (голубая) плыветъ и плыветъ. *Волны и теченіе воды послѣ того, какъ весенній ледъ пройдетъ.*

б. Пестрый быкъ насквозь промочилъ (бучу снѣгу). *Солнце, отъ котораго таетъ снѣгъ.*

12) Говорятъ, надъ юртой есть сѣрый быкъ. *Солнце.*

13) а. Воетъ, говорятъ, быкъ почтенно - страшнаго мѣста.

Громъ (этингъ).

б. Говорятъ, надъ небомъ дуритъ необузданный. *Громъ.*

в. Говорятъ, набѣгиваетъ рыжій жеребецъ. *Громъ.*

14) а. Дочь Кылыяна скачетъ на одной ногѣ. *Облако.*

б. Есть растущее безъ корней и летающее безъ крыльевъ.

Камень и облако.

15) Изъ Жиганска (Еджигян) воротился пестрый олень; съ моря пришелъ самецъ олень; съ юга пришелъ мутный (сѣробѣлый) самецъ. *Теплыя облака; весенніе разноцвѣтные (отъ преломленія) лучи солнца; разливъ воды (вода прибыла).*

16) Безъ словъ разговариваетъ, безъ крыльевъ летитъ, безъ ногъ бѣжитъ? *Письмо, вѣтеръ, теченіе воды.*

17) а. Мелькающее скачетъ, и никто не можетъ его поймать? *Спектръ отраженныхъ отъ снѣга весеннихъ солнечныхъ лучей.*

*) Въ Якутскихъ сказкахъ иногда упоминаются мѣста съ мѣсяцемъ изъ половины ковша, съ солнцемъ изъ половины якутской поварешки.

ныхъ лучей, видимый при быстромъ теченіи воздуха въ ясную погоду (джергельгень).

б. Безъ поддержки отъ неба и земли шаровидное темное качается. *Тоже* (джергельгень).

18) Говорятъ, внизъ по рѣкѣ уплываетъ косматый жеребенокъ. *Вода надо льдомъ (наледь).*

19) Госпожа Халантай совершенно вылизала скоть Улу-тоёна. *Вѣтеръ сравниваетъ снѣгъ съ вѣтвей (весною).*

20) а. Въ бѣлыхъ шапкахъ русскія (учча) дѣти стоятъ? *Пни со снѣгомъ.*

б. Сто человѣкъ въ заячьихъ шапкахъ сидятъ, оглядываясь на западъ? *Пни со снѣгомъ.*

в. Въ лѣсу стоятъ дѣти въ заячьихъ шапкахъ. *Пни.*

21) Говорятъ, есть въ бору толстый узорчатый. *Ягода (отон).* (ср. 38. б).

22) Весь народъ пользуется брошенными лоскутками шелкового платка, который рветъ и бросаетъ царская дочь. *Растительность.*

23) Человѣкъ не видитъ, какъ онъ движется? *Ростъ животныхъ и растеній.*

24) Когда подойдешь, не боится; приблизишься, не моргаетъ. *Отверстіе въ дупль (кумалан).*

25) Говорятъ среди вселенной есть совершенно одинъ глазъ. *Дыра въ дупль (кумалан).*

26) Вѣчно смотритъ, не отводя глазъ. *Отверстіе отломленнаго сука (на деревѣ).*

27) Говорятъ, что есть парни съ ртомъ на кодыкѣ. *Дыра въ дупль.*

28) а. Есть говорятъ такой, что разинулъ ротъ и не закрываетъ. *Разщепина разохшаго дерева.*

б. Весь свой вѣкъ не перестаетъ смѣяться. *Щель или разщелина дерева.*

29) Говорятъ, что есть блестящій (свѣтящійся) господинъ.
Огонь.

30) а. Стрый волкъ (бёрё) на прыжкѣ падаетъ. *Дымъ* (буро).

б. Хоронойская дочь говоритъ: «дошла-бы я въ южную сторону»!— *Дымъ.*

31) Ржаніе молодаго жеребчика не теряется, говорятъ, въ продолженіи девяти годовъ. *Грохотъ раскальвающагося льда.*

32) Говорятъ, есть слѣдъ пошедшаго, а какъ онъ пошелъ, человѣкъ не видитъ. *Трещина льда.*

33) Говорятъ, передъ домомъ есть качающееся черное? *Соболь богъ старинныхъ людей.* (Говорятъ, якуты вывѣшивали этого бога (Кисъ Тангарата) на тоненькое деревцо нарочно для того, чтобъ онъ покачивался).

34) Добрый молодець, выпустивъ (или выронивъ) свои рукавицы, во всю свою жизнь смотритъ (на нихъ). *Копыта (повышенной лошадиной) жертвенной шкуры* (кяряхъ тынгырага).

35) Лучшій мужчина поѣхалъ, развязавши завязки своихъ торбасовъ. *Жертвенная шкура коня* (кяряхъ).

36) Всѣ люди боятся стараго лошадиного черепа? *Тунгусы* (омуктар), *возящіе съ собой сушеный скелетъ своего шамана.*

37) а. Говорятъ, есть непомѣщающееся въ ящикѣ? *Сата* *).

б. Говорятъ, на горѣ есть толстый дикій? *Камень съ дырой* (сата), одаренный дьявольской силой, которымъ призываютъ лѣтомъ холодъ, а зимой тепло, или вообще вѣтеръ.

38) а. На боку жирной коровы шипитъ бросовое дитя. *Шаманскій бубенъ* (оюн тюнгюра)

б. Говорятъ, внутри лѣса, стоитъ толстое узорчатое. *Шаманскій бубенъ.* (Ср. 21).

в. Говорятъ, шаманить узорчатое платье. *Шаманъ* (оюн) или *шаманка* (удаган).

*) Сата—камень, которымъ заклинаютъ погоду; причиненіе вѣтра и холода, измѣненіе погоды посредствомъ колдовства. Böhlingk, Jak.-deutsch. Wörterbuch, 153.

39) Говорятъ, у дьявольской дочери одно ухо торчмя засохло. *Колотушка къ шаманскому бубну* (оюн былаяга).

40) Все помираетъ отъ выплюнутыхъ слюнъ волшебника-русского, не зная, что погибаетъ отъ его слюнъ *Смерть отъ выстрѣла изъ огнестрѣльнаго оружія*.

41) Загадку стараго русскаго (нучча) старика никто не можетъ разгадать. *Предопредѣленіе небесъ*.

42) а. Въ землѣ клей-кипятокъ лежитъ. *Колдовство* (аб).

б. Имѣющій домъ изъ семи плахъ, внутри со стеклянной обшивкой; при наступленіи холода умираетъ, замерзая; при наступленіи тепла умираетъ, свариваясь. *Ко всему прилипающая оспа*.

2.

Ж И В О Т Н Ы Я.

43) Скорый и верткій витязь (баатыр), кружась, ѣсть своихъ братьевъ. *Соколъ* (мохсогол).

44) Индигирская дочь съ листовничнымъ домомъ. *Жолна* (киргиль).

45) Свистящее (гремучее) крыло, разбивающійся клювъ, втирающійся бокъ. *Стерхъ* (кыталык), *журавль* (туруя), *утка саксонъ* (по-якутски халба)*).

46) Говорятъ, въ лѣсу ламутское дитя, натянувши свой лукъ, пучеглазо (кверху) смотритъ, стоитъ. *Дятелъ* (тоногос).

47) Жиганская дочь съ бѣлыми полосками; теплыхъ странъ дѣвица прибаутница. *Куропатка* (хаджи) и *клетъ* (чарчынгыэр).

48) а. Морская дочь съ ледянымъ домомъ. *Куропатка* (хаджи).

б. Ламутская дочь со снѣжнымъ домомъ. *Куропатка*.

в. Хангаласская дочь съ снѣговымъ домомъ. *Куропатка*. (Хангаласскій наслегъ—часть Верхоянскаго улуса; два большихъ улуса Якутскаго округа тоже называются хангаласскими).

49) Говорятъ у Нахра старика мѣдные глаза. *Красное пятно надъ глазами тетери*.

*) У Ботливка халба—родъ утки.

50) Эгинская (Янгя) дочь съ домомъ изъ гнилушекъ. *Летяга* (нетяги).

51) Булунская дочь съ домомъ изъ сука. *Птица кукуша* (кукакы).

52) Есть дитя съ тонкой таліей, съ травяною рукой, съ травяною ногой. *Муравей* (кымырдагас).

53) Говорять, дочь Кёлюян'я, прыгая, идетъ. *Кобылка* (асынга).

54) а. Говорять, есть восьминогій Бъда-богатырь (Араллан бухатыр). *Паукъ* (агый).

55) а. Передъ огнемъ есть красный ехидный (сердитый). *Блоха* (саха была хыта).

б. Говорять, подъ подушкой лежитъ острый ножичёкъ. *Блоха*. (ср. загадку 134).

56) Говорять, съ юга (изъ Россіи) пришли дѣти въ телячьихъ дохахъ. *Пчелы* (медуницы) (тоён ингырыя).

57) а. Съ клювомъ, достигающимъ до неба, съ двумя каменными крылами, шумящая Ексею (сказочная птица), прилетѣвъ съ востока, исчезла (потерялась) въ горѣ. *Комаръ* (бырдах).

б. Говорять, есть столбъ-звѣрь съ восемью ногами. *Комаръ* *).

58. Услышался здѣсь съ юга звукъ ножницъ китайской дѣвицы. *Голосъ комара*.

59) Говорять, есть страшилище, не видящее солнце? *Червь въ кочкѣ*.

60) Говорять, есть отреноженные кони. *Красные черви въ водѣ* (ятягя).

61) Въ девяти пояскомъ кругломъ домѣ, говорять, поётъ татарская (татар) пѣсня. *Рыба бьется, вошедши въ морду*.

62) Таттинская дочь съ каменнымъ домомъ. *Тарбаганъ* (звѣрокъ **). Татта—притокъ Алдана въ Якутскомъ округѣ.

*) Вѣроятно паукъ, а не комаръ. У Худякова эта загадка и была поставлена, какъ вариантъ къ № 54, но разгадка подписана: бырдахъ, «комаръ».

***) Тарбаганъ, сурокъ. Böhtlingk, Jakut.—deutsch. Wörterbuch, 93. *Ред.*

63) а. Мбрская (муора) дочь съ землянымъ домомъ. *Звърокъ овражка* (ерьгё).

б) Бороготская (борогун) дочь съ землянымъ домомъ. *Овражка*.

64) Говорять, гора обвалившись и облако оборвавшись, упали на бѣлую кобылу. *Заяцъ* (кобах), *умирающій въ ловушкѣ*.

65) Дѣвица Кыладагасынъ, съ уздой изъ блёклой травы, съ пальмой изъ длинной травы, съ плетью изъ осоки, съ моховой постелью, въ серебряномъ платьѣ, ѣхавши вскачь, упала на-спину. *Лягушка* *).

66) Царская дочь на церкви въ хомысь (якутскій музыкальный инструментъ) играетъ. *Лягушка* (альчах).

67) Жиганская (еджигянь) дѣвица съ домомъ изъ гнилушекъ; дико-тунгузская (хангаи) дѣвица съ каменнымъ домомъ; Таттинская дѣвица съ каменнымъ домомъ. *Бурундукъ, куропатка, тарбаганъ*.

68) а. На полѣ высунулся, на лугу юркнулъ. *Журавль и лисица*.

б. По лугу мелькнула, на полѣ выставилось; подъ тальникомъ сгорбилось. *Лисица* (сасыл), *овражка* (ерьгё) и *заяцъ* (куобах).

69) Половина чурбана бѣлая, половина черная. *Бѣлка* (тингъ).

70) Черная кобыла тащитъ за собою дѣтское мѣсто? *Хвостъ бѣлки*.

71) а. Говорять подъ землею есть кричащій октавой? *Медвѣдь* (эся).

б. Подъ землею каленый напиллокъ лежитъ? *Медвѣдь* (въ берлогѣ).

72) Въ нѣдрахъ земли лежитъ кусокъ горячаго желѣза. *Медвѣдь лежитъ въ берлогѣ*.

*) Въ старину лягушка, говорятъ, ѣздила на бурундукѣ, съ уздою изъ блёклой травы, съ плетью изъ сока; во время ѣзды вдругъ бурундукъ взбѣжалъ на лѣсину и она упала. («Водяная дочь» ѣхала, говорила: «Другъ мой, другъ мой Кярпястирь-Кярпястирь, сѣвши на свою длинникъ-лошадь съ моховою постелью, съ одѣяломъ изъ грязи, встрѣтъ, встрѣтъ!» и вдругъ (закричала въ испугъ): Уй-лах! и упала въ воду). Съ тѣхъ поръ еще не садилась верхомъ на лошадь.

73) Подъ землею горячій свинецъ лежитъ. *Медвѣдь.*

74) Дерево на Олѣнѣкѣ (Елѣнь) растеть кверху? *Оленьи рога.*

75) а. Одно дерево мохнатое, другое безъ шерсти. *Оленьи и коровьи рога.*

б. Двѣ сестры, одна въ платѣ, другая безъ платя. *Оленьи и коровьи рога.*

76) Овражка— штукашка (ёрьгё-тёркё) быстро бѣжитъ, четыре столба тащутся. *Сохатый и собака*

77) Господинъ, вошедши въ домъ своего раба Куонун, спитъ— лежитъ. *Собака спитъ, положивши свой носъ въ задъ.*

78) Четыре человѣка постель готовятъ, одинъ человѣкъ соръ выметаетъ, два человѣка надсмотрщиками, два человѣка лучиной свѣтятъ. *Собацьи четыре ноги, хвостъ, два глаза и два уха.*

79) Хорошая дѣвица съ восемью ремешками. *У собаки нѣтъ груди.*

80) Внутри и снаружи калачикъ. *Собака (домовая).*

81) Говорятъ, лѣвый конецъ матицы куржеветъ, правый конецъ матицы не куржеветъ. *Коровьи и оленьи рога.*

82) а. Внутри хлѣва ель вверхъ ногами вѣсится? *Коровий хвостъ.*

б. На юртѣ лежитъ лень*) съ узорами. *Желудокъ коровы.*

83) Въ хотонѣ**) лежитъ булыжникъ-камень. *Коровья брюшина.*

84) а. Подъ наклонившимся высокимъ деревомъ четыре половчатыхъ (изъ сохатаго) торбоса повѣшены—стоятъ. *Сосцы коровы.*

б. Въ хотонѣ сафьяновые торбоса вѣсятся—стоятъ. *Коровьи сосцы.*

85) Четверо голыхъ дѣтей мочатся въ подполье. *Доеніе коровы.*

86) Дочери Черень народа (черень омок), говоря, что прійдетъ сынъ царя Константина (сар кѣстѣкюнъ уола), ожидаютъ его, пригтовившись (высунувшись). *Коровы бѣгаютъ отъ овода.*

*) Ленъ—сухожилъе на сибирскомъ говорѣ.

**) Хотонъ—дворъ.

87) а. Говорятъ, двое малютокъ въ сарныхъ торбоскахъ по-скакиваютъ. *Два кобыльихъ соска.*

б. Два сарныхъ торбоса висятъ-стоятъ. *Два кобыльихъ соска.*

88) а. Сверху юрты сапоги-торбоски висятъ-стоятъ. *Сосцы кобылы.*

б. Два брата не входятъ въ домъ другъ друга. *Тоже.*

в. Два брата въ однихъ торбосахъ. *Тоже.*

89) а. Таттинское дерево выросло вершиной внизъ. *Конскій хвостъ.*

б. Развѣтвляющееся (расходящееся) дерево внизъ растетъ. *Конскій хвостъ.*

90) На мѣстѣ, гдѣ ночевалъ Мятись, ночевалъ Хоппуй; а гдѣ ночевалъ Хоппуй, тамъ ночевалъ Мятись. *Слѣды лошадей.*

91) Два добрыхъ молодца отнимаютъ другъ у друга шелковый кушакъ. *Ремень, которымъ связаны ноги лошади.*

92) Человѣкъ-господинъ, обронивъ свою рысю рукавицу, говорятъ, еще не доставалъ (бралъ) ее. *Лошадь отбрасываетъ (комокъ) снѣгу, налипшій подъ копыто.*

93) а. Уѣхалъ добрый молодецъ, позабывши мѣхъ съ виномъ. *У лошади нѣтъ жолчи.*

б. Говорятъ, вотъ мужчина поѣхалъ безъ котла? *Тоже.*

94) На коровьей головѣ лежитъ пестрая (крученая) веревка. *Коровье дыхательное горло.*

95) Изъ подъ сургаха (шеста поперегъ хотона, гдѣ привязываютъ коровъ) горностаи высовывается. *Коровье дыханье.*

96) Говорятъ, въ кускѣ мяса есть изогнутое. *Дитя (ребенокъ, зародышъ) внутри утробы.*

97) Въ тепломъ-тепломъ есть травяной молодецъ (ловкій стрѣлокъ лукомъ). *Жилка на верхней части бедровой кости у скота.*

98) По морю половина красной чашки плыветъ. *Печень налима.*

99) На кончикѣ гвоздя не устаиваетъ. *Яицо.*

3.

Человѣкъ.

100) а. У ста человекѣ одна мысль? *О горикѣ съ пищей.*

б. Въ одномѣ домѣ сто человекѣ одно думаютъ. *О горикѣ съ пищей.*

101) Въ пустомѣ пнѣ десять разныхъ огней горятъ. *Человекѣ, говорящій на разныхъ иностранныхъ языкахъ.*

102) Птица Курагаччи, продавши свой языкѣ, наѣлась. *Человекѣ пстѣ колымѣ своей дочери.*

103) Свату и сватѣ платятъ за обиду: кобылу и двухгодовалого жеребенка. *Если старинные сватѣ и сватѣя не любятъ (физически) другъ друга, то платили за стыдѣ.*

104) (Не переведено).

105) Черное не подвижное ѣздитъ въ ровень на двухъ лошадахъ. *Человекѣ на своихъ ногахъ.*

106) а. Безъ устали, безъ платы, есть работа для человекѣ на всю жизнь. *Дыханье человеческое.*

б. Между двумя соболями есть дымящееся. *Люди кушаютъ (горячую пищу).*

107) а. Умершій и живой человекѣ лежатъ, соединивши ноги. *Одноглазый человекѣ.*

б. Говорятъ, желая ночешнаго, немного выступаетъ. *Выступаніе слезъ, когда человекѣ хочетъ спать.*

108) Одна бѣловатая кобыла спитъ, выворотивши сосцы. *Женщина.*

109) а. Говорятъ въ домѣ есть хозяинѣ-царь. *Дитя въ утробѣ женщины.*

б. Говорятъ въ глухомѣ есть пинающій край (луку) сѣдельнаго дерева. *У женщины въ животѣ движется ребенокѣ.*

в. Внутри калоша петля на ремнѣ не мерзнетъ, а наружность мерзнетъ. *Женщина съ ребенкомѣ въ утробѣ.*

г. Въ перепутанномъ, говорятъ, лежитъ кусокъ мяса. *Дитя въ животъ женщины.*

110) Очень дорогое кушанье, и царь его ѣлъ, а на столъ его не подаютъ. *Грудное женское молоко.*

111) Два ледяныхъ холма равно растутъ. *Сосцы женщины.*

112) На столъ не кладутъ, а Богу спасибо (Бога благодарять). *Рожденіе ребенка.*

113) У старой старухи брюхо сзади. *Икры у ногъ.*

114) Изъ трехъ идущихъ ребятъ одинъ спустился, а двое, сожалѣя (о своей неудачѣ), рукоплещутъ. *Совокупленіе.*

115) а. Говорятъ, среди вселенной стоитъ вбитый березовый коль. *Пупъ у чловѣка (киси киня).*

б. На полъ стоитъ вколоченный березовый шестъ? *Пупъ.*

в. Среди круглаго поля стоитъ вбитый мѣдный гвоздь. *Пупъ.*

116) а. Десять чловѣкъ (солдаты) несутъ на себѣ оконный ледъ *). *Ноги у чловѣка.*

б. На западъ пять ледяныхъ оконъ унесли на спинѣ пятеро дѣтей. *Тоже.*

117) За пятью чашами заячье поле. *Ладонь.*

118) а. Двѣ горы сошедшись не соединяются. *Ленъ **)* у чловѣка.

б. Говорятъ, два уха бѣлки торчмя высохли. *Ленъ у чловѣка.*

119) Два бѣлыхъ жеребца (кобылы) дерутся; рыжій жеребецъ (кобыла) ихъ разнимаетъ. *Зубы и языкъ.*

120) Говорятъ, есть каменный туесокъ ***) съ костянымъ ободкомъ. *Человѣческіе зыбы и глотка.*

121) Наполнять дупло, не наполняется. *Ротъ у чловѣка не наполняется.*

122) Подъ чернымъ пнемъ высовывается два голубыхъ горно-стая. *Сопли.*

*) Якуты на зиму вмѣсто рамъ вставляютъ ледяныя четверо-угольно высѣченныя глыбы.

**) Сухожилье.

***) Туесъ—буракъ.

123) а. Лежить (упала) одна лѣсина (тупоконца), упавши между двумя озерами. *Носъ между двухъ глазъ.*

б. Сухое дерево лежить, упавши между двумя озерами. *Носъ.*

в. Одна лѣсина раздѣлила два маленькихъ озерка. *Носъ.*

124) а. Съ обѣихъ сторонъ двухъ озеръ два человѣка во всю свою жизнь бьются между собою. *Рѣсницы.*

б. Съ двухъ сторонъ озера дѣти дерутся длинными березовыми шестами. *Рѣсницы.*

125) Два брата лежатъ другъ къ другу ногами. *Два глаза.*

126) Два медвѣдя стоятъ и смотрятъ другъ на друга. *Брови.*

127) а. Два брата, родившіеся вмѣстѣ, другъ друга не видятъ. *Глаза и уши у человѣка.*

б. Два соболя лежатъ ногами другъ къ другу. *Брови.*

128) а. Есть у него болтающееся, есть небо, есть ветошка и есть свиньи. *Человѣчскій языкъ, глаза, волоса и вши.*

б. Есть ель; на ели округленное; на округленномъ лоскутъ; а въ лоскутъ (ветошкѣ) семь свиней. *Человѣческая голова, волосы, вши.*

129) а. Здѣсь нѣтъ собачьяго лаю, тамъ трава безъ суставовъ. *Вши и человѣческіе волосы.*

б. Говорятъ, есть мѣсто съ травой безъ клѣтокъ и съ безсловеснымъ скотомъ. *Тоже.*

130) Есть гора, гдѣ и зимой лѣсъ растетъ? *Человѣческая голова.*

131) Говорятъ, есть мѣдный туонай. *Слои человѣческаго тѣла.*

132) Говорятъ, есть маленькій-маленькій водяной жидкій? *Небольшая косточка въ человѣческой рукѣ или ногѣ.*

133) а. Говорятъ въ роду трехгодовалой коровы есть нѣчто не мерзнущее; а когда она помретъ, то сразу замерзаетъ. *Мозгъ человѣческихъ костей.*

б. Подъ дубовымъ деревомъ не мерзнетъ. *Мозгъ человѣческихъ костей.*

134) Острый ножичекъ подь подушкой лежитъ. *Человѣчская мысль.* (Ср. 55. б).

135) а. Говорять, есть посреди поля подобное мѣшечку (привязываемому якутами къ поясу въ замѣнъ кармана). *Могила.*

б. Разъ наступленное ногою хорошаго человѣка всегда лежитъ, говорятъ. *Могила.*

в. Посреди чистаго луга лежитъ, опустившись, серебряный ящикъ. *Могила.*

г. Самъ утонуль, ожерелье блеститъ-стоитъ. *Могила.*

136) Дужка у котла не тонетъ, а самъ тонетъ. *Имя умершаго человѣка не теряется.*

137) а. Совершенно черная сѣра ко всему прилипаетъ; мыть не сходить; скоблить не выскабливается. *Человѣческое имя.*

б. Въ огонь бросить—не горитъ; въ воду кинуть не тонетъ; ножемъ скоблить, не отходить. *Человѣческое имя.*

Д.

Д о м ъ.

138) а. Стоитъ тысячу, а за миллионъ себя не отдаетъ. *Церковь.*

б. Говорять, за озеромъ есть возвышенная (поднимающаяся) пуговица. *Церковь.*

в. За моремъ есть, говорятъ, гнѣздо беркутовъ. *Церковь.*

139) Среди вселенной есть бѣлый блестящій? *Берестяный шалашъ.*

140) Говорять, есть пашенный, который и девяносто человѣкъ съѣсть да сытъ не будетъ. *Амбаръ.*

141) Ъсть и выблевываетъ, ѣсть и выблевываетъ. *Чуланъ.*

142) а. Въ рыжей кобылѣ, говорятъ, есть пѣгій жеребенокъ; въ пѣгомъ жеребенкѣ какое-то животное со свѣтящимися глазами. *Домъ, печь, огонь.*

б. Говорять есть бѣлая кобыла; въ бѣлой кобылѣ черный жеребенокъ; въ черномъ жеребенкѣ пѣгій жеребенокъ; въ пѣгомъ жеребенкѣ желтый камень. *Снѣгъ, домъ, печь, огонь.*

143) Сынъ коротокъ, дочь длинна. *Огонь и дымъ.*

144) а. Южная дѣвица уѣхала въ Китай (кытайга). *Дымъ выходитъ изъ трубы.*

б. Изъ подъ валежника выбѣгають люди въ волчьихъ дохахъ. *Дымъ изъ трубы.*

145) Пестрая штука сорить задницей. *Дымъ изъ печки.*

146) Бѣлый ушелъ, сивый убѣжалъ, черное осталось. *Снѣгъ, дымъ и черный уголь.*

147) а. Барыня женщина, сидя противъ востока, разваливаясь, переваливаясь, расчесываетъ волосы. *Печка.*

б. Съ ѣздящимъ въ дорогу сыномъ и съ дочерью смотритъ прямо на востокъ старуха. *Печка.*

в. Мать толста, дочь красна, сынъ черный. *Печка.*

г. Одного человѣка постоянно кормятъ, не наѣдается. *Печь.*

148) На легкомъ пушистомъ сухое неукладистое, а на сухомъ неукладистомъ, говорятъ, есть пуговица. *Огонь, пепелъ, дерево, искры.*

149) а. Говорятъ, изъ пустаго пня, обнявшись другъ съ другомъ, выходятъ голыя дѣти. *Искры.*

б. (Не переведено).

150) а. Половина долины бѣлая, половина черная. *Передъ огнемъ и за печкой.*

б. У одной долины половина бѣлая, половина черная. *Тоже.*

151) Половина луга сытая (урожайная), половина голодная (неурожайная). *Лѣвая сторона юрты (гдѣ готовятъ пищу) и правая сторона (гдѣ ее съѣдаютъ).*

152) а. Подъ горою есть куропатка, несущая яйца. *Огонь въ печкѣ.*

б. Говорятъ, подъ горою лежитъ курунашье яйцо. *Огонь въ печкѣ.*

153) Несчастное дитя подпоясано сукомъ; страдалецъ — дитя съ тальниковымъ кушакомъ. *Перевязь около печки.*

154) а. Три сѣрыхъ собаки лежатъ вмѣстѣ ногами. *Деревья* (составляющія) *шестокъ*.

б. Три волка лежатъ пятками другъ къ другу. *Шестокъ*.

155) а. Пятилѣтнее дитя въ качулькѣ играетъ. *Паутина* или *пыль*, висящая клочками около печки.

б. Дѣти въ сарныхъ торбоскахъ качаются. *Тоже*.

156) Круглый годъ лежа, получаетъ раны. *Колода*, на которой *раскалываютъ дрова для топлива*.

157) Барыня-женщина, проткнувши штаны, оборотилась и смотритъ на западъ. *Печь (каминъ)*.

158) Госпожа баба, забывъ серебряное украшеніе якутской шапки (кружокъ), вышла-ушла. *Мѣсто, гдѣ стоялъ горшекъ, не замечено непломъ*.

159) а. Сто человѣкъ лежитъ на одной подушкѣ. *Матица въ юртѣ*.

б. У ста человѣкъ одна подушка. *Тоже* (общеизвѣстна).

160) а. Большой звѣрь дыроватый сбоку (почкой). *Окно* (общеизвѣстно).

б. Великій звѣрь съ раной на боку. *Окно въ домъ*.

161) Говорятъ, слѣдъ валявшагося почтеннаго жеребца не теряется. *Развалины жилья*.

162) а. Неподвижное черное есть, говорятъ. *Надгробные памятники* (собственно человѣческія кости).

б. Посреди вселенной черный не отстраняется? *Памятники*.

163) На голеняхъ у господина человѣка (тоен киси) есть пазушный запахъ. *Коновязь собаки пачкаютъ*.

164) Говорятъ господинъ человѣкъ стоитъ. *Коновязь* (сяргя).

165) Господинъ человѣкъ съ тросткой на темени. *Снѣгъ на верхушкѣ коновязи*.

166) Говорятъ, въ дому есть угоститель; на дворѣ *пастухъ*. *Столъ и коновязь*.

167) На дворѣ караульный, въ домѣ *пастухъ*. *Коновязь и столбъ* (въ юртѣ, поддерживающій потолокъ).

168) а. Стоять два брата, отнимая другъ у друга серебряный кушакъ. *Перебязи огородныхъ кольевъ.*

б. Двое лучшихъ мужчинъ цѣлый вѣкъ свой отнимаютъ другъ у друга одинъ кушакъ. *Тоже.*

в. Два человѣка отнимаютъ другъ у друга платяной кушакъ. *Тоже.*

169) (Не переведено).

170) Слѣдь ступни доходить до Иркутска. *Корабль.*

171) Мѣсто, на которомъ спиною терлась черная кобыла, остается чернѣя. *Мѣсто подъ (бывшимъ) домомъ.*

172) Въ цѣломъ кулѣ одно шило не помѣщается. *Обманщикъ и мошенникъ на своемъ мѣстѣ не уживается.*

Б.

О д е ж д а.

173) а. Каждое утро десять человѣкъ цѣлуются. *Застегиваніе шубы.*

б. Говорятъ, утромъ и вечеромъ птицы сходятся (соединяются). *Пуговицы.*

174) а. Ыкылыкы, чыкылыкы ходятъ другъ къ другу въ гости. *Застегиваніе пуговицъ.*

б. Восточная и западная гора сошлись, говорятъ. *Застегиваніе платья.*

175) а. Семь сиротъ днемъ вмѣстѣ ночуютъ, а ночью врознь. *Пуговицы и петли.*

б. Говорятъ, расширяется маленькій - маленькій; (маленькій, маленький) улыбается. *Пуговица и петля.*

176) а. Горбатый согнутый человѣкъ съ серебрянымъ поясомъ. *Перстень (бѣлисахъ).*

б. Крѣпкій человѣкъ, подпоясанный сукномъ. *Перстень.*

177) Мученикъ, подпоясанный сучкомъ, страдалецъ съ тальниковымъ поясомъ. *Серебряное кольцо и поясъ.*

178) У десяти человѣкъ одна шапка. *Наперстокъ.*

179) Горбатый человекъ съ серебрянымъ поясомъ. *Кольцо.*

180) а. Тихоходая старушка съ покачивающеюся невѣсткой.
Серьга (итарга).

б. Двѣ сестрицы разговоры между собою слышать, а сами не могутъ видѣться. *Висяція серьги въ ушахъ.*

в. Зять Кяркьясь живетъ зятемъ въ кривой юрточкѣ. *Серьга.*

г. Прехудой косматый жеребенокъ карабкается вверхъ по горѣ.
Серьга.

181) Вокругъ дома бѣгаетъ одинъ черный быкъ. *Ошейникъ* (мѣховой, надѣваемый якутами на шею, по-якутски мойтурук).

182) Круглое солнце дорого всему народному міру. *Медаль.*

183) Главному перу нестраго орла весь народъ оказываетъ почтеніе. *Кортикъ старосты.*

184) Важный мужчина съ тремя фізіономіями. *Наушка*, которую якуты надѣваютъ зимою на лице.

185) Говорятъ, есть желѣзное застѣняющее (застящее) съ тридцатью обручами. *Раздвижная занавѣска.*

186) Говорятъ, на углу западнаго неба есть восьмиствѣнный не шевелящійся звѣрь. *Человѣческіе штаны.*

187) Говорятъ на ровномъ мѣстѣ кольцо-глазъ, освѣщенный (солнцемъ), стоитъ. *Заячьи штаны.*

188) а. Говорятъ есть черный камень съ тремя дырами. *Якутскіе штаны.*

б. Черный округленный камень съ дырами въ трехъ мѣстахъ.
Короткіе штаны.

189) Самецъ сохатый зимоваль въ гнѣздѣ. *Человѣческая нога въ торбосахъ* (якутскихъ сапогахъ).

190) Говорятъ, самецъ - олень зимоваль на горной рѣчкѣ. *Олень — человѣческая нога; короткая рѣчка — торбоса* (мѣховая обувь).

191) На рѣчной лукѣ страшный звѣрь зимоваль, говорятъ.
Стельки торбосовъ.

192) а. Говорятъ, подь елью есть стучащее. *Лыжи.*

б. Двое голыхъ дѣтей плачутъ-бѣгутъ. *Лыжи.*

193) Говорятъ, есть толстый дикій, не входящій въ дорогу.

Человѣческая трость.

194) Говорятъ, лучшій мужчина стоитъ, прижавшись къ стѣнѣ.

Кольчуга.

6.

П р о м ы с л ы .

195) Говорятъ, что сто человѣкъ не поднимаютъ мячикъ господина Топора (Сюгэ тоён). *Пушечный выстрѣлъ.*

196) Говорятъ, есть русское дитя, кушающее угли. *Огнестрѣльное оружіе.*

197) Говорятъ, по выклѣвыванью дятлова голова, по облупленью журавлиная голень. *Ружье и замокъ.*

198) Русскій молодець (сынъ южныхъ мѣстъ), съ однимъ глазомъ *Ружье* (саа).

199) Дитя ушло, а мать осталась, стоитъ и ржетъ. *Выстрѣлъ изъ ружья.*

200) а. Жеребенокъ убѣжалъ, а мать осталась, ржучи со стономъ. *Лукъ и стрѣлы.*

б. У одной кобылы семь приводныхъ жеребятъ; она ржетъ, оставшись. *Лукъ и стрѣлы.*

201) а. Говорятъ, есть Кынныята витязь со старымъ обычаемъ? *Самострѣлъ* (ставящійся на звѣря, по-якутски ая).

б. Говорятъ, присѣдистый старикъ хоть какого дикаго обуздываетъ. *Самострѣлъ.*

202) Говорятъ, дьявольская дочь не даетъ держаться за свою шерсть. *Волосъ лука.*

203) Присѣдистый (съ согнувшимися ногами) старикъ присѣлъ: передъ нимъ серебряная тарелка, закружившись, упала. *Когда самострѣлъ выстрѣлитъ, заяцъ, закружившись, падаетъ.*

204) На лучшемъ мѣстѣ глазъ-кольцо всегда выглядываетъ. *Заячья петля.*

205) Говорятъ, пестрый бѣлоглазый ушелъ, укравши маленькій жбанъ водки, положенный доброй дѣвицей въ длиннаго-длиннаго. *Какъ человекъ находитъ птичьи яйца въ древесномъ дуплѣ.*

206) Шаманка Чярчягась ушла, поручивши длинному стоячему симирачхъ*) масла; пришелъ длинный-черный; укралъ да ушелъ. *Человекъ, взявши яйца, снесенныя птицами въ дерево, уходитъ.*

207) Въ перепутанномъ лежитъ мясо безъ жилъ. *Утка попавшаяся въ пленки.* (Ср. № 109 г).

208) Когда старикъ съ звонкимъ (строгимъ) голосомъ лежитъ, взявшись за затылокъ, то всякій проходящій по передней его сторонѣ (его кровати) живъ не остается. *Склетцы* (ловушка особаго устройства, которая бѣтъ по спинѣ дубиной).

209) а. Вошедши въ гости къ богатымъ людямъ, бабушка старушка, сколько-бы не съѣла ихъ богатства, выходитъ, не насытившись. *Неводъ.*

б. Подъ землей есть мочальный (сигири) ворешко. *Неводъ**).*

210) а. Говорятъ, что есть широкій (разширившійся) старикъ съ костянымъ кольцомъ. *Сътъ* (илимь).

б. Низъ тяжелъ, середина туда-сюда, а верхъ легокъ. *Сътъ.*

в. Съ шапкой изъ бересты, середина мягкая, съ каменными ногами? *Сътъ.*

г. Полосатый (пестрый) быкъ (прошелъ) черезъ озеро и задрисалъ его. *Сътъ.*

211) Рыжая корова все озеро покрыла своими экскрементами. *Метаніе съти въ воду***).*

212) Въ водѣ есть валежникъ-воръ. *Морда или верша.*

213) а. Живьемъ ѣсть, живьемъ спразняется. *Морда* (ту).

б. Живьемъ ѣсть и живьемъ вытаскиваетъ. *Морда.*

*) Сімірчэх, маленькій кожаный мѣхъ. Böhtlingk, Wörterb., 168. *Ред.*

***) Сигири—лоскутъ изъ сѣти, которымъ якуты моютъ посуду.

***). На якутскихъ сѣтяхъ поплавки бывають изъ бересты (илимь-хотогосо) желтаго цвѣта, что и послужило темой загадки.

в. Говорятъ, есть добрая дѣвица съ тремя поясами. *Морда.*

214) У двухъ бѣлыхъ жеребцовъ (кобыль) одна узда. *Мѣдное устье раздувательнаго мѣха.*

215) Говорятъ бѣлая кобыла верхушкой дышетъ - лежитъ. *Мѣхъ кузнеца.*

216) Говорятъ солнце съ луною цѣлуются. *Наковальня и молотъ кузнеца.*

217) Черный воронъ, укусивши красное мясо, идетъ на западь. *Кузнецъ захватываетъ желѣзо щипцами.*

218) Говорятъ, отъ вонючаго жиръ выходитъ. *Золото выходитъ изъ почвы (добываютъ).*

219) Подъ березовымъ коломъ надѣта ременная петля. *Деревянные путы у коннаго скота, называемые въ Якутскѣ «лошаднымъ башмакомъ».*

220) Длинною въ обхватъ кулака, но всего сильнѣе. *Палочка, которую засовываютъ между двумя петлями побочней клади вьючныхъ лошадей.*

221) Съ большой палецъ величиной, а сильнѣе всего. *Палочка для (поддержки) вьючной клади.*

222) Съ большой палецъ величиною, а цѣлую гору поднимаетъ. *Шипъ вьючной деревяги (на вьючной лошади).*

223) Два брата не входятъ въ домъ другъ другу? *Ножикъ и пальма не входятъ въ ножны другъ друга.*

224) На верху сверкаетъ, на низу стелется. *Кошеніе стна.*

225) Гнѣдая кобыла побѣжала рысью, а вороная осталась. *Палъ (сжигаютъ не годную траву).*

226) Сказываютъ, серебро говоритъ: еслибъ я встало, то пошло-бы къ царю. *Мамонтова кость (муос).*

2.

Принадлежности хозяйства.

227) Народъ, вставая, каждый день уважаетъ здороваго ребенка. *Чоронъ, чаша, изъ которой якуты пьютъ кумысъ.*

228) Чернота опрокинутого навзничь, отголосокъ — эхо, молоко бѣлой коровы, кровь черной коровы, кумысный жбанъ (изъ кожи, держанной въ крови). *Кумысный жбанъ* изъ кожи, держанной въ крови, по-якутски кѣгѣрь; *мутовка* для мѣшанія кумыса, по-якутски хамнатар; *кумысз; вода.*

229) Шеина березоваго дерева, молоко бѣлой коровы, кровь черной коровы. *Мутовка, кумысз, жбанъ* (кѣгѣрь).

230) Чуткая штука каждый день ворчить. *Мѣшаютъ кумысз.*

231) Говорять, Кянянь рѣка затылкомъ бѣжить. *Киптнѣ горшка.*

232) Съ темнымъ подъемомъ, прозрачной водой, съ рыбой безъ костей? *Оладьи, сковорода и масло.*

233) а. Шаманка Сиксирькя шаманить подь землею. *Мутовка.*

б. Утромъ и вечеромъ женщина-шаманка съ ума сходить. *Мутовка* (ытык).

234) Говорять, вода боится воды. *Соль.*

235) Старуха Сыэнника моетъ штаны, говорятъ. *Толченіе анагасын'а* (съѣдобнаго корня).

236) Говорять, саврасая кобыла кружится около изгороды. *Кишка, налитая кровью.*

237) Говорять, лежа есть цѣльная деньга, а сидя сердитое дитя. *Мука и водка.*

238) Изъ стараго гнѣзда бойкое летить (вылетѣлъ). *Жиръ старыхъ костей.*

239) Говорять, стоитъ бѣлый жеребенокъ, родившись изъ старой конской жертвенной шкуры. *Мозгъ костей.*

240) У богатаго человѣка, говорятъ, домъ не покрытъ. *Таганъ.*

241) На трехъ ногахъ лагаргай(?). *Таганъ.*

242) У старухи Палагеи нѣтъ половины головы. *Ковшикъ.*

243) Говорять, у безголоваго нѣтъ половины головы. *Ковшигъ.*

244) Говорять, пришедшій съ юга куликъ-штука (чѣкъчѣнгѣдѣй кыл) на боку съ девятью дырами. *Чайникъ.*

245) На полкѣ лежитъ сухая дѣтская рука по ключицу. *Инструментъ*, которымъ якуты скоблятъ котлы, въ которыхъ варятъ молоко и остается молочная накипь; по-якутски этотъ инструментъ назыв. кясирь.

246) Господинъ человекъ приноситъ пользу половымъ членомъ. *Самоваръ съ краномъ*.

247) Рѣжу, рѣжу крови нѣтъ. *Хлѣбъ*.

248) Говорятъ, есть корень загадокъ там-татахай. *Посуда съ клеємъ* *).

249) а. По большой водѣ березовый шестъ плыветъ. *Осетриная вязига*.

б. По Ленѣ березовый шестъ плыветъ. *Тоже*.

250) По рѣкѣ, по морю красная чашка плыветъ. *Макса* (налимья печень).

251) Пестрая лягушка задомъ дышетъ. *Трубка*.

252) Овразка (пестрая) змѣя (ерьгё ярень монгой) задницей дышетъ. *Дымъ трубки*.

253) а. Добрый молодецъ съ огненнымъ дыханьемъ. *Ониво*.

б. Сырк-сырк ковшикъ съ печенюю. *Ониво*.

254) Говорятъ на горѣ куропатка несетъ лица. *Горячіе угли на шесткѣ*.

255) а. Плачь-вой колупало есть, говорятъ. *Ожикъ*.

б. Говорятъ, Дологоно боецъ у важныхъ жителей, стоя, ходить. *Ожикъ*.

256) Говорятъ, изъ мѣдной горы выходитъ солнце. *Свѣчка*.

257) а. Въ бѣлыхъ рубашкахъ дѣти на горѣ стоятъ. *Свѣчи*.

б. Говорятъ на горѣ есть голыя дѣти. *Церковныя свѣчи*.

258) Говорятъ есть чисто бѣлый олень съ семью глазами. *Зеркало*.

*) Эту загадку говорятъ всегда сначала и её встрѣчаютъ смѣхомъ, потому что слишкомъ общеизвѣтна.

259) Когда ученая дѣвушка ляжетъ ницъ, кто посмотритъ въ середину ея ступни, тотъ видитъ (всѣ) много, чего прежде не видалъ. *Смотрѣть въ подзорную трубку.*

260) а. Говорятъ, бѣлый жеребенокъ съ на-перекорь упрямымъ (нравомъ). *Столъ* (на которомъ якуты ѣдятъ, никогда не стоитъ твердо, а всегда колеблется вслѣдствіе неровности землянаго пола).

б. Волчье дитя кривляется. *Столъ.*

в. Четыре солдата съ одной шляпой. *Столъ.*

г. Одна шляпа у четырехъ солдатъ. *Столъ.*

261) Если сѣсть—сѣдалище, если упереться—опора. *Стулъ.*

262) а. Для заду и ладно, а не входитъ. *Стулъ* (якутскій).

б. Пестрый Чакчакясь на задницу не входитъ. (*Стулъ-же*).

263) Говорятъ, есть бѣлый мелкій жиръ-камень. *Монета.*

264) Говорятъ, есть не входящій въ дорогу дикій толстый.

Трость.

265) Слѣдъ натиска (упершейся) руки господина человѣка не теряется. *Печать.*

266) а. Говорятъ, сюда приходятъ щепки дровъ, рубленныхъ на югъ (въ Россіи). *Письма* (сурук).

б. Щепки одного топора и приходятъ и уходятъ. *Письма.*

в. По рѣкѣ щепки плывутъ. *Письма изъ Иркутска* (Россіи).

267) Колѣнчатая жила черной коровы, да жила бѣлой коровы, да жила красной коровы. *Сердцевина карандаша; бумага; дерево карандаша.*

268) а. Пѣстренькое, обходя кругомъ, обдираетъ всѣхъ. *Карты.*

б. Говорятъ, есть разноцѣстрый, разныхъ обдирающій. *Карты.*

269) Говорятъ, есть желѣзное заслоняющее съ девятью кольцами. *Ровдужная занавѣсь.*

270) Стоитъ, беря и давая? *Колышекъ*, на который якуты вѣшаютъ платье (шапки).

271) а. Бѣлая кобылица въ грязи вязнетъ. *Гребень* (тарах).

- б. Бѣлый жеребецъ лежитъ, угрузнувши въ болото. *Гребень.*
- 272) На пригоркѣ толстое копошится. *Гребень.*
- 273) Бѣлая кобыла съ неба поскользнулась. *Гребень.*
- 274) Пятьдесятъ человекъ не могутъ поднять мячикъ старухи-болтуши. *Вино во флягъ.*
- 275) а. Тартинскій конекъ хвоста не можетъ поднять. *Безмѣнъ.*
б. Кангаласская кобыла не подымаетъ хвоста? *Безмѣнъ.*
в. Молоденькій жеребецъ хвостомъ играетъ. *Безмѣнъ.*
- 276) Любимое богомъ, угодное солнцу, украшеніе вселенной. *Столъ, коновязь, загородъ (бютяй).*
- 277) Небольшое отверстіе (впалые глаза), прямо въ глаза попало. *Замокъ или ключъ.*
- 278) Говорятъ, одна дѣвица утромъ и вечеромъ шепчетъ въ уши матери. *Дочь-ключъ; мать-замокъ.*
- 279) Дитя выходитъ каждымъ утромъ и вечеромъ и вышибаетъ своей матери глазъ кулакомъ. *Ключъ.*
- 280) Говорятъ, Бычкысь пришелъ и выкололъ глаза старику Андрею (Ендрей). *Ключъ и замокъ.*
- 281) Лучшій мужчина, къ стѣнѣ прильнувъ, стоитъ. *Замокъ.*
- 282) Смѣлый грамотѣй шлепъ, шлепъ и капраль. *Ключъ и замокъ.*
- 283) Говорятъ, Ыбыэнъ съ чыбыэн'омъ ходятъ другъ къ другу въ гости. *Замокъ.*
- 284) а. Говорятъ, ржегъ жеребецъ вселенной. *Колоколъ.*
б. Какъ закричатъ на высокой горѣ семь полуторагодовалыхъ дѣтей, трава и деревья кланяются (т. е. люди молятся). *Колоколъ.*
- 285) Говорятъ, слышенъ звукъ скрипки китайской дочери (кытай кыс). *Колокольня.*
- 286) Говорятъ, стоитъ черный жеребенокъ, загнанный въ хлѣвъ. *Звонецъ въ бубенчикъ.*
- 287) Человекъ не можетъ поднять пятидесятипудовый мячъ ворчуна—старика. *Каменный якорь.*

288) Говорять, на днѣ моря лежитъ голова дикаго оленя.
Якорь.

289) а. Чубарой лошади слѣдовъ не замѣтно. *Ветка*, по-якутски ты (лодочка).

б. Видно, какъ ушла сивая кобыла, но не видно, какъ пришла. *Ветка.*

290) а. Не замѣтно слѣда буланой лошади. *Лодка* (онгочо).

б. Ходитъ безъ ногъ, машетъ безъ рукъ, летаетъ безъ крыль.
Лодка.

291) Ни что не въ состояніи пересчитать свищей сѣраго быка.
Гвозди въ лодкѣ.

292) Говорять есть бездонный серебрянный туесь. *Прорубь* (ойбон).

293) Съ каждой зарей черный воронъ кричить. *Прорубь* долбятъ.

294) а. Лежа жирѣеть (толстѣеть). *Льдины около проруби* (выбрасываются и увеличиваются съ каждымъ днемъ).

б. Говорять, есть звѣрь, жирѣющій лежа. *Льдина около проруби.*

295) Говорять, есть серебрянный наигольникъ безъ спаевъ.
Прорубь.

296) Говорять, голубоцестрый быкъ таскаетъ носовой ремень.
Иголка съ ниткой.

297) Шаманка-женщина вселила (колдовствомъ) себѣ въ голову серебрянный кружокъ. *Клинъ у топора.*

298) Сѣрая собака затылкомъ блюеть. *Инструментъ*, которымъ выскабливаютъ кожу.

299) Говорять, сѣрый заяцъ ѣсть съ краю поля, (розыскавши) отаву. *Инструментъ, которымъ скоблятъ кожу* (кысыэх).

300) Черная корова пролизала (лижетъ) доску на-сквозь.
Скобель, по-якутски кѣбюль (сглаживаютъ доски)

301) а. Въ зыбкѣ дитя лежитъ въ сыпи. *Напилокъ* (иги).

б. Одно дитя у стѣнки на кровати (въ сыши) лежить. *Напиллокъ.*

302) Чалая кобыла съ бедра исхудала; саврасая кобыла похудѣла гривой. *Брусъ и топоръ.*

303) Добрый молодець никогда не съѣдаетъ совѣмъ одного куска жира. *Брусъ.*

304) Говорять, прошлогодній косматый жеребенокъ каждый день валяется. *Лопата, которой вынимаютъ ледъ изъ проруби.*

305) Волчья нога прохаживается (тихо и важно). *Вѣтникъ.*

306) Какъ будто есть за что поймать, а нѣ за-что; смотрѣть, какъ будто видно, но не видно. *Ладонъ.*

307) У семи не понимающихъ по-якутски солдатъ голова одна. *Закройма кровати.*

308) Говорять, въ глухое поле солнце не свѣтитъ. *Ящикъ.*

309) Самъ съ тоненькую траву, а сильнѣе лошади. *Колъ съ арканомъ, на которомъ пускаютъ лошадей.*

310) Добрый молодець съ тремя кушаками. *Подпруга у сѣдла (ынгыр холуна).*

311) Если держать, рукоятка; упереться ногою, опора; състь, сѣдалище; поймать, уловимое. *Поводъ, стремя, сѣдло, узда.*

312) а. Сто человекъ всѣ не могутъ съѣсть кусокъ кишки длиною въ ладонь. *Жельзные удила.*

б. Святой сынъ круглый годъ не съѣдаетъ всей кишки въ двѣ ладони длиною. *Жельзные удила.*

в. Говорять, жуесть добрый молодець жвачку. *Удила.*

313) Говорять, царская дочь съ золотымъ кольцомъ на мизинцѣ. *Конскіе деревянные пугы.*

314) Говорять, господинъ человекъ имѣеть имуществомъ одно кольцо? *Тальниковое кольцо въ ноздрахъ у быка.*

315) Маленькое дитя, сильнѣе быка. *Кочка.*

316) а. Два волка бѣгутъ въ бѣгъ. *Санныя полозья.*

б. Вънѣ дома щеночки каждый день бѣгають, и одинъ другаго не перегоняетъ. *Санная полозья.*

317) а. Виднѣтся слѣдъ уходящій, но не замѣтно слѣда приходящаго. *Бычи дровни (сани).*

318) Если-бы я всталъ, (я бы) до неба досталъ. *Дорога.*

319) Говорятъ, мѣсто, гдѣ сидѣлъ, господствуя, господинъ челоуѣкъ, въ продолженіе девяти годовъ не теряется (т. е. слѣды остаются). *Мѣсто, гдѣ былъ большой стогъ сѣна, не теряется.*

320) Каждое утро двое машутъ къ себѣ руками. *Мезу сдираютъ.*

IV. С А Г И.

1.

Б я р т ь - Х а р а.

Говорятъ, самый древній предокъ (былъ) Бяръть-Хара, Нижняя-Челюсть старикъ (сынгах огоннёр); очень бѣдный челоуѣкъ живетъ на острову Лены (Ерюсь). Однажды утромъ осенью (въ ту ночь выпала снѣжная пороха) вышелъ онъ на край Лены (Ерюсь) за промысломъ. Походивши, напромышлявши, возвращался онъ домой. Стояло ему по дорогѣ пребольшое дерево. Подъ этимъ деревомъ одно дитя плачетъ. Взялъ онъ его, воспитывалъ; до пяти лѣтъ воспитывалъ.

На мѣстѣ, именуемомъ Мюрю, былъ господинъ Легей. Пришелъ онъ (Легей), купилъ этого мальчика. За сто рублей купилъ, воспитываетъ его. Сталъ онъ очень сильнымъ, большаго роста, а самъ былъ черный челоуѣкъ. Назвали его Маянтылапъ. Лукъ его носили два челоуѣка; такой былъ у него большой лукъ. Онъ и на лошадь не садился; лошадь не подымаетъ. Сталъ отличнымъ промышленникомъ, смиреннымъ, большимъ умникомъ, сильнымъ. Живутъ. А на мѣстѣ, называемомъ Сайсары (нынѣшній Якутскъ), жилъ челоуѣкъ по

имени Тыгынгъ-господинъ*), считая себя якутскимъ царемъ; всѣхъ ближнихъ людей и убиваетъ и не убиваетъ; беретъ себѣ, что увидитъ, и имущество и скотъ; а если живые останутся, то беретъ подь страхомъ смерти. Такимъ образомъ онъ сильно разбогатѣлъ, и самъ не знаетъ счета своего скота. А если сказать примѣрно по нынѣшнему, то людей у него было съ половиною здѣшняго улуса и богатства столько-же.

Ну, вотъ сильно завидуетъ Тыгынгъ слуху о Лёгёй-господинѣ. Идти бы, побить-бы (все)—думаетъ. По этому своему желанію снарядился, пошелъ войной. Сынъ его былъ отличный человекъ по имени Очоргой Хосунъ**). Вотъ, отправившись, дошли они къ Лёгёй-тоёну. Дошедши къ его полю, спустились. Спустившись, (лежали) ночевали.

Лёгёй-тоёнъ услыхалъ молву, что они имѣютъ намѣреніе (пріѣхать) прійти къ нему; услыхавши о ихъ намѣреніи пріѣхать, собралъ ысыэхъ***). Позвалъ ихъ. Пришли они на зовъ; велѣли брызгать ысыэхъ. Сидѣли на полѣ около чачыра. А чачиромъ называютъ: съ трехъ сторонъ большихъ посудъ втыкаютъ три зеленыхъ деревца, выстрогавши ихъ на-половину снизу. Сидя тутъ, видятъ они: далеко-далеко пташка плишка сѣла на колышкѣ, гдѣ спускаютъ лошадь на арканѣ. «Можетъ-ли человекъ попасть въ эту пташку»?—сказали. Отвѣчалъ Тыгынгъ-тоёнъ: «Какой человекъ можетъ въ это попасть»? На то сказалъ Лёгёй-тоёнъ: «Ребята, попробуйте-ка выстрѣлить!» Тутъ Маянтылапъ сказалъ: «Ребята, дайте-ка мой лукъ!» Тогда два человекъ, взваливши на спину, принесли (его лукъ). Сѣвши на одно колѣно, выстрѣлили; вверхъ ногами свалилъ давешнюю пташку плишку. Взглянувши на это, Тыгынгъ-господинъ сказалъ: «Э, важно, ребята!» И увидавши это, онъ поопасился. Хотѣлъ всѣхъ перебить, но воротился.

*) Курсивомъ набранное *нг* означаетъ носовой н. Ред.

**) Рукопись различаетъ два звука с, изъ которыхъ одинъ пишется въ ней со знакомъ сверху, другой безъ знака. При печатаніи первый изъ нихъ замѣненъ курсивомъ

***) У Бётлинга Ысыах, кропленіе, большой якутскій праздникъ въ началѣ лѣта (Böhtlingk, Jakut. — deutsch. Wörterbuch, 33). Ред.

На обратномъ пути перебилъ у Лёгёй-господина всѣхъ коровницъ, а коровъ погналъ. Одна дѣвочка упала въ кучу коровьяго навоза, запряталась. Вставши отсюда, дошла къ своему господину, рассказала, съ плачемъ: «Вотъ такъ господинъ Тыгынъ, перебивши всѣхъ насъ, угналъ весь скотъ!» Лёгёй-господинъ сказалъ: «Обида его! Парень, каково-бы тебѣ сходить!»

Туть Маянтылапъ, собравшись, пошелъ войной. Дорогой съ половины пути пошелъ одинъ, впередъ отъ своего войска. Тыгынъ-тоёнъ сидѣлъ въ одномъ мѣстѣ, обѣдалъ. Одинъ прошлогодній теленокъ побѣжалъ назадъ. Побѣжалъ за нимъ Очорбой-Хосунъ*), сынъ господина Тыгына. Сказалъ на это отецъ: «Этотъ теленокъ съ назначеніемъ и духомъ; не преслѣдуй его, парень!» Услышавши это, побѣжалъ онъ, какъ будто (ничего) не слыхавшій. Попалъ ему на встрѣчу Маянтылапъ; попавшись на встрѣчу, выстрѣлилъ; выстрѣливши, попалъ въ самую середину брюха. Сказалъ на это Очорбой-Хосунъ: «Маянтылапъ! не говори, что ты убилъ меня, извѣстнаго Очорбой-Хосуна, сына Тыгынъ-тоёна. Скажи, что ты убилъ рабыню-бабу, бѣжавшую, держа за хвостъ рыжаго теленка». И затѣмъ померъ. Увидавши это, отецъ его Тыгынъ-тоёнъ вскочилъ на лошадь, ускакалъ. Маянтылапъ, собравши этотъ скотъ и сколько людей было у Тыгынъ-тоёна, взявши все, пришелъ къ отцу. Отецъ его Лёгёй обрадовался этому.

Пришедши на свое мѣсто, Тыгынъ-господинъ позвалъ этого Маянтылапа: «Ысыэхъ есть; пусть прійдетъ дитя мое, другъ мой!» Туть онъ пришелъ. Обрадовался Тыгынъ-тоёнъ, когда онъ пришелъ; сдѣлалъ ысыэхъ; на ысыэхъ четыре человѣка принесли большую посуду кумысу, держа ее съ четырехъ сторонъ, подали, говоря: «Прежде всѣхъ людей первая наша кружка!» Взялъ онъ это, положилъ на одну руку и когда только что подносилъ онъ къ губамъ, чтобы пить, Тыгынъ-господинъ, стоя, приготовился, чтобы перерубить его по самому темени, и ударилъ. Отъ удара его (Маян-

*) Такъ въ рукописи: Очорбой вмѣсто Очоргой, какъ выше. Ред.

тылапъ) не сколыхнулъ даже кумыса въ этой посудѣ, только пере-сѣлъ на другую кровать. «Парень, ты гость; не тревожся. Я шутя ударилъ, думая: если онъ лучший богатырь, то отсторонится. Ребята, вольно играйте, вольно ѣште!» Вольно играли, вольно ѣли.

Наѣвшись, ушелъ Маянтылапъ. Но уходъ его Тыгынъ-тоёнъ назвалъ его: Бяръ-хара (славный черный). Такъ по данному его имени назывался Маянтылапъ до послѣдняго времени. Всѣ такъ его называли.

Живеть, славясь, этотъ Тыгынъ-господинъ. Кто-бы не пришелъ, никого нѣтъ такого, кто-бы могъ его одолѣть. Считаетъ себя вольнымъ царемъ. Тогдашніе якуты называютъ его тоёномъ (господиномъ). Вотъ, когда онъ жилъ, плыветъ разъ сверху Лены одна какая-то штука, похожая на домишко; пристало къ берегу; вышли три человекъ, — съ глазами туда, съ носомъ сюда, совершенно не похожіе на ихъ люди. Тыгынъ-тоёнъ сказалъ: «Откуда вы пришли, люди»? Отвѣчали они: «Ходимъ мы, люди, оторвавшись съ холмовъ, оторвавшись изъ народа. На славу, извѣстность твоего богатства пришли мы къ тебѣ работать, въ работу поступить, людьми сдѣлаться!» На то жена Тыгынъ-господина сказала: «Старикъ! эти люди совершенно на насъ не похожи; умъ мой боится. Либо прогони этихъ людей, или ужъ убей ихъ!» Говорить на то Тыгынъ-тоёнъ: «Ахъ, бѣдняжки! должно быть они, проголодавшись, ходятъ просить пищи! Убить ихъ большой грѣхъ будетъ; да съ другой стороны и наказанье въ послѣдствіи. За какую плату въ годъ будете жить? Скажите мнѣ это!» Мы люди не просящіе платы! — «Если такъ, то значить вы пришли ко мнѣ быть сыновьями!» — Очень ихъ кормить, очень ихъ уважаетъ.

Три года жили эти люди; что ни скажетъ ихъ господинъ, все они слушаютъ. За это господинъ сильно ихъ полюбилъ. Въ одну весну они каждый день дѣлаютъ себѣ шалашъ; вотъ тутъ господинъ ихъ и говоритъ: «Что вы дѣлаете, ребята»? — Вѣдь, говорятъ,

мы дѣлаемъ, для того, чтобы тутъ въ весеннюю непогоду было хорошо укрываться конному скоту!—Встали въ одно утро, видятъ: лежатъ, накопившись, обрѣзанныя головы коровъ, прошлогоднихъ телятъ. Если рабочіе парни и бабы войдутъ, чтобы взять, потянутъ, то самихъ ихъ придавливаютъ; померли они. Такъ убили они безчисленное множество людей. Велѣли искать, говоря: «Найдите этихъ парней; это ихъ штуки!» Но не могли найти. Жили. Три года минуло съ тѣхъ поръ, какъ потерялись эти парни. Послѣ этого плывутъ по Ленѣ три штуки какъ домá, и страшнѣе прежнихъ. Одна остановилась посрединѣ; одна пристала къ краю. Изнутри ея вышло шесть человѣкъ; вошли въ домъ Тыгынъ-тоёна. Когда посмотрѣли (на нихъ): люди эти похожи на его потерявшихся сыновей. Тыгынъ-тоёнъ сказалъ: «Зачѣмъ они ко мнѣ пришли? Вы у меня ни дѣлайте, ни ночуйте? До васъ приходили три человѣка, и люди тѣ сдѣлали большую бѣду. Проучившись ими, я боюсь и смотрѣть на васъ». На то эти люди сказали: «Хорошо было бы, еслибъ мы по крайней мѣрѣ пошли, ночевавши!» Отвѣчалъ (Тыгынъ): «И на глаза не кажитесь!» Дай намъ по крайней мѣрѣ мѣста съ одну бычью кожу!—сказали. «Возьмите!» сказалъ (Тыгынъ). Сказала на то старуха: «Не давай!»—Пусть возьмутъ; молчи, старуха!—сказалъ старикъ. Разрѣзали одну бычью кожу, какъ нитку, взяли, окружили ею мѣсто, сказали: «Ночуемъ здѣсь»!

Уснули жители. Встали утромъ, видятъ: настроили пришельцы высокіе, преввысокіе дома. Вошли, рассказали старику. Вышелъ старикъ, посмотрѣлъ. Когда онъ посмотрѣлъ, вошли вчерашніе шесть человѣкъ. «Ты живешь, будучи начальникомъ этого края. Есть на южной сторонѣ по имени «далекій» (царь). Богъ, приходя, воочію съ нимъ разговариваетъ; такой-то есть начальникъ и царь, живущій подъ этимъ солнцемъ. Богъ его поставилъ; онъ долженъ имѣть въ своей власти головы всѣхъ людей. Послалъ онъ насъ, говоря:

«Пусть дастъ мнѣ дани!»! Если онъ похвалить, столько дѣлаеть хорошаго; вотъ данныя имъ награды!»! Тутъ, говоря это, самый главный начальникъ ихъ надѣлъ свои награды, должность, чины и показаль. «Дастъ онъ тебѣ добра больше этого, если ты поступишь, какъ онъ сказалъ, подчинишь ему свой народъ вмѣстѣ съ собою!»! сказалъ. Тыгынгъ отвѣчалъ: «Я не подчинюсь человѣку. Какимъ способомъ пришли, сами распорядитесь. Я не поддаюсь!»! Если такъ, то, значить, мы будемъ сражаться.

Совѣтовались якуты. «Хорошо было-бы свалить этотъ ихъ домъ, окруживши его ремнемъ». Вышли, много якутовъ собралось; понесли толстый ремень, окружили, потянули; вдругъ изъ дому стукъ: «пафъ!»! и люди мертвые падаютъ линіей. Сынъ Тыгынга вошелъ въ отцовскій домъ: «Ну, отецъ, мы имъ поддадимся; устрашился я. Стукъ «пафъ!»! и когда я на это взглянулъ, голубое выбѣгаетъ; на силу я могъ отстраниться два раза. Даже и меня, такъ чуть-чуть не убили!»! На то старикъ сказалъ: «И у нихъ сила ослабится. Стыдъ (намъ) будетъ поддаться». Убили якутовъ безъ числа. Нѣкоторые бѣжали, а нѣкоторые запрятались. Сынъ Тыгынгъ-тоёна, стоя на одномъ пригоркѣ на западной сторонѣ, видитъ, что начальникъ русскихъ смотритъ въ дыру (амбразуру) съ самаго верхняго дома. Выстрѣлилъ онъ изъ лука въ этого русскаго и попалъ въ переносье; померъ русскій.

Убивши весь народъ Тыгынгъ-тоёна, поймали его самаго. Поймавши, мучили всеми указанными царемъ пытками; но онъ не далъ своего слова, не просилъ пощады. Подъ этими пытками и померъ этотъ Тыгынгъ-тоёнъ. (А) бывшіе тутъ люди все просили пощады, все принесли повинную голову.

Здѣсь (т. е. въ Верхоянскомъ улусѣ) тогда ни одного человѣка нѣтъ (не было). Услыхавши это, бѣжали сюда и, пришедши, сдѣлались здѣсь осѣдлыми.

Тамошніе люди, ходя съ провожатыми человѣкъ къ человѣку (т. е. по разнымъ селеніямъ), всехъ обложили ясакомъ.

(Другой вариантъ). Тыгынгъ-тоёнъ нашель гдѣ-то двухъ русскихъ крестьянъ. Жена его увидѣла ихъ и говоритъ мужу: «Что-то они кажутся мнѣ подозрительными; убей ихъ!»—Нѣтъ, видишь какія у нихъ шеи толстыя; должно быть, они дюжій народъ къ работѣ». И оставилъ ихъ работать; но держалъ ихъ порознь другъ отъ друга. А они взяли, вырѣзывая на лѣсинахъ, стали переписываться, приготовились бѣжать; приготовили доски для лодки. Однажды утромъ оба зѣразъ сбѣжали, сошлись вмѣстѣ, сдѣлали лодку. Между тѣмъ Тыгынгъ всталъ утромъ: русскихъ нѣтъ. А всѣ якуты ночью спали; никто не видалъ, куда они ушли. Разсердился Тыгынгъ-тоёнъ. Вдругъ видятъ, плыветъ лодка, а въ ней оба русскіе. А якуты до тѣхъ поръ не видали лодокъ. Жена и говоритъ: «Вотъ совѣтовала я тебѣ убить ихъ, а ты не убилъ!» На другой годъ однажды встаетъ Тыгынгъ-тоёнъ, вышелъ; видитъ, множество русскихъ стоитъ на берегу... (Опять просьба о бычьей кожѣ)... Убили Тыгынгъ-тоёна и голову привезли къ царю; царь посмотрѣлъ и сказалъ: «Зачѣмъ такого человѣка убили? Лучше-бы живымъ привезли!» Когда убили Тыгынгъ-тоёна, Лёгёй-тоёнъ взялъ шесть, привязалъ къ нему на конецъ чернобурюю лисицу и соболя; подошелъ къ башнѣ, подалъ (ясакъ) и поддался. Послѣ того стали якуты говорить: «Лёгёй-тоёнъ продалъ насъ русскимъ»!

(Третій вариантъ) Заблудились двое русскихъ и найдены якутами; Тыгынгъ-тоёнъ хотѣлъ ихъ убить. А жена его сказала: «Не убивай! У нихъ глаза очень хорошіе! Я заставлю ихъ телятъ пасти!»... Глаза Тыгынгъ-тоёну выкололи и голову отвезли къ царю. А царь сказалъ: «Зачѣмъ убили такого большеголоваго человѣка? должно быть славный онъ былъ человѣкъ; я бы посмотрѣлъ его»!

(Четвертый вариантъ). Былъ у якутовъ царь Тынгыль-господинъ. Разъ къ нему пришли три русскіе солдата. Народъ и говоритъ Тынгыль-господину: «Убей ихъ! Ихъ хитрости ужасны!»—Нѣтъ, они здоровые, сильные люди. Я сдѣлаю ихъ рабочими! ска-

заль Тынгыль-господинъ. Вотъ весной сломало ледъ на Ленѣ, пронесло ледъ; эти люди построили себѣ лодку и уплыли вверхъ. Прошелъ годъ; на другую весну вдругъ прибыла большая лодка, привезла безчисленное число русскихъ. Вотъ русскіе попросили у Тынгыль-господина столько земли, сколько можетъ занять бычья кожа. Народъ и говоритъ Тынгыль-господину: «Не давай имъ; ихъ хитрости ужасны!»—Ну много-ли тутъ земли съ бычью кожу; пусть возьмутъ!—сказаль Тынгыль-господинъ. Тогда русскіе разрѣзали кожу на тонкіе ремешки и, становя колья, обтянули большое пространство земли и вколотили колья. Стали сражаться. Русскіе стали стрѣлять изъ ружей. «Какъ они громко п. дять!»! подумали якуты и оборотились къ нимъ задницами; но когда поняли, что пули убиваютъ, то обратились лицомъ; стали стрѣлять стрѣлами, перебили множество русскихъ. Тогда русскій начальникъ, струсивъ, сталъ съ Тынгыль-господиномъ мириться; зазваль къ себѣ якутовъ хлѣба-соли кушать. Вотъ когда множество якутовъ пришли къ нимъ и съели кушать, русскіе все вышли и, отодвинувъ потолокъ, который нарочно былъ укрѣпленъ на подвижныхъ шарнерахъ, сронили его на кушавшихъ якутовъ и задавили ихъ всехъ. Живымъ остался лишь одинъ якутскій царь Тынгыль-господинъ. Его русскіе вытащили живымъ и живаго привязали ремнемъ на верхъ высокаго столба; черезъ три ночи онъ тамъ и померъ. Тогда русскіе сняли его со столба и вырѣзали ему глаза; изъ-подъ глазъ вытекло тутъ цѣлыхъ три фунта слезъ; собравъ эти слезы въ посуду, отправили ихъ къ русскому царю. Русскій царь, посмотрѣвши, сказалъ: «Это слезы якутскаго царя! Зачѣмъ вы его убили! Вы должны были показать мнѣ его живаго!»—И за эту вину повѣсилъ самого русскаго начальника!

2.

Хоро (прародители якутовъ)*).

Въ эгинцахъ (Эгинскомъ наслегѣ), на нижней сторонѣ отъ устья рѣки Бутантая, за тридцать верстъ ниже къ морю, были

*) Хоро-собственное имя. Хоро значитъ также перелетная птица, также югъ, южный; хоролоръ-множ. число отъ Хоро. Въ сказкахъ у сѣверныхъ воротъ стоитъ Хонкурданъ-богатырь, разговаривающій по хоролорски. (№ 8, и др.).

люди хоро, прародители якутовъ. Говорятъ, тогда всѣ они жили въ одномъ домѣ; всего съ дѣтьми и женами было (только) семнадцать человекъ. Сказываютъ, была у нихъ одна весьма хорошенькая дѣвочка по имени Нюльгунга. А самымъ храбрымъ богатыремъ у хоро былъ Бата-батырь, сынъ хоролорскаго тоёна (старшины, князя).

А на устьѣ Мунгурдаха жили тогда, да и до сихъ поръ еще живутъ эгинцы. Жилъ тутъ сынъ эгинскаго князя Сахсаргана-бяръгянь (Растрепанный витязь) и женится онъ на этой хоролорской дѣвушкѣ Нюльгюнгѣ. И когда онъ бралъ ее отъ родителей, чтобы привести домой, (то) оставилъ (имъ) вмѣсто дочери одну рыжепѣгую кобылу съ двойнымъ хвостомъ. И уѣзжаетъ. Бата-батырь увидалъ ее (кобылу), привязанную къ столбу, и говоритъ: «Какъ мнѣ отвратительно видѣть эту кобылу! Какъ я испугался! Опять съ двойнымъ хвостомъ и опять краснопѣгая! Какъ хочется мнѣ сдѣлать ее пищей пальмы и копыя, и мясо-то бы съѣсть!» На это отецъ и говоритъ: «Не говори ты этихъ словъ! Эта скотина, кажется, народить хорошаго скота!» Услыхавъ это, Бата-батырь крякнулъ и легъ въ уголъ бирилика*). Потомъ вдругъ соскочилъ, выскочилъ и срубилъ голову этой кобылѣ, привязанной къ столбу; сказываютъ, голова свѣсилась на ремнѣ (которымъ она была привязана) и заплакала кровью.

«Сынъ хоролоровъ, Бата-батырь убилъ твою кобылу съ двойнымъ хвостомъ, отрубивъ (ей) голову!» такъ рассказывалъ Сухсаргана-бяръгяню кто-то, пришедши къ эгинцамъ. «Только мы и жили спокойно!» говорятъ эгинцы, услыхавши это. «Хоролоры ужь такіе кровожадные люди, что они и съ нами хотятъ сдѣлать тоже, какъ и съ нашей кобылой! Парень Сухсаргана-бяръгянь! поди къ родственникамъ своей жены и узнай, по какому поводу и съ какой стати поступили такъ съ нашей кобылой?» На это онъ всталъ и отправился.

*) У Бётлингга биллирик перегородка между двумя спальными отдѣленіями (Böhtlingk, Jak.-deutsch. Wörterbuch, 140).

Когда онъ ушелъ, эгинцы и разговариваютъ между собою: «Друзья! вѣдь мы напрасно отпустили вчерашняго человѣка; тамъ его убьютъ. Намъ-бы самимъ идти на нихъ войною. Лучше сами пойдёмъ теперь, пока они еще не пришли къ намъ». И, сказавши это, поспѣшно собрались и идутъ войной на хоролоровъ, ночевавши послѣ ухода сына двѣ noci. Надъ Бутантаемъ есть озеро Тоёнъ-кѣль (Орлиное озеро); на этомъ мѣстѣ вдругъ повстрѣчались они съ возвращающимся обратно своимъ сыномъ.

Увидавъ ихъ, сынъ вдругъ упалъ на колѣни на одну ногу и говорить: «Достопочтенные люди! Вѣдь вы вѣроятно идете съ серьезной неодолимой мыслью. А я вѣдь пришелъ умиловленный и удовлетворенный. (Они) кланялись моей черной тѣни и преклоняли колѣна толстой моей тѣни. Если повернуть (измѣнять) (мысли), то у нихъ вывихнется поясничная кость; а если повернуть голову, такъ сломится шея». На это они сказали: «Ей ты, лѣнтяй! Ты вѣдь воротился изъ лѣности и трусости. Возьмите проткните, пронзите и убейте его пальма́ми и копыями!» На это сынъ говорить: «Ахъ, почтенные люди! Вѣрно вы ужъ непреклонно разсвирѣцѣли. Привезли-ли вы мнѣ мою кольчужку?»—На, привезли!—отвѣчали они, и надѣли на него. Надѣвши, онъ началъ дурѣть, какъ конь. А были тогда такія высокія деревья, что ѣдутъ верхомъ на лошади, едва можно было плетью достать до верхушки. Такъ Сахсаргана-бяргянь, дурия, перепрыгивалъ черезъ эти деревья. Послѣ этого онъ бросился колотъ пень. «Ну-ка, говорить, Бата-батырь! если я проткну тебѣ спину такъ, что изъ нея будетъ бить кровь, то пусть и изъ этого пня кровь бьетъ ключемъ». Тогда изъ пня вдругъ брызнула кровь. Послѣ этого они продолжаютъ путь.

Вотъ, доѣхавши поближе къ жилью хоролоровъ, привязали лошадей въ лѣсу. Вотъ двѣ женщины хоро выходятъ доить кобыль и вдругъ слышать, стучать-звенять кольчуги. А вчера вечеромъ мужья приколотили этихъ бабъ. И потому изъ досады онѣ скрыли это отъ мужей, сказали, что поднялась работа бабушки нашей

(рѣчки) Юннюгянь (т. е. вѣтеръ). Потомъ все уснули. Ночью эгинцы, подошедши къ дому, гдѣ было много сухой травы, втащили все это на юрту. А что на дворѣ было оставлено хозяйскаго оружія, они все это запрятали. Потомъ постучались; сѣни были заперты.

Голосъ Сахсаргана-бяргляня и говорить: «Мы пришли къ вамъ съ жестокими мыслями. Если теща моя готовила для меня пищу, то она приготавливала ее вкусно, а когда стлала постелю, то бывало мягко. Выпустите ее!» Тогда они выпустили ее. «Кромѣ того выбросите все, сколько есть у васъ имущества». На это Бата-батырѣ и говорить: «Что вы пришли, братъ наше имущество, что-ли? Жизнь только у насъ есть, а имущества не дадимъ». А отецъ старикъ и сказалъ тутъ: «На что намъ имущество? Чѣмъ горѣть ему въ огнѣ, лучше выбросьте его имъ». И все выбросали имъ свое имущество и лишь одинъ Бата-батырѣ не далъ.

Послѣ этого стали набивать сухую траву въ трубу, а Бата-батырѣ выскочилъ въ это время въ сѣни; тамъ былъ маленькій лукъ; выстрѣлилъ онъ изъ него въ щелку и опрокинулъ (т. е. убилъ) двоихъ. Послѣ этого взошелъ въ домъ, взялъ шкуру прежде убитой кобылы, завернулся въ нее, бросился въ уголъ бирика со словами: «Сверху я накрылся и снизу постлалъ подъ себя». Потомъ съ шумомъ горѣлъ домъ; зажигая, обронилъ средній потолокъ; Бата-батырѣ вскочилъ, уперся пальмѣй и выскочилъ на стѣну. Окружили домъ якуты въ три ряда, а онъ черезъ всѣхъ ихъ перескочилъ, да угодилъ въ яму, изъ которой достаютъ земли для обсыпки юрты (потолка и стѣнъ), и переломилъ берцовыя кости. Соскочилъ и, упираясь на пальмѣ, побѣжалъ на одной ногѣ; хотя онъ бѣжалъ и на одной ногѣ, но заразъ перескакивалъ по два лука. Но Сахсаргана-бярглянь все-таки догналъ его и убилъ, пронзивъ ему спину копьемъ. Стерши такимъ образомъ хоролоровъ съ лица земли, эгинцы забрали все ихъ имущество и скоть. Пришедши домой, Сахсаргана-

бярглянь убилъ свою жену: «Ходючи, чтобы взять тебя, бѣлолицую за мужъ, убилъ я своихъ сожителей, вѣкъ жившихъ дружно» *).

З.

Хаптагай-батырь.

Хаптагай-батырь (Плоскій витязь) такой былъ плоскій, что если вотъ эдакъ бокомъ встанетъ, такъ въ самой середкѣ всего три пальца толщины. Отсюда (отъ реберъ) до локтей у него были крылья. Скоростью и ловкостью никто не могъ его превзойти. Вотъ когда онъ жилъ, ламуты очень желаютъ его убить. Однажды девять лучшихъ ламутовъ, собравшись, пришли на него войной. А бываютъ такъ называемые «тонгу» на дикаго звѣря; дѣлаютъ подобно загону загородъ, поднимаясь вдоль по горѣ, и тутъ натягиваютъ самострѣлы на такой высотѣ, какъ обыкновенная нижняя жердь загона. Тутъ звѣрь умираетъ: и дикіе олени и сохатые. Вотъ онъ и пошелъ смотрѣть это. Тутъ на этомъ «тонгу» встрѣчаютъ его ламуты. Хаптагай-батырь пришелъ; и когда, пришедши, сталъ онъ натягивать тетиву, оборвавшуюся у одного самострѣла, девять ламутовъ вскочили на ноги и стали стрѣлять. И онъ увернулся отъ этихъ девяти стрѣлъ. Ламутскія стрѣлы вышли, и побѣжали (ламуты). Догнавши бѣжавшихъ, онъ схватилъ одного ламута и сталъ его бить въ спину. Вотъ и другихъ тоже догналъ. Когда достигъ: «Теперь мы тебя умоляемъ, просимъ у тебя помилованья; мы не придемъ убивать тебя». Послѣ этого живетъ (ходитъ); опять нѣсколько лѣтъ жили (ходили).

*) Въ варіантѣ господинъ племени хоро былъ шаманомъ, и шаманствомъ уже узналъ, что сынъ его Могойдакъ ведетъ съ собою трехсложно хвостую пестрорыжую кобылу, и что когда онъ убьетъ ее, то она «уйдетъ по дорогѣ хранительницы» (Эяхситъ суолун барыэга). Затѣмъ когда зять хоролоровъ встрѣтился дорогой съ 8 байдунцами, то онъ сказалъ имъ: «ыналык буолокха хайдагый»? (Что по тогдашнему значило: каково-бы возвратиться)? На это они все окружили его и, приставивъ къ нему копья: «Сперва мы запачкаемъ свои копья твоей кровью, тогда возвратимся! Пойдемъ!» — «Сахпыккыт эбятъ!» (что значило по тогдашнему: значитъ вы совершенно меня хотите убить)? «Кусаган далбахтыбын агаллыгыт этя!» привезли бы вы мнѣ кольчугу!

Вотъ настала весна; было время съ большими заморозами. Хаптагай-батыръ имѣлъ одного сосѣда, подобнаго ему человѣка по имени Суордаи (Воронецъ?); съ этимъ другомъ отправились на лыжахъ за сохатыми. Вотъ, пошедши, убили одного сохатаго, остановились ночевать. Когда лежали они на ночевкѣ, вотъ приходятъ ламуты. Когда они взглянули: идутъ два ламута. «Друзья!» говорятъ. (Въ знакъ того, что пришли съ миромъ, а не съ войною) «дайте намъ половину этого вашего звѣря!» говорятъ. — Вотъ вы просите, гости, точно вы вмѣстѣ съ нами упростили. Не дадимъ! — Ламуты отправились обратно. «Друзья!» — сказали они на отходѣ — «завтра мы пошлемъ четырехъ ловкихъ ребятъ, промысляющихъ дикаго звѣря!» На это Хаптагай-батыръ сказалъ своему товарищу: «Хотятъ прійдти рѣзать насъ».

По утру встали, пошли. Идутъ они; вдругъ сзади ихъ раздается скрипъ; стучать ламутскія лыжи. Хаптагай-батыръ говоритъ: «Ну, другъ! умремъ!» говоритъ. «Побѣжимъ», говоритъ. Побѣжали. Ламуты за ними бѣгутъ (гонятся). А есть одна высокая гора, по имени Атъ-хая. (Лошадь гора); на низу течетъ рѣка по имени Оллё. Проходятъ они на самую вершину этой горы. Пришедши, спускаются. Хаптагай - батыръ, пришедши на средину горы, летитъ надъ рѣкой на высокій берегъ той стороны. Этотъ его товарищъ, не долетѣвши, упавши, сломалъ одну лыжу. Куда пустять человѣка безъ лыжъ? Достигли его; убили. Хаптагай-батыръ убѣжалъ.

Пришедши на мѣсто, живетъ. Однажды утромъ старуха, вставши, вышла. Когда она вышла, ламуты веревкой вокругъ обмотали такъ, что нигдѣ нѣтъ выхода человѣку. Хаптагай-батыръ, слышавши это, вышелъ, держа въ рукѣ только одну пальмѣ. Вышедши, перелетѣлъ черезъ ламутскій ремень. Тридцать ламутовъ, встрѣтивши его, выстрѣлили. Не далъ понасть. Перелетывая сверхъ ламутовъ, прочь рубилъ имъ головы. Нѣкоторые убѣжали, нѣкоторые просили помилованія, а нѣкоторыхъ убилъ.

Послѣ этого, вотъ онъ состарѣлся. Ламуты стали совѣтоваться: «Что надо сдѣлать человѣку, чтобы убить Хаптагай - батыра»? На это старые ламуты сказали: «Какъ хотите убить Хаптагай - батыра? Развѣ онъ такой человѣкъ, чтобъ далъ вамъ себя убить»? На это ихъ зять сказалъ: «Я бы убилъ Хаптагай - батыря». — Ну убей! говорятъ.

Онъ, пришедши на то мѣсто, гдѣ на сентухѣ ночуетъ (Хаптагай - батырь), спрятался, легъ. Хаптагай - батырь пришелъ вечеромъ къ сентуху. Пришедши, легъ раздувать огонь. Ламуты сталъ подкрадываться; подкравшись, прокололъ копьемъ наклонившагося ницъ лежачаго человѣка въ самую середину спины; проколовши насквозь, выдернулъ копье назадъ. Взявши обратно, поскакалъ на оленѣ.

Прибылъ къ народу. «Вы такъ много говорили о Хаптагай - батырѣ, что онъ за важный человѣкъ? Я убилъ. Вотъ его кровь, вотъ его жиръ». Говоря, показываетъ вымазанное на копьѣ. Но старые ламуты сказали: «Должно быть легкіе и кровь (какого-нибудь) звѣря. Станетъ-ли тебѣ Хаптагай - батырь лежать такъ, чтобы ты могъ его проколоть»? Молодые сказали: «Правда; похоже на человѣческія легкія, человѣческую кровь и человѣческій жиръ». Повѣрили.

Хаптагай - батырь, разорвавши по срединѣ заячій ошейникъ, (который якуты носятъ вмѣсто галстука), заткнулъ (сквозную) рану съ обѣихъ сторонъ. Сдѣлавши это, въ ту-же ночь пришелъ домой. Пришедши, женѣ сказалъ: «Ламуты убили меня, вотъ посмотри на меня.... Сегодня въ половинѣ дня ламуты придутъ дѣлать мое имущество и убить тебя. На это ты въ одномъ большомъ котлѣ навари бутугасъ (кашу) и потомъ положи имъ ложки по числу (гостей). Когда придетъ Хаптагай - батырь, дѣдушка нашъ? съ усмѣшкой будутъ говорить». Самъ спрятался за печку, гдѣ складываютъ дрова. Ламуты пришли. «Дѣдушка нашъ куда ушелъ»? говорятъ. — Отправившись промыслять, еще не приходилъ, — сказала. «Вѣрно много звѣря упромыслилъ (съѣлъ)»! сказали. Она, наваривши пре-

большой котелъ каши, положила и ложки по счету. Съели они ѣсть эту кашу. Старуха, вышедши, луки и стрѣлы ихъ запрятала. Вдругъ Хаптагай-батырь вскочилъ и началъ пальмою сразу отрубать головы рядомъ сидѣвшихъ ламутовъ.

«Вотъ-же вамъ!»!—(Вотъ онъ) похвасталъ, что тебя убилъ!—сказали (ламуты). Схвативши этого ламута, одинъ глазъ ему выкололъ, одну руку переломилъ, одну ногу переломилъ, и положивъ его поперекъ на спину оленя (т. е. такъ, что голова спустилась на одну сторону, а ноги болтались на другой), привязалъ и къ дому прогналъ.

Одинъ старый ламуть сказалъ: «Какой-бы ни былъ ламуть, тебя не убьетъ. Теперь ты будь намъ господиномъ (тоён). Если ламуть твоего слова непослушается, то пусть будетъ (виновенъ) грѣшенъ». Послѣ того было ламутское собраніе; ламуты сказали Хаптагай-батыру: «Побѣжимъ въ запуски!» Старый человекъ (онъ) сказалъ: «Какъ я побѣгу вмѣстѣ съ вами?»—Побѣжали ламуты въ запуски. Хаптагай-батырь бѣжитъ впереди ламутовъ. Высокія пре-высокія деревья, вывернувшіеся съ корня, (стоятъ); онъ черезъ нихъ перелеталъ; этого они ужаснулись. Вотъ съ самого этого времени до смерти (его) стали бояться (Хаптагай-батыра).

Сынъ его былъ по имени Хохое-батырь. Этотъ Хохое-батырь былъ свирѣпѣе своего отца. Онъ и ламутовъ и якутовъ свободно убиваетъ. Сталъ онъ всѣмъ людямъ, какъ господинъ (тоён). Вотъ когда они жили: «Зачѣмъ это ѣдутъ военачальники, отправляющіеся къ Чукчамъ (т. е. чукотская экспедиція Павлуцкаго)»? (говорятъ). Вотъ когда они пріѣхали, Хохое-батырь отправился вмѣстѣ (съ ними). Вотъ ѣдутъ они; на этой Индигирской дорогѣ есть мѣсто называемое Ёлёрсюбютъ (Убіенное) съ поварней*). Услыхали ламуты, что они ѣдутъ; собрались и встрѣтили (ихъ). Встрѣтившись, жили; тутъ ламуты и зарѣзали всѣхъ якутовъ и русскихъ, пришедшихъ съ этой стороны. Остался (только) этотъ сынъ Хаптагай-ба-

*) Поварнями въ якутской области называются пустыя избы на трактахъ, служащія вмѣсто станцій.

тыра; и вмѣстѣ съ нимъ еще (одинъ) ровесникъ. Эти два человѣка остались, и стали послѣ (нихъ) драться. По истеченіи цѣлыхъ сутокъ окружили, запутали ремнемъ этого товарища, уронили и убили. Этотъ сынъ Хаптагай-батыра одинъ остался. Послѣ смерти товарища онъ бился цѣлые сутки. «Окружимъ тоже веревкой, убьемъ его» --- говорятъ. Перескочивши черезъ это, онъ вышелъ. Послѣ этого убѣжалъ бѣгомъ (ногами). Убѣжавши, вышелъ на гору; огня нѣтъ, ничего нѣтъ; ночевалъ. На этой ночевкѣ и уснулъ онъ, давно неспавшій человѣкъ. Послѣ того какъ онъ заснулъ, ламуты пошли преслѣдовать (слѣдя слѣдъ). Отправившись, убили этого человѣка.

Отецъ его Хаптагай-батыръ, состарѣвшись, не зная ничего этого, сказалъ: «Бѣдняжка! Убивши вонючихъ ламутовъ, жили ходили-бы, стали-бы людьми» — сказалъ. Потомъ сказалъ отецъ одного человѣка: «Мой сынъ, прежде чѣмъ огонь шелкнетъ и уголь вылетитъ изъ пламени, трижды отвертывался (отъ стрѣль). И онъ-то, отправившись, лежитъ бѣдненькій!»

Послѣ того изъ потомства этого Хаптагай-батыра человѣкъ по имени Хотосъ (гибкій) жилъ на мѣстѣ, называемомъ Ёкѣнь-озеро, съ роднымъ братомъ, съ дочерьми и сыновьями. Когда они жили, юсальскій (джюсал) шаманъ Нюлгу-халгый, вышедши, взялъ женою дочь этого Хотоса. Взявши женою (женившись), (самъ) воротился на (свое) мѣсто. Съѣздивши опять, поѣхалъ къ женѣ. На дорогѣ, встрѣтивши попутчика егинскаго шамана Степана, поѣхалъ (вмѣстѣ съ нимъ). Дорогой ночевали, не доѣхавши до народа (родныхъ) переѣзда однихъ сутокъ. Легши ночевать, распластали одну преольшую нельму; ѣли. Поѣвши, остатокъ пици повѣсили на дорожный колъ (кѣлѣ)*); лежать, спать. Вотъ лежа, спя, шаманъ Степанъ слышитъ: распѣваютъ человѣческіе голоса. Тутъ онъ, потихонечку открывши одѣяло, посмотрѣлъ; семь русскихъ дѣвицъ (свяття нучка кыса) кушаютъ давешню повѣшанную ими пицу. Увидавши это, легъ онъ, какъ будто человѣкъ, не видавшій (этого). Служаетъ лежа: и стукъ,

*) На кѣлѣ якуты дорогой вѣшаютъ котлы и чайники; варятъ.

и голоса потерялись (исчезли). Послѣ этого то и дѣло встаетъ, выходитъ нарочно, говоря: «поносъ у меня сдѣлался», сидитъ, какъ человѣкъ ходящій на дворъ (за нуждою). Товарищъ его говоритъ: «Что съ тобою, другъ»? На это онъ говоритъ: «Заболѣлъ», говоритъ. Отчего? говоритъ. «Объѣлся я до поноса» — говоритъ.

Выспавшись, встаютъ. Встали; товарищъ и говоритъ: «Подай пищу»! — говоритъ. Тутъ этотъ Степанъ и говоритъ: «Я не буду ѣсть»! говоритъ. На это другой говоритъ: «Не бойся остатковъ своей пищи; вѣдь ты шаманомъ считаешься (ходишь)! Я буду ѣсть»! Подалъ. Наѣвшись, вставши, поѣхали.

Дорогой — что-же? — Степанъ то и дѣло слезаетъ съ коня, испражняется. Прибыли къ родственникамъ (къ своимъ). Этотъ Нюлгу-халгый, зять хозяевъ, легъ вмѣстѣ съ женою; а спутникъ его Степанъ нарочно захворалъ, готовится умереть, думая: «Должно быть вмѣстѣ съ нами пришла болѣзнь называемая оспой»! Чтобы избѣжать ея, притворяется нездоровымъ. Послѣ того какъ всѣ люди уснули, онъ сѣлъ на коня и отправился; уѣжалъ. Приѣхавши, объявилъ всему народу: «Такая-то оспа, дошедши къ сосѣду Хотосу, осталась тамъ. Остерегайтесь ея, не ходите туда. Если оттуда человѣкъ прійдетъ, не впускайте его; когда узнаемъ, тогда впускайте»! Сказавши это, уѣхалъ на свое мѣсто.

Послѣ его отъѣзда впродолженіи трехъ лѣтъ никто не ходилъ къ сосѣду Хотосу. А въ семействѣ Нюлгу-халгья всѣ люди сошли съ ума. Этотъ Нюлгу-халгый, вселяясь (послѣ смерти) въ сумашедшаго человѣка, заставляетъ его говорить: «Повѣтріе, называемое оспой, всѣхъ насъ съ тестемъ Хотосомъ съѣло. Изъ двухъ жилыхъ домовъ не оставило ни одного человѣка. Я лежу въ тестиномъ домѣ на передней кровати мертвый. Перенесите меня на мою родину (мѣсто), похороните! Если-же меня по сказанному не перенесете, то всѣхъ васъ и огонь вашъ я раззорю, растрою и золу смѣшаю. Сдѣлаю какъ будто вы и не жили (ходили) на вашемъ мѣстѣ. Только четыре столба (юрты) останутся торчмя; зарощу травою

ваше жильё!»! Вошедши въ сумасшедшаго, заставляеть его говорить эти слова. Оттого семейство ихъ убоялось; всё повидимому убоялись до смерти; и люди и народъ вѣрятъ (этому). Въ народѣ стали съ ума сходить. «И дѣйствительно, развѣ столько людей будутъ сходить съ ума безъ ничего, безъ всякой причины? Душа прежняго нашего шамана Нюлгу-халгыя и въ правду хочетъ народъ испортить; что вы станете дѣлать? Ну такъ пойдите, проломайте стѣну и посмотрите на передней кровати, какъ онъ сказалъ. Когда посмотрите, если окажется, что онъ будетъ по сказанному такого вида, какъ не истлѣвшій только что умершій человекъ, что вы станете дѣлать? Вѣдь принесете должно быть!»! (Должны-же будете принести)—сказалъ. Такой совѣтъ подалъ одинъ ихъ старецъ. По совѣту этого старца шесть человекъ приготовились, пошли. Отправившись, достигаютъ мѣста по имени Ёкёнъ-озеро. Когда они дошли, и слѣда никакого не осталось отъ давнымъ давно умершихъ (жившихъ) людей. Когда, посмотрѣли, три табуна кобыль бѣгаютъ, шумятъ, ходятъ. Между этими осмотрщиками есть одинъ человекъ, знающій прежній домъ Хотоса. Приходятъ къ бирилику, ломаютъ домъ на сквозь. Когда, проломавши, посмотрѣли, внутри дома полнымъ полнешенько человѣческихъ костей; послѣ того, какъ тѣло сгнило, кости лежатъ точно плавникъ (въ безпорядкѣ). Шаманъ ихъ Нюлгу-халгый лежитъ, какъ только что умершій человекъ. Когда посмотрѣли на него, оба его глаза открытые, выпучились кверху. Тутъ дѣлаютъ сани, кладутъ; положивши, поѣхали.

Дорогой, не доезая до собственнаго дома Нюлгу-халгыя двадцать пять верстъ, опрокинули сани и (покойнику) свернули голову. Вотъ привезли кости. Сдѣлавши гробъ, старинные люди того времени отправлялись, втаскивая на вершину деревьевъ, дѣлали четыре вѣшалки неподвижно, такъ чтобы ни отчего не упали. Такимъ-то образомъ погребли (поставили) его трупъ. Послѣ этого эта душа Нюлгу-халгыя, говоря: «везя, они шею мнѣ сломали», напустивши людямъ болѣзнь въ шею и убиваетъ и «сѣждаетъ» и съ ума сводитъ.

Послѣ этого-то времени потомство Хаптагай-батыра прекратилось только.

Вариантъ.

Въ Хангаласскомъ наслегѣ Верхоянскаго округа рассказываютъ такъ: Одинъ тунгусъ, потерявъ свою собаку на Верхоянскомъ хребтѣ, просилъ разыскать ее одного изъ якутовъ Хаптагай-батыра. Это былъ сильный, ловкій промышленникъ, хорошій бѣгунъ и съѣдалъ по восьми зайцевъ зѣразъ. Разыскивая собаку, онъ перешелъ хребетъ и пошелъ внизъ по рѣкѣ до Кѣнжуряха. Увидя здѣсь хорошія и промышленныя мѣста, онъ переселился сюда. Ужасно не понравилось тунгусамъ такое переселеніе; гнались они за нимъ, хотѣли его убить, стрѣляли, но не могли попасть. Разъ Хаптагай-батыръ пошелъ пѣшкомъ за зайцами. Тунгусы пошли за нимъ слѣдомъ. Сколько не пытали его убить, все не могутъ. Хаптагай-батыръ ходилъ за промысломъ; наконецъ остановился и сталъ раздувать огонь; высккъ огня на труть и, прилегши, сталъ его раздувать. Въ это время подкрался одинъ тунгусъ, проткнулъ его копьемъ по срединѣ. «Наконецъ-то мы убили его!» закричали тунгусы съ радостью и убѣжали. А Хаптагай-батыръ оторвалъ кусокъ зайчины и заткнулъ себѣ рану. (Въ другомъ вариантѣ: рукавицей. Въ третьемъ: частью рукавицы, которая надѣвается на большой палецъ). Пошелъ домой. Дома спрятался онъ за печку. «Смотри!» сказалъ онъ женѣ — «Я спрячусь. А завтра придутъ сюда ламуты. Есть у насъ полгрудины; такъ ты свари, угости ихъ. А спросятъ: гдѣ твой мужъ? — скажи, что вчера ушелъ на охоту, еще не возвращался» *).

Приѣхали по утру ламуты. По его словамъ жена угостила ихъ грудиною. Всѣхъ ламутовъ было девять. Наѣлись они, вышли на дворъ, принесли каждый по копыю, хотѣли ее убить. Тутъ выскочилъ Хаптагай-батыръ, убилъ семерыхъ копьемъ, а двое убѣжали. Съ тѣхъ поръ боялись тунгусы Хаптагай-батыра, не могли на него смотрѣть; и жилъ онъ спокойно до старости.

*) Тутъ они, переглянувшись между собою, заговорятъ по тунгусски. (3-й вариантъ).

Между тѣмъ выросъ его сынъ большимъ. Однажды отецъ посылаетъ его на охоту: «Ступай, говоритъ, въ лѣсъ, промышлай!» Мать и говоритъ: «За чѣмъ ты посылаешь маленькаго ребенка, пожалуй его медвѣдь заѣсть!» Пошелъ сынъ, убилъ трехъ дикихъ оленей. Потомъ во-второй разъ посылаетъ его отецъ на ночевку въ поле. И, отправивъ его, отецъ выточилъ хорошенько копье, пошелъ незамѣтно по его слѣдамъ, видитъ—сынъ ужъ припалъ къ землѣ, раздуваетъ огонь. Метнулъ отецъ копьемъ сыну прямо въ спину между крыльцами; услыхалъ однако сынъ, вскочилъ и стрѣла пролетѣла между ногами. Потомъ сталъ сынъ горшокъ варить; опять отецъ выстрѣлилъ; подпрыгнулъ сынъ, стрѣла пролетѣла между ногами. Наѣлся сынъ, легъ спать; отецъ подкрался потихоньку, хотѣлъ ударить его по шеѣ; опять услыхалъ сынъ и, лежа, быстро откатился въ сторону; опять промахнулся отецъ. Тогда старикъ самъ испугался. Пришелъ къ старухѣ, сказалъ ей: «Не бойся, не убьютъ нашего сына ни медвѣди, ни тунгусы, ни лукомъ, ни копьемъ».

Очень состарѣлся Хаптагай-батыръ; и у сына его родился сынъ. Вотъ разъ внучекъ игралъ въ юртѣ лукомъ и стрѣлою, на концѣ которой была иголка. Выстрѣлилъ какъ-то невзначай, попалъ дѣдушкѣ въ ногу, иголка проколола икру. Отъ этого и померъ весьма старый Хаптагай-батыръ.

4.

К я л ь т я с к и л я р ь .

Въ вѣкъ Хаптагай-батыра жили гдѣ-то въ горахъ якуты Кяльтяскиляръ. Было въ этой семьѣ два сына и двѣ дочери; а люди они были простые. Тунгусовъ они ни разу не видали, знали о нихъ только по слуху. Вотъ однажды приходятъ къ нимъ два тунгуса; вошли, сѣли, но ничего не говорятъ и ѣдятъ. А у Кяльтяскиляръ обѣ дочери—хорошія дѣвушки, да два сына—одинъ восьмилѣтній, другой семилѣтній. Вотъ посидѣли тунгусы и ушли. Домашніе легли спать. Вдругъ ночью слышатъ ужасный стукъ; вскочили

въ торопяхъ. А тунгусы отворили дверь и говорятъ: «Давайте (сюда) обѣихъ вашихъ дѣвокъ!»! Выдали обѣихъ. Потомъ тунгусы набили много травы и зажгли юрту; всѣ домашніе сгорѣли; только оба мальчика, спрятавшись у порога въ углу, уцѣлѣли (около дверей-то не сгорѣло). Вотъ, истребивши людей, тунгусы ушли. А оба мальчика, находя пищу, оставшуюся отъ пожара и промышляя въ лѣсу, стали зимовать; а скота у нихъ и сначала совсѣмъ никакого не было. Прожили три года. И вотъ однажды опять приходятъ къ нимъ два тунгуса; вошли, опять посидѣли молча и ушли. Въ эту ночь прѣзжаютъ къ братьямъ обѣ ихъ сестры, привели съ собой шесть оленей и говорятъ: «Убьютъ васъ тунгусы; уѣзжайте куда нибудь поскорѣе на этихъ оленяхъ!»! Старшій братъ говоритъ младшему: «Ну, парень, побѣжимъ!»! Младшій отвѣчаетъ: «Хочешь, такъ ступай самъ; я не пойду. Да если и поѣхалъ бы, такъ догонятъ. Лучше я ихъ убью». Такъ и не поѣхали. Сестры плакали-плакали, воротились къ мужьямъ.

Младшій братъ и говоритъ старшему: «Пойдемъ къ тунгусамъ!»! Пошли. Приходятъ къ тунгусамъ. А тунгусовъ юртъ 30, однихъ мужчинъ до 70 человекъ (тогда они на войну сражались, такъ ихъ много собиралось). Вотъ когда братья пришли, тунгусы убиваютъ одного жирнаго оленя и даютъ мальчикамъ; это значитъ предсмертный завтракъ. «Убьемъ ихъ», говорятъ тунгусы. Мальчики съѣдаютъ все мясо (оленя). Поѣвши, младшій братъ и говоритъ: «Давешнія мои сестры, тутъ-ли вы?».—Здѣсь, говорятъ. «Ну, когда я разсержусь, вы тогда отойдите въ сторону отъ людей!»!—Тутъ вскочили оба мальчика на верхушку юрты. Очень много тунгусовъ вышло, окружили ихъ. Тутъ эти два мальчика перебили всѣхъ тунгусовъ, и мужчинъ и женщинъ. Только худые изъ тунгусовъ просили пощады и дали дань. (Сестры остались живы).

5.

Саппы-Хосунъ.

Во времена Хаптагай-батыра жили по берегамъ Ледовитаго моря три якута; старшій братъ Саппы-Хосунъ, средній Ынгкабыль-

Хосунъ, младшій Баттагыянъ-Хосунъ Жили всѣ вмѣстѣ втроемъ, богато; промыслили по берегамъ моря рыбу Между тѣмъ тунгусы услышали о нихъ и говорятъ: «Пойдемъ, убьемъ ихъ!» На то одинъ старый умный тунгусъ сказалъ одному хорошему мужчинѣ тунгусу: «Ты ступай къ нимъ сперва одинъ, повидайся. И если можно ихъ одолѣть, то мы пойдемъ и одолѣемъ ихъ; а если нельзя, то ихъ и не трогай!»— Отвѣчаетъ ему этотъ тунгусъ: «Я и одинъ ихъ убью. Знаютъ люди якутовъ, осыпающихъ свои юрты землею (бор сахалар киси билляръ)!

Пошелъ. А въ это время Ынкабыль-Хосунъ дома, растянувшись, лежитъ; Баттагыянъ-Хосунъ дрова рубилъ, а Саппы-Хосунъ идетъ съти смотрѣть. Вотъ приходитъ тунгусъ къ Саппы-Хосуну (а тотъ долбитъ прорубь, съти ставитъ), и спрашиваетъ его: «Есть-ли такіе люди, Ынкабыль-Хосунъ, Баттагыянъ-Хосунъ? И гдѣ они?»— Отвѣчаетъ ему (Саппы-Хосунъ): «Ынкабыль-Хосунъ дома остался, Баттагыянъ-Хосунъ дрова рубитъ, а Саппы-Хосунъ я стою»!— Товарищъ, если ты Саппы-Хосунъ, я въ тебя выстрѣлю! «Ну, если хочешь, то стрѣлай!— Да вѣдь ты умрешь отъ моего выстрѣла!— «Ну кто отъ васъ умретъ»? Во сколько саженьяхъ буду я въ тебя стрѣлять?— «Да какъ хочешь, такъ и стрѣлай!»— Отпрыгнулъ (тунгусъ) трижды и стрѣляетъ. У тунгуса тридевять стрѣлъ; одну за другой вытаскиваетъ, стрѣляетъ. А Саппы-Хосунъ стоитъ, все прорубь долбитъ; хватаетъ стрѣлы да въ прорубь спускаетъ. Всѣ стрѣлы вышли у тунгуса; сълъ онъ на оленя, уѣхалъ.

Погнался за нимъ Саппы-Хосунъ, схватилъ тунгуса за косу. Тунгусъ сбросилъ съ себя *далысѣ* (родъ передника); а если тунгусъ сброситъ *далысѣ*, значитъ онъ далъ клятву, что сдается и больше уже не будетъ воевать. Уѣхалъ тунгусъ. Саппы-Хосунъ взялъ *далысѣ*, пришелъ домой, рассказываетъ братьямъ. Выходятъ всѣ братья втроемъ, идутъ къ тѣмъ тунгусамъ. Тунгусы стали просить пощады, даютъ на выборъ трехъ дѣвицъ; тѣ помирились и стали дѣлать сватьбу.

У. С К А З К И.

1.

Чирокъ и Беркутъ.

(Чаркый икки барыллах).

На южномъ мѣстѣ птицы обществомъ сдѣлали большое собраніе: «Наша земля (и мѣсто) лѣтомъ весьма жарко и знойно, дѣлается безъ воды; наши родимыя яйца всѣ гніютъ, умираютъ. Выбравъ себѣ господина, пошлемъ его на сѣверъ искать земли — мѣста!» И, собравшись, выбрали себѣ *господиномъ* Беркута, сказали: «Ты птица (человѣкъ), сающаяся на сухихъ безводныхъ мѣстахъ, ты можешь питаться четвероногими и птицами. Ты лучше насъ и величиною и умомъ; ты ступай!»

Распростившись съ своей барыней-женой и дѣтьми, Беркутъ полетѣлъ, бросая большую черную тѣнь. Послѣ того, какъ господинъ Беркутъ отправился, чрезмѣрно маленькая птичка по имени Чирокъ, утка съ очень красивыми перьями и пухомъ, стала увиваться около госпожи Беркута. Вотъ замѣтила это госпожа и сдѣлала ему какое-то порученье. Чирокъ на порученьи оказался весьма расторопнымъ человѣкомъ, на ходу оказался скорымъ. Потомъ госпожа съ нимъ подружилась; тамъ полюбились, а потомъ вошли въ любовную связь. Счастье-блаженство Чирку; цѣлый годъ жилъ мужемъ этой госпожи.

По прошествіи цѣлаго года Беркутъ-господинъ прилетѣлъ, бросая большую мрачную тѣнь. Когда онъ прилетѣлъ, собрался весь птичій (летающій) людъ, именуемый крылатымъ, говоря: «Что-то, какія-то слова, какія-то вещи привезъ видный нашъ господинъ? Въ какомъ-то мѣстѣ былъ! Услыхать-бы поскорѣе!»

— «Ну, господинъ нашъ, въ какомъ-же ты мѣстѣ побывалъ?» — сказали.

— Э, напрасно я туда и ходилъ. Для птицъ, сающихся на деревьяхъ, тамъ нѣтъ ни одного дерева; для птицъ, плавающихъ по

водѣ, нѣтъ ни одного озера. ни одной ложбины для плаванія. Туманомъ, вѣтромъ, вихремъ крутитъ эта земля!—сказалъ Беркутъ.

— Тый! (что это)?! парень, уйди! мужъ пришелъ! сказала госпожа Беркутъ прилетѣвшему къ ней Чирку.

— Потому-то вотъ я и пришелъ. Въ обществѣ обо мнѣ никто не спросить, говоря: «Гдѣ—куда онъ ушелъ»? Разойдемся лучше полюбившись, простившись, сказавши другъ другу завѣтные слова.

Залѣзъ Чирокъ въ громаднѣйшее гнѣздо Беркута, лежалъ, цѣлуясь-нюхаясь съ госпожей. Вдругъ увидалъ: летитъ, возвращается Беркутъ. «Ой, куда я пойду и спрячусь? Если выйду, увидитъ!»! сказалъ Чирокъ.

— Возьми сядь на сучекъ подъ гнѣздомъ; теперь темно, близорукая птица не увидитъ!—сказала госпожа-Беркутъ. Чирокъ съль, прицѣпившись къ суку.

Прилетѣвши, Беркутъ-господинъ сказалъ женѣ. «Ну, другъ! Снаряжай-ка ноги своихъ дѣтей. Тамъ на сѣверѣ превосходнѣйшее мѣсто. И прохладно столько, и лѣсу столько, и, чтобы защититься, каменьевъ столько, и животныхъ-добычи столько!»—Сколько народа туда идетъ? спросила госпожа-Беркутъ. «Нѣтъ, я сказалъ имъ, что оно крутится вѣтромъ и морозомъ, котораго никто не можетъ перенести! Я для чего имъ скажу? Мы сами, пошедши туда, господиномъ и госпожей, свободно расплодимся!»! говоритъ голосъ господина Беркута. Потомъ послышался звукъ; кажется, началъ онъ цѣловать-любить жену. (Что будетъ дѣлать человѣкъ, не встрѣчавшійся цѣлый годъ)? Услышавъ это, Чирокъ въ мысляхъ ревнуетъ. (Человѣкъ, цѣлый годъ имѣвшій женою, тоже не виноватъ). Ревнуя въ мысляхъ, вскричалъ: «Чусь!»! и слетѣлъ проворно. Испугавшись этого, господинъ-Беркутъ съ словомъ: «Ой!»! встрепенулся; гнѣздо его и свалилось отъ этого. «Это чей голосъ?»—спросилъ онъ у жены. —Чей голосъ? Развѣ это не звукъ сломившагося упавшаго сука? говорятъ жена.— «Или тó»? говоритъ господинъ-Беркутъ.

Когда утромъ сдѣлалось собраніе, Чирокъ, пришедши, разска- залъ; такъ и такъ, на сѣверѣ хорошая земля. «А ты почему знаешь»? спросили.— Да я залѣзъ подъ гнѣздо господина-Беркута, думая, что онъ расскажетъ своей женѣ; когда я сидѣлъ, онъ и разсказалъ. Да еще у него гнѣздо свалилось; поэтому вы узнаете, что я говорю правду», сказалъ Чирокъ. «Ну если твоя правда, то мы выберемъ другую почетную птицу и пошлемъ. Такъ начавши, нельзя оставить».

Вотъ пришелъ господинъ-Беркутъ шагомъ, не торопясь. «Ка- ково ночевалъ, старецъ»?—спросили все.—Гнѣздо мое свалилось, сказалъ господинъ-Беркутъ. На то народъ перемигнулся: «значитъ- де, Чирокъ правду сказалъ!» и собраніе народа сказало слово: «Вотъ ты нашъ господинъ-Беркутъ старецъ и сказалъ, что тамъ ничто не можетъ жить. Не съ радостью мы это выслушали; мы думали было, что тамъ непременно должно быть хорошее мѣсто. Какъ бы ты ни желалъ намъ добра, можетъ быть не попалъ на него. А если летѣть туда, откуда приходитъ прохладной вѣтеръ, то тамъ непременно должно быть хорошее мѣсто. Мы думаемъ послать дру- гую почетную птицу; и за то, что мы съ тебя снимаемъ долж- ность, будешь-ли ты обижаться? Вѣдь законъ такой!»—сказали.—Зачѣмъ стану обижаться? Обижаться тутъ не у мѣста, сказалъ Беркутъ.

На то весь пернатый крылатый люте, называемый птицами, обратившись къ журавлю, сказалъ. «Господинъ-Журавль, почетный старецъ, лучший изъ насъ! и летаешь ты хорошо и собой очень видный. И на сухомъ мѣстѣ ты спускаешься, садишься и червей ѣшь. Да и въ водѣ тоже нѣшкомъ будешь бродить, ѣсть будешь. Поэтому мы тебя и выбираемъ господиномъ осмотрѣть это мѣсто и прійдти». — «Хорошо, пойду! благодарю, что выбрали!» сказалъ жу- равль и потомъ вошелъ въ средину народнаго собранія.

Говорятъ, тогда была маленькая, невзрачная, короткая утка по имени Лахатта. Вставши, эта утка сказала: Досада какая! Об-

ществомъ—собраниемъ выбрали вы самую безтолковую птицу! Это животное только тѣмъ оно, что ноги длинныя, только своимъ вечернимъ дурацкимъ крикомъ, только вытянутой шеей скотина. Какая память, какой умъ, думаете вы, есть въ головѣ, внутри этого животнаго?... По моему мнѣнію этотъ звѣрь дойдетъ до какого-нибудь озера, наѣстся лягушками—ящерицами, да и воротится!

Услыхавши это, журавль напалъ на Лахатту (напавши, развѣ не пересилить?) избилъ ее такъ, что она не могла встать. Переломилъ кость крыла и ноги, собирался жизни лишить да народъ спасъ. Едва дыханіе осталось у Лахатты; лежитъ она и говоритъ: Ой больно, не выносимо больно! О, несчастіе мое, мученье! Это должно быть называютъ, что «кто-бы ни былъ—воленъ говорить среди общества какое-бы то ни было слово», а если скажетъ виновное слово и вина его докажется народомъ, то за вину будетъ отвѣчать. Посмотрите, какой умный, хладнокровный у васъ выбранный человѣкъ! Ой, какъ горько убилъ!

«Въ самомъ дѣлѣ, напрасно ты, господинъ нашъ, такъ разсудилъ! Все равно, ея вина была-бы доказана. Мы бы еще и должность съ тебя сняли, да другого порядочнаго нѣтъ!»—сказали.

На то Лахатта, лежа, визжитъ: Что за досадные! Говорятъ, что нѣтъ никого порядочнаго! Развѣ не видите, вонъ сидитъ молодецъ орелъ, и по имени-то господинъ *). Кто увидитъ такъ далеко, какъ онъ? Кто будетъ летать такъ высоко, какъ онъ? Кто умнѣе и великодушнѣе, какъ онъ? Вы, другіе, будете (еще) запутываться въ длинѣ одного своего клюва!

«Вѣдь въ самомъ дѣлѣ онъ нашъ природный, лучшій, почетный, умный и сильный. И правда, кто сходить туда, куда онъ не сходить? Кто разсудитъ то, что онъ не разсудитъ? Выберемъ его, попросимъ!»—сказавши, шумно выбрали орла, послали.

Птица Орелъ, прилетѣвъ со свистомъ, осмотрѣлъ эти мѣста; прибывъ назадъ, разсказалъ, что такія-то отличныя мѣста, что ни одинъ птенецъ не погибнетъ, ни одно яйцо не изгніетъ.

*) Тоенъ по-якутски значить и орелъ и господинъ.

Вотъ все собрались шумно, чтобы идти сюда. Тутъ и скажи птица, называемая Лахаттой: «Если я здѣсь одна останусь, развѣ я не умру»? Все, собравшись, распорядились объ этомъ, чтобы всегда туда идти и сюда возвращаться, журавль сажилъ себѣ на спину птицу, называемую Лахаттой, и возилъ; вѣдь онъ виноватъ, сломалъ ей руки и ноги!

Поэтому журавли перестали сюда прилетать, какъ слѣдуетъ. Беркутъ живетъ съ тѣхъ поръ, прячась по лѣсамъ. А Лахаттѣ имя нынче Богоргоно; сюда она не приходитъ (не прилетаетъ).

Это этимъ кончается.

2.

Л е т а ю щ і я к р ы л а т ы я .

(*Кѣтѣрь кынаттах*).

Р а з с к а з ъ (к я п с и).

Летающія крылатыя (расплодились) на Ледовитомъ океанѣ. Вотъ наступила зима. Стали дрожать, приготовились умирать. Стали выбирать хорошаго господина. Нѣкоторыя сказали: «Пусть журавль будетъ господиномъ!» Тутъ утка Богоргоно сказала: «Если мы будемъ ходить за каждымъ его крикомъ, мы помремъ, пожалуй!» Турпанъ утка (заступилась за журавля), встала, совсѣмъ растоштала утку Богоргоно: «Какъ не будетъ господиномъ онъ, человѣкъ съ важнымъ лицомъ и глазами и съ полнымъ корпусомъ?»

Лебедь-птица нашла орла, впервые выбрала. «Развѣ нѣтъ у насъ человѣка, похожаго на орла (господина), грознаго и важнаго лицомъ и глазами»? Согласились. Сдѣлавши господиномъ, выбрали; до настоящаго времени ходитъ господиномъ. Орелъ господинъ рассудилъ: «Пусть Турпанъ-утка носить на себѣ утку Богоргоно».

Заставилъ выбрать, говоря: «Кто изъ моей команды поидетъ мнѣ въ пищу»? На то дали (ему) снѣгиря: «Летая взадъ-впередъ, ѣшь его»!

Вотъ Чирка-утку послали искать зелени. Чирокъ искалъ-искалъ, не нашель. Филина послали искать землю. Вотъ, побывавши, фи-

линь прилетѣлъ. «Нигдѣ не нашелъ»! ---сказалъ онъ (птицамъ). Умирать, хотять. Филинь легъ съ женой; у этого филина, говорятъ, домъ есть. А Чирокъ сирятался, легъ; слушаетъ, лежитъ. Филинь и сказалъ женѣ: «Другъ! говорить. На хорошее мѣсто я сходилъ; нашелъ немерзнущее море; такъ тепло! И что за хорошая земля! и тепло, и знойно, и безъ зимы!» Услыхавши это, Чирокъ вскричалъ: «час!» и вылетѣлъ. И рассказалъ всѣмъ: «Такая-то есть хорошая земля!» Услыхавши это, весь летающій крылатый народъ полетѣлъ; стали достигать теплой земли. Филинь сказалъ: «Старуха! побереги пухъ голеней!» За то, что онъ скрылъ землю, не сказалъ, его и оставили здѣсь зимовать (т. е. въ Верхоянскомъ округѣ, на срединѣ между Ледовитымъ моремъ и теплыми землями).

В.

Хорошій Юджіянъ.

(Ючюгяй Юджіянъ).

Говорять, есть хорошій Юджіянъ; есть говорятъ, у него братъ худой Ходжугуръ (кусаган ходжугур); двоечкомъ (живутъ), говорятъ. (Вотъ) оба брата ночевали. Хорошій Юджіянъ всталъ. «Должно быть я запачкался въ темной матушкѣ—ночи!» все вымылъ водою темнаго моря (большой воды). Думая: «должно быть позеленѣлъ я въ зеленой матушкѣ—ночи!» все посмылъ водою зеленаго моря (большой воды). Кушалъ, ѣлъ. Отправился за самками-звѣрями на разсвѣтъ (въ ту сторону, гдѣ начинается разсвѣтъ). Около самаго перваго разсвѣта отправился за трехъ годовалымъ дикимъ звѣремъ. Около утренней зари отправился за сохатыми. Пошелъ вести самца за носъ, медвѣдя за ножную щетку; сохатаго за ноздри; изъ волковъ лучшаго, съ черными полосками на переднихъ лапахъ. Отправился Худой Ходжугуръ, вышелъ и сталъ грести (очищать лопатой) надворье. Посмотрѣлъ къверху на небо. Прилетѣли семь стерховъ (сяття кыталык)*), кружатся и говорятъ: «Парень, Худой Ходжугуръ!

*) Кыталык, «бѣлый стерхъ», *Grus leucogeranus*; Böthlingk, *Jak.-deutsch. Wörterb.* 62.

Ушелъ-ли твой старшій братъ Хорошій Юджіань или дома? Мы спустимся, поиграемъ, посмѣемся!—Тетушки, тетушки (старшія сестры)! Спуститесь, спуститесь! Поиграемъ-посмѣемся!... Мой старшій братъ Хорошій Юджіань ушелъ—ушелъ!

Спустились, пришли. Играли; что было въ огнѣ у Хорошаго Юджіаня, то въ лѣсъ вытащили; что было въ лѣсу, въ огонь внесли (т. е. все поставили вверхъ дномъ). Играли, танцевали. Заря стала потухать. Вышли-вылетѣли трубою. Худой Ходжугуръ легъ раздувать огонь. Хорошій Юджіань влетѣлъ (въ домъ). Ни одна-то работа не сработана. Коровы его стоятъ—мычатъ. Кобылы въ загонѣ ржутъ—стоятъ. Дровъ (Худой Ходжугуръ) не нарубилъ; прорубь не выдолбилъ; по надворью (снѣгъ) не сгребъ; воды не начерпалъ; домъ совершенно темный. «Парень, почему ты не работалъ»?—Проспалъ я, проспалъ!—Схватилъ его за волосы на затылкѣ, наказывалъ. «Пошади (меня), (старшій) братъ!» Бросилъ (его). «Отчего ты не работалъ»? (спрашиваетъ). «Проспалъ я, проспалъ!» Стали кормить кобылъ и коровъ. Сами ѣли, кушали. Спали.

Утромъ встали. Хорошій Юджіань отправился за промысломъ-пищей. Худой Ходжугуръ, подпершись вмѣсто тростки лопатой, сталъ у коновязи, смотря вверхъ. Вчерашніе семь стерховъ кружатся—кружатся. Посмотрѣлъ (поютъ они): «Парень Худой Ходжугуръ! Ушелъ-ли твой старшій братъ хорошій Юджіань или дома»?—Худой Ходжугуръ (поетъ): «Мой старшій братъ ушелъ—ушелъ. Спуститесь—спуститесь. Поиграемъ, посмѣемся по вчерашнему!» Спустились—пришли; что было въ огнѣ въ лѣсъ стащили; что было въ лѣсу, въ огонь внесли. Плясали, играли. Заря стала потухать. «Парень! не говори (о насъ) брату. Станемъ приходить—играть каждый день!» сказали.—Тетушки (старшія сестры)! не скажу!—говорить. Вылетѣли трубою.

Легъ (онъ) раздувать огонь. Влетѣлъ (домой) старшій братъ. «Что такое, каждый день ты не сталъ работать»?—Старшій братъ, проспалъ я, проспалъ!—Схватилъ его (старшій братъ) за волосы,

за затылокъ, сталъ наказывать въ спину. «Умоляю (тебя), старшій братъ!» сказалъ. — Самъ сработалъ работу. Кушали — ѣли. Спали.

Утромъ встали. «Лежи-ка у меня опять; не работай работу!» сказалъ (старшій братъ). «Берегись!» сказалъ. Притворился, что будто вышелъ. Обратившись блохою, спрятался въ двери дома. Худой Ходжугуръ вышелъ, стоялъ у коновязи, смотря вверхъ. Прилетѣли семь стерховъ, кружатся. «Тѣгушки, тетки! Спуститесь, спуститесь! Поиграемъ, посмѣемся!» — А братъ твой старшій, Хорошій Юджіанъ дома или нѣтъ? — «Ушелъ — ушелъ. За промысломъ-пищей!» сказалъ. — Почему-же надворье твое съ тѣнью? Почему-же домъ-огонь твой (будто) покрытъ темнымъ туманомъ? «Ушелъ - ушелъ!» сказалъ. Заставили (его) клясться-клясться. Спустились.

Играли. Когда они шли, танцевали посрединѣ, Хорошій Юджіанъ смотря-стоя, напалъ на одного главнаго (стерха). Шестъ вылетѣли трубою. Взялъ, вытерebilъ пухъ; стала хорошей женщиной. Повѣсилъ (онъ этотъ) пухъ на лѣсину. Жилъ, сдѣлавши ее женой.

Однажды утромъ Хорошій Юджіанъ отправился за промысломъ-пищей. «Парень! сказала (эта женщина). Видѣлъ-ли (видишь-ли) ты мой пухъ?» сказала. «Жена старшаго брата, вижу!» сказалъ (Худой Ходжугуръ). — Сколько взялъ-бы платы за то, чтобы достать (его) и отдать мнѣ? — «Жена старшаго брата! Дай (мнѣ) лягушекъ, жуковъ, червей, водныхъ инфузорій»*)! сказалъ. Она набрала ему цѣлый кузовъ (туесъ), подала. Этотъ Худой Ходжугуръ пришелъ-принесъ пухъ. Подаль-отдалъ пухъ этой женѣ старшаго брата. Натыкавши этотъ пухъ, вылетѣла на небо.

Худой Ходжугуръ полный домъ насыпалъ этими червями. Игралъ, приговаривая съ каждымъ прыжкомъ лягушки: «о ботякееъ, у бабат! Ахъ, какъ хорошо!» сказалъ. Пришелъ старшій братъ, влетѣлъ. «Парень, это что такое?» сказалъ. «Собрала, дала мнѣ (старшая) невѣстка!» — Зачѣмъ набрала и отдала? спросилъ онъ.

*) Самгас альчахтан хомурдостон юённѣанъ червялянь уу кыстан (водяныхъ дѣвиць) кулу!

«Да я нашелъ-отдалъ ей пухъ! Въ уплату за это (она) набрала и дала мнѣ! Старшій братъ! Я не думаю, чтобы подь солнцемъ было что-нибудь получше! Вотъ когда и ты посмотришь, развѣ не хорошо?»? сказалъ. — «Куда пошла твоя (старшая) невѣстка?» (спросилъ). — «Натыкавъ-натыкавъ пуха, ушла-улетѣла на небо!» Наказывалъ Худаго Ходжугура. Оставилъ только (одну) душу. Сѣлъ на лошадь. Сѣвши на игренюю лошадь съ хвостомъ изъ неровныхъ волосъ, полетѣлъ на верхнее мѣсто.

Вышелъ на пѣшее облако (т. е. ходящее ниже высокихъ горъ). Тутъ все равно также земля— мѣсто, домъ и огонь.

Въ одномъ стоячемъ домикѣ плишка (пташка)*) качаетъ одно колыбельное дитя. Хорошій Юджіань влетѣлъ (въ домъ). Эта плишка, вздрогнувши, вскричала: «чичип!»! Эта пташка стала съ человѣческойю рѣчью: «Хорошій Юджіань! что, ты идешь, отыскивая свою жену? Если (она) узнаетъ, что ты здѣсь, ни за что не придетъ. Стань горностаемъ. Войди въ колыбель дитяти. Щипай ребенка насквозь, онъ заплачетъ смертельнымъ плачемъ. Если она чувствительный человѣкъ, то на это придетъ!»!

По этимъ словамъ сдѣлался онъ горностаемъ; вошелъ въ зыбку ребенка, щипалъ его, насквозь прокусывалъ. Ребенокъ заплакалъ по-дѣтски. Семь стерховъ прибыли. Эта женщина спустилась - пришла, взяла ребенка изъ зыбки. «Дитя мое! Отчего ты такъ заплакала?» сказала. Сѣла, давши ему груди. Хорошій Юджіань напалъ на эту женщину. Взялъ, совершенно вытербилъ пухъ; сожегъ. А женщина, вся покрывшись пузырями, умерла.

Вотъ настала этому человѣку суета. Полетѣлъ на верхнее мѣсто. Пришелъ къ Юргяль-господину (Плеядамъ). Дочь господина Юргяля, Пугливая шаманка Юргюкъ-удаганъ, сидя на восьминомъ мѣдномъ лабазѣ**), замотавши восьмисаженные ало-шелковые волосы на серебряный колъ, сидитъ чешетъ (ихъ) золотымъ гребнемъ».

*) Въ текстѣ чычах.

**) Агыс атахта алтан арангас.

«Дочь господина Юргяля, Пугливая шаманка! Я пришелъ взять тебя (замужъ)! Живи, приготовивши твои уборы - платье, приданое, приданный скоть!»! Миновалъ, полюбивши ея кончикомъ тальниковой плетки (т. е. недотронувшись до нея физически).

Прошелъ къ господину Мѣсяцу (Ый тоёнг). Пришелъ къ господину Мѣсяцу. Дочь господина Мѣсяца, сидя на восьминогомъ мѣдномъ лабазѣ (алтан арангас), замотавши на серебряный колъ свои восьмисаженные ало-шелковые волосы, сидить—чешетъ ихъ золотымъ гребнемъ. «Дочь господина Мѣсяца съ луннымъ свѣтомъ шаманка (Ыйдынгалах удаган)! Я пришелъ взять тебя (замужъ). Живи, приготовивши твой уборъ-платье, твое приданое, приданный скоть. На обратномъ пути я возьму (тебя)!»! Прошелъ мимо, полюбивъ ея кончикомъ тальниковой плетки. Прошелъ мимо къ господину Солнцу.

Пришелъ къ господину Солнцу. Дочь господина Солнца Кюёгяль шаманка (Кюёгяль удаган), сидя на восьминогомъ мѣдномъ лабазѣ, замотавши свои восьмисаженные ало шелковые волосы на серебряный колъ, сидить чешетъ ихъ золотымъ гребнемъ. «Дочь господина Солнца, Кюёгяль шаманка! Я пришелъ взять тебя (замужъ)».

Прежде чѣмъ успѣли посмотрѣть (скорѣе мгновенья), прежде чѣмъ, молвивши, успѣли кончить слово, тотъ часъ приготовились ѣхать. Встали, поѣхали. Ёхали, гнали восемьдесятъ табуновъ коннаго скота, девяносто хотоновъ коровъ. Прибыли къ дочери господина Мѣсяца. Ёхали, вели и везли все и скоть и имущество и нищу. Всѣ поѣхали. Прибыли къ дочери господина Юргяля. Поѣхали—повезли имущество, нищу, скоть, все; переселялись. Ёхалъ, путешествовалъ вмѣстѣ съ тремя женами.

Приѣхали на ихъ поле. «У меня былъ самострѣлъ на лисиць», сказалъ (Хорошій Юджиянь) и указалъ впередъ. Выдернулъ взялъ прежнюю свою женщину. Везя, посрединѣ пути-дороги одѣлъ ее въ собственное платье, растлалъ свою постель, положилъ подуш-

кой сѣдло; положилъ жену; закрылъ одѣяломъ. Лошадь привязалъ къ дереву; (а самъ) спрятался.

Бдучи нѣжно тихимъ шагомъ, прибыли его жены. «Что это, другъ?» заговорили они между собою. Посмотрѣли въ лице другъ другу. «Лежитъ — померъ нашъ мужъ!» сказали. Заплакали. Дочь господина Солнца Кюёгяль-шаманка спрашивала: «Дочь господина Юргяля, Пугливая шаманка! Сколько лѣтъ умершаго человѣка ты оживляешь?» — «Три года умершаго человѣка дѣлывала я, какъ только что упавшаго въ обморокъ человѣка!» Спросила у дочери господина Мѣсяца: «За сколько лѣтъ умершаго человѣка ты оживляешь?» — «Три года умершаго человѣка дѣлывала я, какъ только что уснувшего лежащаго человѣка!» Дочь господина Солнца сказала: «Три года умершаго человѣка я такъ оживляла, что онъ тотъ часъ бѣжалъ, летѣлъ, отправлялся».

Дочь господина Юргяля трижды перелетѣла (черезъ лежащаго человѣка); сталъ онъ такого вида, какъ человѣкъ, лежащій въ обморокъ. Дочь господина Мѣсяца трижды перелетѣла черезъ (него); сталъ онъ на видъ, какъ (лежащій) спящій человѣкъ. Дочь господина Солнца трижды перелетѣла черезъ него: «Спала я или была въ обморокъ? Какъ хорошо!» сказала (покойница) и встала (живой). Жены думали, что ихъ мужъ; оказалась женщина. И вздрогнули, и убоялись, и устыдились. Улетѣли на верхнее мѣсто. И имущество, и пища и богатство совершенно все осталось на среднемъ мѣстѣ (землѣ). Дочь господина Юргяля (сказала): «Ахъ, жалость! наше богатство остаешься, что-ли? Воротимся!» Дочь господина Солнца (сказала): «Ни за что я не ворочусь. Это (имущество) составляетъ у моего отца только одногодній приплодъ скота. За этимъ я не ворочусь!» Улетѣли на верхнее мѣсто.

Хорошій Юджіань, взявши богатство этихъ дочерей, ожививши свою жену, положивши ребенка съ колыбелью (вмѣсто кладѣ), погоняя спереди, ведя сзади, везя кладъ на бокахъ, имѣя въ лонѣ женщину, имѣя ребенка въ зыбкѣ, прибылъ на вселенную, ко всему

народу, въ основной домъ. Говорять, живутъ богато, въ достаткѣ и до настоящаго дня. Только.

4.

Низенькая старушка съ пятью коровами.

(Бесъ ынахтах бйбярикань эмхсинь).

Говорять, вставши въ одно утро, низенькая (маленькая, толстенная) старушка (бйбярикань эмхсинь) съ пятью коровами пошла на хорошее поле искать коровъ. И съ широкаго поля взяла съ корнемъ хвошь(?) траву*) съ пятью отростками; не сломавши ни корешка, ни одной вѣтви, положила на подушку. Принеся домой, завернула въ одѣяло, положила на подушку. Потомъ вышла, сѣла доить коровъ. Сидитъ она, слышитъ: вдругъ зазвенѣли бубенчики-колокольчики, ножницы упали со стукомъ. На это старушка бросила—разлила молоко. Прибѣжавши домой, посмотрѣла: лежитъ трава травкою. Снова вышла, сѣла доить коровъ. «Опять, думаетъ зазвенѣли бубенчики—колокольчики; опять упали ножницы». Опять пролила молоко. Посмотрѣла: на лѣвой сторонѣ дома (въ спальнѣ) сидитъ дѣвица съ глазами изъ халцедона**), съ губами изъ крѣпкаго (какъ сталь) камня, съ лицомъ изъ свѣтлаго камня, съ бровями, какъ два черныхъ соболя, лежащiе прикасаясь другъ къ другу ногами; сквозь платье видно тѣло; сквозь тѣло видно кости; сквозь костей виднѣтъ мозгъ, разливающiйся взадъ-впередъ подобно ртути; сама несказанной красоты; эта-то трава сдѣлалась такой дѣвицей.

Послѣ этого сынъ Похвальнаго Ханъ-харахъ-хана (кровяной глазъ почтенный) господина***) Харжитъ-Бергенъ пошелъ на промыселъ въ темный лѣсъ. Сидитъ сѣрая бѣлка на кудрявой лѣсинѣ около дома этой низенькой старушки съ пятью коровами. Нашедши здѣсь бѣлку, сталъ стрѣлять; съ темнаго утра, ни разу не попадаетъ; наступилъ закатъ солнца. (Въ это время) стрѣла упала въ

*) Въ якутскомъ текстѣ стоитъ вмѣсто хвоща бярджигяс оту; от—трава.

**) Въ якутскомъ текстѣ ханджитал тас.

***) Хаягамсык харах хан тоен.

трубу. «Старуха, возьми (оттуда) стрѣлу, отдай мнѣ!»—говорить онъ; не получаетъ отвѣта. Задымилась кровь въ носу, зарумянилась кровь въ щекахъ, забѣгала кровь во лбу; пришла съ боку сердитая мысль, пришла съ затылка хвастливая мысль; влетѣлъ онъ (въ домъ).

Влетѣвши, увидалъ эту дѣвицу, и, увидавши, обмеръ; потомъ ожилъ, влюбился; вышелъ, побѣжалъ; на лошадь прыгнулъ и сѣлъ; во весь опоръ прилетѣлъ домой. «Родители мои! говорить. У низенькой старушки съ пятью коровами такая хорошая дѣвица! Возьмите эту дѣвицу, дайте мнѣ»!

Тутъ (отецъ) послалъ людей на девяти коняхъ; во весь опоръ поѣхали; влетѣли къ низенькой старушкѣ съ пятью коровами. Всѣ они пали безъ чувствъ отъ красоты этой дѣвочки. Потомъ (очнувшись) вышли вонъ; одинъ самый лучшій человѣкъ остался. «Низенькая старушка! говорятъ. Дай эту дѣвочку сыну Похвальнаго Харахъ-хана-господина».—Дамъ, отвѣчала она. Спросили у дѣвочки. «Пойду»! сказала она. «Какъ калымъ, сказала (старуха), пригоните, дайте-наполните мое чистое поле коннымъ и рогатымъ скотомъ. Услыхавши это, раньше мгновенія, еще даже вполовину скорѣе этого, сказавши и не успѣвши договорить, соберите, пригоните, подайте, отдайте (калымъ); возьмите дѣвочку и уйдите»!—сказала. И по сказанному живо подали ей этого скота. Убрали дѣвочку, одѣли ловко-легко; привезли-привязали мелкочубарую лошадь съ (человѣческой) рѣчью и разговоромъ. Серебряную обротъ надѣли, серебряной уздой обуздали, серебряный нижній чапракъ (кычым) наложили, положили серебряный верхній чапракъ; осѣдлали серебрянымъ сѣдломъ, привѣсили серебряную плетку; (зять) взялъ (невѣсту) (бывшую) съ боку матери за плеть, вывелъ, на коня посадилъ, повезъ (домой)!

Бдутъ они дорогой. На пути онъ и (говорить): «Въ темномъ лѣсу есть лукъ на лисицъ; пойду я туда. А ты ступай отсюда вдоль по этой дорогѣ. Дорога разойдется на двѣ стороны: на востокъ

будетъ повѣшена рысья—соболья шкура. А на дорогѣ, идущей на западъ, должна быть повѣшена шкура самца медвѣдя съ лапами, съ головой, съ бѣлымъ ошейникомъ (т. е. бѣлой шерстью на шеѣ въ родѣ ошейника). На эту сторону не ходи! А поди той дорогой, гдѣ повѣшена соболья кожа!»! Указалъ и указавши уѣхалъ.

Вотъ ѣхала женщина и достигла этой указанной ростани. Какъ доѣхала, такъ и позабыла. Поѣхала сама по дорогѣ, гдѣ повѣшена медвѣжья шкура; достигла до стоячей желѣзной юрточки. Вдругъ изъ дому вышла (дьявольская дочь), одѣтая въ желѣзную эпанчу выше коленнаго сгиба, съ одной единешенькой ногой, закрученной отъ самой поперечной кости (съ середины таза), съ одной единственной крученой рукой, вышедшей изъ-подъ ложечки (подъ грудью); съ однимъ на самой серединѣ лба мутнымъ противно блестящимъ глазомъ, подобно слюдяному окну русскаго человѣка; семисаженный желѣзный языкъ спустила на грудь. Сдернула, уронила женщину съ лошади, съ лица ея сорвала совершенно всю кожу и набросила на свое лицо; весь нарядъ - уборъ ея отобрала и сама одѣлась. Сѣвши на эту лошадь, уѣхала дьявольская дочь.

Мужъ догналъ ее, когда она пріѣхала къ дому Похвальнаго Харахъ-хана-господина. Девять юношей вышло-пришло къ корню коновязи (сяргя), чтобы принять ее за обротъ; восемь дѣвиць собрались у корня коновязи, чтобы принять ее за обротъ. Говорятъ, эта невестка привязала лошадь наизворотъ къ тальнику, гдѣ Симяхсинь старуха (Симяхсинь-емяхсинь) привязывала зеленопестраго быка. Принимающіе невестку за обротъ на большую четверть упали духомъ, на малую четверть разочаровались; стало имъ прискорбно. Думали, что тамъ, гдѣ она сморкнетъ, посыплются корольки. Для этого насучили нитокъ, говоря: «какъ сморкнетъ, корольки брызнуть — упадутъ». Думали, что гдѣ она пойдетъ, по ея слѣдамъ побѣгутъ соболи; для этого молодежь приготавливала стрѣлы.

Эта дьявольская дочь (абасы кыса), эта невеста, сморкнула; зеленые корольки разсыпались; (встрѣчающіеся) омерзались. Гдѣ она

прошла, рыжіе (худошерстые) горностаи побѣжали; (встрѣчающіеся) получили прискорбіе и омерзались. Отъ корня коновязи до юрты настлали зеленой травы. И по зеленой травѣ, взявши за руку, ввели невѣстку. Вошедши, она затопила огонь тремя верхушками молодыхъ лиственницъ; спрятали ее за занавѣску; пили-ѣли, играли, смѣялись, жили.

Прошло свадебное пиршество; живутъ. Низенькая старушка съ пятью коровами пришла на чистое поле искать коровъ; лучше обыкновеннаго выросла пятисуставная хвощъ трава (берджигясь от); выкопала (ее) съ корнемъ, принесла домой, завернула въ подушку, стала доить коровъ; колокольчикъ-бубенчикъ зазвенѣлъ, ножницы со стукомъ брякнули, упали. Сидитъ прехорошая дѣвушка лучше прежняго. «Мать!» сказала. «Мужъ мой увезъ меня отсюда. Вотъ дорогой этотъ мой мужъ сказалъ: «промышлять пойду» — и ушелъ; сказалъ: «ступай по дорогѣ, гдѣ повѣшена рысья шкура; не ходи по дорогѣ, гдѣ повѣшена медвѣжья». И, позабывши это, пошла я по той дорогѣ, гдѣ повѣшена медвѣжья шкура. На это пришла я къ стоящему желѣзному домику. Совершенно сорвавши съ моего лица кожу, дьявольская дочь накрыла свое лицо; весь уборъ мой отобрала и сама нарядилась, одѣлась. Сѣвши верхомъ на мою лошадь, эта дьявольская дочь отправилась. Кости мои и кожу бросила. Сѣрая собака схватила зубами легкія и сердце, таскала и бросила на чистомъ полѣ. Тутъ я выросла хвощъ-травою; мнѣ не назначено совершенно умереть; можетъ быть, мнѣ было суждено расплодить потомство; можетъ быть, мнѣ назначено было размножить молодой скотъ. Дьявольская дочь разрушила эту мою судьбу, это мое назначенье, сдѣлала своимъ мужемъ моего. Ипоганила его плоть и кровь; впиталась въ него дьявольская плоть и кровь. Какъ я (теперь) увижу этого своего мужа?»

Похвальный Ханъ-харахъ-ханъ-господинъ пришелъ на поле. Распестрѣпестрая бѣлая лошадь съ рѣчью и разговоромъ узнала, что ее хозяйка ожила и стала съ человѣческимъ голосомъ. Какъ возъ-

имѣла языкъ, стала жаловаться Ханъ-харахъ-ханъ-господину: «Дьявольская дочь убила мою хозяйку; совершенно содравши съ ея лица кожу, закрыла свое собственное лицо; содравши весь уборъ-нарядъ ея, убралась-нарядилась (въ него) сама. Вошла и живетъ эта дьявольская дочь, сдѣлавшись невѣсткой Ханъ-харахъ-ханъ-господина. Вотъ (теперь) моя хозяйка ожила и живетъ. Если не берете невѣстой эту святую дѣвочку, то я буду жаловаться. Бѣлому Господу Богу съ сѣдалищемъ изъ бѣло-молочной горы (камня), съ непокрывающимся пѣнками молочнымъ озеромъ, съ серебряными волнами, съ золотымъ плывущимъ льдомъ (шугою), и съ торосами изъ серебра подъ чернью; домъ и огонь вамъ разстрою, не дамъ жить путемъ. Божьему человѣку не слѣдуетъ брать дьявольскую дочь. Привяжите эту невѣстку дьявольскую дочь къ ногамъ дикаго коня. А сына пусть ударяетъ быстреть, обмываетъ въ продолженіи тридцати-суточного мѣсяца; пусть черви и гады высосутъ испоганенную-нечистую кровь. Вытащите его (потомъ) изъ воды, провѣтрите на вершинѣ дерева въ продолженіи тридцати-ночного мѣсяца. Пусть провѣтрить вѣтренницей (весенними вѣтрами), дующей съ сѣвера и юга; пусть насквозь пробьетъ сердце и печень, вычиститъ оскверненную плоть и кровь. И, очистившись, пусть уговорить, возьметъ свою жену!»

Старикъ услыхалъ (понялъ) слова этой лошади. Услыхавши, говорятъ, отбросилъ изъ двухъ глазъ слезы на двѣ стороны. Прискакалъ домой, влетѣлъ.

Увидавши это, невѣстка измѣнилась въ лицѣ.

«Парень! говоритъ (Харахъ-ханъ-господинъ). Откуда и отъ кого ты взялъ жену?»—Я взялъ и привезъ дочь низенькой старушки съ пятью коровами!—«Какой наружности была лошадь, на которой ты ее привезъ? Откуда опредѣлена и какой породы женщина, которую ты взялъ и пріѣхалъ! знаешь-ли ты происхождение женщины?» На это сынъ отвѣчалъ: «(Есть) на верхнемъ мѣстѣ, за третьимъ небомъ, съ молочно-горнымъ сѣдалищемъ Бѣлый Господь Богъ; младшій братъ его «собирающій перелетныхъ

птиць, соединяющій - собирающій ихъ въ одно общество Егоза (Бродячій) Дзясягай-господинъ» *); это его дочери, семь дѣвиць, обратившись семью стерхами (сяття кыталык), пируютъ на землѣ; спустились на это круглое поле и плясали; воспитательница госпожа хранительница **) спустилась. И спустившись, взяла изъ семи стерховъ самого лучшаго и сказала: «Твое назначеніе въ люди выйдти, быть на этомъ среднемъ мѣстѣ якутомъ» (якуткой), говоря: «Ты не брезгуй этой поганой средней землей! Ты по достоинству назначена сыну Похвального Ханъ-харахъ-хана-господина Харджень-Бергеню***) съ дохой изъ восьми соболей. Отъ этого ты будешь человѣкомъ, родишь дѣтей, воспитаешь скоть!» Сказавши это, обрѣзала конецъ крыльевъ. Дѣвушка заплакала: «Превратись въ хвощь-траву и вырости!» сказала (хранительница). «Маленькая старушка съ пяти коровами должна найти ее (траву) и, обративъ въ дѣвушку, отдать за сына Ханъ-харахъ-ханъ-господина» — сказала (хранительница). И взялъ я по тому ея назначенью и указанью; а чуднаго и посторонняго я, кажется, ничего не бралъ».

— Я пришелъ, видѣвъ и слышавъ. Чубарая лошадь съ человѣческой рѣчью жалуется мнѣ. Когда ты везъ жену, ты сказалъ о ростани дороги: «По восточной дорогѣ, должно быть, вѣсится рысья шкура; и на западной ростани, должно быть, вѣсится медвѣжья шкура». Ты сказалъ: «Не ходи по дорогѣ съ медвѣжьей шкурой, ступай по дорогѣ, гдѣ повѣшена рысья!» Это она позабыла. И поѣхала она вдоль по дорогѣ, гдѣ вывѣшена медвѣжья. Достигла желѣзнаго дома. На встрѣчу къ ней выскочила дьявольская дочь, съ коня стащила - свалила, съ лица ея совершенно содрала кожу, взяла свое лицо закрыла. Убралась — одѣлась во весь (ея) нарядъ,

*) Словами Бѣлый Господь Богъ передана якутская фраза: Юрюнь-Ач тоён. «Съ молочно-горнымъ сѣдалищемъ» въ якутскомъ: ють тас олбохтох. Русскимъ егоза передано якутское Джёлликъ; сложное парное Джёлликъ-Дзясягай-тоён. Эпитеты его въ якутскомъ текстѣ: кытыэны кытырар, мёрёню мёрёрдыарь.

**) Эхсить хатын.

***) Такъ вмѣсто Харджить-бергенъ

серебряный уборъ. Эта дьявольская дочь, сдѣлавшись невѣсткой, пріѣхала. Потому-то она привязала лошадь за старую (развалившуюся) талину; это составляетъ уже примѣту. «Привяжите свою дьявольскую дочь-невѣсту къ ногамъ дикаго коня!» сказала. «Велите промыть сына на быстрой водѣ въ продолженіи цѣлаго тридцати-ночнаго мѣсяца, чтобы черви и гады высосали оскверненное тѣло и кровь. Вынесите провѣтривать на вершину дерева въ продолженіи тридцати-ночнаго мѣсяца. Пусть вѣтренница, приходящая съ сѣвера и юга, провѣтрить насквозь сердце и печень!» говоритъ эта лошадь. Поди, упроси свою жену, возьми ее! Прочь эту жену, не кажи! Она все съѣсть и людей, и скоть. «Если», говоритъ эта лошадь, «не удалишь ее, то пожалуюсь Бѣлому Господину».

Услыхавши это, сынъ очень устыдился; сидящую за занавѣской невѣстку работникъ, по имени Болорукъ, за ногу стащилъ-вытащилъ, взялъ-привязалъ за ноги къ дикому коню. (Конь) залягалъ эту дьявольскую дочь въ куски до смерти. Тѣло и кровь ея обратились на землѣ червями и гадами, и, сдѣлавшись червями и гадами, ходятъ до настоящаго времени. Выставили сына на быстреть, посадили провѣтривать на дерево, чтобы продулъ его насквозь весенній вѣтеръ, приходящій съ сѣвера и юга. Очистили оскверненное тѣло и кровь; принесли въ домъ еле-дышущаго, изсушеннаго; остались только кости и кожа.

Пригналъ калыму больше прежняго. Спустился (съ коня) у коновязи дома, гдѣ была его жена. Низенькая старушка съ пятью коровами съ радостію выпорхнула; обрадовалась, точно умершій ожилъ и потерявшійся нашелся; отъ коновязи до юрты постлала зеленой травы; на передней кровати разостлала конскую бѣлую кожу съ лапами и головой (т. е. головной кожей). Дойную (кобылу или корову) убила, грудистаго (коня) сронила (убила), сдѣлала свадебное пиршество.

Эта дѣвушка подошла къ мужу со слезами и плачетъ: «Зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ?» говоритъ. «Ты далъ пролить мою чер-

ную кровь, разрубить мою толстую кожу. Даваль на съѣденіе псамъ и уткамъ. Даваль на съѣденіе дочери восьминогого дьявола. Послѣ этого какую ты теперь женщину отыскиваешь здѣсь? Дѣвушекъ больше окуней; женщинъ больше харгусовъ; убоилось мое сердце, встревожился разсудокъ! Нейду!»! говоритъ.

— Я не обрекалъ тебя на съѣденіе восьминогой дьявольской дочери; поѣхаль я за промысломъ-пищей. Дорогу тебѣ я указаль. Завѣдомо не посылаль въ смертное мѣсто; не говорилъ, знавши-видѣвши: «Ступай на встрѣчу смерти!»! Воспитательница госпожа хранительница, создавшая госпожа создательница*) назначила тебя, опредѣлила для меня; поэтому ты ожила и живешь» сказаль. «Какъ-бы то ни было, добромъ или зломъ (худомъ), я непременно долженъ тебя взять», говоритъ.

Низенькая старушка съ пятью коровами отбросила слезы изъ обоихъ глазъ на обѣ стороны; между двумя этими дѣтьми подсѣла. «Какъ вы, оживши послѣ смерти, отыскавшись послѣ потери, не радуетесь свиданью? Никто изъ васъ не преступайте моихъ словъ!»!

Дѣвица дала слово, нехотя сказавши: «ладно». Парень соскочилъ, заплясаль-запрыгалъ, обнималь, цѣловаль-нюхаль. Наигрались лучшими играми, нахохотались сильнымъ смѣхомъ, наговорились самымъ лучшимъ разговоромъ. На дворѣ привязали распестропеструю лошадь съ человѣческой рѣчью, осѣдлали серебрянымъ сѣдломъ, обуздали серебрянной уздой, надѣли серебрянную обротъ, наложили серебряный чапракъ, покрыли серебряной попоной, навѣсили серебряныя переметныя сумы, привѣсили серебряную плетку. Дѣвицу одѣли-исправили, увезли домой, уѣхали въ дорогу. Узнавая зиму по выпадающей снѣжной порошокъ, лѣто по дождю, осень по туману, ѣхали путемъ дорогой.

Прислужники (разнимающіе) изъ девяти домовъ Харахъ-ханъ-господина, домочадцы съ восьми домовъ, комнатные слуги съ семи домовъ, девять господъ сыновей, родившіеся, какъ девять журавлей (туруя)

*) Эяхсыт хатын ай быт айсыт хатын.

думая: «какъ прїѣдетъ невѣстка, будетъ выступать, похаживать, то со слѣдовъ ея будутъ выскакивать соболи», для этого готовили стрѣлы и работали до того, что съ пальцевъ сошла вся кожа; до тѣхъ поръ присматривались къ работѣ, что глаза притушились-притупѣли. Семь дочерей-женщинъ, подобно семи стерхамъ (кыталык), родившимся вмѣстѣ, засучивали нитки такъ, что съ колѣнъ сошла вся кожа, говоря: «если взойдетъ невѣстка да звучно сморкнетъ, посыплется дорогіе корольки».

Прїѣхали сынъ съ невѣсткой; у коновязи двѣ дѣвицы приняли ихъ за поводъ; поднявши, спустили; звучно сморкнула, такъ и посыпались дорогіе корольки; въ тотъ-же мигъ они стали вздѣвать на нитки. Соболи выбѣгали по (тому) мѣсту, гдѣ она выступала впередъ. Парни побѣжали въ темный лѣсъ стрѣлять ихъ.

Отъ основанія столба до юрты устлали зеленой травой. Пришедши, она развела огонь тремя вѣтками лиственни; спрятали ее за занавѣску, девятигранно натянули ремень; подвязали къ нему девяносто чубарыхъ бѣлыхъ жеребятъ. На правой сторонѣ дома воткнули девять столбовъ, привязали девять бѣлыхъ жеребцовъ; девять «святыхъ» (добрыхъ) шамановъ (тогус ай оюн) напустили, пили ысыэхъ (кумысь). На лѣвой сторонѣ дома поставили восемь столбовъ; набрызгали ссорой; сдѣлался ысыэхъ*); составила свадьба во имя вступленія невѣстки въ домъ. Собрались бойцы, соединились ловкіе. Говорятъ, девять родоначальниковъ духовъ (бисинь уса) опустились съ вышняго мѣста; а съ земли собралось двѣнадцать духовъ родоначальниковъ. Говорятъ, собрались изъ подъ земли восемь племенъ; ударяя плетками изъ сухаго дерева, некрасиво наѣхали рысью; желѣзными стременами толпились, мѣдными стременами покачивались; всѣ собрались изъ всѣхъ иностранныхъ (племенъ), изо

*) Въ текстѣ это мѣсто такъ: джемяринь хангас ѣттюгяр агыс багагы аспыттар агыс юёръ огусун байбыттар юсю; агыс ай удаганы сатылапныттар; суоратынан малаттарбыттар, ысыэх болбут (т. е. на лѣвой сторонѣ поставили восемь столбовъ; привязали восемь (юёръ?) быковъ; призвали восемь «святыхъ» шаманокъ, накروпили «ссорой», сдѣлался ысыэхъ. *Ред.*

всѣхъ улусовъ. Были тутъ пѣвцы; были тутъ танцоры, были тутъ сказочники; были тутъ борцы; скачущіе на одной ногѣ; были тутъ прыгуны; имѣющіе пятки, толпились; имѣющіе ноги, толклись. Верхніе жители полетѣли на верхъ; нижніе провалились въ землю; живущіе на среднемъ мѣстѣ (землѣ) разошлись по землѣ. Обрывки остались до третьяго дня, обломки соединяются до сегодняшняго; рождающіяся дѣти взгнѣздились; воспитываемый скотъ огородился. Говорятъ остатокъ-потомки ихъ живутъ до сегодня.

5.

Ураныканъ-старикъ.

(Ураныканъ огоннёр).

Говорятъ, есть старикъ Ураныканъ съ тремя дочерями. Однажды утромъ онъ обмазалъ сѣрой берестяную веточку (лодочку), поѣхалъ на рѣку рыбу ловить. Вышелъ на главномъ островѣ. Стоитъ (тамъ) отмѣнно хорошій человекъ. «Старикъ Ураныканъ, я пришелъ взять старую твою дочь!» сказалъ. — Мое дитя питается вонючей рыбой да сухими зайцами; что будетъ (изъ нея) виднаго-путняго? — «Если не перевезешь меня, говоритъ, за ноги возьму да въ воду брошу».

Сѣли въ лодку (вмѣстѣ, спинами). Плыли въ свѣтлую тихую погоду; выплыли на середину рѣки. Палъ сильный западный вѣтеръ, навзничь перевернулъ берестяную лодочку. «Буль, буль» (борулу борулу) — утонулъ этотъ человекъ. Старикъ Ураныканъ кое-какъ съ трудомъ вышелъ, пришелъ домой. Захватилъ головы трехъ дочерей вмѣстѣ, сѣкъ до трехъ обмороковъ. «Вы, блѣдно-бѣлыя, ходите, заставляя завидовать на себя; вы, бѣло-глупо-лицыя, живете, заставляя завидовать на свою бѣлизну. Видимый Божій молодецъ (аи огото) сталъ подводнымъ камнемъ (далай таса)».

Этотъ человекъ тонулъ-тонулъ; вдругъ наступилъ (въ водѣ) мѣсто съ кривымъ солнцемъ, съ кривою луною, съ видомъ мутнымъ, какъ карасевая уха (кяльтягяй кюнняхъ кяльтягяй ыйдак собо мининь курдук), (съ видомъ) мрачнымъ, какъ рыба уха (солонгу джюсюнняхъ балык мининь курдук); бѣжитъ онъ по нему.

Дошелъ до стоячей серебряной юрты, вскочилъ. На передней кровати сидитъ дѣвица; сквозь платье видно тѣло; сквозь тѣло кости конечностей (рукъ и ногъ); сквозь кости видно мозгъ переливающейся, какъ ртуть; если черное ѣсть, точно ласточка шевелится подъ горломъ; если бѣлое ѣсть, точно бабочка трепещетъ-сидитъ; со сплошными бровями, подобно чернымъ соболямъ, пришедшимъ изъ Камчатки (хамчсккытан), когда они лежатъ, соединившись ногами; съ глазами изъ халцедона (ханчитал тас харахта), съ лицомъ изъ свѣтлаго камня; съ губами изъ складнаго серебра; сквозь платье видно любимое тѣло, сквозь штаны видно цѣнное тѣло. Когда онъ посмотрѣлъ на лѣвую сторону: важно сидитъ госпожа женщина съ распустившимся жирнымъ брюхомъ, съ бѣло-снѣжными волосами, съ бѣлымъ тѣломъ. Эта женщина съ улыбкой встала, поздоровалась. Натянула, наставила толстый набрюшный жиръ, толстую шеину (жиръ), желтое масло, выбродившаго кумыса. Наѣлись, накушались. Вечеромъ настало время спать.

— «Куда вы кладете спать вашихъ гостей»? — «Если не брезгуешь, то ложись со мной. А если брезгуешь, то ложись, гдѣ хочешь»! Велѣвши себя раздѣть, влетѣлъ онъ, легъ. Одинъ другому не говорили, что «ты мужчина», что «ты женщина» (т. е. не предлагали другъ другу любви).

Утромъ встали, опять напились-наѣлись. Эта дѣвушка запрягла своего глиняно-краснаго быка (буор кюрюнь огус) въ восьмикопыльную нарту (агыс атахта нарта), съ ледяными оглоблями, надѣла (привѣсила) закуржавѣвшій хомутъ. «Мать»! говорить. «Достань и дай мнѣ ремень (къ нартѣ)! Достань, дай мнѣ оправленный оловомъ ножъ, которымъ я играю, рѣжу траву и дерево! Достань и дай мнѣ топоръ, которымъ я, играя, перерубаю траву и дерево»! Старуха, доставши, дала. — «Живши тутъ, что ты будешь дѣлать? Поѣдемъ вмѣстѣ»! Сѣвши вмѣстѣ съ этой дѣвицей, поѣхали. Приѣхали къ кровавому морю (хан баягал), кицѣвшему кверху отстоялой густой кровью; приѣхали къ дереву съ лиственницей, распро-

странившейся отъ моря; съ оленьимъ мохомъ, начавшимся съ Татинскаго улуса, съ густымъ мохомъ, дошедшимъ съ Жиганскаго улуса. Спустились со своего быка.

Схватила она мужчину за руки; плотно привязала его къ лѣсинѣ желѣзнымъ ремнемъ съ тремя стрѣлками (узорами). Къ верху рѣзала, пропускала (въ горло); къ низу рѣзала, ѣла-проглатывала. Умеръ онъ. Кости его соединенныя между собою (т. е. скелеть), отнесла, бросила въ море. Вернулась, пришла домой.

Ураныканъ старикъ, высмоливъ-высмоливъ берестяную лодочку, въ одно утро, въ тихое свѣтлое время поплылъ по рѣкѣ; вышелъ на средній островъ. Пришелъ-стоитъ (тутъ) человекъ далеко лучше прежняго. «Старикъ Ураныканъ, я пришелъ взять среднюю твою дочь!»—(Мои дѣти) бѣдняжки питаются вонючей рыбой, сухими зайцами; что будетъ виднаго-путняго?—«Дашь, возьму; и не дашь, возьму!» возразилъ (онъ). «Если не перевезешь меня, за ноги возьму да въ воду брошу»!

Сѣвши вмѣстѣ въ лодку, по свѣтлой тихой (водѣ) поѣхали; доплыли до середины рѣки. Черный сильный небесный вѣтеръ упалъ навзничь, перевернулъ лодочку. «Буль-буль» — утонулъ этотъ человекъ. Старикъ Ураныканъ съ большимъ трудомъ вышелъ домой. «Вы живете, заставляя завидовать на свою блѣдность и бѣлизну; видимые (ясные) добрые молодцы стали подводными камнями», и, говоря, захватилъ головы трехъ дочерей и сѣкъ до трехъ обмороковъ.

Этотъ человекъ тонулъ, тонулъ. Это была бездонная вода, бездонная пропасть. Вдругъ всталъ; пришелъ на мѣсто съ кривымъ солнцемъ, съ кривою луною. Бѣжалъ онъ, бѣжалъ. Пришелъ къ одному стоячему серебряному домику; влетѣлъ.

На передней кровати сидитъ (женщина); сквозь платье видно тѣло; сквозь тѣло видно кости; сквозь кости видно мозгъ переливающейся вадъ-впередъ, какъ ртуть; если ѣла черное, точно ласточка шевелится (у нея) подъ горломъ; если ѣла бѣлое, точно бабочка трепещетъ - сидитъ; съ сплошными бровями подобно чернымъ

соболямъ, пришедшимъ изъ Камчатки, когда они лежатъ, соприка-
саясь другъ къ другу ногами; съ глазами изъ халцедона; съ ли-
цомъ изъ свѣтлаго камня; съ губами изъ складнаго серебра; сквозь
платье видно любимое тѣло; сквозь штаны видно цѣнное тѣло. Когда
онъ посмотрѣлъ на лѣвую сторону: важно сидитъ госпожа-женщина
съ распустившимся жирнымъ брюхомъ, съ бѣлоснѣжными волосами,
съ бѣлымъ тѣломъ. Эта женщина съ улыбкой встала, поздорова-
лась. Натянула и поставила толстый брюшной и шейный жиръ,
желтое масло, выбродившаго кумыса. Наѣлись, накушались. «Гдѣ
кладете спать своихъ гостей»?—Если не брезгуешь, то ложись со-
мною; а если брезгуешь, то ложись, гдѣ хочешь!—Велѣвши себя
раздѣть, влетѣлъ онъ, легъ. Одинъ другому не говорили, что ты
мужчина, что ты женщина.

Утромъ встали; опять напились-наѣлись. Эта дѣвица запрягла
своего глиняно - красного быка съ восьмикопыльную нарту съ ледя-
ными оглоблями, надѣла закуржавѣвшей хомуть. «Мать!» говорить.
«Достань и дай мнѣ ремень (къ нартѣ)! Достань, дай мнѣ опра-
вленный оловомъ ножъ, которымъ я играю-рѣжу траву и дерево!
Достань и дай мнѣ топоръ, которымъ я играю-перерубаю траву и
дерево!» Старуха достала, дала.—«Живши тутъ, что ты будешь
дѣлать? Поѣдемъ вмѣстѣ!» Сѣли вмѣстѣ съ этой дѣвицей, поѣхали.
Приѣхали къ крованому морю, кипѣвшему кверху отстоялой густой
кровью, къ дереву съ листовяницей, распространившейся отъ моря,
съ оленьимъ мохомъ, начавшимся съ Татинскаго улуса, съ густымъ
мохомъ, пришедшимъ съ Жиганскаго улуса. Спустились они съ своего
быка. Схватила мужчину за руки; плотно-привязала его къ лѣсинѣ
желѣзнымъ ремнемъ съ тремя стрѣлками (узорами). Къ верху рѣ-
зала, пропускала (въ горло); къ низу рѣзала, ѣла-проглатывала.
Умеръ онъ. Скелетъ его отнесла, бросила въ море. Вернулась, пришла
домой.

Ураныканъ старикъ свою лодочку сѣрой засмолилъ-засмолилъ;
въ одно утро выѣхалъ на рѣку; вышелъ на малый островъ. Пришелъ-

стоялъ (туть) человекъ куда лучше прежняго, нечего и говорить о прошедшихъ. «Ураныканъ старикъ! я пришелъ взять твою младшую дочь! Дашь, возьму; и не дашь, возьму. Если не вывезешь, за ноги возьму да въ воду брошу!» Съли вмѣстѣ въ лодочку, отправились. Доплыли до середины рѣки; небесный сильный вѣтеръ упалъ навзничь, опрокинулъ лодку. «Буль-буль», утонулъ этотъ человекъ.

Ураныканъ старикъ съ большимъ трудомъ вышелъ домой. Говорить (дочерямъ): «Вы (вотъ) живете, заставляя завидовать-влюбляться, зариться на свою блѣдность и бѣлизну; а видимые (ясные) добрые молодцы стали подводными камнями». Захватилъ трехъ дочерей головами вмѣстѣ и съкъ до трехъ обмороковъ.

Этотъ человекъ тонулъ-тонулъ. Пришелъ къ мѣсту съ кривымъ солнцемъ, съ кривою луною, къ мѣсту мрачному, какъ рыба уха, сѣрому, какъ карасевая уха; по дорогѣ бѣжалъ, бѣжалъ. Прибѣжалъ къ стоячей серебряной юрточкѣ.

Женщина подошла поздороваться; прогналъ, не поздоровался. Сълъ на послѣднюю кровать (около дверей). Поставила она на столъ толстый брюшной жиръ, толстую шеину, выбродившаго кумыса. Этотъ человекъ все это сронилъ ногой, разлилъ. — Насталъ вечеръ. «Гдѣ кладете спать своихъ гостей?» сказалъ. — Если не брезгуешь, со мной ложись; а если брезгуешь, ложись, гдѣ хочешь! — Бросился въ складъ дровъ (за печку), легъ.

Встали утромъ. Наваривши, какъ вчера вечеромъ, принесла-поставила. Онъ все это опять опрокинулъ, разлилъ ногою. Запрягла своего глиняно-краснаго быка въ осмикопыльную нарту-сани, ледяныя оглобли; надѣла закуржавѣвшій хомуть. «Мать!» сказала. «Достань, дай мнѣ ремень, которымъ я увязываю сѣно и дерево! Дай оправленный оловомъ ножъ, которымъ я играю-строгаю траву и дерево! Дай топоръ, которымъ я играю-перерубаю траву и дерево!» На то старуха слезы изъ обоихъ глазъ на обѣ стороны откинула. «Окаянная, чудовище, страшилище! Изгноила вѣдь въ своемъ

желѣзномъ желудкѣ божьихъ дѣтей (аи оговор)! Не постигаетъ-же наказаніе! Когда я жила на среднемъ мѣстѣ (на землѣ) съ женою Баянай - господина (Баянай тоён), собрала ысыэхъ, напустила девять святыхъ шамановъ (тогус аи оюн), созвала восемь святыхъ шаманокъ (агыс аи удаган), велѣла брызгать. Пустивши впередъ трехъ дѣтей, вышедши ходила. Ты взяла меня, схвативши за середину пятокъ Сдѣлавши меня матерью, ты (дьявольщина) живешь, притворившись божьей дѣвицей (аи кыс). Изъ трехъ моихъ дѣтей съѣла двухъ старшихъ; оставь (хотя) младшаго! (а то) будетъ (тебѣ) наказаніе — кара»!

Эта дѣвушка сказала (молодцу): «Живя тутъ, что ты будешь дѣлать? Поѣдемъ вмѣстѣ»! Поѣхали. Кровяное море, кипѣвшее прежде, высохло (убыло). Пренная лѣсина сжалась-высохла. Эта женщина сказала: «Отъ чего убыло ты, море, кипящее кровью? Неужели предвѣщаешь мое несчастіе? Дерево, росшее вмѣстѣ, когда стала рости неколеблущаяся широкая прспасть, мать моя! Отъ чего ты, закрутившись, такъ высохло? Значить, мое счастье — удача свалится. Значить, мое счастье переломится». Пріѣхали, спустились. Схватила мужчину за руку. Была она (рука) крѣпка, какъ-бы тянуть мерзлое дерево; не двинулась. Увязалъ онъ дьявольскую дочь ремнемъ съ тремя стрѣлками. Къ верху рѣзалъ, назадъ отбрасывалъ; къ низу рѣзалъ, сказалъ: «Больно или не больно? Найди кости моихъ двухъ братьевъ, отдай»! Развязавши, выпустилъ. Эта дьявольская дочь нашла (ихъ) изъ этого высохшаго моря, отдала. Разодравши дьявольскую дочь сверху на двѣ половины, бросилъ въ море. Пали (обѣ эти половины) въ смертное море (ёлю баягал), сдѣлавшись двумя рыбами смертнаго мѣста, съ чешуею на выворотъ, съ крыльями на выворотъ, со ртомъ на кадыкѣ.

Этотъ человекъ, взваливши себѣ на спину кости своихъ братьевъ, пришелъ въ домъ дьявольской дочери. Мать его сказала: «За этимъ домомъ есть должно быть сиво-голубая лошадь съ задомъ въ яблокахъ; еще лошадь съ большими сплошными пятнами съ двухъ

плечь, съ черной каймой на спинѣ; съ эмягят'ями*) на двухъ бедрахъ; свѣтлая лошадь въ ширину десять верстъ и въ переѣздѣ длиною. Въ правомъ ея ухѣ есть должно быть вода, дѣлающая безсмертнымъ. Возьми ее, оживи старшихъ братьевъ!»!

Отправившись, взявши этихъ лошадей, копалъ-копалъ изъ ушей этой лошади, взялъ безсмертную воду (мѣнню ута) и помазалъ кости своихъ старшихъ братьевъ. вмѣсто тѣла ихъросло (новое) тѣло; вмѣсто кожи ихъ выросла кожа; сдѣлались они, какъ будто сей часъ обмерли. Влилъ имъ въ ротъ. «Въ обморокѣ-ли мы были или спали? Только какъ хорошо»!—Смѣясь и играя встали; ожили, встали.

Посадивши вмѣстѣ съ собою мать, три сына полетѣли на верхъ, прилетѣли на среднее мѣсто, какъ будто изъ ямы вышли. Старшій сынъ взялъ старшую дочь старика Ураныкана; средній сынъ взялъ среднюю дочь; младшій сынъ взялъ младшую дочь. Поѣхали на свое мѣсто. Узнавая зиму по куржаку, лѣто по дождю, осень по дождю, смѣшанному со снѣгомъ, прибыли къ своему дому. Говорять, живутъ до сегодняшняго дня. Живутъ три сына, сдѣлавшись тремя сосѣдями. Только.

6.

Б е р ь - Х а р а .

Бюёрсюнь Бёгё по прозванію Беръ-хара, лучше людей на длину тетивы, просить бѣды съ верхняго мѣста, просить бѣды съ нижняго мѣста, просить содому (шуму) съ средняго мѣста (земли)**). Имѣлъ (онъ) домъ съ блескомъ, виднѣющіеся за три переѣзда; столбы изъ крупнаго дерева; съ матицей изъ высокаго дерева, стѣны изъ многаго дерева, изъ девяносто сухихъ деревьевъ вся окруж-

*) Эмягять, «мѣдный идолъ, пришиваемый впереди шаманской одежды». См. рукописный якутскій словарь г. Порядина.

**) *Вариантъ*. Герой выходитъ каждый день утромъ, какъ начнетъ свѣтать, и вечеромъ и, держа къ верху свой мечъ, съ высокаго неба просить бѣды, съ широкаго неба наказанія (за грѣхъ), съ почтеннаго страшнаго неба кроваваго пораженія, съ западнаго неба раззоренья.

ность стѣнъ, съ восьми - десятью глупо обширными окнами; были колышки подобно девяносто голубямъ, летящимъ, блистая грудью. Съ крашеной правой стороной (юрты), съ узорчатымъ билирикомъ (мѣстомъ подъ образами), съ разговаривающей передней частью юрты. На лѣвой сторонѣ чуланчикъ съ побрякушками, шутящій (насмѣхающійся) югяхъ (дѣвичья кровать или холостаго сына); импровизаторъ-полка*). Имѣлъ серебряную, гладкую откидистую печь, подобно барынѣ-женщинѣ, надѣвшею рогатую (старинную) рысью шапку съ отвороченными наушниками и съ наброшенной (небрѣжно надѣтой) рысей дохой; стоящей обратившись къ западу. Имѣлъ чашку, которая вставала и приходила; были чороны**), приходящіе тихимъ шагомъ толстаго человѣка; были стаканы, неуклюже приходящіе. Были, шагая, приходящія доски (на которыхъ разрубаютъ мясо). Имѣлъ прибѣгающій топоръ.

Были пѣшечныя (шахматныя) одѣяла; были шахматныя постели; были подушки со звонцами. Были узорчатыя кровати; изъ ровдугъ одѣвались плотною; одѣвались шкурою сохатаго съ плѣсенью; изъ соболей одѣвались хребтиной (самой лучшей частью); изъ рысей одѣвались огузкомъ (лучшей частью около хвоста); изъ волковъ лапами съ черной полоской; наряжались лучшими изъ красныхъ лисиць. Одѣвались уборами изъ чистаго серебра (безъ примѣси). Были плотно запирающіяся двери изъ семи медвѣжьихъ шкуръ, которыя шили семь дней и ночей семь дѣвушекъ-женщинъ, притаптывая, натаптывая, валяясь на нихъ. Среди гладкаго стремительнаго серебрянаго двора, на которомъ не можетъ устоять девяти-травый жеребецъ, были три господина коновязи подобно тремъ улуснымъ головамъ, которые, сказавши: «у того царя такой законъ», «у этого царя такой законъ», поспоривши между собою изъ за своихъ рѣчей, расходятся на три стороны. Первый (главный) столбъ (коновязь) былъ золоченый; средній съ чернымъ серебромъ; по-

*) Въ другой сказкѣ (Ханъ-Джаргыстай) эпитетъ полки «говорливая».

**) Чоронъ-берестяная посуда для кумыса.

слѣдній просто серебряный. Если эти столбы пожелаютъ кому хорошаго, то благословляютъ за три переѣзда, говоря: «Пусть живетъ три человѣческихъ вѣка!»! Если кому худаго пожелаютъ, то проклинаютъ съ девяти переѣздовъ, говоря: «Стойте шумя-высыхая, обнявши сухое дерево»!

Потомъ выкопалъ яму въ семь печатныхъ сажень; развелъ тутъ огонь, исщепавъ семь большихъ деревьевъ. Взлетѣлъ на верхнее мѣсто бѣлымъ молодымъ ястребомъ съ (пуховымъ круглымъ) комкомъ на хвостѣ; упалъ на этотъ огонь внизъ головою. Огонь закишѣлъ и погасъ. «Ахъ, досада моя, ребята! меня даже и огонь не жжетъ»! — сказалъ.

Воткнулъ торчмя въ землю вверхъ остриемъ всѣ свои остроконечныя, острыя орудія; низвергнулся на нихъ съ верхняго мѣста печению (животомъ). Всѣ эти лезвія ножей свернулись, всѣ концы поизогнулись: «Ахъ, досада моя! Для меня гибнутъ даже концы остроконечныхъ вещей»!

Раздосадовавшись на это, по большому булыжнику привязалъ къ обѣимъ ногамъ, по большому булыжнику привязалъ къ обоимъ ушамъ; головою внизъ бросился въ море. Сталъ плавать надъ водою легко, какъ береста; выскочилъ. «Не взяла меня даже водяная глубина»!

Отвязалъ тетиву своего лука, удавился такъ, что сталъ харкать; оторвался, упалъ. «Вѣрно я человѣкъ, не назначенный умирать» — сказалъ онъ и вышелъ домой.

Въ одно утро встали. Говоря: «однако мы посинѣли въ синюю матушку ночь», мылись водою синяго моря (большой воды). Говоря, что «должно быть мы почернѣли въ темную матушку ночь», вымылись, оттираясь, водою черной большой воды. Зубы заколачивали мягкими костями; горло прочищали выбродившимъ кумысомъ. Толстой шейной считали деньги; желтымъ масломъ полоскали ротъ.

Вошелъ онъ въ свое поле смотрѣть конный и рогатый скотъ. Собравъ его вмѣстѣ, стоялъ, поилъ-кормилъ. Съ четырехъ концевъ

неба загремѣли четыре сердитые грома. Необыкновенно сильно завѣтрилась погода; едва домой пришелъ человекъ отъ этого вѣтра. Не могъ привязать своего коня, а просто набросилъ поводъ на коль ограда; влезъ въ домъ на печени (на животѣ). «Экая жалость, дружокъ! Что съ тобою»? сказала его жена. Подняла его и посадила на стулъ.

«Я просилъ бѣды съ верхняго мѣста, просилъ бѣдствія съ нижняго мѣста; просилъ бѣды съ средняго мѣста: наказаніе-кара достигла. Когда я умру, положите мои кости на мысу гуменниковъ (гусей) съ девятью уступами (тогус курдулах хонгоро тумус). Съ западной стороны покрой мѣдью, съ солнечной стороны высеребри, съ южной стороны сдѣлай узоры, съ восточной стороны нѣжно-медкіе узоры; съ сѣвера покрой оловомъ. Сдѣлай памятникъ свѣтлый, плавно блестящій; крестъ высвѣтли. Въ ту ночь снѣгъ выпадеть до половины голени. Когда выпадеть этотъ снѣгъ, то приходи вымести памятникъ. Съ двухъ плечевыхъ костей выростутъ двѣ травы. Съѣшь (ихъ), не ломая вѣтвей и корня. Если быть тебѣ человекомъ, отъ этого станешь человекомъ; если умереть, то отъ этого умрешь!»

Умеръ (онъ); похоронила по сказанному. Пришла сгребать снѣгъ съ памятника. На памятникѣ выросли—стоять двѣ травы. Вырвала она ихъ съ корнемъ, съѣла.

За одну ночь стала мѣсячной беременности; за двѣ ночи двухмѣсячной, за три ночи трехмѣсячной, за четыре четырехмѣсячной; за пять пятимѣсячной. На пятомъ мѣсяцѣ, ощупываясь, узнала; на шестой мѣсяцѣ узнала, чувствуя; на седьмой мѣсяцѣ удаляется отъ людей (вслѣдствіе болѣзни); на восьмой мѣсяцѣ стала болѣть (тосковать); на девятый мѣсяцѣ пришла къ колу; на десятый сѣла (родила); родила двухъ близнецевъ — сыновей.

Въ одну ночь они стали по одному году, въ двѣ ночи они стали двухъ лѣтъ; въ три ночи трехъ, въ четыре четырехъ, въ пять пяти; въ шесть шести; въ семь семи, въ восемь восьми; въ

девять девяти; въ десять десяти. Стали дѣтьми, играющими лукомъ и стрѣлою. Жили. Стали ходить на плоскихъ лыжахъ. Мать и говоритъ: «Найдите себѣ назначенныхъ верховыхъ лошадей, ѣздите!» На это они не соглашаются.

Ходятъ, истапывая зеленый боръ въ мелкіе куски, раскрашивая черный боръ на кусочки. Имя старшаго брата: Береть-бяр-гянь съ лошадыю какъ сосновое масло, саврасою, со втянутымъ животомъ. Имя младшаго сына: Длиннякъ — бяр-гянь (Джербях бяр-гянь), разбирающій семигодовалый слѣдъ мыши (святя syllагы чингырыкан суол). Думали они, говоря: «Есть-ли на среднемъ мѣстѣ человекъ лучше насъ?»

Старшій братъ сказалъ: «Говорятъ у краю (стѣнки) сѣвернаго неба есть отличный промыселъ. Пойдемъ!» Младшій братъ: «слышалъ или не слышалъ», сказалъ (т. е. не дослушавши, сталъ исполнять предложеніе). Плоскіе лыжи надѣли, пальмы и колчаны подпоясывали; топоръ и котелъ за спину положили, пошли. Дошли до мѣста съ промыеломъ; жили-добывали.

Эта мать ихъ пришла къ мужниной могилѣ; опять выросла, стоить трава. Выковырнувши, съѣла эта женщина. Сдѣлавшись брюхатою, важничала (выставляла большое брюхо); сдѣлавшись беременной, ходила, выгнувши спину. За одну ночь стала мѣсячной беременности, за двѣ ночи — двухмѣсячной, за три трехмѣсячной, за четыре четырехмѣсячной, за пять пятимѣсячной, за шесть шестимѣсячной, за семь семимѣсячной, за восемь восьмимѣсячной, за девять девятимѣсячной, за десять десятимѣсячной беременности. Родила хорошую дѣвочку. Завертывая въ рысью-соболиную шкуру, нянчила-воспитывала эту дѣвочку. Черезъ десять ночей стала десятилѣтней дѣвочкой.

Однажды утромъ ихъ восходящее (выходящее) солнце не всходило, свѣтающее ихъ небо не свѣтало; слюна, плюнутая щеголемъ-человѣкомъ, не достигала до земли; поднялся жестокий вихрь; дирь-дирь, дирь-дирь громъ загремѣлъ; дабдыр, дабдыр дождь пошелъ.

Запрегъ (дьяволъ) задомъ напередъ въ восьмикопыльную желѣзную нарту-сани, волнующагося (тихаго) голубо-пестраго быка съ единственнымъ закрученнымъ рогомъ по срединѣ лба, съ единственнымъ глазомъ, подобно огненной свѣтлой звѣздѣ (уоттах чолбон), по самой срединѣ лба. У этого дьявола (абасы) среди поперечника поясицы была совершенно одна закрученная нога; на срединѣ груди совершенно одна закрученная рука. По срединѣ лба былъ единственный глазъ, подобно русскому слюдяному окну. Тамъ и сямъ были зубы, какъ долбѣшка, сдѣланная неумѣлымъ кузнецомъ. Были тамъ и сямъ въ беспорядкѣ волосы подобно тальнику почтенной рѣки. Было безобразное лицо, подобно обрыву берега; были глаза подобно разсѣлинѣ горы; были уста толстые, какъ уступъ проруби (становясь на который, скоть, пьетъ воду). Платьемъ его была желѣзная эпанча выше подколѣнковъ; короткая фуфайка выше колѣна; отъ пазухи до поясной кости подпоясанъ былъ небеснымъ желѣзнымъ лысовымъ (лысабай) кушакомъ; тамъ и сямъ были желѣзные пуговицы подобно головамъ съ шеями пятилѣтнихъ и шестилѣтнихъ дѣтей; была шляпа-шапка въ семьдесятъ пудовъ; были перчатки въ пятьдесятъ пудовъ; панталоны были въ девяносто пудовъ; штаны были въ восемьдесятъ пудовъ.

Пришелъ онъ и сталъ стучаться до того, что отъ серебрянаго дома стали отлетать осколки, сталъ расшатываться мѣдный домъ, сталъ откалываться гнилушечій домъ; сыпалось отъ землянаго дома. Парень ихъ скорый Чогуй (Тюрьгянь Чогуй) выскочилъ. (Дьяволъ) говорить: «Будь своей хозяйкѣ вѣрнымъ посломъ, главнымъ сватомъ. Дастъ или не дастъ свою дочь, (я) возьму (ее)»! сказалъ. Парень влетѣлъ, рассказалъ. «Дѣвушки имѣютъ цѣну и калымъ», сказалъ: «Приду со сватомъ и сватовьями въ красное полнолуиe нынѣшняго мѣсяца. А называюсь я, имя мое съ одною ногою Суодарба-богатырь» (соготох аттахтах Суодарба бухатыр)! Услыхавъ это, мать послала на сѣверъ двухъ воспитываемыхъ ею пестрыхъ орлятъ

(икки ала тоён)*), говоря: «Найдите назначенныхъ хозяевъ, собственныхъ друзей!»!

Они полетѣли прямо на сѣверъ. Пока, смотрѣвши, еще не успѣли мигнуть, сказавши, не успѣли перевести духъ, достигли. Сѣли, собравши девять сухихъ деревьевъ. Старшій сынъ схватилъ лукъ со стрѣлой, чтобы выстрѣлить. Младшій дернулъ его за локоть. «Это прилетѣли воспитываемые нами орлята; случилось что-нибудь особенное»!

На это они стали говорить по человѣчески. «Вы шлетесь, уходите отъ большаго богатства, ширины и длины котораго не видно, отторгшись отъ своего добра. А послѣ васъ восьминогій Аджарай-Бегё (дьяволъ) хочетъ съѣсть вашихъ домашнихъ; спасите скорѣе!»! говорятъ. Младшій сынъ сказалъ: «Я не оставлю свой промыселъ, добытый въ такое продолжительное время»**)! Старшій сынъ «слышалъ я или не слышалъ» (т. е. такъ поспѣшно отправился, что почти не выслушалъ).

Достигъ прежде мгновенья. Дьяволъ сидитъ, пришедши съ сватовьями и сватьями. Не входя въ домъ, этотъ человѣкъ прошелъ къ дьяволу. «Дьяволъ бываетъ назначенъ дьяволу, человѣкъ бываетъ равенъ человѣку». Выдернулъ свою длинную пальму и сталъ ею колотить дьявола. Стали драться; (дьяволъ) сронилъ человѣка на бокъ и сѣлъ ему верхомъ на грудь. Разрѣзалъ ему грудь своимъ ржавымъ ножемъ и набросилъ на лицо. Выворотилъ сердце (рычагомъ), вытащилъ.

На это божій человѣкъ (ан) сказалъ: «Младшій мой братъ, Длиннякъ-бярглянь (Джербяхъ - бярглянь), различающій семилѣтній слѣдъ мышей! Если ты померъ, то возвѣсти о своей смерти; если ты живъ, то возвѣсти свою жизнь»! Неизвѣстно, какимъ мѣстомъ онъ прибылъ; только схватилъ дьявола за волосы и потащилъ. Стали драться.

*) Эти орлята воспитывались въ желѣзномъ амбарѣ на лѣвой сторонѣ (дома).

**) Вар. Если его бросить безъ присмотра, то его съѣдятъ вороны.

Взявши дьявола, божій молодець (аи уола) сронилъ его на бокъ, вытащилъ ножъ въ оловянной оправѣ, искрошилъ (дьявола) на мелкія части, искрошилъ его и разбросалъ ысыэх'омъ солнцу и мѣсяцу, но челюстей его не могъ найти; потерялись.

Дѣти вышли домой, пришли; жили. Старшій сынъ сказалъ: «Мнѣ не достаетъ домашняго хозяина (ихи). Обиженъ (обдѣленъ) я другомъ, назначеннымъ для священнаго огня!» На это мать его сказала: «Должно быть есть дочь Серебрянаго Круглаго Старика (Кё-мюсь Бёкёнюкя огоннор). Ступай, возьми (ее)! А младшую дочь назначенъ взять младшій сынъ!» Старшій сынъ «слышалъ или не слышалъ» сказалъ; лошадь свою увязывалъ въ продолженіи тридцати ночнаго мѣсяца; убилъ не жеребившуюся кобылу, ходившую на волѣ въ продолженіи восьми лѣтъ; вытянулъ, вырѣзалъ безжилистое; безкровное совершенно вырѣзалъ, отодралъ; уминалъ, уминалъ; уложилъ въ сумку отъ котла; и запустилъ лошади въ ухо. Размѣшивая восемь посудъ масла, сдѣлалъ изъ него чухонское (масло); придавливалъ, удавливалъ, уминалъ, какъ прессомъ въ лошадиное ухо; запустилъ лошади въ ухо маленькимъ мѣхомъ. Отправился на югъ. Ъхалъ, ѣхалъ.

Пріѣхалъ къ мѣсту съ неднующими (т. е. и днемъ и ночью кукующими) лѣтними кукушками, съ безъостановочно кукующими весенними кукушками. Прискакалъ на восточномъ краю поля къ серебряному дому, подобно яйцу утки-бѣлобока (арылыэс кус). Перескочилъ черезъ дворъ съ огорожей изъ трехъ рядовъ дерева. Спустился у главнаго столба. Заложивъ руки назадъ, прохаживался.

Старуха Симяхсинь (Симяхсинь эмяхсинь) вышла, поднявши, корзину съ соромъ; икнувши, прискочила кверху. Этотъ соръ въ корзину перебросила черезъ голову; отбросила гной изъ глазъ на обѣ стороны. (Эти гноины), сдѣлавшись двумя маленькими куропатками, полетѣли въ темный лѣсъ съ куропашечьимъ крикомъ. Загоразживая рукою глаза отъ свѣта, смотрѣла (старуха) сквозь пальцы; краснымъ краснó выглядѣла; смотрѣла, разинувъ вѣки, подобно задней

дырѣ (разщелинѣ); держала свое лице (некрасиво), подобно груди двухтравяго жеребенка, павшаго на Батагайской долинѣ *); красно-мѣдныя серьги избили ея щеки въ клочки; недавая себѣ времени войти дверями, вошла отверстіемъ, гдѣ входитъ собака, и разомъ содрала спинное мясо. Думая потянуться за колѣ передъ каминомъ, она свалила полку и пролила восемь турсуковъ сливокъ. «Ахъ» (эчикіэ)! сказала. «Увидѣла я невиданное, услышала неслыханное! Какого мѣста сливками онъ воспитался? Какого мѣста старымъ от-стоемъ кумыса сдѣлался (такимъ) бодрымъ (отважнымъ)? Дверь открывающій Халыгысь-бáтырь, отвори дверь! Открывающій дверь нá стежъ Тялябисъ бáтырь, отвори дверь нáстежъ! Въ хомыяхъ **) мой (дайте) снѣгу, въ мой стаканчикъ (урчах) воды!» — Упала въ обморокъ. Перерѣзали ее посрединѣ лопаткой, которой выгребають коровье кало. Задняя половина ея сдѣлалась шелудивымъ теленкомъ, бросилась бѣжать въ припрыжку. Передняя половина, сдѣлавшись сѣрой собакой, стала выходить-выбѣгать. Защищая съ девяти сто-ронъ, прислуживая съ восьми сторонъ, семь человѣкъ, ведя за руки, ввели этого человѣка. Хотѣлъ повѣсить рукавицы и шапку; крюкъ ихъ упалъ, расколовшись (невыдержавъ тяжести); попридержалъ онъ (его). Сѣлъ на край кровати; крайма загнулась; сидѣлъ, под-держивая икрами. Когда посмотрѣлъ на переднюю кровать, подумалъ, что стоитъ девятилучистое солнце, снявшись съ неба; то былъ бле-стящій ликъ женщины.

Одинъ верховой человѣкъ прискакалъ въ поле; пригналъ одинъ табунъ кобылъ, загналъ въ огородъ. Ловящій петлей парень Огу-такки поймалъ петлей одну жирную кобылу (стародойку). Надѣва-ющій недоуздокъ Сулуръ-бáтырь надѣлъ недоуздокъ. Обрывающій становую жилу Юёбягяй парень оборвалъ жилу. Сдирающій шкуру Сурдуругасъ-Самдаргасъ содралъ шкуру. Мясникъ Кибыргасъ-Хабыр-

*) Эта долина находится по Верхоянско-Зашиверской дорогѣ, при горѣ Ынгахъ; якуты рассказываютъ, что тутъ дьявола водятся во множествѣ.

**) У Бётлингга (Jak.-deulsch. Wörterb., 79) хамыяхъ «ложка особен-ной формы».

гасъ разрубилъ по частямъ мясо. Поваръ парень Бусуханъ сварилъ. Ырбайбанъ-мылахсынъ, снимающій жиръ, снялъ жиръ. Перекладывающій изъ горшка длиннорожій (холойбон) парень выложилъ. Раздающій (мясодаръ) Разброса-Сарайба (Юрайбя Сарайба) роздалъ. Выложивши, принесли, натянули, подали гостю (пищу) въ одной кобылей кожѣ. Четыре юноши-человѣка, взявъ въ большую съ четырьмя кольцами кожанную посуду кумысу, смѣшаннаго на половину съ масломъ, принесли поставили. Когда послѣдній человѣкъ не дошелъ еще до лѣвой стороны (юрты), а задній человѣкъ не дошелъ до конца шеста, сказалъ (онъ): «Уберите столъ!» Оборотились, взглянули; выбрызнулъ, какъ давно сухія (старыя), кости. Кумысъ такъ выпилъ, какъ будто въ этой посудѣ никогда пищи не было; такъ вылизалъ.

Старуха Симяхсинъ захинькала-заплакала: «Ахъ, ребята!» сказала. «Съ коего дьявола проголодался этотъ человѣкъ? Съ какого времени высохъ этотъ человѣкъ? Думала я, если придетъ человѣкъ иноплеменный высосать богатство, добро моей голубушки, заставить исчезнуть его, какъ снѣгъ: «Поѣмъ-попью!»! думала я. «Попью отстоялой крови!»! думала я. «Полижу остатки въ посудѣ и ковшахъ!»! думала я. Должно быть, онъ заложилъ (поронялъ пищу) между дохой и шубой; возьмите посмотрите. Должно быть, набилъ (наполнилъ) щели кровати. Посмотрите!»!

Домашняя дѣвочка сказала: «Ребята! пожалуста, велите замолчать этому уроду!» Парень на посылкахъ Боллорукъ взялъ ее за ноги, вытащилъ, нижней стороной нижней челюсти повѣсилъ вверху на древесный сукъ.

Вечеромъ настало время спать. Справивши свою постель, дѣвушка легла спать. Сынъ раздѣлся, влетѣлъ-легъ подъ одно одѣяло съ дѣвушкой. Ставши мужемъ и женой, жилъ, поженившись въ этомъ мѣстѣ.

Въ одно утро пошелъ онъ смотрѣть самострѣлъ, поставленный на лисій слѣдъ. Лисица, пришедши, выстрѣлила (сдернула тетиву

лука). Онъ и пошелъ слѣдомъ (выслѣживая) за нею. Лисица, пошедши, спустилась въ земную разсѣлину. Преслѣдуя ее, пошелъ за нею. Спускался, спускался, не находилъ конца; спускаясь, онъ слышитъ: вдругъ (раздался) стукъ захлопнутыхъ челюстей. И очутился онъ въ совершенной темнотѣ.

Давешній младшій его братъ съ матерью, ночью видя во снѣ, узнали сномъ; ворожа днемъ, ворожбой узнали; увѣдали его смерть. Сынъ вскочилъ на свою лошадь. Прискакалъ домой заѣхать. «Куда поѣхалъ, мой голубчикъ?» сказала мать. — Померъ господинъ мой, старшій братъ! сказалъ (онъ). Ёду искать его, сказалъ. Почтенная (важная) госпожа мать, прощай!

Ѣхалъ, заставляя (коня) летѣть прямо на югъ. Изошла земля, насталъ хребетъ; изошло мѣсто, настали скалы. Спустился съ лошади. Сталъ, обратившись назадъ.

«Прощай, могила (кости) родившаго меня, не побѣдимаго (важнаго) господина отца (ар тоен агам)! Прощай моя важная госпожа мать (кюбйя хатын іямь)! Прощай, моя восьмигранная мать вселенная (агыс иляхъ сагалах ан-ія дайдым)! Прощай, мой (жилой) серебряный домъ, съ блескомъ виднѣющійся за три переѣзда. Прощай духъ священнаго огня (ал уотум ичиття), затапливая который, я живу. Прощай, жеребецъ мой Ханъ-Джарылыкъ! Прощай кобыла моя Кюнь Кельбёрё! Прощай мой быкъ господинъ Дуодонго (толщина)! Прощай моя корова Луна - Дойница» (ый ыэныксыт ынагым)! На обѣ стороны откинулъ слезы изъ обоихъ глазъ. Сдѣлавшись двумя озерками, округлились. Стали тутъ мыться, хлюпаться четыре птицы — бѣлобока (арылыэс кус).

Мерзлыя деревья, протоптанныя на переломъ, сдѣлавшись господами русскими (т. е. подражая русскимъ), остались, здороваясь. Сухія деревья, насквозь протоптанныя, сдѣлавшись господами-женщинами, остались крича. Щепки деревьевъ, попадая на перерѣзъ лошадинымъ ногамъ, сдѣлавшись дѣвушками-женщинами, остались крича. Заставилъ на переломъ сломать пустые пни, остались выть

по волчьи. Задѣтый имъ мягкій тальникъ остался визжать по-лиси. Одинъ собою онъ ѣхалъ съ веселіемъ пятидесяти человѣкъ; одинокій ѣхалъ (съ веселіемъ) сорока человѣкъ. Приѣхалъ къ дому жены старшаго брата. Сталь стучаться. Вышла жена старшаго брата. «Блѣдно-бѣлая! Ты ходишь, завлекая своею бѣлизной! Блестяще бѣлая! Ты живешь, заставляя завидовать своей бѣлизнѣ! Округляясь, блестя лоснящейся поверхностью твоей кожи, бѣлѣя половиной головы, ты живешь, влюбляя (въ себя) другихъ! Куда ты дѣла моего старшаго брата? Приведи, поставь, покажи! Я твое темя на-четверо расшибу, верхъ на три части, самоё разрублю на пять частей, середину на тридцать частей; низъ на шесть частей, размѣшаю! Домъ и огонь растрою!»! Говоря, стоитъ (младшій братъ).

Невѣстка плачетъ-стоитъ, захинькавъ. «Зачѣмъ-же такъ сильны, стремительны твои рѣчи! Неужели ты думаешь, что я убила? Сама я живу, плача, жалѣя, печалясь И ты, обидивъ сильными словами, заставилъ заплакать? Неужели ты думаешь, что я живу въ радости? Ты хотѣлъ пролить черную кровь, разрубить толстую кожу. Говоря, что есть его самострѣлъ на лисицъ, ушелъ. Живой-ли ходить, не знаю; умеръ-ли, потерялся-ли, не знаю Вставая каждый день, живу для слезъ»!

Ночевавши, продневавши, отдохнувши на этомъ мѣстѣ, пошелъ, выслѣживая его слѣдъ. Дошелъ до самострѣла на лисицъ, пошелъ по слѣду, которымъ онъ слѣдовалъ за лисицей, сдернувшею тетиву самострѣла. Слѣдъ ихъ до расѣлины дошелъ. Спустился.

Спускался, спускался. И, спускаясь, увидалъ: лежитъ шевелится небесный (звѣрь) Мякъ тугуй съ тремя одна за другою ногами на пупѣ. «Господинъ-ли ты мой дѣдушка, госпожа-ли ты моя бабушка! слѣдъ моего брата пришелъ до этихъ поръ. Что ты сдѣлалъ съ нимъ»? сказалъ.

Дьяволъ отвѣчалъ: «Я съѣлъ. Врага своего, значить, съѣлъ. И тебѣ съѣмъ! Я твой врагъ съ одною ногою Суодалба *) богатырь.

*) Въ этомъ мѣстѣ какъ въ переводѣ, такъ и въ якутскомъ текстѣ стоитъ Суодалба (соготох аттахтах Суодалба бухатыр), а не Суодарба.

Языкъ и нижняя челюсть его потерялись»!— «Ты-то лежишь, оборотившись. Ты лежишь на неминуемомъ мѣстѣ, съ котораго некуда посторониться»!—Распоролъ ему брюхо; у старшаго брата еще еле-еле шевелится душа; человѣческая душа еще не вышла, лежитъ живой. Мелко изрубилъ семь большихъ деревьевъ, выкопалъ яму въ семь печатныхъ саженой, затопилъ огонь; бросилъ сюда дьявола. Жегъ огонь семь дней и ночей. Кости собралъ, вынесъ. Совершенно смололъ ихъ между двумя жерновами. Поднялъ, вташилъ, высыпалъ въ море. Взявши большое дерево съ корнями, ссучилъ; до сегодняшняго дня ходятъ, сдѣлавшись червями-гадами.

Сѣли со старшимъ братомъ на коня. Приѣхали домой. Эта женщина радостію обрадовалась. Жили на этомъ мѣстѣ съ такимъ веселіемъ, какъ-будто потерявшіеся нашлись, мертвые ожили.

Младшій братъ сказалъ: «Слѣдуетъ идти къ своему мѣсту, къ родному народу, къ важной госпожѣ матери, къ своему счастью, къ широкому своему богатству. Не бываетъ счастья жить дѣвушкамъ у родителей»!

Вставши, приготовились, распорядились, забрали все и скоть и людей, поѣхали къ своему мѣсту.

Долго-ли, коротко-ли ѣхали, не замѣтили; приѣхали. Отдѣлившись изъ дому этой женщины, младшій братъ уѣхалъ. Приѣхавши, спустились у столба. Двѣ дѣвочки, взявши лошадь за оба удила, привязали (къ нимъ) два серебряныхъ кольца. Потомъ, поддерживая-поднявши, спустили ее. Изъ подъ коновязи до дома постлали зеленой травы; трижды девять навѣшала, трижды девять поклонилась. Двѣ дѣвушки держали поперегъ дверей два кончика лиственницъ; переломила ихъ грудью, вошла. Вошла, затопивши огонь двумя вѣтками лиственницъ. Спрятали (ее) за занавѣску; на правой сторонѣ сранили буланаго; на билирикѣ убили пѣгоногаго; у кровати противъ огня сранили бѣлую кобылу; передъ огнемъ сранили сѣрую; на лѣвой сторонѣ черную; у порога соловую. Правили свадьбу, ѣли, кушали. Живутъ.

Вотъ прежній человѣкъ Ыхаль, младшій ихъ братъ Ыхаль, Ыхаль. Думаль, что черный березнякъ; оказалось черной быстретью (скотомъ); думаль, что бѣлый березнякъ, оказалось бѣлой быстретью (скотомъ). На восточной сторонѣ поля показался серебряный домъ, подобно лицу бѣлобока. Сзади этого дома, на восьминомъ желѣзномъ лабазѣ лежитъ зятемъ дьявольскій атаманъ, сильный изъ невидимыхъ, страшный подобно половинѣ двадцатисаженнаго стога.

Увидалъ это этотъ человѣкъ. Думая, что стала свадьба, что собрались имѣющіе ноги, что толпились имѣющіе пятки, что люди людей не знали (т. е. что гостей было столько, что встрѣчались люди, незнакомые другъ другу), потянулъ поводъ лошади, остановился; въ печали остановился. Видя, расчиталь (съ робостью); увидавъ, убоился-устрашился. Обратилъ свою лошадь Сѣверной Медвѣдицей (Арангас сулус), узду поручилъ Плеядамъ (Юргяль); сѣдло поручилъ блуждающей звѣздѣ (Кындыс), недоуздокъ поручилъ Венерѣ (Чолбонг). Самъ обратившись дитятею съ искривленными назадъ руками (т. е. съ локтями, стянутыми назадъ за спину), съ выдающимся брюхомъ, съ большими выпуклыми глазами, какъ глаза лягушки, выдавленные ногою, въ шубѣ изъ шкуры пестраго теленка, въ шапкѣ изъ головной шкуры того-же теленка; съ рукавицами изъ переднихъ лапъ, съ торбосами (обувью) изъ заднихъ лапъ; подпоясанъ хвостомъ; съ карманомъ изъ кожи мышенка, съ лукомъ изъ тоненькаго деревца, съ тетивой изъ пестраго волоса, со стрѣлою изъ пестраго тальника, — пришелъ на надворье. И легъ, зарывшись въ золу очага.

Вышли доить коровъ. Вышелъ такой человѣкъ, какъ Чойнъ Михайла, сынъ хангаласскаго Хаххан'а. За нимъ вышелъ человѣкъ, подобный байбунскому Митрею Мяндылы. За нимъ вышелъ человѣкъ, подобный боранукскому Атарбасу. За нимъ вышло семь дѣвушекъ-женщинъ, снаряженныхъ-одѣтыхъ въ уборъ. Потомъ вышелъ человѣкъ такой-же, какъ старшій сынъ егинскаго Кустуръ-Савы. Пришли на кобылій (загонъ), пригнали кобыль. Ни одна кобыла не

остановилась у пригона; всѣ побѣжали, зафыркали; пепель въ очагѣ взвивается. Эти парни поразрыли пепель. Самаго худаго ребенка выволокли за ноги. «Ой дьяволъ ли ты нашъ? Или ты гадъ, приплодъ облака»?—И хотѣли разбить ему голову о мусоръ.

Сказала на то домашняя дѣвица: «Однако это бѣдняжка, оторвавшійся, отскочившій откуда-нибудь! Не убивайте!» Былъ у этой дѣвушки серебряный хлысть, подобно лошадиной плеткѣ; расколовъ одному человѣку этимъ (хлыстомъ) голову и ногу, велѣла вымыть этого ребенка. Ввели (его) въ домъ; вошелъ онъ, сѣлъ за печкой. Убили, раздѣлили одну кобылу, ѣли. Раздавалъ лучшій мужчина Быстро-Проворный (Еликъ-тюрганъ) человѣкъ. Онъ далъ этому сыну ѣкры отъ ногъ; этимъ онъ заразъ выломалъ себѣ зубы. Сѣлъ, заплакалъ. «Для меня, вѣрно, не находится ни одного куска брюшины; дали ѣкры и тѣмъ лишили меня тридцати бисерныхъ (бусовыхъ) зубовъ. Выколи одинъ глазъ раздѣлителю!» Сказалъ (онъ) и бросилъ (костью). Вышибъ ему глазъ.—Ахъ, больно! сказалъ (тотъ). Тутъ дѣвушка сказала: «Ахъ бѣдняжка! Подайте его сюда!» Посадила подлѣ себя; дала ему свой ножикъ съ рукояткой въ оловянной оправѣ; накормила, удѣливъ отъ своей части (порціи).

Вечеромъ наступило время спать. Этотъ сынъ легъ за печкой, сильно задрожалъ. Того человѣка умоляетъ, говоря: «Положите съ собою!» Этого человѣка умоляетъ, говоря: «Положите съ собою!» Имѣющіе руки били, имѣющіе ноги пинали. Дѣвушка призвала его, положила съ собой; и легъ онъ поперегъ ноги! Ночью женщина увидала во снѣ, что лежитъ, обнявшись съ нею, прекраснѣйшій человѣкъ; проснувшись, видитъ, что одна вѣдь лежитъ.

Утромъ встали. Сваривши одну кобылу, отнесли своему дьяволу, дали. Слѣдуя за ними, пришелъ вмѣстѣ и мальчикъ. «Господинъ-господинъ дѣдушка! Зять, зять! Подѣлись, подѣлись!»—сказалъ (мальчикъ).—Эдакая досада! сказалъ. Напрашивается къ такой маленькой пицѣ!—Ударилъ его по срединѣ восьмихвостымъ кнутомъ, вшибъ въ землю. Захватился онъ за конецъ плетки и вышелъ.

«Господинъ-господинъ дѣдушка!» сказалъ. «Пестрая тальниковая стрѣла бываетъ диковатой (вѣтреной), бросающейся въ сторону и пинающею впередъ», сказавши, выстрѣлилъ. Лѣвый глазъ у него былъ съ бѣльмомъ. Этотъ глазъ съ бѣльмомъ насквозь прострѣлилъ. Это была его смертная желчь*).—Померъ. Изрубивши-изрубивши его, разбросали, сдѣлавъ пищей для червей и гадовъ этого мѣста.

Сталъ этотъ парень по-прежнему, а раньше онъ обращался (дитятею). Взялъ лошадь свою, сдѣланную Медвѣдицею (Арангасулу), взялъ узду отъ Плеядъ (Юргяль), сѣдло отъ блуждающей звѣзды (Кындыс), недоуздокъ взялъ отъ Венеры (Чолбонг). Пришелъ назадъ къ этимъ людямъ. Отворяющій дверь Халынгысь-батыръ отворилъ дверь. Отворяющій домъ Тэлебисъ-батыръ отворилъ дверь на-стежъ. Сильно обрадовались. «Мы думали, наше дитя будетъ назначеніемъ восьминогого; добрый молодецъ, пришедши, отдѣлилъ отъ дьявола, спасъ!» Выдали дочь свою за этого человѣка, едва только ночевали; дали ей лошадь въ десять верстъ длиною и въ переѣздъ шириною, украсили, одѣли, дали третью часть богатства. Скотомъ тоже дали приданое; опять и людьми тоже дали приданое. Поѣхали съ топотомъ скота, съ плачемъ ребятъ.

Приѣхавши къ матери и старшему брату, вошли. Невѣстка вошла, какъ входятъ невѣстки. Этотъ сынъ сказалъ: «Какъ онъ совершенно умретъ, будучи человѣкомъ? Я оживлю своего отца!» Сѣлъ на лошадь, полетѣлъ на небо.

Пришелъ къ господину Плеядамъ (Юргяль-тоён). Дочь господина Юргяля (Плеядъ) сидитъ на восьминогомъ мѣдномъ лабазѣ (агыс атахта алтанъ арангасъ). «Пойдешь-ли за меня, дѣвка?» сказалъ.—Пойду, говоритъ.—На возвратномъ пути возьму! сказалъ. Пришелъ къ господину Мѣсяцу (Ый тоён). Дочь господина Мѣсяца сидитъ на восьминогомъ лабазѣ. «Пойдешь-ли за меня?» спросилъ.

*) Въ текстѣ: ёлёръ юеся бу буолбут.

— Пойду, говоритъ. — «На обратномъ пути возьму!» сказалъ. Пришелъ къ господину Солнцу (Кюнь тоён). Пришедши къ господину Солнцу, сидитъ, молится, кланяется. «Отдай, говоритъ, за меня свою дочь!» Даю, сказалъ — «Незаставь проночевать ночь, продневать день; я тороплюсь.» Легко одѣвши, легко украсивши, вытолкнули — дали ему (дѣвицу). Съѣлъ онъ на пеструю лошадь съ человѣческимъ языкомъ. Приѣхалъ къ господину Мѣсяцу. Поѣхали, взявши дочь Мѣсяца господина. Приѣхали къ господину Юргялю. Поѣхали, взявши дочь господина Юргяля. «Мы бы украсили украшеніемъ, одѣли-бы платьемъ, дали-бы приданаго?» настаивали (родители). Отказалъ. «Я и самъ, говоритъ, богатый человѣкъ; ни въ чемъ не нуждаюсь».

Спустились, пришли на среднее мѣсто (на землю). «Пойду промышлять!» сказалъ. Ускакалъ (отъ нихъ) впередъ. Вынесъ, вытащилъ давешняго своего отца. Одѣлъ его своей одеждой; постлалъ свою постелю, покрылъ своимъ одѣяломъ, самъ спрятался.

Приѣхали женщины. Дочь господина солнца Кюёгяль-шаманка сказала: «Дочь господина Юргяля, Юргюкъ (пугливая)-шаманка! Ты сколько имѣла шаманства?» — Человѣка умершаго девять лѣтъ тому назадъ, дѣлывала я, какъ только что умершаго человѣка. — «Дочь господина Мѣсяца Ынгалы шаманка! ты сколько имѣла шаманства?» — Человѣка, умершаго девять лѣтъ тому назадъ, дѣлывала я, какъ человѣка, упавшаго въ обморокъ. — «Ну, говоритъ, оживите своего мужа!» Дочь господина Юргяля перелетѣла черезъ него трижды; сдѣлался, какъ только что умершій человѣкъ. Дочь господина Мѣсяца трижды перелетѣла черезъ него; сдѣлался, какъ человѣкъ, упавшій въ обморокъ. Дочь господина Солнца трижды перелетѣла черезъ него. «Въ обморокъ-ли я былъ или спалъ? но только, какъ хорошо!» сказалъ онъ и всталъ. И видятъ эти три шаманки: совершенно другой человѣкъ! испугавшись, всѣ трое вылетѣли на верхнее мѣсто. Полетѣли къ своему землѣ-мѣсту.

Сынъ прибѣжалъ изъ лѣсу къ отцу; вышедши домой съ отцемъ, пришли. Мертвый ихъ ожилъ, парни поженились. Оба сына

жили двумя особенными домами; всѣ трое жили тремя равными сосѣдями. Только.

7.

Старуха со старикомъ.

(*Огоннёрдох эмахсинь*).

Говорятъ, жили-были старикъ со старухой вдвоемъ. У нихъ была дочь Кюнь Туналыкса (солнце бѣлѣющее), непоказывающаяся на солнцѣ (днѣ)? Была у нихъ серебряная (пустая) юрточка, свѣтившаяся изъ-за трехъ переѣздовъ. Въ три ряда она была замазана серебромъ; матица изъ высокаго дерева, столбы изъ крупнаго дерева, потолокъ изъ лучшаго дерева, стѣны изъ многого дерева, окружность стѣнъ изъ девяносто сухихъ деревьевъ; было девяносто колышковъ (крючковъ) подобно девяносто летящимъ голубямъ; во семьдесятъ обширныхъ оконъ. Правая сторона крашеная, билирикъ (мѣсто подъ образами) узорчатый; разговаривающій клятигинь (передняя сторона); двери билирика съ побрякушками; на лѣвой сторонѣ насмѣшливый югах (кровать дѣвушки или холостаго парня), многоговорливая полка. Была печь, подобно тому, какъ барыня-женщина, набросивъ на себя рысью доху, запахнувшись стоитъ, оборотившись на западъ. Если спустить по трубѣ семь сухихъ деревьевъ, то семь сутокъ горятъ шумнымъ пламенемъ. Былъ у нихъ такой шестокъ, какъ (брошенные) избитыя головы и ноги четырехъ пяти-травыхъ быковъ. Были тяжелыя двери, сшитыя, натаптывая (и елбзя), изъ семи шкуръ пѣстуновъ-медвѣдей. По наружной сторонѣ дома былъ гладкій дворъ; столь гладко серебряный, что на немъ не можетъ устоять девятитравый жеребецъ. Во внутренней сторонѣ этого двора было девять господъ коновязей (тоён сяргылях). Первый столбъ (коновязь) съ птицей большей породы, средній—съ орломъ (тоён), послѣдній съ кукушкой (кягя). Былъ загонъ изъ восьми загороженныхъ деревьевъ. Огородъ былъ плотно огороженъ изъ семи деревьевъ (кольевъ). На желтомъ пупѣ (арагас кинигярь) матери восьмигранной вселенной (агыс илях сагалах ан-ія дайды) было (у

нихъ) восьмивѣтвистое кудрявое дерево (агыс салалах ар кудралах мас), (бывшее) съ корою изъ чернаго серебра, съ болонью изъ серебра, съ мезгою изъ золота, съ шишками, какъ чороны съ выпуклыми перехватами въ девяти мѣстахъ, съ листьями, какъ шкуры четырехтравыхъ кобыль. Бѣлая сюлюгюя *) (божественная жидкость) Бѣлаго господа Бога (Юрюнь Аи тоён) кверху пѣнится, пѣнится, желтая сюлюгюя Бѣлаго господа Бога переливается—болтается. Проѣзжающіе (голодные) ѣдятъ, уставшіе (потерявшіе силы) иѣжатся-покоятся; голодные поляѣютъ, присталые жирѣютъ. Такое было дерево. Кромѣ того было девять домовъ рабовъ, восемь домовъ невольниковъ, семь домовъ прислужниковъ.

Потомъ, эту свою дочь запрятали въ трехствѣнномъ серебряномъ чуланчикѣ. Держать ее заключивши, говоря: «пусть не видятъ глазами», «пусть не слышатъ ушами» **), «пусть не говорятъ (о ней) язычные». Ночевали. Однажды утромъ встали, умылись, причесались, разрѣзывая плоско толстый жиръ (кобылій), раскладывали его (какъ) деньги, (разрѣзывая) кругло толстую шейну, раскладывали (ее какъ) позвонки, заколачивали зубы мозговыми костями, полоскали ротъ желтымъ масломъ. Пили-ѣли.

Прямо съ западной стороны взвились кверху облака, какъ медвѣжьи шкуры съ головой и лапами; настала такая пасмурная погода, что если плюнетъ щеголь—человѣкъ, то слюна не долетаетъ на полъ; насталъ такой туманъ, подобно неостанавливающемуся напѣванію почтенно-страшнаго шамана (болджонгнур оюн). Спустился внизъ небесный черный вѣтеръ. Съ четырехъ угловъ неба взгремѣли четыре сердитые грома; дабдыр-дабдыр, дождь пошелъ; ледяной градъ величиною, какъ голова съ шеей шамана Болджонгнура; громъ, прогремѣвши, разошелся на четыре угла неба. Чыбыгыр-чыбыгыр, подобно стуку утренней пещи о ледъ, пріѣхалъ рысью и

*) Въ якутскомъ текстѣ: сюлюгюя.

***) Пусть не видятъ, имѣющіе глаза (харахта), не слышатъ имѣющіе уши (кулгахтах).

сталъ стучать до того, что отлуплялось съ серебрянаго дома, пошатывался мѣдный домъ, обсыпалось съ землянаго дома, деревянный домъ раскрашивался; отъ гнилушечьяго дома отлетали кусочки.

Парень ихъ Скорый Чогуй (Тюрьгянь Чогуй) выскочилъ. Выскочивши, видитъ: имѣя лошадыю небеснаго Мякъ-тугуй'я съ тремя ногами въ (продольную) линію, въ сплошной желѣзной курткѣ выше подколѣнка, въ некрасивой шубѣ выше колѣнъ, съ желѣзными пуговицами подобно головѣ съ шей пяти-шестилѣтнихъ дѣтей; съ половины бока до подмышекъ подпоясался небеснымъ лысовымъ кушакомъ, въ семидесяти пудовой шляпѣ-шанкѣ, въ пятидесяти пудовыхъ перчаткахъ; въ желѣзныхъ панталонахъ въ девяносто пудовъ; въ восьмидесяти пудовыхъ штанахъ; съ зубами тамъ и сямъ, подобно желѣзному скобелю; со сморщенной рожей, подобно обвалившемуся берегу; съ глазами, какъ расщелина горы; смѣялся, скаля зубы; соскочилъ съ лошади, сказалъ: «Будь вѣрнымъ закащикомъ, главнымъ сватомъ, умѣющимъ слугою къ господину и госпожѣ. Пусть дадутъ мнѣ дочь свою, непоказываемую солнцу! Даютъ или не даютъ, возьму! Добромъ-ли, худомъ-ли, непременно возьму!» сказалъ.

Услыхавши это, парень влетѣлъ домой и говорить передъ госпожей и господиномъ: «Пришелъ дьяволъ и просить дитя наше, непоказывающее солнцу, солнце Туналыкса. Дадутъ-ли, не дадутъ-ли, добромъ или худомъ, непременно возьму! говорить. Скажите слово: даете или не даете?» — Старикъ и старуха плакали: «Если не дадимъ ему, то кому отдадимъ?» сказали. «А калымъ-то пусть приведетъ!» — Парень выскочилъ. «Даютъ!» сказалъ. Дьяволъ сказалъ: «Я приду въ красный ущербъ (полнолуніе) будущаго мѣсяца. А имя мое: Хоро-Дыбырданъ-богатырь со стременами изъ девяти пуговицъ (тогус хоро чопчу)!» — Уѣхалъ.

Они не рассказали этого дочери. А дочь это узнала. Провалилась (ушла) сквозь землю горячимъ свинцомъ и вышла по срединѣ амбара. Взяла серебряный недоуздокъ съ поводомъ, вышла. Вошла въ поле и стала, прислонившись къ восьмивѣтвистому куд-

рявому своему дереву, сказала: «Сдѣлалась я назначеніемъ восьми-
ногому. Если я умру, пусть будетъ посмертнымъ» (идушимъ со мною
въ гробъ). Этимъ ремнемъ съ серебряной обротью, говоря: «По-
пади на назначенное мнѣ счастье, благодать, широкое богатство!»
бросила она свой недоуздокъ и поймала имъ жеребенка. «Вѣрно
(только) для меня попался эдакій невзрачный, некрасивый!» И при-
вязала его крѣпко-на крѣпко къ толстому дереву. Вышла потомъ
домой, вошла въ свой тройной серебряный чуланъ, уснула. Встала
утромъ, умылась, причесалась, накушалась, наѣлась; ушла опять
горячимъ свинцомъ въ землю; вышла по срединѣ амбара, одѣлась,
украсилась, выбѣжала въ поле. Пришла къ вчерашнему своему ко-
ню у толстаго дерева. Одногодовалый жеребенокъ совсѣмъ съ кор-
немъ сорвалъ свое дерево и бѣгаетъ. Дѣвушка поймала его и хо-
тѣла убитъ его ножемъ съ оловянными украшеніями. «Вѣрно (ужь
только) для меня несчастной, для меня, удрученной несчастіями,
попала эдакая скотина!» На то жеребенокъ вѣщаль: «Развѣ я не
могу быть лошадыю для дѣвочки? Не брезгуй! Уведи меня отсюда
прямо на востокъ; тамъ есть трехгранный амбаръ (юсь кырылах
амбар); пусти меня туда!»

Увела. Была круглая полянка, а среди круглаго поля стоитъ
трехгранный амбаръ. Впустила она его туда и, забравшись на
амбаръ, уснула. Разбудилась, соскочила; открыла амбаръ, посмот-
рѣла: стоитъ лошадь съ самороднымъ серебрянымъ сѣдломъ, само-
роднымъ серебрянымъ недоуздомъ, серебряною уздою, серебрянымъ
побочнымъ (нижнимъ) чапракомъ, съ серебрянымъ (верхнимъ) чапра-
комъ), съ серебряными переметными сумами. Вывела свою лошадь
за поводъ. Эта лошадь вѣщаетъ: «Назначенная моя хозяйка! По-
бѣжимъ отъ дьявола! Пожалуй, нынче Господь Богъ (Аи тоён) и
спасетъ! А имя мое: лошадь Угаллиланъ-Уланъ. Если побѣжить
десять дней, силы его не истощатся на бѣгу!» Хозяйкѣ своей ска-
зала: «Садись верхомъ!» (И она) сѣла.

Скакала. Рысью ѣхала, иноходью ѣхала, ступью ѣхала и при-

ѣхала къ господину Деньги-Голенъ, *) съ трясущейся бородкой, бесѣдующему почтенному, совѣтъ дающему. «Восьминогій Аджарай взялъ меня за мужъ; пришла, спасая свою жизнь. Помилуй-спаси, запрячь въ своемъ пространномъ, скрой въ узкомъ! укрой въ пахахъ, въ пазухѣ!» Схватилъ ее, превратилъ въ золотое кольцо, надѣлъ на лѣвый мизинецъ.

У старика и старухи сдѣлалось красное полнолуніе мѣсяца. Зять ихъ пришелъ съ девятью сватами, съ восемью сватьями, пригналъ-привелъ свой калымъ. Спустились на западной сторонѣ поля. Послалъ младшую сестру. Пришла; и стоя на правой сторонѣ дома (сказала): «Старикъ и старуха! Зять вашъ пріѣхалъ-пришелъ; свадьбу дѣлайте, дочь дайте; возьмите, говоритъ, калымъ»!

На это старикъ говоритъ: «Я живу, (самъ) не зная, на верхъ-ли моя дочь вылетѣла, въ нижнее-ли мѣсто провалилась, по среднему-ли мѣсту ушла? Хитрые! однако вы сами украли! Развѣ я знаю»? И схвативши свою тростку съ побрякушками, хотѣлъ ей исколотить голову и ноги! Но она, превратившись вмѣсто человѣка въ три тѣни, заставила его промахнуться и исчезла. «Мое высокое имя, бѣлое назначеніе: дабиная шапка, жестяная тусахта, сарное нѣбо, Кяльбистяй Куога Тилляхъ Калли Тяльбистяй-Ко» **).

Огнемъ свистнула къ западному небу (ушла). Пришла къ старшему брату. «Ахъ, мой старшій братъ! Твое серебро (твою дорогую) такъ явно заставили улетѣть, потеряться-уничтожиться»! Хоро Дыбырданъ-богатырь подскочилъ къ верху, по обѣимъ холкамъ хлопнулъ, сѣлъ верхомъ на лошадь, на небснаго Мякъ Тугуй'я съ тремя рядомъ расположенными на пуцѣ ногами.

Пріѣхалъ къ тестю; пріѣхавши, спустился; правую сторону дома назадъ отбросилъ; вороватыя свои ладони, какъ лодки, могу-

*) Харчи сото ханкыра ханнах сялибирь бытык сяръкянь сясянь хан джаллыксыт тоѣнг.

**) «Юрьдюкъ атым, юрюнгъ соломъ, діебитъ: Даба-бѣргяся, нялбан тусахта, сары тамгалай Кяльбистяй куогун Тилляхъ Калли Тяльбистяй-Ко.

щія помѣститъ тридцать человѣкъ, поставилъ горстью. «Посадите мнѣ на ладонь ее, которая сама серебряная, легко украшенная, легко одѣвшись!»!

Старикъ отвѣчалъ: «Я совсѣмъ не знаю, куда она дѣлась. Живу я, жалѣя ее, плача и печалюсь. Тебя тоже очень боюсь. Должно быть, вы сами украли. Ты, говоритъ, не заставляй слушать своихъ словъ, не кажись глазамъ, не будь слышенъ ушамъ, не показывайся!»! Выхватилъ свою тростку съ побрякушками и началъ его бить по головѣ и по ногамъ. Онъ раздѣлился на три человѣческія тѣни и ударъ сдѣлалъ промахомъ.

Этотъ дьяволъ, сдѣлавшись облакомъ, взлетѣлъ на верхнее мѣсто, на небо. Съ четырехъ угловъ неба взгремѣлъ кверху четыремя сердитыми громами, взвился до самой верхушки неба. И оттуда ударилъ внизъ; и все: и мѣсто, и домъ, и огонь, и людей, и скоть, и коровъ и кобылъ громъ все совсѣмъ погубилъ. Ничего не осталось, все исчезло; не осталось ничего, издающаго стукъ; все померло, совершенно все.

Дьяволъ спустился, вытянулъ свою нижнюю челюсть съ языкомъ и бросилъ на югъ: «Если она ушла на югъ, сядь!»! сказалъ. Перебросилъ; она ницъ упала.— «Если она пошла на западъ, сядь!»! говоритъ. Перебросилъ; она ницъ упала.— «Если она пошла на сѣверъ, сядь!»! говоритъ. Перебросилъ; ницъ упала. «Если ушла на востокъ, пади на спину!»! говоритъ. Пала на спину.

Выхватилъ, пошелъ на востокъ. Пришелъ къ почтенному Бесѣдующему Свѣтлому Глазу, совѣтъ дающему старику*). «Совѣтующій Бесѣда Старикъ (Сяркьянь Сясянь огоннёр)! Слѣдъ моей жены дошелъ до тебя; но не нашелъ я слѣду (дальше). Ты (значить) запряталъ ее; укралъ. Дай сюда! Если только не дашь, съѣмъ я тебя, старикъ!»!

*) Сяркьянь Сясянь ханкыра харах хан джаллыксыт огоннёр.

— Эдакая ничтожность! (Посмотрите на) досаду его словъ. Ты говоришь эти слова (только для того), чтобы сказали, что ты отнял у меня женщину. Вотъ твоя жена! я стою, надѣвши ее золотымъ перстнемъ! сказалъ и привязалъ этого дьявола съ лошадыю и со веѣмъ къ дубовому дереву желѣзнымъ ремнемъ. Взялъ женщину, взялъ ея лошадь; посадилъ на лошадь, отправилъ. «Поѣзжай по этой дорогѣ; если будешь человѣкомъ, то отъ этого въ люди выйдешь. Если умереть тебѣ, отъ этого умрешь. Поѣзжай! Къ чему-нибудь она (дорога) доведетъ (тебя)»! Дѣвушка поѣхала.

Дорогой лошадь ея вдругъ очнулась. Хозяйка ея потерялась. Эта лошадь взвизгнула, побѣжала назадъ по дорогѣ. Хозяйка ея, держа свою шапку, идетъ по лошадиному слѣду. Легла лошадь; она сѣла. Поѣхали дальше по дорогѣ. Дорогой лошадь и говоритъ: «Вонъ тамъ показался огонь, разведенный на-полѣ. У того человѣка, (разведшаго) огонь, должно быть есть ножикъ съ серебряными ножнами. Украдь»!

Приѣхала эта женщина. Изжарилъ на рожнѣ девять сохатыхъ, сварилъ девять сохатыхъ (этотъ человѣкъ); она украдала (у него) ножикъ съ серебряными ножнами и проѣхала. Побѣжала лошадь изо всѣхъ силъ. Человѣкъ, разведши огонь, привелъ свою лошадь. И видитъ: проѣхалъ человѣкъ съ превосходнымъ слѣдомъ лошади, а его ножъ съ ножнами украденъ; наземъ разлилъ свой горшокъ; лошадь свою осѣдлалъ на ходу; доху и шубу на ходу надѣлъ. Сѣлъ на лошадь и, слѣдя слѣдъ, поѣхалъ за этимъ человѣкомъ; поѣхалъ, узнавая зиму по куржаку, узнавая весну по вѣтру, лѣто по дождю, осень по дождю, смѣшанному со снѣгомъ.

Достигъ ее. Ёдетъ до-нелзя хорошая женщина, привѣсивши на концѣ сѣдла ножикъ съ серебряными ножнами. «Для чего ты пришла и украдала»? спросилъ. «Я родилась отъ отца, какъ отецъ, отъ матери, какъ мать (т. е. отъ достойныхъ людей). Пришелъ восьминогій дьяволъ, сватался (ко мнѣ); убоявшись, ввѣрилась я ногамъ лошади (дала я тягу на лошади), считая, что все равно,

гдѣ-бы не умирать. И по дорогѣ ѣду, думая, что если не назначено мнѣ умереть, то какой-нибудь человекъ спасетъ мое бѣлое дыханіе. Хожу, ввѣрившись ногамъ (нахожусь въ бѣгахъ)»! Этотъ мужчина поднялъ ее съ лошади. Поцѣловалъ-понюхалъ; полюбилъ. Стали здѣсь жить. Жили промысломъ-пищей.

Черезъ сколько-то ночей онъ сказалъ: «Имѣлъ и я важное мѣсто, свой домъ, богатство и состояніе. Поѣдемъ домой»! Встали въ одно утро, поѣхали. «А имя мое, сказалъ (онъ): Вставши на оконечность колышка Джуро-Бегё-человѣкъ» *). А жена сказала: «Я женщина по имени Непоказывающаяся солнцу (дню?) Солнце бѣлѣющее» **)!

Ѣхали. Вдругъ съ задней стороны топотъ; кто-то пріѣхалъ къ нимъ рысью. Оглянулся-посмотрѣлъ; пріѣхалъ дьяволъ, привязанный къ дубу***). «Какія дѣти бѣломолочнаго Господа (Ють тас беэляхъ тоён) вы ѣдите? Вотъ прибылъ я древнестрадальный, согнутый мученіемъ, съ чернымъ несчастіемъ, многострадальный человекъ. Ты ради славы (лучшаго) твоего имени, бѣлаго назначенія, удали (меня) отъ этого моего мученія. Чѣмъ заплачу? горшокъ вашъ сварю, буду повертываться передъ вами, буду разшепериваться, приготовляя вашу пищу, буду (некрасиво) прискакивать, приготовляя вашу ѣду, буду сушить ваши торбоса; буду разувать ваши ноги; наколю дровъ, накошу сѣна, буду смотрѣть за коннымъ скотомъ; буду смотрѣть за коровами; сработаю вашу работу; буду услуживать вамъ; если ужъ я, человекъ, возьму свое мужество, дамъ-ли отнять (тебя) злу»! говорилъ онъ, умолялъ, просилъ.

Этотъ мужчина спросилъ у жены: «Отпустимъ, что-ли»? Жена отвѣчала: «Вѣдь этотъ дьяволъ похищаетъ меня. Его-ли ты хочешь отпустить»? Не послушался; отпустилъ отъ дубоваго дерева. Втроемъ поѣхали. На ѣздѣ дьяволъ переѣхалъ имъ дорогу спереди. На то женщина сказала: «Страшно мнѣ, другъ! сдѣлаетъ что-нибудь этотъ дьяволъ»!

*) Тогосо тѣбетюгарь тура тюсьпють Джуро-Бегё день киси.

***) Кюнню кѣстюбать Кюнъ Туналыкса день джахтар.

***) Въ текстѣ вмѣсто дуба: лук-мас.

Дьяволъ и человекъ стали драться, отнимая (другъ отъ друга) свою жену. Эта буланая лошадь, трижды окруживъ верхнее мѣсто, спустилась; трижды окруживъ нижнее мѣсто, поднялась; трижды окруживъ среднее мѣсто, пришла, и сдѣлалась для своей хозяйки восьминогимъ мѣднымъ лабазомъ (агыс атахта алтан арангас). Сидѣла она на немъ, навернула на серебряный коль свои восьми-саженные шелковые волоса, чесала.

Дрались эти люди; вдругъ опомнились, посмотрѣли: жены ихъ нигдѣ нѣтъ. «Что мы отнимаемъ другъ у друга, деремся?» сказали. Разыскавъ по слѣду этой женщины, выслѣдивъ, гдѣ она была, дьяволъ пришелъ первый. Когда всходилъ дьяволъ, карабкаясь на лабазъ, человекъ достигъ его. Стали драться.

Буланая лошадь (Угаллилан улан ат) сдѣлалась лошадыю; посадила свою хозяйку, отправилась на востокъ. Окруживши верхнее мѣсто семь разъ, окруживши нижнее мѣсто семь разъ, окруживши среднее мѣсто семь разъ, посадила ее въ камень свѣтлѣе всего, (въ камень) подобный лицу бѣлобѣка (утки) безъ нити сверху, безъ поддержки снизу. Стояла тутъ эта лошадь, качалась.

Одумавшись, дьяволъ и человекъ посмотрѣли; жены ихъ нигдѣ нѣтъ. «Для чего мы и деремся?» сказали. Пошли, слѣдя дорогу своей жены. Дьяволъ пришелъ первый. Женщина сидитъ въ свѣтломъ камнѣ (сырдык тас) безъ нити сверху, безъ поддержки снизу. Дьяволъ хваталъ, хваталъ, все мимо хватаетъ. Разсердился, нѣтъ-нѣтъ сталъ покрикивать. Пришелъ прежній человекъ; начали драться.

Буланая лошадь посадила свою хозяйку на спину. Окружила верхнее мѣсто девять разъ, нижнее мѣсто окружила девять разъ; окруживши среднее мѣсто девять разъ, пришла. Приѣхала въ такое мѣсто, что кобылы чрезъ кобылъ пошли, коровы чрезъ коровъ пошли (т. е. скоть чрезмѣрно умножился). Съ восточнаго краю поля показался за три переѣзда блестящій, серебряный пустой внутри (сквозной) домъ. Лошадь шумно поскакала изъ всѣхъ силъ. Дворъ огороженный бревнами въ три ряда перескочила, пришла.

Набросила лошадиный поводъ на лабазный столбъ, не дала себѣ времени привязать, влетѣла въ домъ. Огонь разрыла. Огонь лежитъ, свѣтя въ горячихъ угольяхъ. Затопила огонь со словами: «Не гасни до семи лѣтъ!» Уѣхала. Огонь сказалъ: «Ты девять лѣтъ была (въ отсутствіи); чуть я не погасъ»!

Ни одного человѣка нѣтъ. Стала болѣть, перемогаться отъ боли, начались потуги; начала охать, горько стонать; мучилась восемь дней и ночей. Буланая лошадь, окрылатившись своими «священными» хвостомъ и гривой, вылетѣла на верхнее мѣсто, прилетѣла къ госпожѣ создательницѣ (айсыт хатын). «Создавшая госпожа создательница (Айбыт айсыт хатын)! сваталъ мою назначенную хозяйку Хоро-Дыбырданъ богатырь съ девятипуговочными стременами; убоявшись этого, она дала тягу. Встрѣтившись, взялъ ее, стоя спустившійся на кончикъ кола Джюрё-Бёгё. Дьяволъ, сдѣлавшись громомъ, поразилъ родителей (отца и мать) этой дѣвушки; пришелъ этотъ дьяволъ къ Бесѣдѣ-Старику (Сяркянъ Сясянъ огоннёр); тотъ привязалъ его къ дубовому дереву плетенымъ ремнемъ съ тремя стрѣлками. Когда ѣхали эти мужъ съ женою, онъ достигъ; обманувши, велѣлъ себя развязать. Отнимая другъ у друга (свою) жену, сражаясь, ѣхали. Я шла, своею хитростью охраняя свою хозяйку. Пришла она въ мужнинъ домъ. Начались съ ней потуги, мучилась цѣлые восемь дней и ночей. Поди, будь матерью, спаси!» сказала.

Создательница (Аисыт) спустилась на среднее мѣсто, сдѣлавшись, превратившись кобылой съ тридцатисаженной лодкой-хвостомъ, съ семисаженной нѣжной серебряной гривой, съ трехсаженной торчащей чолкой, стоячими ушами, съ ноздрями, какъ труба, съ серебряной трехскладной шерстью, съ копытами подобно гребню, съ рябыми глазами, съ лѣтней нѣжной думой-мыслью, окрылатившись своими священными гривой и хвостомъ. Пришла по наружности дома. Покаталась, сдѣлалась госпожей-женщиной, вошла. А та женщина (рожаница) не могла узнавать (чувствовать) человѣка; гла-

дила она ее, подняла; (у нея) родился до-нелзя хорошій сыночекъ. Воспитывали (его), завертывая въ рысьи и соболиныя шкуры. Создательница ночевала три noci, взлетѣла на верхъ, сказавъ: «Пусть до послѣднихъ вѣковъ, вымывшись, черезъ три noci (послѣ родовъ) (рожаница) даетъ своего сѣна». Сдѣлавши, сдѣлала. Такой обычай вставать черезъ три noci существуетъ до нынѣшняго дня.

За одну ночь (новорожденный) сталъ одного года, за двѣ noci двухъ лѣтъ; за три noci трехъ лѣтъ; за четыре noci четырехъ; за пять пяти лѣтъ; за шесть шести; за семь семи; за восемь восьми; за девять девяти; за десять десяти; возмужалъ; сталъ человѣкомъ, не помѣщающимся въ мѣстѣ съ травой и деревомъ (покрытомъ растительностью). Назвали его Басымниланъ-богатырь. Назначивъ себѣ буланую лошадь матери, сдѣлалъ своею лошадью.

Въ одно утро пришелъ на свое поле. Шелъ, ѣхалъ посмотреть и сосчитать свой конный и рогатый скотъ. Быка господина Додонго (тоен Додонго огус) не стало. Жеребца Ханъ-Джярылыкъ тоже не стало. Искалъ по всему полю, не нашелъ. Прискакалъ домой. На мать свою разсердился; не ѣлъ, не кушалъ. «На что ты разсердился»? спрашивала-спрашивала мать; (не могла доспроситься) бросила. (Онъ) голову (свою) завернулъ, легъ въ уголъ билирика, уснулъ.

Утромъ всталъ; не умылся, не поѣлъ, схватилъ шапку съ рукавицами и выскочилъ. Сѣлъ на лошадь, прискакалъ на западную сторону поля. Жеребца его Ханъ-джярылыка (кто-то) воткнулъ ртомъ на роженъ изъ худаго тальника, а быка воткнулъ прямо черезъ задницу. Видитъ онъ; рѣжетъ пластинками и ѣсть-сидитъ величиною съ оборвавшуюся отдѣльную гору дьявольскій атаманъ Хонголой-хорсуна.

Дьяволъ, увидавши, отвратительно усмѣхнулся: «Эдакій ничтожный, досадный! Ты пришелъ и стоишь для того что-ли, чтобъ испугать меня»? сказалъ.

Дитя отвѣчалъ: «Что ты мнѣ за дѣдушка? Что ты мнѣ за

господинъ батюшка? Развѣ ты не ѣдокъ мой? Откуда ты пришелъ, сынъ окаянный? Укралъ, ограбилъ главнаго моего табуннаго жеребца и быка и сидишь-ѣшь? Я разрублю твое темя на четыре части, верхъ на три части, самага на пять частей, сдѣлаю кровяной винегреть; низъ твой разорву на шесть частей. Пролью твою кровь журчащею кровяною рѣкою. Приподниму съ земли (т. е. заставлю выползти) здѣшнихъ червей и гадовъ, сдѣлаю закваской вѣронамъ этого мѣста, сдѣлаю завтракомъ здѣшнимъ воронамъ, сплавлю по водѣ твои длинныя кости, сдѣлавши ихъ плавникомъ; сплавлю твои (многочисленные) короткія (мелкія) кости, сдѣлавши ихъ осенней шугой» (мелкимъ льдомъ)!

Дьяволъ сказалъ: «Эдакій ничтожный! Будучи подобенъ маленькой чечеткѣ, собирающей и ѣдящей концы тальниковъ, а какая сила его рѣчей, стремительность его словъ! меня-то какою силою ты убьешь? Развѣ я такого вида человекъ, чтобы ты могъ меня убить? Если положу тебя въ ротъ, такъ уйдешь не замѣтно!»

Стали драться. Мерзлое мѣсто по колѣно истоптали, талое мѣсто до холки истоптали, сухое мѣсто по сгибу ступней, со скрипомъ, подобнымъ тому, какъ ходять по снѣгу. Не оставили на этомъ мѣстѣ (ни одного) цѣлаго дерна, все истоптали; на одну зуботычку не оставили дерева, все истоптали. На одну ложку воды не оставили; все высушили ногами. Дьяволъ отрываетъ отъ человека по куску мяса и ѣсть. А добрый молодецъ*) отхватываетъ отъ дьявола по одному растопленному куску недоплавленного желѣза, отбрасываетъ назадъ. Этотъ сынъ, взявши дьявола себѣ на бокъ, бросивъ, (вбилъ) его въ землю на семь сажень; сѣлъ къ нему на грудь, разрѣзалъ ее ножемъ съ оловянными украшеніями на чернѣ, и набросилъ (грудную кожу и мясо) на лицо. Выковырнулъ у него сердце и держитъ за вены сердца.

На то дьяволъ сказалъ: «Не думалъ я, что умру отъ такого ничтожнаго! Однакожъ за сказанное слово тоже бываетъ наказа-

*) Ан уол.

ніе. Солнечную сторону (могилы, гроба) посеребри, южную сторону выкрась, западную сторону вымѣди, сѣверную сторону покрой оловомъ; высвѣтли мой крестъ. Построй хорошенько мой памятникъ; чтобы надгробный камень виднѣлся (издали)»! сказалъ. Умеръ.

Вырылъ (яму) въ семь печатныхъ сажень, изрубилъ на мелко семь большихъ деревьевъ; развелъ огонь, жегъ семь дней и ночей; собралъ кости, вытащилъ. Между двумя камнями-жерновами мелко измолотъ; принесъ-насыпалъ въ отдѣльное восьмипроточное море; сорвалъ-схватилъ дерево съ корнями; сталъ шумно сучить. Остатки его костей, сдѣлавшись лягушками (алчах), ящерицами (тыймыт), водолюбами (чоху), жуками (хомурдос), личинками водянаго жука (уу кыса), червями-гадами (ёнъ-кёюръ), живутъ (ходятъ) до нынѣшняго дня.

Этотъ сынъ вышелъ въ свой домъ. Когда онъ вышелъ домой, (мать его) сказала: «Найди ты своего отца! Вотъ ты убилъ сватавшаго меня дьявола; узнай ты: съѣлъ этотъ дьяволъ (твоего отца) или не съѣлъ? живъ онъ или померъ? Найди его слѣдъ!» «Слышалъ или не слышалъ» это (т. е. не дослушавши конца рѣчи), вылетѣлъ. На лошадь сѣлъ, отправился на югъ. Поѣхалъ. Посмотрѣлъ: ѣдетъ верховой человекъ изсохшій, кожа-да кости, высохшій хуже всего. Надѣтая шапка, повернувшись, присохла на темени; плотно присохла надѣтая доха; надѣтыя рукавицы, сжавшись (въ гореть), присохли къ концамъ пальцевъ. Надѣтые торбоса, скрутившись, присохли къ голени; глаза глубоко впали. ѣдетъ человекъ, высохшій, ставшій костью и кожей.

Когда тамошній (тотъ) человекъ посмотрѣлъ: отъ роду не видалъ такого хорошаго человека. Совершенно отличный человекъ, а сѣлъ на лошадь прежней его жены, ѣдетъ. Увидавши, осердился этотъ человекъ въ сердцѣ и печени. «Вотъ, значить, моя жена нашла себѣ мужа!» Подумалъ онъ, разсердился. А этотъ сынъ говоритъ: «Человекъ ты или дьяволъ, который изъ нихъ? Путникъ, не слышалъ-ли ты, не видалъ-ли ты моего отца!» Я твой отецъ,

говорить. Соскочилъ, и лошадь и самого его привязалъ къ торкамъ, прискакалъ къ матери. Мать-старуха обрадовалась; подняла мужа, внесла. Завернула въ постели и одѣяла изъ рысьихъ и соболиныхъ шкуръ. Накормила его желтымъ масломъ, наплатала бѣлою пѣнкою; насытился онъ, пополнилъ; сдѣлался по прежнему. Жили (они) шумно и весело.

Въ одно утро сынъ ихъ не ѣлъ съѣстную пищу; съ отцемъ-матерью не разговаривалъ, сердился. Они сказали (ему): «Отчего ты такимъ сдѣлался, голубчикъ»?—Вѣдь всѣ разные бѣгающіе звѣри, говоритъ, имѣютъ самцевъ (жеребцовъ) и самокъ. Всѣ роды крылатыхъ птицъ имѣютъ самцевъ и самокъ. Только я въ продолженіи своей жизни все обнималъ свою локтевую кость. Не стало для меня парной; обнималъ поперегъ толстыя голени. Друга (мнѣ) не сдѣлалось. Постеля изъ камосовъ стала холодною; коврикъ изъ шерсти сталъ прохладнымъ; кровать, сложенная неправильно, стала мучительной. Мое сѣдло-подушка стало утомительно; доха-покрывъ стала не плотною; шуба-покрыша малополезна. Нуждаюсь я въ равномъ другѣ, лежащемъ вмѣстѣ (съ собою); недостаетъ мнѣ равнаго товарища, лежащаго на постелѣ. Нѣтъ у меня госпожи жены, лежащей на лѣвой сторонѣ. Укажите мнѣ жену!»! сказалъ.

Отецъ отвѣчалъ: «На нижнемъ мѣстѣ девятиголовая Яга-баба-ѣсть-готова дьяволъ старуха*)—когда жена знаменитаго господина Бай-акымай'я была семи мѣсяцевъ беременности,—заставила ее теменемъ выкинуть, взяла, живетъ-воспитываетъ (выкидыша). (Это) весьма хорошенькая дѣвочка; равное тебѣ дитя. Если можешь ее взять, и возьмешь, такъ была-бы она подходящей тебѣ женою».

«Слышалъ или не слыхалъ» сказалъ ребенокъ и провалился въ землю горячимъ свинцомъ. Говоря: «не успѣемъ-ли схватить»? поймали только домашній соръ. (А онъ) шель-падалъ, шель-падалъ. Вдругъ вступилъ-достигъ мѣста съ половиннымъ солнцемъ,

*) Тогуе хос бастах Джаба-баба Джесь хотобо абасы эмяхсини.

пришелъ къ мѣсту съ половиннымъ мѣсяцемъ, Мѣсто было мрачное, какъ рыба уха; сѣроватое, какъ карасевая уха; съ лягушками, какъ трехгодовалые быки, съ ящерицами, какъ трехгодовалая корова; съ водолюбамн, какъ большіе быки. «Ахъ, на эдакое страшное мѣсто пришелъ я для лоснящейся кожи, услыхавши лишь только (одно) ея имя! (Вѣдь) могутъ съѣсть здѣшніе черви и гады!»! Думаетъ онъ, стоять. Побѣжалъ на западъ, думая: «должно быть (она) на этой сторонѣ»! Пришелъ къ тридцатигранному гудящему желѣзному дому. Искать-искали дверь; никакъ не могъ найти.

Покатался. Сдѣлавшись солнечной мышью (кюнъ чингырыкан), выбѣжалъ по дому, вышелъ на трубу; заглянулъ: сидитъ прехорошенькая дѣвочка, обжигаетъ семь человѣческихъ головъ, жаритъ семь человѣческихъ сердець-печеней; плачетъ-говоритъ. «Показалось мнѣ этою ночью во снѣ, что благословенный добрый молодець пришелъ, взялъ меня. Значитъ это насмѣшка духовъ растительности **) здѣшняго мѣста. Какой добрый молодець придетъ ко мнѣ? Хотя-бы и пришелъ, чѣмъ побѣдить сто двадцать хитростей Бабы-яги (Джаба-баба)-Джесъ-Хотобо и возьметъ? Есть-ли такая, какъ я, несчастная? Если-бы умерла я на святой землѣ, не мучилась-бы я такъ»!

Этотъ человѣкъ, сидя мышью, услыхалъ это. Упалъ (онъ) на огонь. Дѣвушка эта проткнула его за шейную кожу (на кодыкъ) ножомъ, у котораго рукоятка была съ оловомъ; унесла его на переднюю сторону юрты, посадила. Отвела глаза; взглянула потомъ: сидитъ впереди до нельзя хорошій человѣкъ. Упала дѣвушка въ обморокъ. Очнулась. Сынъ съ дѣвучкой поцѣловались-понюхались, полюбились.

Жили на этомъ мѣстѣ мужемъ и женою. Совѣтовались. «Куда-бы намъ уйти отъ этой Яги-бабы (Джаба-баба) Джесъ-Хотобо (ѣсть готовой)»! Мужъ спросилъ: «Если куда-нибудь сходить, сер-

*) Тогуе хос бостах Джаба-баба Джесъ хотобо абасы эмяхсиня.

**) Духи растительности, «массын иччитя».

дится-ли? Знаешь-ли ты это»? Она отвѣчала: « Если провалится въ уголь билирика и потомъ приходитъ, то приходитъ сердитая.»

Парень всталъ и пришелъ къ углу билирика; лежить (тутъ) камень булыжникъ подобно брюшинѣ лежащей коровы; раскрылъ, показалось отверстіе преисподней. Упалъ онъ туда. Шелъ, шелъ. Вдругъ всталъ. Пришелъ къ мѣсту темнѣе здѣшняго. Сдѣлался одноногой дьявольской дочерью и сталъ скакать, какъ блоха. Пришелъ къ восьмигранному желѣзному амбару. «Духъ моего амбара! Открой мой амбаръ! Хочетъ меня съѣсть Басамниланъ-Батырь, не помѣщающійся въ лѣсистыхъ и травянистыхъ мѣстахъ».

Дверь амбара раскрылась со скрипомъ; вошелъ. Стоитъ (тамъ) три бутылки воды. Всунулъ указательный палецъ въ одну бутылку; указательный палецъ его совсѣмъ растрескался. Засунулъ въ среднюю, зажилъ. Потомъ засунулъ въ послѣднюю; сдѣлался сильнѣе всего. Этотъ человекъ взялъ (съ собой) двѣ воды, вышелъ. Сказалъ духу амбара: «Привратится въ меня и придетъ; такъ ты не отворяй!» Сказалъ и прошелъ на западъ.

Пришелъ къ одному изогнутому желѣзному дереву; превратился въ блоху, прильнулъ къ этому дереву. Идутъ семь пестрыхъ оленей; стали вздрагивать, отбѣгать (отъ него въ сторону). Дерево это вѣщало: «Когда стали расти земля и небо, я росло вмѣстѣ съ ними. Я возникло, когда вы еще не возникали. Развѣ вы узнали, что я ломаюсь и упаду нынѣшній годъ»? Услыхавши это, понюхиваясь, начали эти олени тереться о дерево. Есть одинъ краснобѣгій олень съ брюхомъ, какъ слѣпая кишка. (Человекъ) распоролъ ему брюхо булатомъ; выпалъ желѣзный ящикъ. Раздавилъ; выпалъ большой девятиголовый змѣй. Перевязалъ его по срединѣ ремнемъ. Сталъ онъ бить, тащить его во всѣ худыя мѣста, во всѣ деревья, во всѣ тальники. Пришелъ.

Вышелъ по давешней дырѣ, выкопалъ семисаженную яму, мелко нарубилъ семь большихъ лѣсинъ, развелъ большой огонь, сталъ обжаривать его (змѣя) на этомъ огнѣ. Стоялъ обжаривалъ,

насталъ вечеръ. Идутъ прямо съ запада: пѣсни, воспѣваніе, крики, визгъ, страшный плачь. Содержаніе (смысль) такое: «Блѣдно-бѣлая моя дочь, блестяще-бѣлая моя дочь! посмотрите, какъ она сдѣлала меня несчастной! Что-то она нашла? Сильно я заболѣла. Все тѣло покрылось пузырями!» говоритъ, идетъ. «Должно быть нашли мою душу!» говоря, идетъ. Пришла. «Вотъ твоя душа!» сказалъ. «Зя-тенькомъ я пришелъ-стою». Бросилъ ея душу въ огонь. «Душу мою!» сказала (она) и упала внизъ головою въ огонь. Придавилъ ее тутъ, сварилъ, убилъ ее. Кости ея онъ развѣялъ на этомъ мѣ-стѣ ысыэхомъ солнца и мѣсяца.

Превратилъ свою жену въ серебряную тусахту, положилъ въ карманъ; полетѣлъ на верхнее мѣсто; втиснувшись въ облакахъ стоять, видитъ: дьявольская дочь съ нижняго мѣста; держа подъ мышкою желѣзную колыбельку, стала рыть золу этого дома и нашла одну кость челюсти, положила въ колыбельку, стала качать. «Баю, баю!» говоритъ. И стала потомъ качать, стуча желѣзной колыбелью. «Если будешь розыскивать горячій слѣдъ Басамниланъ-богатыря, непомящающагося на землѣ, соединись-соединись!» Дитя-младенецъ (уже) заплакало по дѣтски. «Если будешь розыскивать его свѣжій слѣдъ, полнѣй-полнѣй» (подростай-подростай)! Заплакало (уже) полуторагодовое дитя. Человѣкъ этотъ подумалъ: «Эта дьявольщина хочетъ вырастить (дьявола)»? Превратился въ громъ, поразилъ сверху, убилъ.

Вылетѣлъ, вышелъ на свое мѣсто. Вышедши, позвалъ свою буланую лошадь. Лошадь пришла. Поѣхали на восточную сторону; посадилъ вмѣстѣ свою жену. Приѣхали къ мѣсту безъ зимы съ (однимъ) обращающимся лѣтомъ; приѣхали къ мѣсту безъ ночи, обращающемуся одними днями. На восточномъ краѣ поля, блестя съ трехдневнаго переѣзда, показался серебряный обитаемый домъ.

И видятъ они: люди (встрѣчаются) съ незнакомыми людьми (такъ много). Подобно тому, какъ когда емиканскіе ламуты съ-ѣдятъ (нѣсколько скотинъ), бѣлый скоть, испугавшись, выходитъ,

то незамѣчаютъ (убытку; такъ много). Ихъ черный (скоть много-численъ подобно тому, какъ) ламуты чернаго бора (дикіе) никогда не знаютъ, сколько они взяли и съѣли. Къ такимъ-же богатымъ людямъ, пріѣхавши къ главному мѣсту, спустились у столба. Жену свою онъ посадилъ на восьминогій мѣдный лабазъ. И подпершись за поясъ, шлёпая ногами, потягиваясь, ходилъ по двору.

Идетъ, прыгая, старуха Симяхсинь, покачивая свою ношу-воду въ двухъ туссахъ изъ красной мѣди. Увидала этихъ людей; заикала (отъ испуга), упала. Пролила-опрокинула воду въ туссахъ. Не дала себѣ сроку войти въ дверь; а вошла маленькимъ отверстіемъ, куда входитъ сѣрая собака. Хотѣла потянуться за палку (передъ каминомъ, на которой вѣшаютъ котель), пролила восемь турсуковъ смѣтаны. Сказала: «Господинъ мой, госпожа моя, ничтожные парни, плохенькія дѣвки, шушукующіяся невѣстки, слушайте всѣ! Основаніе нашей коновязи (столба) украсилось. Дворъ нашъ улучшился; увидала я невиданное, услышала я неслыханное. Думала я, что на нашемъ лабазѣ взошло восьми-прядисто-лучистое ласковое бѣлое солнце. То было блестящее чело женщины. А до нельзя хорошій человѣкъ по колѣно бродить мерзлое мѣсто; по бедро бродить талое мѣсто. Въ молодости я имѣла любовное дѣло съ господиномъ девяти родовъ, со ртомъ на кадыкъ Уолуяръ-Улу-господиномъ; такъ (пріѣзжій человѣкъ) лучше его! На нижнемъ мѣстѣ имѣла я любовное дѣло съ господиномъ восьми родовъ неукладистаго рода Адамъ-Бурай; такъ и этого лучше пріѣхалъ человѣкъ! На среднемъ мѣстѣ я тоже имѣла любовное дѣло съ родоначальникомъ 12 родовъ съ силою въ груди Тѣня-богатыремъ; такъ и его-то лучше (этотъ) человѣкъ! Гдѣ ужъ онъ и родился, не знаю! Дайте въ мой хамыяхъ снѣгу; въ деревянный мой стаканъ дайте воды!» Упала въ обморокъ. Лонатой, которой выгребаютъ коровье кало, перерѣзали ее (старуху) по срединѣ; задняя половина, сдѣлавшись паршивымъ теленкомъ, запрыгала (побѣжала), а передняя половина, сдѣлавшись сѣрой собакой, стала лаять внутри и снаружи.

Отворяющій дверь Халыгысь-витязь отворилъ дверь. Отворяющій домъ Тялибись-батырь отворилъ домъ. Вошли эти люди. Вошедши, они этимъ хозяевамъ, господину и госпожѣ, поклонились въ ноги. Эти господинъ и госпожа никогда не видали этихъ людей въ глаза, не слыхали о нихъ ушами; сказали: «Мы не знаемъ, откуда вы пришли, знаменитые люди»? Мужчина отвѣчалъ: «Мое имя-чинъ, имена моихъ родителей: Джюръ Бѣгё, спустившійся стоя на кончикъ кола (отецъ); имя моей матери: непоказывающаяся солнцу (дню) Солнце Блестящее. Собственное мое имя: Басымниланъ-витязь, не помѣщающійся въ лѣсистыхъ и травянистыхъ мѣстахъ. Когда твоя жена была семи мѣсяцевъ беременности, Яга-Баба-Джесь-Хотобо (ѣсть готова?) заставила ее выкинуть, взяла (ребенка), жила-воспитывала. Услыхалъ я это, взялъ (ее) и пришелъ. Какъ вы это узнаете? Привезъ я (ее), чтобы показать»! Обрадовались, сильно обрадовались. «Развѣ подумаешь, что придетъ дитя, выкинутое когда себѣ давнымъ-давно? Откуда мы узнаемъ? А когда ты сказалъ, вотъ тогда мы узнали, значить»! Опрокинули дойную (кобылу или корову), сронили грудистаго; ѣли, кушали.

Въ одно утро насталь (ему) день растаться-отправиться. «Возьмите скота, что вамъ понравится; возьмите изъ платья, что вамъ понравится»! сказали (родители). На то эта дѣвушка сказала: «Отъ жеребятъ я возьму узду, отъ телятъ возьму нарыльникъ, изъ посуды хамыяхъ» (ложку)! Встали, поѣхали. Жеребята сказали: «Мы не останемся отъ нашей узды». И пошли всѣ жеребята за своею уздою. Кобылы сказали: «А мы не останемся, когда пошли наши дѣти»! Жеребцы сказали: «Мы не остаемся отъ своего табуна»! «Зачѣмъ я останусь, когда у меня нарыльникъ ушелъ»? (говорить) теленокъ (и пошелъ за нарыльникомъ). «Не остаемся мы отъ своихъ дѣтей»! сказали коровы. «Не остаемся мы отъ коровъ»! сказали быки. Пошелъ весь скоть. «Не остаюсь я отъ хамыяха»! сказала чашка. «Не остаюсь я отъ посуды»! сказала чашка. «Отъ пары, отъ подобнаго себѣ мы не остаемся»! сказало имущество. «Мы не ли-

шаемся имущества, не остаемся отъ своего скота!»! сказали люди. Пошли всѣ.

Остались отецъ и мать; осталась старуха Симяхсинь. Эта старуха Симяхсинь нашла клочки девяти кожаныхъ туесовъ, зажгла (ихъ) на крышѣ; сдѣлался огонь, достигающій до неба. Сказала: «Дѣвушка, родители твои горятъ; взгляни краемъ глаза на лѣвую сторону!»! На то дѣвушка взглянула немного крайчикомъ глаза на лѣвую сторону. Половина богатства, достатка оторвалась, осталась. Все это оставшееся воротилось (домой). По этому (вслѣдствіе этого грѣха) до сихъ поръ дѣвушка, отъѣзжающая изъ отцовскаго дома, не должна обертывать голову, потому что (въ этомъ случаѣ) назначенное счастье должно остаться (у родителей).

Встали-поѣхали, пріѣхали къ отцу-матери. Пріѣхавши къ коновязи, спустились. Изъ-подъ столба постлали зеленую траву, приняли у невестки поводъ, подняли, спустили. Ввели, ведя за плетку; затопивши верхушками трехъ сырыхъ листовницъ, вошла она (въ домъ). И вошла со словами: «Пусть до послѣднихъ вѣковъ невестка входитъ (въ домъ мужа), затопивъ огонь!»! Подражая этому, до сего дня мы, якутки, входимъ (въ домъ свекра), затопивъ огонь.

Введши подъ занавѣску, запрятали-посадили. Сдѣлали свадьбу; наѣлись, напились, накушались. Толпы людей ходили взадъ и впередъ. Собрались имѣющіе ноги, набрались веселые, сошлись хваты; толпились (верховые) съ желѣзными стременами; была свадьба (веселились); потомъ кончилась. Говорятъ, живутъ они до сего дня. Только.

8. Ханъ - Джаргыстай.

Часть I.

Бѣлый юноша.

(Юрюнъ уолан).

1.

Подъ небомъ съ тремя плавновертящимися ключами (кюлюс), съ семью передвижными (непосѣдами) поводками, подъ девяти стремительно

гладкими бѣлыми небесными нижними балками, надъ незыблемой широкой бездной, за неизмѣренной далью, подъ высокою, о которой еще не разсуждали, толщина еще не высчитанная, глубина не измѣренная; если наступить, не погнется; если придавить, не покривится на бокъ; направляющаго колеса этой мѣстности не видно; не замѣтно вертящейся оси; съ бродомъ (ровнымъ), какъ тетива стрѣлы; на среднемъ мѣстѣ (орто дайды), на пупѣ земли (сирь киня), на тихомъ мѣстѣ; на желтой нижней печени восьмигранной важной бугристой гладкой матери-вселенной (ан ія дайды), на свѣтломъ важномъ пупѣ (сырдык ыгай кин), на серебряномъ мѣстѣ, на высокой груди, размышляя, что пупъ земли, верхушка неба (халлан ороя), сіяющій пустой (сквозной, просторный) серебряный домъ съ тридцатигранными стѣнами не будетъ твердымъ (на фундаментѣ) и (потому) срубивши срубы девятисаженными бревнами, возникая, умножаясь, развертываясь, распространяясь жилъ его хозяиномъ — человѣкъ съ высокимъ именемъ, съ благороднымъ назначеніемъ, не догадывавшійся о своемъ важномъ (побѣдитель, родоначальникъ) отцѣ, не помнившій своего рожденія отъ важной госпожи-матери (нѣкто) по имени Бѣлый юноша (Юрюнъ уолан) съ младшей своей сестрой съ дѣвушкой Бѣлой Юкяйдянь-ко. Опомнившись, сталъ онъ осматривать свое хозяйство. «Съ чѣмъ можно сравнить мое хозяйство?» думаетъ онъ.

Смотритъ онъ: (кто-то) первый вырубивши самый лучшій лѣсъ изъ (середины) богатаго темнаго бора, воткнулъ красивые толстые столбы; отыскавши изъ сыраго темнаго бора лучшее дерево, величественно положилъ матицу; надъ этимъ шумно настлалъ трехсоставный потолокъ, изъ многаго лѣса часто (плотно?) наставилъ стѣны. А чтобы «мое девятилучистое полное (т. е. во время полудня) солнце, поворачиваясь на югъ, закинуло-бы свои лучи въ домъ» — въ девяти мѣстахъ повырѣзалъ на сквозь окна. Думая о томъ, чтобы «перемѣнные вѣтра, приходящіе съ юга и сѣвера, не провяли на сквозь» — снаружи плотно намазалъ черной глиной, толщиной въ

шесть аршинъ, а сверхъ того обсыпалъ сыпучимъ пескомъ на три аршина.

Когда онъ вошелъ въ домъ и посмотрѣлъ: почтенный полъ *) его (былъ) такъ гладокъ, какъ поверхность покой воды на каменной рѣчкѣ; надъ этимъ (кто-то) сдѣлалъ наискось блестящую нару, подобно видной кобылѣ, лежащей наискосокъ; другую переднюю (угловую) кровать съ пятью рядами узоровъ. А на лѣвую сторону сдѣлалъ кровать небрежно изъ мелкаго лѣса со всякой корой, худо склалъ жердинки (перемѣшавши) взадъ и впередъ: «чтобы была (она) работницкой кроватью». Сверхъ того были перегородки передъ кроватями, какъ бѣлые жеребята богатаго человѣка, привязанные въ первый разъ за голову къ ремню и играющіе станомъ и ногами. А кромѣ того, были вколочены серебряные колышки подобно головѣ съ шеей (утки) вострохвоста (мойногон кус) **), готовящагося вспорхнуть. Былъ серебряный столъ гладкій, блестящій, подобно льду отломленному съ ровнаго гладкаго озера. Было блюдо подобно кожѣ трехгодовалой лошади; красныя чашки, какъ выкрашенные затылочные кости умной лисицы; серебряныя вилки, какъ хорошо вырѣзанныя челюсти стерха-самки; посуда, ковши, хозяйственныхъ вещей, всего полно по его желанію.

Когда посмотрѣлъ онъ, отвернувшись отсюда, (то увидалъ): поставленъ отборный (?) прямой лѣсъ изъ сыраго бора. (Кто-то) важно поставилъ госпожу печку (хатын осог), связавши (ее) тальникомъ какъ вытянутыми спинными жилами червей, обмазавши черной глиной въ шесть аршинъ; (это была) четвероугольная прозрачная печь съ открытой трубой, мгновенно сверкающей искрой; съ теряющимся дымомъ и съ бѣлымъ шесткомъ, какъ восьмиоясное поле. Тутъ (на шестокъ) (были) поставлены семь лѣсинъ, вывороченныхъ съ корнями. Онъ затопилъ ихъ и онъ шумно горѣли семь дней и ночей.

*) Хан муоста.

***) У Бётлингга: мойногон, *Anas hiemalis*.

Теплота этого огня, вышедши на верхъ сквозь восемь рядовъ неба на западную сторону, гдѣ нѣтъ дня, а все темная ночь; гдѣ нѣтъ лѣта, а свиститъ одинъ зимній вѣтеръ; съ поворотнымъ худымъ неправильнымъ обращеніемъ опрокинутого темноночнаго солнца, съ обратнымъ поворотомъ криваго мѣсяца, съ невышедшими за мужъ вѣчными дѣвками и съ неженящимися парнями; съ жеребцами, которыхъ не подпускали къ себѣ кобылы; съ быками, которыхъ не подпускали коровы; съ такимъ каменно-желѣзнымъ домомъ, (гдѣ) сверху узко, снизу разостлано, а въ серединѣ толсто. Жили тутъ разбужающіеся со вздрагиваніемъ *) гордый господинъ (улуханнахъ улу тоён) и важная госпожа (хан хатын). Жили эти люди съ такимъ желаніемъ, чтобы на среднемъ мѣстѣ (орто дайды) была смерть и опустошеніе. Этого-то человѣка (т. е. Бѣлаго юноши) огонь-теплота, огонь-пламя, вышедши туда, еще болѣе размягчилъ мягкое мѣсто, прогрѣлъ въ открытыя мѣста; (а) прогрѣвши въ закрытыхъ, причинилъ болѣзнь въ сердцѣ и печени; оттого-то, говорятъ, и не было на землѣ ни опустошенія, ни разныхъ бѣдъ; вслѣдствіе этой-то болѣзни они (гордый господинъ и госпожа) перестали задумывать людскія напасти.

А потомъ—говорятъ, на низу въ незыблемой широкой пропасти съ зимующими полями, съ холодными лѣтними хижинами, съ мрачными юртами, съ темными трубами, съ длинношеими столбами, съ плоскими чашками, съ кричащими большими чашами есть господинъ со ртомъ на самомъ темени, съ глазами на вискахъ, атаманъ **) всемъ чертямъ Арсынъ-Долай и госпожа Анъ-Джасынъ. Когда, живучи, желали эти люди, чтобы на среднемъ мѣстѣ случилось опустошеніе и смерть, этотъ огонь-теплота Бѣлаго юноши, спустившись сверху, погрѣвши ихъ темя на сквозь, сдѣлалъ имъ помѣху-болѣзнь, причинилъ чахотку, заставилъ хрипло кашлять, заставилъ такъ громко блевать и сдѣлалъ (то), что они стали не въ силахъ напасть на среднее мѣсто.

*) Уолуян усуктар.

**) Въ текстѣ: атаман.

И думаетъ (Бѣлый юноша): «Откуда это у меня взялся сначала огонь, какое его назначеніе и власть, кѣмъ онъ разведенъ? Господиномъ и Госпожей моего огня должны быть: маленькій сынъ (аччигый ого) Бѣлаго Господа Бога (Юрюнъ Аи тоен) съ бѣломолочнымъ сѣдалищемъ (ють тас олбохтох), съ тремя серебряными ступенями (юсь юрюнъ кѣмюсь юктялях), съ кроткимъ нѣжнымъ характеромъ, (сынъ) родившійся по назначенію имѣть во власти жизнь якутовъ (саха урангхай), принимающій въ подарокъ сосновый лѣсъ, обѣдающій сырымъ лѣсомъ, ночующій сухимъ лѣсомъ (дровами), берущій и ѣдящій сырое дерево бѣлобородый господинъ (кыра бырджал тоён) и бѣловолосая госпожа (быра бырджалъ хатын), высокій - подъемъ (дабый дархан) и высокій - спускъ (дархан тюсю), солнце-лучъ; закаленное счастье тростка съ побрякушками, лвиная доха, опасная плеть съ видной тросткой, сердитый зѣвокъ; духомъ этого священнаго огня мой дѣдушка по имени Анъ-Улаханы и госпожа Анъ-Сабахъ» *).

Выходитъ онъ отсюда. (Очевидно) семь дѣвицъ-женщинъ, думая, что подуетъ легкій вѣтеръ, изъ семи медвѣжьихъ шкуръ семь дней и ночей жилами семи самцевъ-сохатыхъ набили, нашили, сдѣлали тяжелую дверь. Отворивши эту дверь, вошелъ онъ и видитъ: надворье было столь гладко, что (на немъ) не можетъ устоять девятигодовалый жеребецъ; по срединѣ этаго двора былъ господинъ столбъ (коновязь) съ девятью выемками (и опоясанный) кольцеобразными возвышеніями. За ней (коновязью) стоитъ пара, какъ бѣгущій рысью дикій самецъ сохатый. Около пары была съ отростками принимающая и отдающая вѣшалка, подобно дѣвушкѣ, взявшей за ноги леннаго

*) Вотъ полный текстъ: Ютьтас олбохтох юсь юрюнъ кѣмюсь юктяляхъ саты намылы саналах юрюнъ. Аи тоён аччигый огото саха урангай аламай тынын тутарга аиллан кярдиллянь тѣрѣбють бясъ мас бяриктях ёль мас ютяляхъ куранах мас хонухтах асах мас асылыктах Кыра бырджал тоён Быра бырджал хатын Дабый дархан Дархан тюсю кювь чага хатан джоло ханаргастах тороско хатан байба хахай сангыях кырыктах кымнилах толоннох торосколох бордо мурун бодо борбуй уорда джасын; ал уот иччия Ан Улаханы ясямъ Ан Сабага хатын діень аттах соллох буолуу.

стерха, бьющагося руками и ногами. Изъ подь солнечной стороны простирался видимо блестящій загонъ.

Когда онъ посмотрѣлъ: на южной сторонѣ мѣсто (зеленое какъ?) нанковая подпруга, (столь длинное), что его какъ-бы не можетъ перелетѣть дятель; (были) три бѣлѣющихъ непокрывающихся пѣнками молочныхъ озера (юсь ють кѣль) съ протоками между собою. Стояли горы, нагроможденныя съ тѣхъ и другихъ сторонъ, какъ голубопѣгіе жеребцы, собранныя съ разныхъ мѣстъ и отъ лучшихъ людей, вбѣжавшіе вдругъ съ разныхъ сторонъ и, обнюхавшись, приготовляющіеся драться.

А когда онъ обратился на востокъ, то увидалъ: простиралось гранообразное мать основное мѣсто (илях сагалахъ ія туру дайды), какъ растянутый жиръ тучной коровы, подобно тому, какъ дѣвушки, разряженныя въ платья съ серебряными украшеніями, думая, что насталь ысыэхъ (праздникъ кумыса), пѣли пѣсни и плясали, кружась, распрашивая, что время играть, — взявшись за руки, говорятъ: «(Вотъ) тотъ человѣкъ хорошій! этотъ человѣкъ хорошій!» «Ахъ, подруженьки! неподслухаль-ли это кто нибудь»? сказали онѣ и, вдругъ опустивши другъ у друга руки, расходятся въ разныя стороны — подобно этому тамъ и сямъ (ибири сибери) росло въ рядъ много мелкихъ листовницъ, которымъ и конца невидно. А когда онъ посмотрѣлъ за этимъ лѣсомъ: росъ (тамъ), вытягиваясь, неблекнувшій тальниковый лѣсъ. За нимъ текла быстрая бѣгущая вода, какъ сливочное масло. Росъ цвѣтокъ пострѣль (?) (кѣхъ ургусун), подобный наружной сторонѣ крыльевъ селезня; сѣрый темный лѣсъ росъ тутъ такъ часто, какъ хвостъ жирной коровы.

А на сѣверной сторонѣ: поперегъ стоятъ (горныя) мысы, не-удерживающіе снѣга, подобно темени гусей гуменниковъ (хонгор хас); стояли пни, подобно воющимъ волкамъ; росли такіе кустарники, какъ старуха Симяхсинь-эмяхсинь, у которой на шапкѣ свѣтитъ жестяной кругъ (джясь емягя, родъ женской кокарды, украшеніе шапки), болтаются мѣдныя серьги, а сама ходитъ ободранная.

А на западной сторонѣ—туть во вѣки вѣковъ черти будутъ имѣть свою дорогу—шло поле косогоромъ къ низу, (покрытое) кривыми деревьями съ горбатыми корнями, съ неправильными сучьями; (поле) съ почтеннымъ землянымъ холмомъ, подобнымъ большому быку смертной смерти (ёлерь ёлю-лохан огус) съ девятью поперечными кругами на лбу, съ пятнами на лопаткахъ, съ мѣшечками на бедрахъ, съ кольчатымъ хвостомъ, сердящемуся, что нѣтъ (на землѣ) погибели-смерти. На этомъ холмѣ стоитъ тополь съ девятью звонкими неломающимися сучьями, съ восемью неотдѣляющимися огромными (удивительными) отроутками, съ семью неразваливающимися корнями, волнующійся, шумящій и стучащій (даже) при безвѣтріи.

Было восемь табуновъ кобылъ, девять хотоновъ коровъ; отъ запаху, пару, пыли ихъ солнце и мѣсяцъ стали въ туманѣ, окружились цвѣтными кругами*); Ханъ-Джаралы—жеребецъ, Кюнь-кёдёлю—кобыла, господинъ коротконогій быкъ (Тоён Тойболу огус), Ый ыдалынъ корова, а также совершенно бѣлая лошадь въ одинъ переѣздъ длиной, въ десять верстъ шириною, съ серебряными крыльями на спинѣ для полета. Была узда изъ сѣдельнаго небеснаго ремня (халлан хантарга); сѣдло съ холма высокаго неба, постеля изъ наносной (осажденной водою) земли, были длинныя подпруги.

Была у него оружіе-пальма, которую (обработывали) разные кузнецы: Кёкёнянь-кузнецъ раздувалъ мѣхомъ; Бакананъ-кузнецъ билъ молотомъ, Таконанъ-кузнецъ молотомъ подколачивалъ; Кёнёгё-кузнецъ смотрѣлъ, Кыгынанъ-кузнецъ смотрѣлъ (прицѣливаясь) прямолинейно, Алысь - луканъ - кузнецъ напильвалъ напилкомъ, Хатысь-луканъ накачивалъ, Кикенянь-кузнецъ отствѣтливалъ. Ротъ и зубы юноши были видны на этой пальмѣ, (какъ въ зеркалѣ); до половины ея черня, достигавшаго до краю широкаго мѣста, были узоры. Былъ блестящій, какъ кость, лукъ, видомъ, какъ извиристо павшая рѣчка, невыпрямляющійся въ продолженіи тридцати ночей мѣсяца, съ тетивой изъ кожи сохатаго, съ заерткой (скобой) изъ

*) Ый ылана сегияммить кюдянигя кюнь кёгерё кюрёляммитъ.

спинной рыбьей кожи, съ клеємъ изъ клея пѣгой быстроидущей рыбы, съ берестой, березой и креномъ добытыхъ изъ разныхъ (особенныхъ) мѣстъ; наконечникъ стрѣлы (басах) столь толстый, какъ ураса богатаго человѣка; стрѣла, розыскивающая врага и попадающая въ него сама собою. Огниво (ала чокурдан хатат), какъ голова большой лошади; черный большой кремень (ель хара ястирикъ), какъ печень кобылы. Мѣшечекъ для труту изъ лапъ (сохатаго) и страшно острый ножъ съ узорчатымъ чернемъ, скорый и поворотливый.

2.

Вотъ живетъ (онъ Бѣлый юноша), считая себя наилучшимъ изъ всѣхъ якутовъ (урангхай), на (цѣлую) тетиву лучше всякаго человѣка, далеко лучше всѣхъ людей. «Если, говорить, сверху будетъ дуть «утичье гнѣздо» (Плеяды)*), то я заткну вотъ этимъ!» И для этого велѣлъ сошить рукавицу изъ волчьихъ лапъ и повѣсилъ ее пышно (какъ не надѣванное платье). «И если съ средняго мѣста придетъ вѣтренница (кѣй салгынъ), то я заткну вотъ этимъ!» И велѣлъ сошить себѣ доху изъ волчинъ и пышно повѣсилъ ее на столбѣ съ вѣшалками. «А если будетъ продувать снизу, то я наступлю вотъ этимъ!» и для этого велѣлъ сшить себѣ торбоса изъ медвѣжьихъ лапъ и заткнулъ ихъ себѣ въ нару. И живетъ: (разрѣзывая), раскладываетъ плоско-толстый жиръ (кобылій), (какъ) деньги, разрѣзывая кругло-толстую (жирную) шейну, раскладываетъ (ее), какъ позвонки; поправляетъ себѣ горло отстояннымъ кумысомъ; заколачиваетъ себѣ зубы мозговыми костями.

Когда онъ такъ жилъ-поживалъ, въ одно утро свѣтающее его небо своевременно не разсвѣтало, солнце его въ свое время не взошло. Когда онъ испугавшись-ужаснувшись этого, сидѣлъ задумавшись, вдругъ напалъ на землю жестокой вихоръ съ нечистою силой, величиною съ черныхъ годовалыхъ телятковъ; взвилъ всю сухую землю, какъ волосы, завертѣлъ подобно крылу; пошелъ дождь со снѣгомъ, поднялась мятель, стали сверкать красно-пламенные огни,

*) Юсяттянь юрьгѣрь юрьгюяръ боллыгана.

вотъ какая бѣда сдѣлалась. Потомъ: взлѣзло на верхъ (на небо) черное большое облако (какъ-бы) съ (звѣриными) лапами и головой; спустилось на низъ (на землю) черное облако какъ-бы съ руками и ногами. Ну, потомъ, въ одну ночь, въ самую глухую полночь, какъ будто облака оборвались или небо треснуло; пришелъ такой величайшій шумъ, какъ будто его трехсоставный потолокъ раздвинуло на обѣ стороны и какъ будто что-то наибольшее всякаго стука хлопнуло на его полъ.

«Что это такое»? думаетъ тутъ въ страхѣ Бѣлый Юноша и видитъ: между свѣтомъ и темнотою (кто-то) длиною въ одинъ аршинъ, половина рожа, половина туша, въ дохѣ изъ дьявольской шкуры (абасы тири), панталоны изъ жертвенной шкуры (ытыкъ тири); онучи изъ такой-же (шкуры) (кярях тири); наколѣнники (часть якутскихъ штановъ) изъ шкуры «скотскаго надежа и голодовки»; съ мышекъ до пояса туго обвитый небеснымъ плотнымъ гладкимъ (безъ шерсти) желѣзнымъ ремнемъ; съ обезображенной рожей (лицомъ) подобно лужѣ на водянистомъ полѣ въ ненастье; съ красной плѣшиной, какъ вывороченный заржавленный красномѣдный котелъ; а вокругъ этой (плѣшины) малую-толику желѣзныхъ волосъ подобно мелкой чашѣ; вздутые глаза его (были), какъ крученныя желѣзныя кольца у лошадиныхъ удилъ; носъ съ желвакомъ, какъ голень хорошей лошади; съ перехватами губы, подобно (сильно нагроможденному) льду брошенной проруби у богатаго человѣка до января мѣсяца; сверхъ того, надъ губами черная съ просѣдью борода и усы, какъ хвостъ и грива у гнилой жертвенной шкуры; нѣсколько неправильныхъ зубовъ, какъ расщепанные и обгорѣлые пни, оставленные старинными жителями; въ лѣвой рукѣ у него (былъ) кожанный четверугольный пѣгій и звонкій буланый бубень*), какъ большое глубокое озеро, только что подернувшееся льдомъ; а въ правой рукѣ смоленная ворчливо-стучащая палка (колотушка къ бубну), какъ отрѣзанная отдѣльная кость сохатаго.

*) Тѣрть кырылах тюрбья тамас дярдыали кѣгъ ялямясь чоикунур чой улан тюнгюръ.

Эдакое-то существо — не человекъ и не бѣсъ — смотреть на него и поеть, сидя:

«Другъ человекъ! съ переменной душою рожденный на среднемъ мѣстѣ, старинный, коренной (уродливый) якутъ (урангхай саха), здравствуй! Вотъ я рознялъ ротъ, неоткрывавшійся (цѣлую) ночь; развязалъ губы, отдохавшія (цѣлыя) сутки; если открыть тебѣ мои завѣтные слова, (то) я пришелъ къ тебѣ вѣрнымъ посломъ. Если повѣдать тебѣ мои вѣщія качества; если хочешь знать, гдѣ я родился; если спрашиваешь о моемъ тяжеломъ имени, о важной моей должности, то я возымѣлъ мать (родился) въ запутанномъ небѣ (прянъ халлан), получилъ свою голову въ сумасшедшемъ небѣ (мянириктяхъ халлан), съ защитою чернаго облака, съ сѣдлицемъ на скоромъ, отдѣльномъ свободномъ облакѣ, по имени желѣзный Содалбы шаманъ (Тимир Содалбы оюн), рѣчистый переводчикъ, съ бессмертнымъ вѣкомъ, съ непрерывающимся дыханіемъ (душою). Вотъ я пришелъ тебя увести. Хочешь (идти), уведу, и не хочешь, уведу! Зоветъ тебя моя тетка, дочь господина солнца, Кёгяльлинь (плавно кружащаяся) шаманка, (находящаяся) отсюда на востокѣ, на мѣстѣ, называемомъ «Поперечная Рѣлка» (Тора-томтор), гдѣ на длинномъ широкомъ полѣ вмѣсто ерника растетъ береза. Вzlѣзь на свою посмертную лошадь, одѣнься въ свои похоронныя одежды, покушай твоей посмертной пищи; я голову твою съ ума сведу, умъ твой смою, память твою развяжу. Ну, поѣдемъ!»!

Бѣлый Юноша: «Эдакая ничтожность, обманъ облака мимо проходящаго, мелкій червякъ облака летающаго! Посмотрите на досадность его языка, на оскорбленіе, (выходящее изъ) его рта, на мерзость его усть, на грязную брань его зубовъ»!

Когда онъ сказалъ это, хвастливая мысль прибыла къ нему прямо съ затылка, сердитая мысль прискакала ему съ боку; сильная мысль прилетѣла со спины. Было его лицо, какъ блестящій ликъ (нюр) ласковаго солнца, а (при этихъ словахъ) покраснѣло и сдѣлалось, какъ сжѣная печная глина; золотистыя волосы, кудрявые,

падающіе съ середины темени до плечъ, встали дыбомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто кожа растрескалась.

«Разрублю я тебѣ макушку, самого тебя пополамъ перерублю! я не такой человѣкъ, чтобы тебя слушаться!» и ударилъ его пальмой прямо сверху. А тотъ отскочилъ отъ этого удара и вышелъ; потому Бѣлый юноша разрубилъ въ дребезги только три половицы своего пола. «Ахъ, думаетъ онъ; въ-сердцѣхъ на этого окаяннаго поломалъ я свою собственность!»

Выскочилъ онъ и видитъ, солнце уже показалось, небо разсвѣтало. Взглянулъ, а человѣкъ этотъ (дьяволъ) сдѣлался на западной сторонѣ длиною въ три сажени, перескакалъ чрезъ западное поле и сдѣлалась (вмѣсто поля) текучая широкая вода. Посмотрѣлъ (шаманъ) на поле, закричалъ призывнымъ голосомъ (какъ призываютъ лошадей) и ударилъ въ свой бубень; такъ весь конный скотъ со ржаніемъ и ревомъ бросился (въ воду) и понесло его по быстрети (быстрому теченію). А потомъ (этотъ же шаманъ) обратился, замычалъ разъ; весь рогатый хотонный скотъ тоже замычалъ-замычалъ и (тоже) пошелъ въ воду. Вошедши въ море конный скотъ съ фырканиемъ, коровы съ мычаньемъ, поплыли по водѣ точно плывущій ледъ. Увидѣвъ (погибель) воспитаннаго имъ скота, человѣкъ пожалѣлъ и раздосадовался; и потому оборотился къ дьяволу, сталъ пѣть, плакать, говорить и причитать.

«Господинъ дѣдушка, почтенный старецъ, достопочтеннѣйшій! что это ты? остановись, погоди! я нагибаюсь позвоночнымъ столбомъ, преклоняюсь на колѣни! Иди сюда, не истребляй душу длиннаго моего добра, не уничтожай широкое мое богатство! Этотъ конный и рогатый скотъ назначенъ отъ Господа Бога (Аи Тангара), за него будетъ строгое наказаніе (отъ Бога). Лучше я самъ пойду туда, куда ты хочешь меня вести!»

Дьяволъ (абасы) усмѣхнулся на это и повернулся къ солнцу: море (вода) стала полемъ; а конный и рогатый скотъ щиплютъ траву (значить, дьяволъ) обморачивалъ (ему) глаза.

Чертъ (и говорить): «Я и себѣ самому добра не дѣлаю. Дѣлаю (теперь) зло изъ досады, что ты нейдешь, хотя и знаю, какой это грѣхъ и какое за это наказаніе». И, сказавши это, онъ воротился.

Тутъ этотъ человѣкъ (Бѣлый Юноша) одѣлся-нарядился въ путь легко, изъ радугъ плотной, изъ волчинъ передними лапами съ черной полоской, изъ соболинъ блестящею, изъ рысей наилучшими, изъ медвѣжинъ черными, изъ бѣлокъ лучшими, изъ лисицъ самыми красными, изъ зайцевъ самыми хорошими (старыми); нарядившись, навѣсившись, сдѣлался, какъ пущенная изъ лука стрѣла, перегнувшись (съ выемкой), какъ радуга, легкимъ, какъ пухъ; взялъ въ рѣжущую руку страшно острый мечъ, опираясь его концемъ вмѣсто трости; въ (остроконечную, колющую остреемъ) руку «опьяняющее» копье концомъ кверху; подпоясаясь маленькимъ мечемъ съ колчаномъ и вышелъ, чтобы отправиться въ путь. Потомъ своего чисто-бѣлаго коня, длиной въ суточный переѣздъ, шириною въ десять верстъ, ѣдящаго вѣтеръ, приходящій съ сѣвера и юга, имѣющаго съ середины спины, подобно птицѣ, серебряныя крылья, обуздаль уздою изъ небеснаго сѣдельнаго ремня, положилъ потникъ изъ наносной (сырой) земли, осѣдлалъ сѣдломъ высокаго неба. И послѣ этого, вскрикнувъ, сѣлъ онъ на круглую спину, на широкую поверхность лошади, на высокій загривокъ, подъ самый корень черной гривы, подобно черной шишкѣ, брошенной съ дерева.

Тутъ теперешній дьяволъ перевернулъ свой бубень, сѣлъ на него; три раза ударилъ его своею палкой и бубень этотъ превратился въ кобылу съ тремя ногами. Сѣвши на нее, онъ поѣхалъ прямо на востокъ; а за нимъ поѣхалъ и человѣкъ.

Найдя у быстрой рѣки бродъ ровный, какъ тетива стрѣлы, они шумно выѣхали въ бродъ (черезъ рѣку). И выѣхали они вверхъ по обширной пади, подобно мѣсту, прорванному широкой рѣкой, на которой росла трава изъ гривы и тальникъ изъ волосъ. Долго-ли, коротко-ли они ѣхали, не знали. Вдругъ женщина младшая сестра

Бѣлаго Юноши прилетѣла бѣлымъ стерхомъ (маган кыталык), остановила его лошадь, взявши ее за поводъ, легла (на него), поеть-жалуется:

(Бѣлая Юкяйдянь): «Братствующій мой, старшій братъ! Человѣкъ, который долженъ быть мнѣ вмѣсто отечествующаго отца! Когда ты уѣдешь, кто будетъ стеречь (наши) восемьдесятъ табуновъ кобылъ? Кто будетъ сохранять (ухаживать) девяносто хотоновъ коровъ? Сама собою пришла къ тебѣ очевидная смерть, обманываетъ, ведетъ тебя. Неужели ты хочешь идти? Не ходи, воротись домой, возвратись на свою землю и мѣсто!»

Не послушавшись этого, онъ пришпорилъ хорошенько своего коня и отскочилъ онъ; только на лошадиномъ поводѣ сорвалась, подобно перчаткѣ, кожа съ девяти пальцевъ его сестры; онъ взялъ ее и положилъ въ карманъ.

Между тѣмъ, какъ они тутъ оставались, дьяволъ уѣхалъ отъ него впередъ. И пріѣхалъ на такое мѣсто, на которое снизу нѣтъ пади (дороги по склону горы), а съ боку нельзя объѣхать кругомъ, къ эдакому съ невозможнымъ подъѣмомъ утесу, достигающему до неба. (Тутъ) чертъ, спустившись съ своей лошади, взялъ поводъ подъ локоть и лежитъ ницъ на колѣняхъ, и лёжа что-то поеть. Сзади Бѣлый Юноша слышитъ — дьяволъ поеть-гнуситъ-наговариваетъ:

«Я, духъ этого моего чернаго звучнаго утеса (хангкыныр хара тас), достигающаго до неба, веду за собою лучшаго человѣка по имени Бѣлаго Юношу; если бросить его жиръ на огонь, затрепщитъ и загоритъ; его кровь можетъ побѣжать ручьемъ; если (его самого) бросить въ воду (сварить), такъ будутъ круги на водѣ. Если (кто вздумаетъ его) въ огонь бросить, тотъ не останется безъ награды. Заклинаю: отворись! пою: не останавливай!»

Услыхавъ это, Бѣлый Юноша ужасно разсердился и, спустившись съ лошади, выдернулъ свой «блестящій костяной» лукъ (джерели мос са), вытянулъ помаленьку скорую стрѣлу и натянулъ

лукъ въ продолженіе тридцати ночей мѣсяца. Щелкнулъ потомъ его большой палецъ и стрѣла взбороздила позвоночный столбъ наклонившемуся черту, вышла на сквозь затылка и прошла на сквозь достигающую до неба каменную гору. Растворилась каменная гора; по этому-то отверстію и проскочилъ (Бѣлый Юноша) и, пока еще стрѣла не пала на землю, онъ настигъ ее, подхватилъ и вложилъ въ колчанъ.

Обратился онъ назадъ и увидалъ: дьяволъ былъ перестрѣленъ на двое; одна половина его, сдѣлавшись тремя сѣрыми волками (юсь сур бѣрѣ) выбѣжала въ горы и начала выть; (а другая) половина сдѣлалась тремя чернопѣгими вѣронами (юсь хара магас сор), вылетѣвшими съ крикомъ и беспорядочно разлетѣвшимися въ разные стороны.

«Значить, я сталъ одинъ; значить, одинъ и поѣду!» думаетъ (Бѣлый Юноша). «Но самецъ-жеребенокъ родится на мученье, а ребенокъ-мальчикъ на труды; а пришедшему во-очію развѣ я поддамся»? И, сказавши это, поѣхалъ на лѣтній восходъ солнца.

Дорогой вдругъ лошадь его остановилась и пала на колѣни, какъ вкопанная. «Что это сдѣлалось съ моей молодой лошадкой»? думаетъ онъ. Спустившись (съ коня), онъ всталъ, смотритъ (на него): «Опустилъ онъ внизъ свои серебряныя, стоячія уши, подобно навѣсу богатаго человѣка; серебряныя его ноздри раздулись на трое (на три стороны), какъ трубы дома достаточнаго жителя». Тутъ вздыхаетъ, говоритъ, совѣтуетъ ему лошадь. Отвѣчаетъ онъ ей: «Ну, хорошо, что ты мнѣ надоумила. Если ужъ ты говоришь, неужели я тебя не послушаю»?

3.

Сѣлъ на лошадь и ѣдетъ. И выѣзжаетъ въ тихое, самое лучшее богатое роскошное мѣсто, на пупъ земли, гдѣ длинная благодать никогда не измѣняется; широкое богатство растянута, съ неизмѣннымъ (постоянно присутствующимъ) счастьемъ.

Это было мѣсто, гдѣ поставлено девять берестяныхъ урасъ*); натянуть девятигранный господинъ ремень для привязыванія жеребятъ; мѣсто, гдѣ собрались остроумныя головы, гдѣ бодался четверотравый скоть и сходились мягкогривыя (кобылы); въ табуны собирались молодорогіе; имѣющіе спинной хребетъ собирались, какъ поплавки; имѣющіе пятки толпились; гдѣ молодые парни боролись между собою; вертѣлись верткіе мущины; гдѣ дѣвушки собирались въ общества; съ восторгомъ находились ловкія отборныя женщины.

Проѣзжаетъ онъ это мѣсто. Изъ самой большой урасы (а всѣхъ ихъ девять) выходятъ отлично-хорошія женщины въ трехъ пестро-плечихъ жеребятчихъ дохахъ, держа на локтяхъ три высокихъ берестяныхъ туеса (съ нашивками). Сквозь платье у нихъ видна кожа; сквозь кожу видно тѣло; сквозь тѣло видны кости; сквозь кости видно мозгъ; съ нѣжно-серебряными щеками, съ сіяющими висками, съ волнующимся ликомъ; такія-то три до невозможности хорошія женщины пошли къ нему навстрѣчу и стали кланяться. Подъ солнцемъ съ восемью пучками лучей**) они сіяли, какъ будто еще другое восьмилучистое солнце. Изъ круглыхъ глазъ выглядѣли тремя солнечными лучами. Онѣ приближались къ нему, стояли-смотрѣли тонко-тонкимъ (взоромъ), говорили нѣжно-нѣжнымъ голосомъ и пѣли неторопливо:

«Почтенный старичекъ (ытык кырджагас), человекъ господинъ! Видимый Божій сынъ (аи огото), господинъ девяти улусовъ, отецъ восьми улусовъ, народный родовой князь, слушай твоими обоими впечатлительными ушами, отгадывай, понимай! Смотри твоими ласковыми глазами (аламай харах), (этими) двумя зрячими Венерами (звѣздами)***), сверкающими солнцами! Стой, отгадывая своимъ умомъ (глубокимъ, какъ) глубина водъ; стой, разсуждая пра-

*) Ураса—конусообразная юрта.

**) Агыс ёргестѣхъ аламай кюнь. Слово аламай въ рукописи переводится обыкновенно: «ласковый». Аламай кюнь, «ласковое солнце». Съ этимъ эпитетомъ солнце часто встрѣчается въ нашей рукописи.

***) Икки кёрёръ кёръ Чолбон.

вильно и удачно! Мы не говоримъ, что ты, путникъ, захотѣлъ ѣсть. Хоть ты, путешествуя, и не захотѣлъ ѣсть, хоть въ дорогѣ ты и не озябъ, хоть, шествуя, ты и не усталъ, мы, услыхавъ, что прїѣдешь, ни къ какимъ ртамъ не приближали, ни какимъ устамъ не давали отвѣдывать лучшихъ сливокъ, отстоя изъ стараго (молока), изъ лучшаго кобыльяго молока; мы собрали его для тебя, заставивъ держать (кобылу) восьми юношамъ, не причастнымъ грѣхамъ и чернотѣ; заставивъ доить, приготовить лучшія яствы семь дѣвушекъ, въ которыхъ не запутывались восемь чуждыхъ пальцевъ (т. е. невинныхъ). Мы собрали для тебя лучшую пищу. Минуй (насъ), отколыхнувши въ сторону поверхность нашего счастливаго чорона (т. е. отпей). Судьба твоя, путникъ, будетъ свѣтлою! Проѣзжай мимо (насъ), отвѣдавши поверхность нашего аях'а! Иди сюда»!

Сказавши это, женщины эти взяли Бѣлаго юношу за руки, за запястье и стащили его, и потомъ передали лошадь какой-то худенькой (жесткой) бабѣ, сказавъ ей: «Свяжи ее!» (А лошадь (прежде) говорила: «Если только ты мой хозяинъ, ни за что не давай (меня) связывать»)! А эта баба взяла, вывела лошадь и привязала къ дереву, обмотавши за шею три-четыре раза. Увидѣвши это, испугался немного человекъ. А женщины сказали: «Посмотрите, какъ это она напередъ дѣлаетъ! Когда гости уѣдутъ, проѣзжіе или прохожіе пройдутъ, когда ей скажешь, побранишь ее за это, то выйдетъ будто я же зла, меня же будутъ называть сварливою»!

Услыхавъ это, Бѣлый юноша усмѣхнулся и, улыбаясь, пошелъ съ ними. Повели они его за руки въ самую большую изъ девяти урасъ, въ переднее мѣсто, гдѣ была длинно растянута-постлана большая черная медвѣжина съ шерстью и лапами. Потомъ, поворотившись на-право въ чуланчикъ, взяли кумысу изъ семи кожаныхъ посудъ, масло изъ восьми берестяныхъ туесковъ, налили въ господина чашку (тоён аях) съ девятью узорчатыми кольцеобразными возвышеніями, принесли, держать его. На это думаетъ чело-

вѣкъ: «Когда эдакія хорошія женщины угощаютъ такимъ почтеннымъ кушаньемъ, развѣ я буду пить стоя? Нѣтъ, я поѣду (въ путь), присѣвши и отдохнувши (у нихъ). Если, не остановившись у такихъ гостепріимныхъ женщинъ, я поѣду дальше, это будетъ все равно, что я ихъ изобижу». Подумавъ: «присяду»! покачнулся онъ на медвѣжью шкуру и сталъ со звономъ проваливаться въ бездонную пропасть. А сзади его чертовки-дѣвки (абасы кыса) всплеснули руками: «Какъ дѣлали мы (прежде), такъ сдѣлали (и теперь)! какъ распорядились, такъ и распорядились!» И потомъ слышенъ былъ только ихъ дьявольскій хохотъ.

Сколько-то времени шумно летѣлъ онъ ко дну по совершенно-темному мѣсту иной разъ внизъ головой, иной разъ бокомъ, иной разъ прямо и наконецъ вдругъ шлепнулся. Потомъ сталъ онъ щупать (руками) туда-сюда и нащупалъ кости. «И прежде (меня) пало сюда много (прямыхъ костей *) стройныхъ, много румянныхъ низверглось въ это мѣсто! Какая обидная смерть!.. Да, умру!» подумалъ онъ. Потомъ взялъ одного человѣка въ медвѣжьей дохѣ и положилъ себѣ вмѣсто постели; вмѣсто одѣяла покрылся однимъ человѣкомъ, одѣтымъ въ волчью доху; вмѣсто подушки положилъ себѣ подъ голову одного человѣка въ вышитой ровдужной шубѣ и легъ.

Оставшаяся послѣ него дома младшая сестра его Бѣлая Юкляндянь-ко узнала все это, видя ночью по снамъ и днемъ по примѣтамъ. Сонъ у ней сталъ не сномъ, жизнь не жизнью; погналась сзади, прилетѣла бѣлымъ стерхомъ по слѣду брата къ пропасти, гдѣ онъ провалился; и, сидя тутъ, плакала до того, что небо трескалось, облака рвались, земля разваливалась, а слезы двухъ глазъ образовали два маленькихъ озерка; плакала, приговаривала, причитала за три ряда бѣлаго неба (юсь хаттыгастахъ юрюнъ халлан):

«Бѣлый (юрюнъ) Ялькяняй (нѣжный), мой дядя, живущій за тремя рядами бѣлаго неба, пишуцій наше бѣлое и черное письмо, имѣющій тѣло бѣлое, какъ молоко, слушай-смотри! Бѣлый юноша,

*) Гостей?

старшій братъ мой, утонуль въ темную бездонную пропасть; попался среди девяти препятственныхъ дорожныхъ нечаянныхъ случаевъ (оплошностей), среди восьми разъединяющихъ путевыхъ господъ-бѣдъ (аян хатын). Атаманъ дьяволовъ, со ста двадцатью вьющимися превращеніями (хитростями), сильный изъ невидимыхъ, страшный изъ сусѣдокъ (сѣдѣкя сюрдыгя), смѣлый изъ ѣдуновъ (т. е. изъ дьяволовъ, съѣдающихъ, портящихъ, убивающихъ человѣка), обернувшись, одолѣль, съѣлъ моего брата. Тамъ за тобой была моя подруга Быстролетающая (Джярыгястяй) шаманка, дочь господина Юргяля (плеядъ). Поди, повѣсти ей для того, чтобы я могла различить скрытый его слѣдъ, слѣдовать пройденнымъ имъ слѣдомъ, увидеть тотъ слѣдъ, гдѣ онъ уналь. А она (т. е. дочь Юргяля) пусть повѣститъ моей знакомой, дочери господина-Мѣсяца Слабосвѣтящейся (Ылбальджин) шаманкѣ. А та пусть повѣститъ старшей моей сестрѣ (теткѣ), дочери господина Солнца тихо и плотно движущейся (Кѣгяльджинь) шаманкѣ. А та пусть дастъ знать старшему моему брату, держащему перевозъ славнаго неба. А тотъ пусть повѣститъ господину дядѣ Кѣрѣ Джясягяй, сильному огородами и стойлами. А тотъ пусть повѣститъ старшему и видному господину дѣдушкѣ Сюнгъ-Джасын'у. А за нимъ у меня былъ дѣдушка господинъ Кѣхѣ-Бурай, имѣющій подъ глазомъ голубое (зеленое, синее) пятно; тотъ пусть спуститъ мнѣ отборный шаманскій нарядъ мать-корчахъ, кольчугу, достопочтенную Дылбынгса; съ бубномъ, съ пестрыми кистями, какъ потокъ, съ разными вольными кольцеобразными мѣдными побрякушками, съ пустыми (внутри) металлическими дудочками, подобными собранной въ кучу травѣ кулусуну почтеннаго озера; и бубень съ бубенчиками, какъ кости черепа девятитраваго жеребца, съ мѣдными звенящими украшеніями, какъ носовыя кости восьмитраваго жеребца; пусть спуститъ мнѣ этотъ голубой (зеленый, синій) звонкій бубень!»!

«Сказала или еще не успѣла сказать на низу, слышаль или еще не успѣль услыхать въ верхнемъ мѣстѣ», подумала — съ верх-

няго мѣста, шума и вертась, спустился бубень съ нарядомъ. Надѣвши платье, взявши въ руки бубень, Бѣлая Юкяйдянь-ко шаманка*) проскакала кверху три ряда бѣлаго неба. Проскакавши, шаманя, вышла къ своему отцу Бѣлому господину Богу (Юрюнгъ Аи тоён). И сѣла передъ его домомъ на полѣ, въ чертѣ его мѣста и жилища, на восточной сторонѣ тамъ, гдѣ было почтенное толстое восьми-вѣтвистое дерево.

(Поеть): «Господинъ родоначальникъ отецъ мой (Аръ тоень агамъ), родившій меня съ болѣзнію! Достопочтенная госпожа мать моя (Кюбйяй хатын іямъ), родившая меня въ мукахъ! Въ началѣ дней, когда вы родили меня и спустили на среднее мѣсто, имѣющее бродъ ровный, какъ тетива стрѣлы, вы опредѣляли, говорили, что я имѣю душу, обернувшуюся три раза и «потому», говорили вы, «ты будешь женщиной-шаманкой, трижды избавишься отъ смерти»; что «ты съ братомъ сдѣлаешь городьбу и стойла скоту; родимымъ дѣтямъ сдѣлаешь гнѣзда и зыбки». Но этотъ братъ мой, желая имѣть у себя въ большомъ домѣ стражемъ (одну) изъ лучшихъ иноплеменницъ, желая, чтобъ основной (съ основаніемъ и столбами) домъ его имѣлъ хозяйку, желая имѣть равную подругу въ своемъ господинѣ домѣ, намѣреваясь взять такого человѣка-женщину, сговорить дѣвушку, отправился, поѣхалъ; дорогой самая жестокая смерть потопила его въ бездонную пропасть. Господинъ мой отецъ имѣлъ на темени три золотые волоса; пусть дастъ онъ который нибудь изъ нихъ, чтобы мнѣ (можно было) попытаться вытащить брата оттуда (изъ пропасти)»!

Двѣ старшія сестры вошли и сказали отцу эти слова Бѣлой юкяйдянь-и. Разгнѣвался на это отецъ:

«Она, остававшись тамъ въ пыльномъ мѣстѣ, сообщившись (соединившись) съ перстью земною, чистая осквернившись, прозрачная помутившись (отсырѣвши), осмѣлилась подняться напротивъ моей бѣлой молніеносной пади (чагалганнах маган артык), прійдти,

*) Юрюнгъ юкяйдянь-ко удаган.

чтобы осквернить мое чистое мѣсто! Пусть погибаетъ, хотя помретъ, а мнѣ не показывается. У нихъ свой собственный рокъ. Когда я спускалъ ихъ на землю, я не говорилъ имъ: «приходите назадъ»! Если они распложаются, пусть распложаются; если умираютъ, пусть пропадутъ! Пусть она отойдетъ, пусть отойдетъ»!

Тутъ мать-старуха, услыхавъ эти слова старика, захныкала, заплакала немножко и стала поспѣшно одѣваться.

Старикъ: «Старуха, куда ты хочешь идти: одѣваешься?»

Старуха: «Старикъ! у тебя тѣло не болѣло; ты, мужчина, не мучился (какъ женщина мучается родами)! Вѣрно, поэтому у тебя такое нечувствительное (твердое) сердце! А я, нося ихъ во чревѣ десять мѣсяцевъ, мучилась ими. Пойду я, я жалѣю (ихъ), соболѣзную; сердце и печень не даютъ мнѣ покою, когда дѣти мои, въ которыхъ канула кровь моего сердца, когда они, мои серебряныя яички, умираютъ-теряются; то услыхавши (объ этомъ), я не буду сидѣть»!

Старикъ: «Дѣвки (хатыктар), идите (сюда)! Что-то у вашей старухи-матери сердце слишкомъ мягкое; пойдетъ пожалуй да помретъ. Идите сюда, возьмите изъ моихъ волосъ самый маленькій, короткій и тонкій; отдайте»!

Тутъ прибѣжали двѣ дѣвушки, выбрали изъ этихъ волосъ самый толстый и длинный волосъ и нагнули его на руки; потомъ уперлись ногами въ спину старика и вырвали (волосъ) вмѣстѣ съ корнемъ, кожей, кровью и мясомъ въ кулакъ величиной.

Старикъ. «Ой, больно! Вотъ досада! Кажется, они взяли самый большой волосъ»? Сказавши это, схватилъ свою тростку съ побрякушками (хангаргастахъ таяг), побѣжалъ за дѣвушками до запечки, а тамъ онѣ не дали ему достичь, убѣжали. Тотчасъ вынесли этотъ волосъ, отдали младшей сестрѣ. А старикъ остался, говоря: «Посмѣетъ она еще въ другой разъ прійти, я дамъ ей давка въ подарокъ»! А старшія сестры сказали (младшей): «Никогда сюда не

приходи, въ какихъ ты ни будешь обстоятельствахъ! Старикъ, говорятъ, чрезвычайно осердился, озлился на тебя!»!

Вотъ съ этимъ-то золотымъ волосомъ она и спустилась на среднее мѣсто и пришла къ той пропасти, гдѣ лежалъ ея братъ. Тутъ, сдѣлавши изъ этого волоса нить (канатъ), спустила его въ яму; и свѣтила она въ темномъ мѣстѣ, какъ свѣчка. Спустившись, посмотрѣла она; братъ ея заплѣсневѣлъ сверху на три пальца, снизу проплѣсневѣлъ на шесть пальцевъ; только едва-едва шевелились, не шевелились рѣсницы, пульсъ едва бился.

Бѣлая Юкяйдянь: «Если ты замѣчаешь солнце, если есть еще у тебя дыханіе, держись за это, выходи!»!

Бѣлый юноша едва сдвинулся съ мѣста, чтобы выйдти, и лишь только взялся онъ за ремень, вдругъ изъ-подъ него говоритъ человѣческій голосъ:

«Какой видимый Божій сынъ (аи огото), пришедши, чуть не погибъ, подобно мнѣ! Вытащи и меня вмѣстѣ! Сегодня минуло полныхъ девять годовъ съ тѣхъ поръ, какъ я сюда провалился; и во все это время и до сихъ поръ—ты видишь—я имѣю непрерывающееся дыханіе, неумирающую жизнь и не лишился еще пѣсенъ и звонкихъ запѣваній. Вотъ ты лежалъ (только) три мѣсяца и то чуть-чуть не померъ. Вытащи и меня (вмѣстѣ съ тобою), сдѣлай работникомъ! Лѣтомъ я буду отлично косить сѣно; я отличный сѣнокосчикъ. Зимой я славно, намелко рублю дрова; скорый, послушный, съ скороходными колѣнями, ловкій, верткій я человѣкъ! И коровъ и конный скоть я отлично могу пригонять; на это я проворный человѣкъ. Умѣю я тоже въ стойлахъ надѣвать жеребятамъ колѣдки; надѣвать-подвязывать телятамъ нарыльники; на это я хорошій человѣкъ. Чтобъ быть хватомъ въ хотонѣ, хоть-бы послѣднимъ рабочимъ—на это я довольно способный малый. Спаси и помилуй меня, выведи отсюда!»!

«Ну, хорошо, выходи!»! сказалъ Бѣлый юноша и вывелъ его. И когда посмотрѣлъ на него, вышедшаго близь ямы, (то увидѣлъ):

со стукомъ — брякомъ вертится и скачетъ передъ нимъ трехгранный желѣзный человѣкъ (юсь кырылах тимирь киси).

Желѣзный человѣкъ (поетъ громко и скоро): «Другъ человѣкъ, здравствуй! Благодаренъ я тебѣ за спасеніе; послѣдствіе будетъ; прощай! И въ правду сказать, какъ я съ тобою умѣщусь и буду ходить вмѣстѣ? И лучшей человѣкъ когда-нибудь имѣеть нужду. Если когда-нибудь постигнетъ тебя нужда и ты позовешь меня, скажешь: «Скороработающій, Быстроходящій, Сухоногій, Бойкоидушій (сусал тутулах сыдам сырылах хатарча атах котыграс бараччи)! Если ты высоко, понизься! если далеко, приблизься! если на низу, вздымись! иди сюда!»! То гдѣ-бы я ни былъ, прійду» (къ тебѣ).

Сказавши такъ, превратился въ чернаго трехграннаго ворона, запархаль, полетѣлъ на западъ.

Когда послѣ этого (Бѣлый юноша) съ младшею сестрою плача-плача, рыдая-рыдая, сидѣли, лошадь его насилу вырвала дерево вмѣстѣ съ корнями, и чуть только душа ея пришла къ нимъ живая. Бѣлая Юкяйдянь-ко мазала-мазала, хóлила-хóлила эту прибывшую (лошадь) и сдѣлала ее такъ, что она стала лучше и прекраснѣе прежняго. А Бѣлый Юноша и говоритъ (сестрѣ):

«Поѣду я, куда хотѣлъ ѣхать. Малый-ли стыдъ и срамъ будетъ воротиться съ половины дороги! А ты воротись на свое мѣсто и землю, хозяйничай, живи, присматривай, смотри за скотомъ, огнемъ и домомъ»!

Сказавши такъ, они разошлись; эта женщина пустила обратно на небо платье и бубень, полетѣла назадъ домой стерхомъ. А Бѣлый Юноша поѣхалъ на востокъ.

■.

Сколько-то времени онъ ѣхалъ, опять пріѣхалъ на пущь земли (сирь киня), на тихое мѣсто. Тутъ былъ прежде бѣлый скоть (многочисленный), точно бѣлый ерникъ, былъ черный скоть, точно черный ерникъ. Изъ этого бѣлаго и чернаго скота, изъ коннаго крупнаго и мелкаго скота осталось только штукъ двадцать, а

изъ коровъ, примѣрно, только штукъ десять. Блестнулъ, показался тридцатистѣнный блистающій пустой серебряный домъ; и поѣхалъ онъ туда. Вѣрно, закрытая дверь не отворилась; падавшій снѣгъ уже не выметали кажется цѣлыхъ три года. Обѣхавши это, онъ смотритъ: (видѣнь) слѣдъ, какъ однажды выходила старуха Симяхсинь, высыпала соръ. Спустился онъ съ коня, привязалъ своего коня къ господину коновязи съ девятью выемками (углубленіями) и кольцеобразными возвышеніями; вошелъ въ домъ.

Вошедши, посмотрѣлъ; нѣтъ (туть) ни одного двуногаго чело-вѣка съ лицомъ на переди, съ волнующимся дыханіемъ; не видно (ни одного) чело-вѣка якута съ водянымъ глазомъ, съ продолговатымъ носомъ, разговаривающаго устами. Вдругъ взглянулъ онъ на изголовье у передней кровати; сидитъ (туть), упершись лбомъ о тростку съ побрякушками, почетный господинъ чело-вѣкъ (тоён хан киси) съ густою черною бородой, съ кольцеобразными складками на горлѣ, должно быть (чело-вѣкъ) съ громкимъ голосомъ, ужасно-почетнаго вида, свирѣпой наружности. А за нимъ сидитъ госпожа-старуха (хатын ямахсинь) съ тѣломъ, подобно снѣгу, съ жиромъ (раздѣлившимся)) складками, должно быть со звонкимъ голосомъ, съ вѣщающимъ горломъ. Пошелъ туда (Бѣлый Юноша), потащилъ съ собою узорчатый якутскій стулъ и, со стукомъ бросивши его передъ ними, сѣлъ, поговаривая-покрикивая, сказалъ.

Бѣлый Юноша: «Эдакая досада, эдакая жалость! услыхавъ, что хорошіе люди велѣли меня позвать, отправился я и пріѣхалъ по срединѣ неожиданныхъ несчастій, по вершинѣ смерти, на эти то развалины, къ смертельно дряхлымъ старику и старухѣ. Разрѣжу я ваше красное тѣло по кускамъ; хочу бродить въ вашей густой крови!»

Когда онъ говорилъ это, вдругъ звякнула шумная дверь изъ глубокаго въ пять рядовъ узорчатаго билирика. «Не блестящій-ли ликъ ласковаго солнца вышелъ изъ якутской юрты»? подумалъ (онъ) — «то показался блестящій обликъ женщины!» А она стала, кланяется ему, приговариваетъ ему, говоритъ:

«Что это съ тобой сдѣлалось? господинъ девяти улусовъ, постой, осмотрись! Развѣ эти люди могутъ позвать человѣка? Я тебя звала, думая, что не заступишься-ли ты за мою видимую зеленую (голубую) жизнь, не спасешь-ли мою высокую бѣлую душу! Сей годъ исполнится уже девять лѣтъ, какъ на мое имя и славу пришелъ (одинъ) изъ самыхъ страшныхъ дьяволовъ и во все это время уничтожилъ нашихъ людей, истребилъ (перемѣнилъ видъ) нашихъ имѣющихъ душу животныхъ; и, боясь этого, я тебя звала. Такъ ты защити мою видимую голубую душу, спаси мое бѣлое дыханіе!»

Мужчина отвѣчалъ на это: «Ладно, хорошо!» Наступилъ разъ на середину дома, брячущая дверь звякнула; свернулъ, повернулъ онъ женщину, какъ мягкую талину, нагнулъ ее, какъ сырую талину, поцѣловалъ-понюхалъ золотой неоткрывающійся щечный румянецъ; поцѣловалъ въ уста пухлыя, какъ сдѣланныя круглыя пуговицы. Поетъ:

«Преодолевая препятствія съ отличнаго мѣста, уставая съ дальняго мѣста, оттолкнутый съ лучшаго мѣста (прибылъ я, утомленный)! Тѣльная моя лошадь отъ ѣзды изъѣздилась, удалая моя лошадь утомилась; молодая моя лошадь опустилась! Самъ я усталъ, истерся! Если я, чистый человѣкъ, осквернюсь теперь; юноша, покажусь грѣшнымъ-виновнымъ, — то дьяволъ меня пересилить. Лучше я встрѣчу его чистой кровью и чистымъ тѣломъ».

Потомъ, взявъ себѣ въ одну руку остреемъ внизъ свирѣный мечъ, въ другой держа кверху опьяняющее острое копье, подоясавшись колчаномъ и (малымъ) мечемъ, поспѣшно пошелъ въ поле.

Когда, перешедши черезъ поле, дошелъ онъ подъ восточный камень, (то увидалъ), лежитъ-спитъ человѣкъ въ девять сажень длиною, въ девяти мѣстахъ горбатый, затопивъ противъ этихъ горбовъ девять огней, а около (этихъ огней) лежатъ (объѣденныя) скопленныя восьмисуставныя и каменно-четырекопытныя (т. е. скотъ), точно конны со снѣгомъ. Думая: «какъ-бы разбудить этого страшнаго изъ (всѣхъ) виданныхъ и слышанныхъ», обходилъ вокругъ

нѣсколько разъ, но не могъ найти (удобной) скважины. Лежала около него дресвяная каменная палка*) въ 70 пудовъ; поднималъ онъ, поднималъ ее, не могъ поднять. Поднималъ (его) желѣзный мячикъ въ 80 пудовъ, поднималъ, поднималъ, не могъ поднять. Потомъ по ногамъ взошелъ онъ къ нему на животъ и, привскакивая, началъ топтать пятками; ни какъ не пробуждается. Потомъ онъ выбѣжалъ въ темный лѣсъ, вырвалъ совсѣмъ съ корнями два дерева средней величины, начинавшихъ приходить въ полную силу; и взявши ихъ подъ мышки, вбѣжалъ назадъ, засунулъ въ обѣ ноздри; и положивши (ихъ) себѣ на плечи, началъ выворачивать (ноздри), поднимая кверху плечемъ; по корню переломилъ оба дерева.

Наконецъ-то на это дьяволъ, со словами: «растительность этого мѣста всегда щекотно зудить», совсѣмъ постеръ себѣ руки, носъ и ротъ, и разбудился. Съ восьмисаженнаго мѣста оторвалъ восемь своихъ горбовъ, а на девятый горбъ сѣлъ. И сѣвши, такъ покачнулся, что до пояса погрузился въ булыжникъ, подобный лошадиной печени. Съ обѣихъ сторонъ булыжника, подобнаго лошадиной печени, онъ захватилъ въ обѣ ладони (часть булыжника) все равно, что мокрый песокъ. Потомъ сталъ тереть его эдакъ ладонями, третъ и сидитъ. Увидавъ-же этого человѣка, началъ страшно улыбаться. Потомъ, скаля зубы, сталъ говорить такимъ голосомъ, какъ четыре грома борющихся (ударяющихъ въ одно время) съ четырехъ угловъ неба разразятся и начнутъ утихать; одной рукой подбодрился, другой сталъ безтолково кружить (вертѣть въ воздухѣ).

Дьяволъ. «Другъ человѣкъ, родившійся на среднемъ мѣстѣ по обыкновению людей-якутовъ съ переменною душою, здравствуй! Раскрылъ я ночевавшіе мои уста, развязалъ дневавшія губы, разинулъ мой безалаберный ротъ. А ты пришедшій молодецъ, въ самомъ дѣлѣ, кажется, хорошей крови? Если ты желаешь знать мѣсто моего происхожденія; если спрашиваешь мое тяжелое имя: тамъ за убитой набитой постоянной пропастью съ семью «прошвами»,

*) Дересня тас балки (съ русскаго)?

съ восьмью «складными заплатками», съ девятью балками имѣлъ я зимовьемъ холмистое мѣсто; былъ у меня огороженный лѣтній выгонъ; водой у меня было горящее огненное море; отцемъ былъ господинъ Арсынъ-Долай, бывшій атаманомъ дьявольскаго племени, со ртомъ на темени и съ глазами на вискахъ подъ волосами. У него образовалась подъ глоткой несчастная болѣзнь, съ кулакъ (величиной) шаровидно увеличилась въ одномъ мѣстѣ. «Если ты только дитя мое — говорилъ онъ — и будутъ самыя трудныя обстоятельства, то (все-таки приходи), пока не минуло еще одного года. Прийди поскорѣе!» Нынче должно быть онъ померъ. Развѣ я найду нынче что-нибудь изъ связаннаго и пойманнаго имъ? Матерью моею была Анъ-Джарсынъ; у ней въ толстомъ животѣ была скрыта черная болѣзнь; должно быть, нынче она померла у меня. Харень*), бѣдный мой бѣломордый черный конный и рогатый скоть! Моимъ старшимъ братомъ былъ желѣзный Долонукса богатырь. Онъ было сговорилъ себѣ жену изъ лучшихъ иноплеменныхъ (женщинъ); нынче онъ должно быть привелъ ее домой и въ ожиданіи меня сухо (впроголодь) сидитъ на сентухѣ. Младшимъ братомъ былъ у меня желѣзный Дыбылыгса (тонко-длинный) (человѣкъ) съ тремя тѣнями и семью мудростями. Должно было ему идти сговаривать жену; а это, говорить, отъ меня зависитъ; теперь, должно быть, онъ ждетъ, меня поджидаетъ. Старшей моею (сестрой) была Дѣвка-Свистунья (Кыс Хаскыйдан), плечи, (какъ) кольца ножницъ, пальцы, (какъ) кузнечные клещи. Послѣ меня она осталась беременной; была почти на послѣднихъ дняхъ. Не знаю, разрѣшилась-ли она нынче или нѣтъ? Младшей моею сестрой была Хаскыйданъ-ко батырь (внѣзъ), постель съ вихремъ. Зятемъ къ ней долженъ былъ прийти почтенный Кыйбырданъ (Ытык Кыйбырдан) изъ лучшихъ иноплеменныхъ, съ лошадыю Хоро-Тябень со стремянами въ два ряда; ребенокъ тетки старухи Ко-чамчай-тысы-хопчолгу, пестрой вокругъ, царапуньи съ когтями, съ ровдужнымъ небомъ, съ тонкорѣдкими

*) «Харень», междометіе, выражающее сожалѣніе о потерѣ.

(какъ вновь растущія талины) волосами, съ жестяной тусахтой и съ сердитыми рѣсницами. Шынче онъ должно быть пришелъ. Сговоръ этотъ опять отъ меня-же бы требовалъ распоряженія; должно быть, онъ привелъ девять бѣлыхъ отборныхъ сватовъ и восемь отборныхъ сватій. Каждый изъ нихъ за разъ съѣдаетъ по три моихъ порціи. Должно быть, они уничтожили (т. е. съѣли) всѣхъ моихъ бѣдныхъ бѣлорылыхъ черныхъ кобылъ и коровъ. А собственное мое имя «въ девяти мѣстахъ горбатый Желѣзный Бюкюстай» (тогус сиринянь бѣгчегеръ Тимиръ Бюкюстай). Передъ этимъ я бралъ себѣ восемь женъ; только всѣ тѣ восемь померли. Отъ нихъ родилось по восьми плѣшивыхъ дѣвокъ (агысты таргын тарагай кыс) и по девяти гладко-плѣшивыхъ сыновей (тугусту джугун джугагыр алаттар); ими-то я биткомъ набилъ весь домъ, такъ и пришелъ. Теперь они должно быть похудѣли; стали ни къ чему негодными. Увы, мои дѣти! Сей годъ исполнится девять лѣтъ, какъ я вышелъ на это мѣсто. А вышелъ я для того, чтобы быть зятемъ, взять жену; и во все это время тестъ съ тещей (волочатъ): иной разъ говорятъ, что лошадь ищутъ дочери, отправляющейся для него, для этого господина; другой разъ говорятъ: ищемъ невольника, раба въ приданое; то говорятъ: нарядовъ не достаетъ для (той, которая) пошла угодить ему. Я, какъ зять (женихъ): ребро у меня ломается отъ стыда, чтобы не пошла молва (о моей прожорливости); утромъ и вечеромъ крупныхъ и мелкихъ всего съѣдаю только по сорока штукъ (скота). Отъ этого я совсѣмъ похудѣлъ-похудѣлъ, отощаль-отощаль; смертныя восты совсѣмъ вышли наружу; сдѣлался я совершенно дряхлымъ... Парень! слушай и понимай! Мои, твоего господина, слова много значать; слушай слова твоей госпожи! Прежде какъ-то два человѣка приходили (ко мнѣ); пришелъ какъ-то ко мнѣ воспитанникъ серебрянаго круглаго старика (кѣмюсь менгенюкянь огоннёр) Чолка-Силачъ (Кѣгюль-Бѣгѣ); услыхалъ мои слова и онѣ показались ему неладными и онѣ (мнѣ) противорѣчилъ. Раздосадовался я на это, бросилъ его себѣ въ глотку

и (проглотилъ), не замѣтивъ. Пришелъ (какъ-то ко мнѣ) человѣкъ по имени Бѣлый Нѣжный (Юрюнъ Ёлкёню), воспитанникъ господина съ огородами и загонами Кюрё Джясягяй; показались мнѣ его слова досадными; бросилъ я его на языкъ, прошелъ онъ тамъ безъ всякаго препятствія.... Мы поѣдемъ очень скоро, очень поспѣшно, очень торопливо; поди, исправь помягче постелю госпожѣ барынѣ. Сегодня ночью я думаю идти къ своей госпожѣ, чтобы чистую ее взять, прозрачную ее смочить. Парень! развяжи ты ночное ея платье съ четырьмя кольцами и со швомъ по срединѣ; оголи ровдужное платье съ восемью крючками со швомъ въ пахахъ. И тогда изъ-за поля заблеститъ стыдная часть тѣла, засвѣтитъ почтенная часть тѣла. Смотри-же, ты на это не зарься, не завидуй! То вѣдь мое, твоего господина. Проворень-ли ты спускать штаны? Поспѣшенъ-ли ты снимать наколѣнники (часть якутскихъ штановъ)?.. (Пауза).... Ой-ой! Истощавши-истощавши, похудавши-похудавши, поживлюсь-ли я еще чѣмъ? Ты, я полагаю, поддержишь, поможешь и даже подтолкнешь! Слышишь-ли? Ну, сходи-же!»!

На это человѣкъ страшно разсердился, ужасно раздосадовался; заторопилась его ланитная кровь, кверху и внизъ стала перебѣгать лобовая кровь; задымилась носовая кровь; прискочила съ боку дерзкая мысль; прилетѣла съ затылка хвастливая мысль; пришла гордая мысль, задымаясь, какъ голубое облако. Тогда въ сердцахъ сталъ онъ говорить, подобно звуку ружейнаго выстрѣла.

«Что за оскорбительность словъ, что-за горечь рта, соль клюва, скверность губъ эдакой ничтожности, низшаго изъ ѣдоковъ (чертей), распутницы (вонючей) изъ чертей, дьявола изъ самой дряни! Лучше ужь говори вмѣсто этого свое завѣщанье! Сказывай вмѣсто этого свое послѣднее слово на прощаньи съ землей и мѣстомъ! Я расшибу тебѣ темя на четверо; верхнюю твою часть на-трое, туловище (самаго) на пять частей. Восходъ сегодняшняго ласковаго солнца узнаетъ счастье! Сила груди, стремительность большого пальца, счастье остальныхъ узнаютъ» (это)!

Дьяволъ, какъ будто вздрогнувъ, сталъ на него смотрѣть и говорить: «Что это другъ? что это ты говоришь? У меня волосы стали дыбомъ, тѣло мое бросило въ дрожь отъ твоихъ словъ, товарищъ. Если такъ оскорбительны тебѣ мои слова—ты кажется хорошей крови; хорошій, видно, человѣкъ. Да и я для себя тоже хорошій человѣкъ, хотя передъ этимъ и померло у меня восемь женъ. Вѣдь прежде-же мы не имѣли никакой вражды; стало-быть, мы богатыри; возьмемъ по одному своему военному оружию и помѣряемся на немъ силами. У тебя какое оружіе?»

— А мое вотъ какое бываетъ, отвѣчаетъ ему человѣкъ и кажетъ пальму.

— «Что это, парень! Это очень маленькое. Это къ чему полезно? Да и для чего оное такое острое? Какъ будто оно остроконечное и съ лезвіемъ? Не ударилъ-бы ты меня остреемъ? У меня вѣдь нѣтъ острея. Возьми-покланись, что не ударишь меня остреемъ, скажи: «Пусть пепель-уголь, богъ мой (кюль кѣмѣръ тангарам), посмотритъ меня насквозь черезъ мельчайшія отверстія; пусть берестьяный богъ (тос тугулгах тангарам), какъ сытое дитя, посмотритъ меня насквозь; пусть деревянный богъ (мас тангарам), подобный двухлѣтнему дитяти, до половины увидитъ меня насквозь; пусть мой каменный Богъ (тас наннал тангарам), (величиною) съ рѣзвое дитя, увидитъ меня внизъ головой. Пусть мое тусклое, какъ ночь опрокинутое, солнце съ обратнымъ обращеніемъ опрокинетъ меня на изворотъ. Пусть на изворотъ заломленный тусклый мой мѣсяць съ обращеніемъ назадъ, пусть смѣряетъ меня назадъ!»!

По всѣмъ его словамъ поклялся ему человѣкъ.

«А у меня вотъ это!»—сказалъ дьяволъ и, взявши въ руки семидесятипудовый дресвяный каменный мячъ, приподнимаетъ, показывая ему. «Ты, говоритъ, будешь начинать или я начну?»

Божій человекъ (аи киси). Нѣтъ, дьяволъ никогда не началъ человека; я, Божій человекъ, долженъ-бы начать.

Дьяволъ. «Ну, начинай!»! говоритъ и всталъ.

Божій человекъ хотѣлъ ударить его тупой стороной пальмы и вдругъ, повернувши, ударилъ остреемъ въ основаніе толстой шеи, и все лезвіе пальмы свернулось до середины; только немножко пробило шейную кожу.

Дьяволъ. «Ой, больно! Вѣрно ты ударилъ острымъ концомъ. Ужѳ, ужѳ! я вѣдь посмотрю!» И, сказавши это, взгрѣбъ въ руки черный камень, подобный лошадиной печени; и кремнемъ этимъ сръзалъ (свою ранку) совсѣмъ съ кровью, съ мясомъ до кости. «Ой, больно, больно! Кажется, въ самомъ дѣлѣ, парень, ты ударилъ острой стороной. Ужѳ, ужѳ!»—Сказавши это, испустилъ крикъ, напалъ на Божьяго человекъ. Отскочилъ отъ него какъ-то Божій человекъ и побѣжалъ по покатому мѣсту, не попадаясь ему въ руки. А дьяволъ хваталъ мимо, ловилъ его руками. Когда бѣжалъ онъ такъ, вдругъ встрѣтился ему пустой осиновый пенъ и онъ, заслоняясь, забѣжалъ за пенъ. Дьяволъ обѣжалъ пенъ кругомъ, обхватилъ, сталъ ломать-грызть его зубами. «Досада какая! И на этомъ мѣстѣ опять нѣтъ этого сорванца!»

И различивъ, выслѣдивъ его слѣдъ, пошелъ къ нему. А Божій человекъ, увидѣвши это, вынулъ изъ кармана кожу съ пальцевъ сестры, которую сорвалъ прежде, и бросилъ ему на встрѣчу, сказавши: «Превратитесь въ десять самцевъ медвѣдей, нападите ему на шею!» И когда они, превратившись въ десять самцевъ медвѣдей, напали на него, (дьяволъ) какъ будто десять разъ немножко наклонился, всѣхъ проглотилъ. Прибѣжалъ къ нему, налетѣлъ на него и началъ его одолѣвать.

Божій человекъ. «Ой! Скороработающій, Быстроходящій, Сухоногій, Бойкоидушій! Если ты высоко, понизься! если на низу, вздымись! если далеко, приблизься! Насталъ день моей смерти. Спаси!»

Съ подножіемъ изъ черного большаго облака, покрываясь облакомъ (какъ-бы имѣющимъ) голову и ноги, прямо съ запада стремительно летѣлъ черный двуголовый шумящій Ёксѳю (сказочная птица), дыша стремительнымъ сильнымъ вихремъ; на лету говоритъ-кричитъ, какъ стукъ наковальни.

«Постой-ко, парень! съ девятю горбами въ девяти мѣстахъ Желѣзный Бюкюстай молодець! Кто не знаетъ, что ты за человѣкъ? Ты высокое небо заставилъ кричать (отъ страху), бездну заставилъ шумѣть! лечу я, твой господинъ! знаешь-ли ты это или нѣтъ? Постой, осмотрись!»!

Сказавши это, прилетѣлъ и клювомъ какъ будто разъ клюнулъ и разъ проворно царапнулъ желѣзными когтями, точно верхолянскими косами. Тутъ дьяволъ на-двое распался и порвался поперегъ; распался на четыре части. Послѣ этого Ёксёкю превратился въ трехграннаго желѣзнаго человѣка и съ брякомъ уналъ передъ Бѣлымъ Юношей: «Когда придетъ воля, когда будешь на мѣстѣ, воротись, разбогатѣвъ, подумай о наградѣ. Прощай!»! Сказалъ онъ это и полетѣлъ на западъ чернымъ ворономъ съ трехграннымъ клювомъ.

Послѣ этого Бѣлый Юноша развѣялъ убитаго дьявола по землѣ на ысыэхъ солнцу и мѣсяцу. Потомъ подумалъ: «Пойду я домой къ тестю!»! Вышелъ—пошелъ.

Усталъ, сильно измучился, захотѣлъ спать. Дошедши къ тому сентуху, гдѣ прежде спалъ дьяволъ, пододвинулъ оставшіяся деревья (дрова) къ огню, накрылся своей шубой, обшитой обложкой—и, какъ очень уставшій человѣкъ, скоро задремалъ.

Лишь только сталъ онъ засыпать, между сномъ и бдѣніемъ, слышалъ онъ надъ собою голосъ тихій и хорошій, женскій голосъ шенчущій, подобно тому, какъ на вершинѣ рѣкъ вѣтерокъ шевелить тополевыми листьями. И слышитъ: «Явный божій молодець (аи огото)! Какого Господа Бога (Аи тангара) сынъ пришелъ ты и лежишь (здѣсь)? Не лежишь-ли ты, пришедши для спасенія моей жизни? (Вотъ) пришла я, нуждающаяся (въ помощи) болѣе всѣхъ дѣвиць, мучающаяся, находящаяся въ безиримѣрномъ мученіи и величайшемъ страхѣ. Встань, разбудишь! Спаси высокую бѣлую душу! Если спрашиваешь о моемъ имени, отечествѣ, о предкахъ, кто я такая, (то знай): на сѣверѣ отсюда есть господинъ по имени

Аламай-Сандалы (ласковый-сіяющій) и госпожа Сирь-Сирибиль (свѣтящееся мѣсто)*). Тамъ родилась я, какъ среди спустившагося стада восьми собравшихся въ верху стерховъ на звонко-бѣломъ дѣвичьемъ островѣ; среди сыновей ихъ, какъ среди девяти спустившихся яловыхъ (холощенныхъ) журавлей, сдружившихся въ одно стадо. И, родившись, воспитывалась я, не показываясь Богу (небу) съ солнцемъ, не высываясь облачному Богу (небу), не видѣвши Бога съ яснымъ небомъ (неба съ ясной погодой). И жила я, называясь Свѣтящее солнце (Кюнь Туналыкса), питаюсь мозгами изъ мяса, набирая силы изъ пѣнокъ бѣлаго (молока). Сей годъ исполнится семь лѣтъ, какъ прямо съ западной стороны, изъ дьявольскаго народа, изъ улуса чертей пришелъ сильный, видный, скорый, быстрый богатырь Анъ-Джарсылы и преслѣдуетъ меня. И во все это время превращалась я во все различныя виды птицъ, улетала (отъ него), но не могла улетѣть; превращалась въ четвероногихъ, убѣгала, но не могла убѣжать; превращалась я во все разныя виды рыбъ текучихъ водъ, но не могла уплыть; вотъ широкіе мои шаги обузились, длинные шаги укоротились; наступило ему время догнать меня!»!

— Что это, какой голосъ? думаетъ онъ; посмотрѣлъ искоса и видитъ, — пришла, стоитъ (передъ нимъ) женщина безъ всякаго чернаго платья, (совершенно) краснонагая. Какая красавица! изъ виданныхъ самая лучшая, изъ слыханныхъ самая прелестная, какъ солнце, яркимъ свѣтомъ выглянувшее изъ темныхъ облаковъ.

Бѣлый Юноша. «Да что онъ за важность? Да я даже положилъ-убилъ дьявольскаго богатыря Желѣзнаго Бюгюстяя—видишь! Лучше иди, ляжемъ вмѣстѣ; посмѣемся, пошутимъ!»!

На это женщина пришла и лежала съ нимъ; прибавляя къ силѣ своей устатокъ, юноша повеселился такъ, какъ посторонніе люди веселятся съ посторонней женщиной. Послѣ этого въ животѣ у женщины такъ и началъ биться съ водою, со всеѣмъ ребенкомъ въ кулакѣ (величиною). За тѣмъ Бѣлый Юноша вдругъ уснулъ, какъ убитый.

*) Сир, «мѣсто», «страна», «земля» (Erde). Böhlingk, Jak.-deutsh. Wörterb., 168.

Долго-ли, коротко-ли (много-ли, мало-ли) прошло времени, какъ онъ разбудился. Женщины этой нигдѣ нѣтъ; лежитъ онъ совершенно одинъ.

Бѣлый Юноша. «Досада какая, друзья! Какому обману проходящаго волшебства, какому хитросплетенію ея словъ поддался я, сдѣлалъ грѣхъ и осквернился»? подумалъ (Бѣлый Юноша) и всталъ.

Одѣлся на скоро, пошелъ въ домъ къ тестю. Когда вышелъ онъ туда, посмотрѣлъ, — отъ радости, что померъ дьяволъ, весь скотъ ожилъ; почетные люди, вошедшіе въ югяхъ, ловкіе бывшіе въ хотонѣ, самые лучшіе за билирикомъ, наилучшіе вышедшіе въ лѣсъ — всѣ воротились. Радостью обрадовались приходу Бѣлаго Юноши, какъ ожившему мертвецу, какъ нашедшейся потерѣ, какъ воротившемуся ушедшему; сдѣлали большое пиршество-свадьбу; опрокидывали дойную (корову), рѣзали назадъ грудистаго, вдоль перерѣзывали толстую черевку (убивая разный скотъ), веселясь-играя правили свадьбу цѣлыхъ тридцать дней. Жили, парни сближаясь съ молодыми, мужчины вертясь съ мужчинами, дѣвицы съ красавицами, женщины разговаривая съ женщинами, разошедшіяся соединяясь, расходящіеся сходясь.

Бѣлый Юноша. «У меня тоже былъ свой домъ, свое мѣсто; кажется, мнѣ уже пора туда ѣхать».

На эти слова они снарядили свою дочь, украсили легко, очистили ловко, безукоризненно, какъ стрѣла; скроивши, какъ шерсть, обфасонили, какъ метнутую стрѣлу.

«Дѣвушка всегда бываетъ достоиніемъ иноплеменныхъ», сказали отецъ и мать. «Одѣнься — поѣзжай!»! говорятъ.

Въ самый день отъѣзда дочь, сидя между отцемъ и матерью, говоритъ, дышетъ, гласитъ, причитаетъ:

«Почтенный (старикъ), мой отецъ и мать моя, старуха! Восемь домовъ слугъ, братьевъ и родственниковъ, девять домовъ сестеръ и родственницъ, слушайте-смотрите, прямо отгадывайте, вѣрно понимайте! Не оставайтесь вы въ радости, думая, что сговорили свою

дочь за лучшаго человѣка, за отличнаго иноплеменника. Знаю, видя ночью во снѣ и знаю, ворожа днемъ: несчастіе не отходитъ отъ несчастнаго. Должно быть, поѣхавъ, я не буду знать дома, который-бы могла имѣть, и не буду знать правильной пищи; кажется, иду я на несчастіе и мученіе; но за всѣмъ тѣмъ оставайтесь. Благословите! Прощайте!»!

Такъ сказавши, поѣхала она вмѣстѣ съ мужемъ, со всѣмъ своимъ приданымъ и скотомъ. Люди, слышавшіе ея слова, думали: «что она хотѣла этимъ сказать»? и остались въ печали.

А они поѣхали, гоня скоть и нѣжась-ночуя на радостныхъ зелено-травянистыхъ мѣстахъ.

Часть II.

Сильный человѣкъ Кеньче-Беге (стройный крѣпкій).

(Кюстяхъ киси Кёнъче бёгё),

5.

Съ людьми своими и скотомъ ѣхалъ Бѣлый Юноша на свое мѣсто. Дорогой ночевавши двѣ ноци, на третью ночь, разведя огня и сваривъ ужинъ, сидѣли, пѣли, смѣялись, говорили поговорки, загадывали загадки. (Вдругъ) съ восточной стороны пришла красно-голая женщина безъ платья, захвативъ (у дерева) однолѣтняго сыночка подъ лѣвую мышку. Пришедши, ставши за огнемъ, взяла она дитя за обѣ ноги и держа его внизъ головою, простерла его къ Бѣлому Юношѣ; изъ подъ шелковыхъ восьмипрядныхъ волосъ ласкала восемью сіянїями; смотрѣла круглыми глазами—тремя прядями лучей, глядя тонко-тонко, говоря нѣжно-нѣжно, (стояла) съ неторопливой пѣсней:

«Высокоименитый, съ благороднымъ назначенїемъ Бѣлый Юноша, стой точно отгадывая, удачно вникая, видя, чувствуя слухомъ и зрѣнїемъ. Прежде я просила - умоляла тебя спасти мое бѣлое дыханіе, и ты обѣщаль спасти - помиловать меня. Тогда я говорила, что мой широкій шагъ обузился, мой длинный переходъ уко-

ротился, что насталь день моей смерти. И ты обѣщаль меня спасти и помиловать; и я, понадѣялась, повѣрила тебѣ! И вотъ въ самомъ дѣлѣ я, какъ (слабая) женщина, обезсилилась, пришла въ нужду, какъ дѣвушка, будучи здоровою разстроилась, будучи чистою ослабла, будучи дитятей утихла; вотъ достигаетъ меня преслѣдовавшій дьявольскій богатырь Ачираманъ - Чачыраманъ, настала пора ѣсть (ему меня), а потому возьми вотъ этого твоего ребенка, видимое святое (доброе) яичко, для котораго канула кровь твоего сердца, когда тѣло твое было крѣпкое, кости твои были сильныя, когда ты былъ чистъ. Пусть изъ дѣвушекъ одна я буду несчастна. Ставши сыростью земли, исчезну я; превращусь въ небесный иней. На это тамъ, гдѣ-нибудь на концѣ земли, не убивай вмѣстѣ со мною твоего ребенка на закуску воронамъ, на подорожники червямъ. На, возьми твоего ребенка, прими!» И съ этими словами она протянула къ нему руку изъ-за стола. Мужчина съ испугомъ посмотрѣлъ, со страхомъ подумалъ, схватилъ головню изъ костра, хотѣлъ ударить ее. Но женщина исчезла, давъ только пересѣчь воздухъ, ударить воду, показавъ только свою тѣнь.

Послѣ этого женщина, которую онъ везъ, и спрашиваетъ (его): «Что это такое? Какое чудо! Откуда она родомъ и племенемъ»? Мужчина отвѣчаетъ: «Я ѣду, разбогатѣвши; потому духъ (этого) мѣста, дьяволъ госпожи пади говорить должно быть для того, чтобъ просить взятки - петли, взять (жертву) изъ хвоста и гривы!»

Ночевавши тутъ, на другой день они поѣхали. Поѣхавши, прибыли на мѣсто (другой) ночевки; натащивши много сухаго лѣса, натащили (развели) девятипоясный огонь, достигающій пламенемъ до неба. Сваливши семь большихъ лѣсинъ, нарубили пышныя вѣтви, сдѣлали палку, на которой вѣшаютъ варить котлы; сидѣли. Вдругъ съ восточной стороны остановилось за огнемъ, ведя лѣвою рукою трехлѣтняго мальчика, вчерашняя женщина въ свѣтящемся солнечнаго отлива платьѣ безъ тѣни, съ небесными лучами неотгадываемаго распоряженія, на видъ лучшая изъ виданныхъ, кажется самая

превосходная изъ слыханныхъ, имѣющая чрезмѣрно добрую совѣсть, съ чуднымъ станомъ, съ блестящимъ серебрянымъ челомъ, съ лучистыми серебряными висками, съ нѣжно серебрястыми щечками, съ завистливыми глазами; смотрѣла черными бровями; изъ подъ губъ, подобныхъ пуговицамъ, блестѣли зубы, свѣтили свѣтящіяся не крошащіяся золотыя скулы.

Послѣ вчерашняго она была сердита, сильно раздосадована; пришла, нѣла, говорила:

«Господинъ девяти улусовъ, отецъ восьми улусовъ, князь людей, лучшій человѣкъ, Бѣлый Юноша! Слушай и разумѣй! Сначала ты хотѣлъ спасти мою бѣлую жизнь, хотѣлъ заступиться за мое голубое дыханіе; какъ женщина, я повѣрила тебѣ. И вотъ, повѣривши и понадѣявшись, изъ одного (человѣка) стала двумя; изъ одной одинокой стала съ дитятей. «Птенецъ ворона—воронъ, орлиный птенецъ—орелъ». Я говорила тебѣ, чтобы ты взялъ къ себѣ своего ребенка, а ты не взялъ его (по-человѣчески)... А ты (молодая жена), идущая съ лучшимъ изъ иноплеменныхъ, думая о себѣ: «стала я счастливѣйшей изъ дѣвушекъ» (слушай)! сначала когда мы родились у отца и матери на своемъ мѣстѣ, когда возростали мы, я была старше тебя, а ты младше. Я знаю тебя. Отъ тебя не родится ребенокъ со слизкимъ тѣломъ, похожій на человѣка. Этотъ ребенокъ спасетъ тебя въ день смерти. Когда оставятъ тебя (другіе), онъ тебя пожалѣетъ. Взявши его, не обижай пицей, не обдѣлай одеждой, воспитай заботливо - почтительно. Онъ не виноватъ въ томъ, что зачался и родился. И я не виновата, что повѣрила словамъ лучшаго человѣка, говорившаго, что онъ спасетъ и помилуетъ меня. Не виновата и въ томъ, что поглянулъ мнѣ лучшій человѣкъ, что съ радостью я послушала его обѣщанія. Да и онъ, лучшій человѣкъ, не виноватъ въ томъ, что—когда я походила на человѣка, когда у меня была дѣйствительно человѣческая кровь, когда я была ровней съ людьми, когда меня несчастіе не убilo, когда мученье-несчастье не пригнуло меня (не стянуло къ низу, какъ

шею лошади) — онъ по привычкѣ мужчинъ, по игривости юношей, шутилъ-смѣялся и обманулъ меня! Возьмите этого своего ребенка!» И оттолкнувъ его отъ себя, поворотилась, чтобы идти.

На это Бѣлый Юноша вскочилъ и схватилъ эту женщину. «Ой, мой другъ! Постой, что ты? Ты сама убѣждала первая. Думая, что ты будешь хозяйкою моего основнаго дома, караульщицей моего почтеннаго дома, разсудительнымъ другомъ моего господина дома, ровнею мнѣ, равною мнѣ, я считалъ, что сказанныя мною слова неоспоримо правильны, что надуманная мною мысль безошибочно вѣрна; такъ я думалъ. Ты сама отъ меня убѣждала. И я, минуя предѣлы гнѣва, боялся тебя; мысли мои развязались, оттого что ты мнѣ не кажешься. Неходи ты, остановись! А эта (женщина) изъ другаго мѣста; ты думаешь, что я, выбравши - любя, веду женщину женою, равнымъ другомъ. Нѣтъ, я только такъ, чтобы не пропали даромъ труды моей поѣздки; за усталость пути, за досаду на то, что ѣздилъ; (вѣдь) дорога съ девятью холмами, да и расходно; жалко мнѣ этихъ расходовъ, а люди мнѣ нужны; такъ думая, что люди и скотъ не останутся безъ пользы, веду я ее только, какъ родственницу, бѣло какъ молоко, свѣтло-чисто, только спутницей. Иди сюда, постой - осмотри!» И сказавъ это, привелъ онъ ее, посадилъ на свою пышную постелю на толстыхъ хвояхъ. И такъ признавши дитя своимъ ребенкомъ, женщину своей настоящей женою, ночуя такимъ образомъ на ночевкѣ, путешествуя такимъ образомъ днемъ, они шли - ѣхали, смѣясь и играя.

6.

Когда они ѣхали такимъ образомъ, ребенокъ ихъ росъ (такъ) быстро, какъ сырой тальникъ; бедра его стали, какъ чурки большой лѣсины, плечевые мускулы, какъ части отрѣзанныя отъ богатой лѣсины; выросъ, пополнѣлъ онъ гораздо лучше (всѣхъ). И какая бы ни была сильная лошадь, не поднимала его; какой бы ни былъ быкъ, не могъ поднять его на спинѣ; сталъ сильнымъ, стремительнымъ, верткимъ-ловкимъ чловѣкомъ. Сзади всѣхъ этихъ

ѣхавшихъ людей по мѣсту, гдѣ проходили скоть и люди Бѣлаго Юноши, сглаживая лѣсъ и траву, превращая мѣсто ихъ въ рѣчную промоину, шелъ онъ одинъ пѣшкомъ съ двумя тростками изъ крѣпкаго дерева.

Люди шедшіе впереди, рассчитывая, гдѣ ночуетъ сзади идущее ихъ дитя, исправляли мѣсто ночлега; приготовляли и пищу, и одѣяло для покрыши и взбивали постели для спанья. А онъ тутъ ночуетъ и оставляетъ (на мѣстѣ) все: и постелю, и посуду, и все. Такіе они были богатые люди.

Однажды передніе люди, пріѣхавши, справивши себѣ огонь, наѣвшись, лежали, спали. На ночевкѣ утромъ, когда безсонные разбудились, думая, что пора вставать, а засони спали еще самымъ сладкимъ сномъ, когда небо только что начинало свѣтать, Бѣлый сынъ разбудился и видитъ, что жена его Лучезарное солнце (Кюнь Кёгяльджинь), вставши со слезами и плачемъ, подкладываетъ ожикомъ*) въ огонь обгорѣвшія деревья. «Что это стало съ моей женой»? подумалъ онъ и какъ бы въ испугѣ сѣлъ на постель. Опершись на ожикъ, жена пришла къ мужу. И, подошедши, говоритъ, причитаетъ, рыдаетъ и голоситъ: «Другъ мой, господинъ мужъ, старикъ мой! Уши, которыми ты слышишь, заткнулись; зрячіе глаза, какъ яркія звѣзды, закрылись; мысль твоя смѣшалась; память твоя развязалась; голова твоя сошла съ ума. Ахъ, хоть и спать - то, такъ какъ (долго), разнѣживаясь и гордясь, ты лежишь. Вездѣ-то меня несчастную находятъ несчастье, мучающуюся вездѣ настигаетъ мученіе; девять лѣтъ преслѣдовалъ меня дьявольскій богатырь Ачараманъ - Чачарыэманъ и сегодня насталь ему день достичь меня. Какимъ планомъ-удачей, какимъ колдовствомъ-шаманствомъ, чѣмъ, какимъ средствомъ ты думаешь убѣжать отъ этого? Слушай, что я тебѣ посоветую. Когда я была маленькой, умѣла я многое превращать въ малое, большое въ маленькое, существующее дѣлать ничѣмъ, ничто превращать во что-нибудь; имѣла я такое умѣніе и хитрость. По этому ты поѣдешь совершенно одинъ съ лошадыю,

*) Палка, которою мѣшаютъ угли въ костръ.

какъ (холостой) мущина, только плеть будешь держать въ рукѣ. И когда ты будешь такъ ѣхать, дьявольскій богатырь Ачараманъ-Чачарыэманъ, повстрѣчавши тебя, обрадуется, что достигъ-нашелъ свою жену; и возьметъ тебя, увяжетъ крѣпко въ свою восьмикопыльную желѣзную нарту, желѣзнымъ плетенымъ семисаженнымъ лысовымъ ремнемъ; и поѣдетъ дальше. Дорогой, если (только) ты будешь имѣть возможность дышать или сказать что-нибудь, ты скажешь, проговоришь слово: «Господинъ дѣдушка, что съ тобой»? скажи. «На свое тѣло повернулся, на своего родственника возсталъ, обратился на свою кровь, что-ли»? скажи. Скажи: «Развѣ я не такой-же мущина съ пальмой и колчаномъ, какъ и ты? Еще съ самаго начала, когда ты выходилъ на среднее мѣсто пѣть пѣсню, импровизовать шаманскій напѣвъ, уйти, укравши отголосокъ (эхо) у лучшихъ иноплеменниковъ, говоря: «съ какою игрою, смѣхомъ и веселіемъ буду ходить я у лучшихъ иноплеменниковъ»? живя цѣлыхъ три года у Желѣзной Звонкой шаманки (Тимирь Чонжурдан удаган), у старшей дочери Донъ-Арбаллин'а*) шамана, чтобы выучиться (пѣть), посмѣявшись съ нею, поигравъ, полюбившись съ нею, ты вышелъ! Отъ нея родилась дочь и родившись вышла замужъ за господина Серебрянаго-шарообразнаго (Кёмюсь Мекёнюкянь тоён), что съ вольнымъ житьемъ, дорогимъ солнцемъ. Отъ него-то вотъ я (сынъ) и родился. Я еще долженъ быть тебѣ родственникомъ — внукомъ. И его-ли ты везешь, принимая за свою жену? Какой стыдъ и срамъ, грѣхъ и чернота!» скажи. Отпустить онъ тебя на это или нѣтъ (не знаю)».

Услыхавъ это, Бѣлый Юноша и говорить: «Э, тотъ дьяволъ Ачараманъ-Чачыраманъ что за важность? я вѣдь убилъ даже дьявольскаго богатыря Джеганійбять Желѣзнаго Бюкюстяя. А что за важность этотъ Ачараманъ-Чачыраманъ»?!

Услыхавши это, женщина изъ обоихъ глазъ обтерла слезы нѣжными серебряными руками. «Фу! Послушать-бы человѣку, какую

*) Въ якутскомъ текстѣ: тогус бастах Дуон Арбаллин; въ переводѣ тогус бастах «девятиголовый» опущено.

онъ сказалъ глупость и какъ схвастнулъ! Развѣ тотъ дьяволъ, чтобы убить тебя, не обнизилъ высокое небо, не помрачилъ ласковое солнце? И ты, будучи до этого благодѣтелемъ людямъ, велѣлъ его, кажется, убить лучшему изъ дьявольскихъ богатырей. Самъ чуть не померъ прежде, чѣмъ убить. А если этотъ богатырь (Ачираманъ-Чачыраманъ) ѣдетъ за полемъ, то желѣзный Бюкюстай, не вынося силы (стремительности) его воздуха, падалъ, какъ русскій платокъ. Вотъ какой это чортъ сильный - стремительный дьяволъ, а съ какою силою ты хочешь выдержать съ нимъ бой? — Сказавши это, чернѣй и бѣлѣй скоть и все собрала въ одно мѣсто. Кричитъ якутскимъ шаманскимъ крикомъ джалысыяръ*), причитаетъ - заговариваетъ какъ-то по-дьявольски; какъ будто плюнула на бѣлѣй и чернѣй скоть и они какъ будто исчезали; сама она съ людьми и со скотомъ, превращаясь-превращаясь, уменьшаясь-уменьшаясь, впиваясь-высыхая, впиваясь-теряясь, какъ будто повертѣлась на землѣ и, сдѣлавшись серебрянымъ кольцомъ, очутилась на безъимянномъ пальцѣ лѣвой руки своего мужа.

Послѣ этого Бѣлѣй Юноша сѣлъ на свою лошадь; поѣхалъ такъ, какъ говорила жена. Долго-ли, коротко-ли ѣхавши, выѣхалъ онъ на одно довольно широкое болотистое поле. Въѣхавши, ѣдетъ онъ и видитъ съ западной стороны страшнаго черно-пѣгаго жеребца съ четверугольными изъ прозрачнаго камня ушами, въ три сажени вышины, въ семь сажень ширины, изъ которыхъ огонь пышетъ; запрегъ (дьяволъ) задомъ напередъ въ восьмикопыльную желѣзную нарту и привязалъ вверхъ ногами; съ верхняго конца шерсти (этого жеребца) сыплются огненные искры, какъ отъ крѣпкаго желѣза лучшаго кузнеца. Посмотрѣлъ онъ дальше; съ пѣсней, съ импровизаціей ѣхалъ, баламутя все небо, дьяволъ, крупный, толстый, здоровенный, большеносый (съ желвакомъ на носу), глаза, какъ крученныя желѣзные кольца лошадиныхъ удилъ, ручные мускулы, какъ толстыя отрубки богатой лѣсины, съ бедрами, какъ средніе отрубки

*) Саха киэили джалысыярга дили гынар.

большой толстой лѣсины. Тутъ Бѣлый Юноша, немного понятившись, ѣдетъ и слушаетъ; ѣдетъ онъ (дьяволъ), беспорядочно безъ цѣли поетъ, отвратительно напѣваетъ крупно-крупно безъ тѣни:

«Ахъ, ребята! Какая досада! Эдакая ничтожная съ головой на половину бѣлой, бѣлокожая, съ веселой пріятной наружностью, испражняющаяся въ присядку, блѣдно-бѣлая, вонючая распутница; и ея то хитрости-мудрости я не достигъ, очевидно не догналъ. Сегодня исполнилось девять лѣтъ, какъ я гнался, преслѣдовалъ ея широкій шагъ, ея длинный переходъ. И скажу-ли, ребята? Во все это время, мучая меня, обманывая, проводя, превращаясь, уходя, иной разъ какимъ-нибудь лучшимъ мужчиной съ колчаномъ и мечемъ лежить, любезничая съ женщиной. И какого-же это лучшаго мужчину съ колчаномъ и мечемъ назвавши своей женой, взявши, буду возить, что-ли? Въ другой разъ, сдѣлавшись лучшимъ жеребцомъ лучшихъ жителей, ржетъ на кобылъ. Какого-же это лучшаго жеребца буду я называть своей женой и водить? Какое мученье!.... Иной разъ загоняетъ коровъ самымъ лучшимъ быкомъ какого-нибудь богатаго жителя. То какого-же это быка я буду водить, называя своею женою? Какое наказанье! Въ другой разъ превращается птицей, представляя всѣхъ сколько ихъ ни есть породъ, отъ Ёксюку до пташекъ-чечетокъ. И какихъ же это разныхъ птицъ я буду ловить по одиночкѣ, принимая за жену? Несчастіе мое! Кромѣ того ходитъ, превращаясь всѣми звѣрями, передразнивая всѣхъ отъ большого сохатаго до маленькой каменной мыши (чингырыкан), то какого-же сохатаго или какую это мышъ буду имать-собирать, называя своею женою? Огорченіе мое! Сверхъ того, въ другой разъ юрко плаваетъ, превратившись волнующею водный міръ слизкою рыбой, съ красными крылами, свѣтлой головой, съ плоскимъ хвостомъ всѣхъ породъ отъ самой крупной до самой мелкой, то какую-же самую мелкую рыбку, рыбнаго червячка, ушедшаго въ разныхъ видахъ въ разныя стороны, гдѣ-нибудь между плавникомъ и травой, назову своею женой и буду водить по водѣ или буду возить, положивши въ посуду съ

водой? Несчастіе мое, несчастіе! Выходя впервые на среднее мѣсто изъ шумнаго дьявольскаго мѣста пѣть пѣсню — думалъ-ли я, что будетъ меня водить обманами запахъ женской мочи, ящерица - земляной червь (соллонго тыймыт)? Народъ преисподней встрѣтитъ меня съ громкимъ сквернымъ смѣхомъ, срамя меня; чѣмъ мнѣ идти на ихъ смѣхъ, на ихъ зубоскальство, лучше сдѣлаюсь червемъ-гадомъ и буду ходить, пересчитывая лѣсъ и траву на среднемъ мѣстѣ... Охъ-охъ! Что это, что это? (О! тотат! О, бабат! суйбун сайбын). Думалъ, что совсѣмъ выпустилъ изъ рукъ, не достигъ-ли я? Наконецъ-то достигъ я мое солнышко, мою пташечку! Наконецъ-то! Это-то однако называютъ встрѣчей въ узкомъ, препятственномъ мѣстѣ, на (самомъ) спаѣ земли-мѣста. Эхай! Радость моя скачетъ, ребята! Вытянутая шея поворачивается, счастье мое — счастье: наконецъ-то нашелъ, достигъ однако»!...

Сказавши это, притянулъ къ себѣ Бѣлаго Юношу тридцатипудовымъ назадъ зубристымъ желѣзнымъ кнутомъ и, бросивши къ себѣ на нарту, притапывая ногою и упирая колѣномъ, увязалъ его и поѣхалъ дальше. Дорогой Бѣлый Юноша спѣлъ ему все, какъ учила жена.

«Эй, вотъ чудно, другъ!... И въ самомъ дѣлѣ! Стыдъ мой, стыдъ! Вотъ и разнесется теперь на восемь улусовъ дьяволовъ, на девять улусовъ людей, что я внука своего дитя поймалъ и возилъ вмѣсто жены. Ты не рассказывай впередъ этого никому! И я ужь никому не скажу. Пусть каменный богъ посмотреть меня вверхъ ногами, пусть деревянный богъ посмотреть меня насквозь, пусть меня понижетъ (распоретъ) взоромъ темногрязное солнце; пусть каменный богъ посмотреть меня насквозь; пусть разломанный мѣсяцъ, какъ половина расколотаго хамыяха, сдѣлаетъ (такъ), чтобъ кожа на моемъ тѣлѣ вздулась и сошла пузырями! Пока не изломались руки и ноги, пока знаю солнце и Бога, никому ни скажу, что встрѣтилъ тебя! Ужь пусть лучше вырвутъ у меня языкъ и нижнюю челюсть и бросятъ. А ты, братъ, ужь не сказывай!» Съ этими

словами (дьяволъ) развязалъ Бѣлаго Юношу, отпустилъ. Поговоривши, они прощались-попрощались и разъѣхались. Дьяволъ поѣхалъ на востокъ, а человекъ на западъ. Отъѣхавши отъ него, человекъ снялъ кольцо и бросилъ; развернулись черный и бѣлый скотъ; люди съ пѣснями, со смѣхомъ, съ играми пошли-поѣхали далѣе, гоня скотъ.

2.

Дьяволъ, разъѣхавшись съ божьимъ человекомъ, встрѣтилъ ребенка, идущаго пѣшкомъ съ двумя посохами изъ крѣпкаго дерева. Пришелъ къ нему пѣшій ребенокъ и схватилъ его лошадь за голову. На это дьяволъ: «Постой, отойди туда! Что ты за сынъ небесныхъ утесовъ? Посторонись! Идешь еще пѣшкомъ, самъ меньше пташки, пѣжибе чечетки. Постой! пусть твое бедренное мясо пополнѣетъ, пусть спина твоя дойдетъ! пусть кости твои сдѣлаются крѣпче, пусть вытянутся твои жилы! тогда, разумѣется, будешь моимъ. Чьимъ же будешь? А теперь бросишь тебя въ горло, такъ не замѣтишь; съѣсть (дьяволъ) человекъ, такъ не насытитесь; скушаетъ, такъ будетъ голоденъ. Отойди, отойди!» сказалъ.

Отвѣчаетъ (ему) человекъ: «А ты встрѣтилъ моего отца и мать; что ты сдѣлалъ съ моими родителями?»

— Нѣтъ, не встрѣчалъ, говоритъ, я ни одного двигающагося, ни одного живаго человека съ лицомъ напередъ, съ дыханіемъ, какъ водяная волна.— «Нѣтъ, ужь ты должно быть тутъ встрѣтилъ! Какъ не встрѣтишь? Скажи!»— Ни какъ не встрѣчалъ!— «Однако ты съѣлъ ихъ да отпираешься? Какъ не встрѣтишь? Ужѳ, ужѳ! Вотъ я выворочу тебѣ животъ, найду вѣдь!» Говоритъ божій человекъ дьяволу, и стащилъ его съ нарты; взявши за воротъ, свалилъ на землю и наступилъ на него. Сталъ бить его своими посохами-палками до тѣхъ поръ, что показались его спинныя жилы, приговаривая: «Отца и мать видѣлъ, что ты съ ними сдѣлалъ»? На то дьяволъ: «не встрѣчалъ да не встрѣчалъ!» говоритъ.— «Больно!» Потомъ онъ выкололъ дьяволу оба глаза. «Отца и мать встрѣтилъ ты»? говоритъ. Дьяволъ, будучи поклянувшимся человекомъ: «не встрѣчалъ

да не встрѣчалъ», говорить. «Убьешь и тутъ не скажу, что встрѣтилъ». Тутъ переломилъ онъ ему обѣ руки. «Встрѣтилъ-ли ты отца и мать»? Дьяволъ, будучи поклянувшимся человѣкомъ, одно твердить: «Не встрѣчалъ да не встрѣчалъ. Убьешь и тутъ не скажу, что встрѣтилъ»! Тутъ переломилъ онъ ему обѣ ноги. «Ты встрѣтилъ моего отца и мать»? Дьяволъ, будучи поклянувшимся человѣкомъ, говорить: «Не встрѣчалъ да не встрѣчалъ. Убьешь и тутъ не скажу, что встрѣтилъ»! Тутъ онъ свернулъ дьяволу голову, вырвалъ нижнюю челюсть съ языкомъ, бросилъ. Потомъ, бросивъ его на желѣзную нарту, крѣпко привязалъ, поворотилъ лошадь на западъ и прогналъ (ее въ эту сторону). Только нарта застучала; рысью побѣжала лошадь.

Послѣ этого дьяволъ, умершій дьяволомъ, отправился на западъ, а божій человѣкъ пошелъ по дорогѣ родителей.

Когда переднимъ идущимъ людямъ оставалось доѣхать до дому три ночи, сидѣли (они) на почевкѣ. Когда они тутъ сидѣли, вдругъ на встрѣчу имъ прилетѣла бѣлымъ стерхомъ остававшаяся дома сестра Бѣлаго Юноши. И, прилетѣвши, сѣла на колѣни къ брату и сѣвши вздохнула, не сказавши еще ничего; съ западной стороны прилетѣлъ сухоногій скороходъ Кытыграсъ-Бараччи, превратившись чернымъ ворономъ съ трехграннымъ клювомъ. И прилетѣвши вдругъ, какъ тѣнь, предсталъ передъ Бѣлымъ Юношей трехграннымъ желѣзнымъ человѣкомъ.

«Ахъ, дружище! Ахъ, господинъ мой! Пошелъ было я посмотреть, каково-то стоитъ твой домъ, огонь - мѣсто, люди и скоть, но твоя младшая сестра бѣжала отъ меня и полетѣла не вѣсть куда. Полетѣлъ я за нею, чтобы поймать ее, воротить и посадить на старое мѣсто, чтобы она не пропала гдѣ-нибудь тамъ на краю земли; а вотъ она къ тебѣ прилетѣла. Если-бы потерялась она совсемъ, съ костями, самой ея не было-бы, то другъ мой, пришедши, подумаетъ: какіе молодцы, какіе дьявольскіе обманы, какія превра-

щенія пришли и увезли ее, мое дитя? Поэтому и леталъ я за нею. А она, какъ женщина, думаетъ, что я ее съѣсть хочу; ну и летаетъ».... (Пауза).... «Когда, разбогатѣвши, ты думалъ воротиться на свое мѣсто, то хотѣлъ подумать о платѣ, (слѣдующей) мнѣ», говоритъ.

Отвѣчаетъ на это Бѣлый Юноша: «Ужъ если я хотѣлъ дать тебѣ заработную плату, то какъ не устою въ своемъ словѣ? я привезъ тебѣ награжденіе. Есть.» И даетъ онъ ему ту женщину, которую онъ въ первый разъ спасъ отъ дьявола. «Вотъ тебѣ мои гостинцы, плата. Отнынѣ ты отъ дьяволовъ отстань; будь человекомъ; въ люди выйди (человѣкомъ будь)»!

Женщина сказала на это: «Ахъ, ребята! несчастіе не отходить отъ несчастной, мученье не отходить отъ мучащейся! Чѣмъ мнѣ выходить за него, лучше я опять утоплюсь въ омутѣ обширныхъ водъ. Не ужели меня не подыметъ отборный лѣсъ темнаго бора (т. е. развѣ я не могу повѣситься)? Не ужели не превозможетъ голубое остроконцее оружье средняго мѣста»? И (съ этими словами) мелькнула на восточную сторону бѣлымъ снѣгиремъ (маган тулук) *).

— Э, другъ! Кажется справедлива, ребята, пословица, прибавленіе къ рѣчамъ, что у эдакой маленькой женщины - человѣка мысль короче волоса. Вѣроятно она думаетъ про меня, что я не въ состояніи прокормить одну женщину или буду морозить ея плечи (т. е. буду не въ состояніи ее одѣть). И ушла она бѣдная. Однакожь я ее достигну. А тебѣ за плату спасибо»! — сказалъ голосъ (Кытыгрась-Бараччи). И онъ исчезъ, какъ тѣнь, превратившись въ чернаго ворона съ трехграннымъ клювомъ. И послѣ того, какъ мелькнула тѣнь между небомъ и землей, звонко закричалъ женскій голосъ; значить, онъ поймалъ ее.

*) У Бѣтлингга (109) тулук *Emberiza nivalis*, которую въ Сибири зовутъ снѣгиремъ.

Когда Бѣлый Юноша пріѣхалъ на свое мѣсто, домой, лѣсъ его и трава росли отлично, мѣсто его украсилось превосходно, коровы и кобылы его сильно расплодились.

8.

Сынъ ихъ, шедшій позади съ посохами изъ крѣпкаго дерева, пришедши на восточный край отцовскаго мѣста, (говоритъ): «Они не нянчали меня—своего дитятю такъ, какъ нянчатъ дѣтей другіе (родители), имѣющіе дѣтей; они не оказывали мнѣ почета, какъ отецъ и мать почитаютъ рожденнаго ими». И, сказавши это, сердится онъ на родителей. «Они ни разу не кормили меня своимъ теплымъ горшкомъ, ни разу не клали спать въ своей теплой пазухѣ, ни разу не разговаривали со мною ласковымъ словомъ. Пусть же лучше, вмѣсто этого, я буду человѣкомъ не зачатымъ отъ отца, не родившимся отъ матери. Буду лучше человѣкомъ, не пользовавшимся наслѣдствомъ отца и матери». И по краю восточнаго поля, не входя въ него, пошелъ на югъ по подножію восточнаго камня. Поронявъ, раскрошивъ ногами лѣсъ и горы (камни), стлалъ ихъ по землѣ все равно, что мелкій тальникъ.

Долго-ли, коротко-ли шелъ онъ по горѣ (камню), пришелъ на одну площадь, состоявшую изъ четырехъ каменныхъ мысовъ; стояла тамъ желѣзная стоячая (съ вертикальными стѣнами) юрта, какъ опрокинутое лицо бѣлобока утки. Вошелъ онъ сюда, въ эту желѣзную стоячую юрту; жила тутъ младшая сестра его матери, тетка ему, Бѣлая Юкяйдянь - красавица. «Ба, парень! Какъ ты сюда пришелъ?» сказала хозяйка.

— А не пришедши, что-бы я сдѣлалъ? Случайно я пришелъ сюда, осердившись на отца и мать. А ты, говоритъ, какъ сюда пришла и, прибывши, каково живешь домомъ?— «Ну, а какъ-же. Твой отецъ, кажется, отдалъ меня за Кытыграсъ-Бараччи, именуемаго полудьявола, получеловѣка!»— Ну, а пришедши, каково поживаешь? твой мужъ полудьяволъ, получеловѣкъ какъ тебя содержитъ?

— «А нѣтъ, ничего; мой старикъ на дьявола слишкомъ не похожъ, не такъ худой человѣкъ. Относительно пищи, голодомъ не морить. (Что касается) платья, не мерзну. Самую меня любить, да и я его, признаться сказать, не ненавижу. Все равно: хорошо живемъ. Да вотъ изъ дому онъ давно ушелъ; жду, не дождусь. Говорилъ, что будетъ черезъ десять дней, а вотъ ужъ цѣлыхъ тридцать ночей. Что такое съ нимъ сдѣлалось?»

И, сказавши это, женщина сходила, принесла пищу, приготовила ему кушанья и накормила его.

Когда они такъ сидѣли (жили), черезъ нѣкоторое время поднялся страшный ни на что не похожій крикъ и свистъ. Вышли они, стали слушать это, смотрѣть. Когда они такъ стояли, съ западной стороны прибѣжалъ (прилетѣлъ) (Кытыграсъ-Бараччи), вспотѣвшій, разстроенный, съ крикомъ, съ ревомъ, дыша огнемъ. Въ этомъ разстройствѣ и гнѣвѣ вдругъ заоралъ на человѣка: «Ты что за четвероглазая, вымазанная черная собака, обманщикъ-мошенникъ, живешь въ моемъ домѣ»? И напалъ на этого (человѣка). — Фу, товарищъ! говорить (другой). Какой нахальный! Смотритъ вмѣсто глазъ шей; что за горячій, вспыльчивый, дерзкій чертъ!

Подъ руку ему руку поставилъ, подъ ногу ему ногу поставилъ и, взявшись вѣроть за вѣроть, стали биться, толкаться, драться. Хотѣла тутъ женщина разнимать ихъ, просить. Но только отъ шума ихъ, отъ вѣтра ихъ отлетала метлякомъ*) далеко, какъ русское платье. «Что съ вами? постойте, осмотритесь! Да что вы, что вы? Развѣ вы не родственники? Грѣхъ и стыдъ! Остановитесь, не сходите съ ума. Фу! стойте!» — Ба, да и правда! сказали они и стали смотрѣть другъ на друга лицомъ въ лицо. «Что мы сдѣлали, что съ нами!» — И, взявшись за руки, пошли; плюнувши другъ другу въ руки, погладили ушибленные тѣла и кожу; исцѣлились тутъ прорванные, оторванные, окровавленные мѣста. Послѣ этого Кытыграсъ-Бараччи и говорить: «Ба! я подумалъ, что посто-

*) Метлякъ, сибирское «мотылекъ».

ронній человекъ взялъ мой огонь да живетъ, разсердился и потому такъ поступилъ!»! Божій человекъ говоритъ: «Ба! я подумалъ, что за дьяволъ, съѣвшій моего зятя, страшный чортъ хочетъ хозяйничать домою. По этому и дрался. Ну, да что? Вѣдь все это было по ошибкѣ. Помиримся, такъ будемъ жить хорошо».

Помирившись, наѣвшись-напившись Кытыгрась-Бараччи и говоритъ: «Корень-то, главную-то причину, что я пришелъ въ сердцѣ и досадѣ, расскажу тебѣ. Ты мой другъ, самъ своей головой съ ума сошелъ, мыслью своею спутался, и, будучи съ умомъ, сдѣлалъ постыдныя дѣла, научился срамнымъ поступкамъ, сдѣлалъ такой грѣхъ: дьявольскому богатырю Ачараманъ-Чачыраману выколлъ оба глаза, переломилъ обѣ руки, надломилъ обѣ ноги, свернулъ голову, сорвалъ челюсть съ языкомъ, только тушу-спину его положилъ-привязалъ на нарту и лошадь его отпустилъ. Эта лошадь съ нартою психодила всѣ восемь дьявольскихъ улусовъ; и мать этого дьявола Желѣзная Лыпычыэха-старуха сильно на тебя разсердилась - раздосадовалась, взяла съ собою сто двадцать вьющихся хитростей, взяла съ собою восемьдесятъ восемь разныхъ волшебныхъ поганыхъ мошенничествъ, и своимъ семисаженнымъ желѣзнымъ огненнымъ языкомъ съ травою и лѣсомъ сожигаетъ все мѣсто въ полтора переѣзда (длиною), брызжетъ-сыплетъ разными земляными червями-гадами, идетъ на твоё имя, ищетъ тебя, разыскиваетъ, спрашиваетъ о тебѣ. И я замѣшкался такъ долго, убивая этихъ ея гадовъ, гася ея огонь. Ну, какъ ты объ этомъ думаешь»? И подумавши, сказали (они): «Вѣдь въ самомъ дѣлѣ мы зачались отъ высокаго отца, показались отъ важной госпожи матери; по этому пойдемъ къ господину-отцу, госпожѣ матери; они старые люди. Послушаемъ ихъ совѣтовъ!»! И пошли они туда втроемъ, семейство Бѣлаго Юноши.

Отправившись къ отцовскому дому, пришли на надворье во время восхода солнца; сынъ сталъ (тутъ на надворьѣ), прислонившись къ главной коновязи (столбу); своякъ Кытыгрась-Бараччи съ

женою запрятались за лѣвую сторону сѣней. Когда они такъ стояли, отецъ ихъ Бѣлый Юноша вышелъ, увидѣлъ своего сына, влетѣлъ назадъ въ сѣни и, взявъ, схвативъ свой блестящій, какъ кость, лукъ, поспѣшно сталъ натягивать его, направивши на сына. На это Кытыграсъ-Бараччи съ лѣвой стороны сказалъ: «Что съ тобою, господинъ старецъ? остановись, осмотрись. Развѣ ты хочешь, обращаясь на свое тѣло и кровь, убить свое родимое дитяtko? вмѣсто какого рѣдкаго звѣря ты хочешь промыслять (убить) своего сына? Мы пришли къ тебѣ съ перемѣнившейся душою, уstraшенные, убоившіеся, опечалившіеся, упавшіе духомъ; лучше ты направь насъ на путь, гдѣ бы мы не померли; укажи (разъясни) намъ ту сторону, гдѣ мы можемъ въ люди выйдти. Сынъ твой шелъ сзади тебя, сломалъ руки-ноги встрѣтившему тебя дьяволу, выкололъ глаза, бросилъ на нарту одну пустую тушу (спину), отпустилъ, угналъ лошадь. А эта лошадь исходила всѣ дьявольскія мѣста; и мать дьявола Желѣзная Лыпычеха старуха идетъ на имя этого твоего ребенка, преслѣдуя его, въ злобѣ на него. И не преодолѣть ее ни человѣческой, ни воинской силѣ. А скорость ея (такая), что и крылатая птица отъ нея не уйдетъ. Почтенный старикъ, посоветуй: какимъ средствомъ, какой мыслию мы избавимся отъ этого?»

Отвѣчаетъ (ему) Бѣлый Юноша: «Ахъ, что это за бѣда! Войду я къ старухѣ, пусть рѣшитъ ея совѣтъ» (т. е. пусть будетъ по ея совѣту).—Когда вошелъ онъ къ старухѣ, она и говоритъ: «Вѣдь онъ рожденъ нами; дай ему свою верховую лошадь изъ бѣлаго и чернаго скота; пусть онъ поѣдетъ на ней!» Вышелъ Бѣлый Юноша и говоритъ: «Есть моя лошадь; поѣзжай на ней; и встрѣть ее самое (Желѣзную старуху) лично тамъ, гдѣ небо сходится съ землей! Она-ли ужъ тамъ съ тобой расправится, или ужъ ты съ ней распорядишься; только пусть оттуда воротится, пусть только сюда не приходитъ, пусть дойдетъ до своего врага и съ нимъ встрѣтится. Пусть не приходитъ ко мнѣ, не протягиваетъ руку на мое длинное добро, не растягиваетъ на мое широкое богат-

ство. Пусть она не приходитъ въ мой домъ, въ черту моей землѣмѣста, въ мое достояніе».

Услыхавши это, дитя его сильно сердится: «Люди, которые могли назначить, назначили; люди, которые могли указать, указали; люди, которые могли послать, послали; да и до этого я не ѣлъ у васъ теплаго кушанья; не спалъ еще въ тепломъ домѣ на мягкой постелѣ. Хорошо, я (вотъ) отправляюсь. Я отъ тебя родился, отецъ. Такъ ты дай мнѣ изъ твоихъ луковъ лукъ и стрѣлу»!—На это отецъ вынесъ, отдалъ ему лукъ и стрѣлу.

Не прости, не здорово-взявши ихъ, протянулъ руку къ полю и закричалъ голосомъ, которымъ призываютъ конный скоть; выбѣжала къ нему взнузданная, осѣдланная лошадь. Подпоясался онъ лукомъ и стрѣлой, вскочилъ лошади на широкую спину, на круглый крестецъ, на высокій загривокъ и какъ-будто прилипъ подъ черной гривой. Послѣ этого уѣхалъ скорой рысью на югъ.

9.

Долго-ли, коротко-ли онъ скакалъ, съ пылью взѣхалъ вдругъ на высокую почтенную гору. Когда доѣхалъ онъ на мѣсто, гдѣ сходятся небо и земля, гдѣ предѣлъ «святой» (человѣческой) земли (аи сир) и дьявольской, на той сторонѣ за полтора переѣзда идетъ съ шумомъ смертный огонь, взвиваясь со свистомъ; за пятнадцать верстъ ползутъ земляные гады, разные черви, совершенно одолѣвши землю. И доѣхавши сюда, привязавъ свою лошадь къ сломанной (тупоконцей) ели со снѣгомъ на вѣтвяхъ. И потомъ стоитъ, смотреть, поеть, говорить: «Возросъ для меня смертный, высокій (высокосный несчастный) годъ. Насталъ день, въ который я остаюсь, теряясь. Если я имѣю поддержку отъ девяти господъ святыхъ (боговъ) (тугусъ тоён аи), то заужжи темный боръ вѣтромъ, какъ крыло дятла, саврасыя облака, остановившись на неостанавливаемомъ небѣ, разсыпьте градомъ. Задуй (внезапно) свистящій вѣтеръ, подобно тому, какъ ястребъ, опустивъ свои крылья, падаетъ на землю. Туманные красныя облака, всклубившись на

чистое крашеное бѣлое небо съ незамѣтнымъ основаніемъ, соединившись туманомъ, дайте мнѣ снѣга!»!

Сказалъ-ли онъ или (еще) не сказалъ, «какъ будто слышалъ я или не услышалъ» — сказали-по его желанію, по его словамъ (сбылось), пришло со снѣгомъ и дождемъ, съ вѣтромъ и вихремъ, капающая туманясь, свистя и вертя. Этотъ огонь и гады пропали, погасли отъ этого. И видитъ онъ: выходитъ дьявольская дочь Желѣзная Лыпычеха старуха въ каменной ледяной кочкѣ-шапкѣ, надѣтой задомъ-на передъ, со стукомъ упираясь шестью костылями, горбатая въ трехъ мѣстахъ, съ (выдавшимся) сюда въ пяти мѣстахъ, искривленная въ восьми мѣстахъ, согнутая въ девяти мѣстахъ. Увидавши ее такъ идущею, человѣкъ поетъ ей пѣсни, говоритъ слова:

«Госпожа моя бабушка, госпожа моя тетушка! Старая почтенная, Желѣзная Лыпычеха штука, ужó постой, осмотрись! я имѣю сказать тебѣ святое (человѣческое) слово. Вотъ пришелъ къ тебѣ я, котораго ты преслѣдуешь широкими шагами; я, врагъ твой, самъ собою во очію пришелъ къ тебѣ, чтобы не мучить почтенную, старую, остатокъ (поколѣнія) старыхъ людей. И ты вольна, какъ хочешь, распорядиться мною, твоимъ врагомъ. Послалъ меня къ тебѣ Бѣлый Юноша, чтобы ты не ходила къ нему. Пришедши сюда, куда я пойду отъ тебя? Не буду тебя затруднять. Чтобы могъ я влетѣть тебѣ въ горло самъ собою со всѣмъ, съ тѣломъ и кожей, укрѣпи ты верхнюю челюсть за небесный утесъ, а нижнюю челюсть разстели по землѣ, разинь ротъ, раскрой замкнутую челюсть, отопри запертую (скулу)».

Когда онъ сказалъ это, дьявольская дочь старуха обрадовалась: «И въ самомъ дѣлѣ вотъ ужъ ошибутся-ли сказать умные по породѣ люди? Достигши и доканавши только тебя, своего врага, за чѣмъ же я пойду туда къ твоему отцу? Бѣлый Юноша чѣмъ же виноватъ? Да и какъ же мнѣ на тебя не сердиться? Роста скоро, какъ сырой тальникъ, ты для сокращенія своей жизни—вою-

ющій убиваетъ, это ужъ законъ такой — ты хоть его и преборолъ; но зачѣмъ такъ его мучилъ? Увидавши это я, родившій человѣкъ, мать — какъ мое сердце не пожалѣетъ, мысль не пошевелится? Ну, иди сюда, не затрудняй меня. Съ большимъ трудомъ пришла я для того, чтобы наполнился мой желудокъ, увлажнилась моя внутренность». И сказавши это, она разинула ротъ страшно и широко; зеленое сердце съ венами показалось видно наружу, показалась блестящая станова я жила. Взявши лукъ и вложивши стрѣлу, выстрѣлилъ этотъ человѣкъ прямо ей въ ротъ. Замкнула свои челюсти дьявольская дочь, чвакнула (стукнула). Прошла стрѣла насквозь станова ю жилу, сердце съ венами и вылетѣла заднимъ проходомъ.

«Ой больно; какъ сильно влетѣлъ мнѣ въ горло этотъ человѣкъ!» говоритъ дьявольская дочь. «Вѣроятно, я не вынесу, прихавши въ далекое мѣсто. Вѣрно вышелъ бы изъ него славный человѣкъ! Какой у него жиръ острый, мясо у него какое вкусное; кости крѣпкія; даже поносъ меня прошибъ. Ой, больно! заболѣли сердце и печень!» И ходя туда-сюда, падала она со стукомъ, шаталась; тутъ и тамъ рветъ ее точно большими снѣжными копнами. «Вѣроятно, умру я! кажется, что помру; вѣрно я съѣла хорошаго человѣка!»

— Старуха, оставь такое словесное завѣщаніе остающимся людямъ (т. е. дьяволамъ); пусть они (дьявола) до послѣднихъ широкихъ вѣковъ не приходятъ, надѣясь на свою силу, во очію вѣсть ясныхъ добрыхъ молодцевъ (видимыхъ святыхъ дѣтей), имѣющихъ происхожденіе отъ солнца и мѣсяца. Пусть запрятавшись, скрытно лежа, съѣдаютъ растроенныхъ порочной болѣзнью! — говоритъ юноша..

— «Ахъ, досадно! Вѣдь тутъ стоитъ!» вскрикиваетъ. «Иди, не мучь меня, голубчикъ! Только разъ очерни руку и этимъ будешь доволенъ». (А если онъ ударить или ткнетъ во второй разъ, то она должна была ожить; зная это, человѣкъ не хотѣлъ ее ударить, хотя она и обманывала его).

Покаталась-покаталась дьяволь (старуха), померла; мертвую онъ ее искрошилъ на мелкія части, развѣялъ всю.

10.

Когда пришла ему пора вернуться къ родителямъ, пріѣхалъ онъ къ отцу-матери. Пріѣхалъ онъ туда сильно разсерженный, сильно раздосадованный, заставляя кричать высокое мѣсто, заставляя шумѣть нижнюю преисподнюю; не входя въ домъ, засунулъ непосѣду кнутъ сверхъ верхней колоды главнаго окна (т. е. окна противъ билирика со стороны входа), и сталъ раскачивать домъ, приподнимать до тѣхъ поръ, что по концамъ потолка сверхъ балокъ начало свѣтиться.

На это госпожа его мать старуха съ тѣломъ бѣлымъ, какъ снѣгъ, съ звонкимъ голосомъ, съ двойнымъ подбородкомъ, взявшись за колъ передъ каминомъ, важно стоя на правой сторонѣ юрты отъ входа:

«Парень человѣкъ? постой, осмотришь! что съ тобою»? говорить. «Пусть разсѣется твоя разсерженная мысль, пусть остановится твоя раздосадованная мысль! Я родила тебя, десять мѣсяцевъ носивши подъ жилистой брюшиной; воспитала, укрѣпила тебя нѣжнаго-болѣзненнаго. Когда ты родился, три дня я болѣла, печалилась, боялась; потомъ я взростила тебя маленькаго. Не сердись на меня такъ сильно! Грѣшно будетъ! Лучше я тебѣ посовѣтую, дамъ тебѣ имя; распоряжусь, чтобъ ты былъ человѣкомъ (въ люди вышелъ). Слушай понимая, смотри вѣрно отгадывая, удачно вникай! если именоваться тебѣ именемъ, пусть твое имя будетъ: родившійся на встрѣчу солнца сильный человѣкъ Кѣнчя Бѣгѣ (стойкій боець) съ лошадыю, на которой ѣздить для веселья, въ переѣздъ длиною, въ десять верстъ шириною, у которой со спины серебряныя крылья для полета, съ бѣлою легкою лошадыю съ мелкими едва замѣтными пятнами. Должно быть, ты имѣешь надобность въ женщинѣ, нужду въ дѣвущкѣ, основному дому твоему не достаетъ хозяйки; огонь твой будетъ горѣть не правильно, оттого что у него не будетъ назначеннаго сотрудника (артельщика); скоть, который ты будешь воспитывать, долженъ имѣть огородъ и хлѣва; рождаемыя дѣти

должны имѣть зыбки и колыбельки.... Какъ ты думаешь, кто долженъ быть тебѣ равнымъ? гдѣ она? Убивши для закуски (завтрака) верхнихъ, для пищи нижнихъ (духовъ) кобылу, ходившую на волѣ семь лѣтъ, назначивъ, отсюда увези прямо на западную сторону. Далеконько уѣхавъ, проѣхавъ черезъ почтенное мѣсто, преодолевъ строгія мѣста, доѣдешь ты на мѣсто, гдѣ растетъ закрученный желѣзный лѣсъ и трава, на мѣсто, которое есть гортань смерти, самая сильная изъ восьми бѣдъ, соединеніе девяти смертей, застѣнокъ десяти сердитыхъ почтенныхъ смертей, гдѣ отсвѣтъ солнца кажется издали отсвѣтомъ олова, гдѣ отсвѣтъ мѣсяца кажется отсвѣтомъ красной мѣди, (къ мѣсту) съ оврагами (глубиною) по шею человека, съ полевыми ямами до рта человека, съ провалами до человеческого затылка; за трехдневный переѣздъ покажется быстро бѣгущее бѣдовое смертное море. Доѣхавъ сюда, ѣдучи по берегу, выѣдешь ты на песчаный мысъ, похожій на наковальню почтеннаго кузнеца. Доѣхавъ туда, сдернувъ съ лошади сѣдло и попону, разрѣжь свою кобылу на мелкіе куски и разбросай со словами: «духамъ растительности, земли и мѣста, сырости»! Подложи себѣ подъ голову сѣдло, постели шерстяной подсѣдельный коврикъ, накройся шубой и дохой и спи. Если тебѣ въ люди выйдти, то тебѣ во снѣ пригрезится, ворожбой, примѣтами узнаешь»! сказала.

— «Хорошо, ладно»! Отвѣчалъ на это дитя ея сильный человекъ Кёнчѣ Бёгё (крѣпкій боець). И поспѣшно выѣхавъ въ поле, убилъ кобылу, отжирѣвшую за семь лѣтъ, покинулъ (перебросилъ) ее черезъ свою лошадь и, по материнскимъ словамъ, поѣхалъ на то мѣсто. Доѣхавши также, какъ она говорила, искрошилъ-развѣялъ свою кобылу и легъ спать.

Вотъ лежа, между сномъ и бдѣніемъ, слышитъ: сзади его скрипъ-скрипъ поскрыпѣлъ; звякнула дверь и отворилась; послышались шаги человека съ тросткой; шаги эти приблизились, потомъ воротились, дверь затворилась. Немного погодя одинъ голосъ хрипло

закашлялъ и плюнулъ сквозь зубы. Потомъ (говорить) такой громкій голосъ:

«Э, что́ это за шумъ? Что за безпокойство? Что за топоть, что за стукъ? Что это такое? темя насквозь пронзилось; по тѣлу ознобъ прошелъ!»! На эти слова отвѣчаетъ тамъ голосъ одной старухи, подобно звуку, какъ пилятъ желѣзо:

«Э—э, старикъ! До сихъ поръ ты, какъ новорожденный ребенокъ съ не заросшимъ (пóлымъ) теменемъ, съ не зажившимъ пупомъ. Кажется, пора-бы тебѣ выйдти изъ пеленокъ, а я вотъ ходивши, увидала то, что́ и не думала увидѣть, услыхала то, что́ и не чаяла слышать. Вкусно-же бываетъ якутское кушанье; рѣдкостна-же, дорога-же бываетъ человѣческая пища. И возникаетъ-же чело-вѣкъ такой хорошій; изъ малаго ребенка возрастаетъ-же онъ такой важный; пріѣхавши на наше мѣсто, напоилъ-накормилъ всѣхъ духовъ земли, лѣса и травъ. Похудѣвшихъ отъ голода насладилъ, голодныхъ насытилъ, безсильныхъ поставилъ, неимѣющихъ пищи накормилъ-же ужъ онъ! И они говорятъ, для тебя, для господина оставили полшеи; а мнѣ госпожѣ, четыре жирныхъ ребра; вотъ я сходила и принесла. Отвѣдай-ка лучше старикъ»!

Голосъ старика: «Ахъ, отнеси прочь, отнеси прочь! Ахъ, окаянная! Приобщая, доводя тамошнее сюда, а здѣшнее туда, и не знаешь, съ чѣмъ оно смѣшано, изъ какихъ странъ, изъ какого мѣста, и съ чѣмъ оно? принесла и ѣшь его! Отнеси прочь, отнеси прочь!

Голосъ старухи: «Э, чортъ тебя подери; пусть челюсти твои стиснутся. Какъ ты грѣшно отзываешься о бѣдняжкѣ-ясномъ добромъ молодцѣ (видимомъ святомъ дитяти), возящемъ божію пищу. До сихъ поръ то въ томъ, то въ другомъ подозреваешь чертей. Какъ это у тебя не проходитъ? Кажется, насъ-то самихъ чело-вѣкъ струсить да не пріѣдетъ. Лучше нá вотъ, я тебѣ отрѣжу, отвѣдай»!

Голосъ старика: «Ужъ какое это кушанье ты нашла, что такъ расходилась? Ну, дай ужъ отвѣдаю. Окаянная, хочешь ты пропасть»! Когда сказалъ онъ это, послышался стукъ; это она отрѣ-

зала ему кусокъ тупымъ ножемъ. Почавкавши, онъ проглотилъ. «Э, и въ самомъ дѣлѣ ты правду сказала. Славное кушанье! сердце-печень мою пронзило; вкусъ его въ животъ проникъ, сладость его въ голову вошла». И послѣ этого довольно крупно и громко нѣсколько посмѣялся.

Голосъ старухи: «Ну, старикъ! Чѣмъ такъ даромъ лежать, побесѣдуемъ-ка! Какъ ты думаешь, для чего къ намъ пріѣхалъ этотъ человѣкъ, какъ полагаешь? Должно быть, пріѣхалъ жениться? Какъ ты думаешь, кто ему парная, равная?»

Голосъ старика: «Эй, замолчи! Пусть тебѣ въ ротъ попадетъ стрѣла. Кто будетъ равная ему? говорить!»

Голосъ старухи: «Э, чортъ тебя поberi! Кто услышитъ, что мы здѣсь разговариваемъ, что ты такъ сталъ говорить? Двое вдвоемъ пусть оглохнутъ, трое втроемъ пусть будутъ совершенно глухи! И въ правду, пусть оглохнутъ уши! У важнаго (страшнаго) человѣка сидѣть — день не кончается; лежать — ночь не дѣлается короче. Такъ для примѣра сказать, какъ ты думаешь? вотъ въ самомъ дѣлѣ какъ-бы онъ взялъ дочь нашего сосѣда?»

Голосъ старика: «Ой, отойди, замолчи! Пока мы живы, пусть этого не будетъ! Окаянная эта такая! Перетаскиваешь тамошнее сюда, здѣшнее туда, и путемъ не полежишь, старуха! Ужь какъ не разгласится (не услышится) вышедшее изъ устъ человѣка? А если какъ нибудь это разгласится, тогда какъ мы будемъ живы? Какъ мы перенесемъ? Ой, замолчи, замолчи!»

Голосъ старухи: «Э, что ты думаешь, какой чортъ услышитъ? Стѣсняешься, робѣешь, какъ невѣстка! Ну, въ самомъ дѣлѣ, старикъ! до сихъ поръ мы вмѣстѣ жили; я исполняла твои слова, а ты мои; а нынче не слушаемся другъ друга. Значить, мы постарѣли». И голосъ старухи заплакалъ со «швырканиемъ» носа.

Голосъ старика: «Э, старуха! Пропастъ ты что-ли хочешь? Вѣрно ужъ такая судьба! Сказать что-ли? Вотъ немного по сѣвернѣе отъ насъ по нашему бурливому смертному морю переплываетъ

взадъ и впередъ, когда захочетъ, семиголовый Желѣзный Дыбылынгса-богатырь въ желѣзной лодочкѣ съ желѣзнымъ весломъ. На это, если—когда онъ будетъ плавать—(этотъ человѣкъ) превратится въ пѣтушка (хонгор чирып) съ изогнутымъ клювомъ, прилетающаго изъ теплыхъ странъ, и превратившись, такъ будетъ бѣгать по морскому берегу. «Что это! Какая рѣдкая птица!» скажетъ (богатырь). «Отъ роду не видалъ этакой! Отнесу моему дитяткѣ, младшей моей сестрѣ, чтобы она играла. Это не виданная дорогая птица, не отвѣданная пища!» скажетъ онъ, поймаетъ своимъ весломъ и броситъ себѣ въ лодочку. Тутъ та птица, вставши на край лодочки (ветки), будетъ готова упасть въ горящее огненное море. «Нынче эта штука упадетъ въ море», скажетъ онъ, возьметъ и положить себѣ подъ лѣвую пазуху. Тамъ есть у него красное мясо съ кулакъ величиной. Проклевавши туда насквозь, проникнетъ сквозь, и исцарапаетъ внутри его сердце, проклюетъ насквозь. «Э, татать! Смертная штука! Конецъ мой насталь!» скажетъ онъ и помретъ. Выскочивши оттуда, броситъ его (богатыря) въ море; онъ шумно потонетъ въ морѣ. Затѣмъ, когда онъ переплыветъ на другую сторону—въ лодочкѣ (веткѣ) этой есть должно быть желѣзные когти, чтобы надѣвать на колѣни и желѣзные когти, чтобы взять въ руки, и этими (когтями) онъ вскарабкается по этой стѣнѣ. На стѣнѣ стоитъ, должно быть, двадцатиголовый Сюлюмядири богатырь. Тотъ увидитъ его, скажетъ: «Жизнь и душа, душа и жизнь!» И спуститъ десятипудовый желѣзный мячъ. «Ваша очередь прошла, мудрость человѣка возвысилась, вѣкъ вашъ исполнился, нить ваша порвалась, день наказанія насталь; не поворотитесь вамъ, не воротитесь, не поворотитесь вамъ (назадъ)!» скажетъ (человѣкъ), плюнетъ себѣ трижды въ ладонь, отстранится лѣвою рукою на отмашь, ударитъ и покатится мячъ въ море. Увидитъ это Сюлюмядири богатырь, скажетъ: «Харёнъ (жалко)! моя жизнь!» и оборвавшись сзади вмѣстѣ (съ мячемъ), потонетъ въ морѣ. Послѣ этого вышедши наконецъ въ серединѣ утеса, на серединѣ черной горы, на которую

нельзя сверху спуститься, съ низу нельзя подняться; въ стоячей деревянной юрточкѣ держать дьявольскій богатырь женщину, имѣющую поддержку отъ солнца и мѣсяца, Солнце Ээръгянь (Кюнь Ээръгянь); связавши ее своею хитростью, превративши въ ученаго оленя, связавши, чтобъ не могла идти ни взадъ, ни впередъ, только такъ убѣгомъ онъ можетъ ее увести. Если когда онъ будетъ всходить или увозить-избавлять ее оттуда, встрѣтится онъ съ младшимъ братомъ этихъ богатырей, воспитывавшимся на попеченіи трехъ богатырей, по имени желѣзнымъ Люнкюрьдянемъ; если встрѣтитъ его, то ничто не вынесетъ шуму ихъ драки; а если есть человѣкъ, равный силою этому богатырю, то никому нельзя вынести. Тогда только мы и жили спокойно! Вотъ и умремъ! Ахъ, страсть какая! Ахъ, какая страсть! у меня волосы стали дыбомъ; ознобъ прошелъ по тѣлу! Должно быть силою своей драки перерѣжутъ мое дыханіе. Э, чертъ тебя побори, окаянная! Послушался я дряхлой старухи, разболтался. Теперь какъ мы будемъ живы, чѣмъ спасемся отъ этого?» говорить старикъ.

Старуха отвѣчаетъ: «Э, чортъ тебя побори, чортъ тебя побори! Какой онъ трусъ? Что у тебя за утиное сердце! А вотъ рассказалъ ладно. Такъ оно и должно быть; я и сама такъ думала!»

Теперешнее слышалъ я или не слышалъ—сказалъ человѣкъ и, какъ они сказали, съ того-же мѣста, о которомъ они говорили, взялъ женщину, посадилъ вмѣстѣ съ собою на поясицу лошади и, поѣхалъ на востокъ.

11.

Какъ лучъ весенняго солнца, показалась человѣческая земля. Послѣ этого съ той стороны идетъ страшный изъ дьяволовъ, съ ношей сзади величиною въ двадцатисаженный стогъ, а спереди въ сорокасаженный стогъ сѣна. Затемняя солнце, заслоняя небо, покрывая, пришелъ онъ на встрѣчу и спустилъ свою ношу. Послѣ этого, важничая, вытягивая зубы и губы, сталъ пѣть, голосить, напѣвать:

«Такой ничтожный со сливочнымъ суставомъ, съ пѣночнымъ (изъ молока) бокомъ, съ китайчатыми (изъ «китайки») ножнами, съ ножемъ изъ осоки, тонкій щеголь, какъ явно увозишь мою сестру «Солнечный нарядъ» (Кюнь Сѣгяля), мое дитя, оставленную мою кровную родственницу! Куда дѣвши оставшихся родственниковъ, (ты увозишь ее)? Пока еще мало трудовъ и вины, пока не вышло ни споровъ, ничего; если хочешь разойтись безъ грѣха, подай сюда мое дитя, мою сестру!»

Божій человекъ: «Страшилище! заслоняющая тѣнь, грязно-зеленое лице! не кажись, отойди! Человекъ съ землею и мѣстомъ (землевладѣлецъ и мѣщанинъ?), я сильно тороплюсь доѣхать на свою землю и мѣсто; пока цѣлы у тебя кожа и мясо, пока есть у тебя дыханіе и жизнь (солнце), если не надоѣло тебѣ ласковое солнце, не заставляй слушать твои слова, отойди прочь!»

На это дьяволъ испустилъ крикъ по вороньему, взвизгнулъ по медвѣжьему; нѣтъ ни отвѣта, ни словъ; тогда хотѣлъ онъ повиснуть, ухвативъ руками за оба его виска. Божій человекъ соскочилъ со своей лошади по правой сторонѣ; и начали они страшно драться, разрубать ударами толстую кожу, разбивать въ хлопья чистое тѣло, разламывать каленныя (крѣпкія) кости, раздѣлять по звеньямъ высокія кости, заставили кричать высокое небо, разшевелили, поколебали землю (среднее мѣсто), какъ мохъ на болотѣ; какъ уголь, растоптали черную звучную каменную гору; какъ спинныя жилы, потоптали отборныя деревья сыраго лѣса; вбрили до пояса въ быстро-текучую воду и стали тамъ драться; дрались, дрались и ни который не преодолѣлъ другъ друга; потерявъ всѣ силы и стремительность, толкнувши другого въ грудь, сѣли въ водѣ другъ противъ друга до плечевыхъ пазухъ.

Дьяволъ и говоритъ: «Другъ! между небомъ и землею мы встрѣтились съ тобой равные люди. Испытались мы, тянувшись пальцами; помѣрялись мы, какъ на вѣсахъ, свѣсились точно на безмѣнѣ; чистая наша жила ослабла, крѣпкая наша кровь окровянилась; по-

пробуемъ говорить по-якутски, разговаривать по-человѣчески. Когда ты былъ человѣкомъ, каково пѣлъ по-якутски? Когда ты былъ дивнымъ (стариннымъ человѣкомъ), какимъ ты былъ сказочникомъ?»

Отвѣчаетъ человѣкъ: «Сидя здѣсь и въ такомъ положеніи, какая у тебя прихоть и фантазія!»

Дьяволъ: «Ахъ, другъ! Когда я былъ человѣкомъ, умѣлъ я пѣть лучше слышанныхъ; когда былъ я ребенкомъ, былъ я сказочникомъ лучше людей. Когда останешься ты, то разскажь-бы это. Тебѣ, другу моему, я спою-скажу сказку!»

Божій человѣкъ: «Ну-ка, говорить, говори-пой сказку! я послушаю!»

И началъ этотъ дьяволъ говорить - дышать, пѣть - воспѣвать, вѣщать; такъ повелъ (напѣвъ):

«Говорилъ лучше имѣющихъ уста на среднемъ мѣстѣ (землѣ); сказывалъ поговорки лучше (старинныхъ) людей; голосъ его пѣнія, походя немного на дьявольскій, какъ-будто имѣлъ разные тоны и былъ лучше человѣческаго. Скалилъ онъ зубы; брови и глаза его дѣлались съ огнемъ; голосъ его дѣлался пронзительнѣе; звуки его голоса распространялись далеко по землѣ, превращали все въ пѣсню, въ напѣваніе».

Сначала человѣкъ подумалъ: «Ахъ, поетъ онъ лучше всѣхъ имѣющихъ ротъ, лучше всѣхъ имѣющихъ языкъ, умѣетъ набирать-соединять слова!» А руки и ноги его стали лишаться движенія; глаза, лишаясь зрѣнія, стали дѣлаться не подвижными, какъ озеро; мысль, умъ начали торопиться; какъ будто голова стала кружиться; то и другое начало какъ-будто скакать, вертѣться въ его глазахъ. «Что это? отъ какого пѣнья этого человѣка стало со мною?» Подумалъ онъ, опомнившись, и слышитъ: дьяволъ воспѣваетъ довольно голосисто, поетъ, какъ-бы плача:

«Страшное мое одѣяло, широкій мой покровъ! На мѣстѣ не колыхающейся смерти родился я отъ матери, какъ мать.... Слышащія уши твои заглохли, видящіе твои глаза закрылись; ты взро-

стила меня маленькаго, раскачивая со скрипомъ въ семисаженной желѣзной люлкѣ, заставляя сосать двѣ груди, подобныя двумъ жирнымъ лягушкамъ, взростивши меня маленькаго, давая мнѣ пить шумящую свѣтлую сильную (которая даетъ силу) воду; усиливъ, придавъ смѣлости, отпустила. Вышедши на землю, скажу-ли, что я побѣжденъ? Скажу, что только не побѣдилъ. Напѣваніе, напѣваніе, донг-донг! мать моя, ты услыхала должно быть! я какъ»...

И пока онъ не кончилъ еще своей пѣсни, пока не вышли его слова, на задней сторонѣ пролетѣлъ бѣлый ястребенокъ съ шарообразнымъ клочкомъ на хвостѣ и сѣлъ на стоящую тутъ не далеко лѣсину, семи-вѣтвистое кудрявое дерево, имѣющее назначеніе отъ Господа Бога, говоритъ ему слово, поетъ ему звонко-нѣжно: «Ахъ, старикъ (мужъ) мой! Мало же имѣя ума и памяти, будучи идиотомъ, одною наружностью, стономъ возникъ ты на среднемъ мѣстѣ! Какой пѣсни выраженіе, какой пѣсни причуды желаешь ты слушать и слушаешь отъ этого діавола? Онъ поетъ все это, обманывая тебя, сводя съ ума твою голову, призывая себѣ подобныхъ, отца и мать, и свое черное войско. Вотъ только и жили мы, встрѣтившись съ тобою. Настала твоя смерть; ты погибаешь. Возьми-ка, посмотри на лѣвую сторону! приближается Желѣзная Растрѣпа старуха (Тимирь Силирьбйя ямахсинь) съ семью головами съ семисаженымъ желѣзнымъ длиннымъ вороватымъ языкомъ; только одинъ шагъ остался ей, чтобы посадить тебя на огненный змѣй языкъ»!

Услыхавъ это, человекъ вскрикнулъ: «Фу! Другъ мой, хотѣвшій спасти меня въ день моей смерти, скородѣлающій, скороходящій, сухоногій, Кытыграсъ Бараччи! Если ты высоко, понизься! если далеко, приблизься! если низко, вздымись!»! Вмѣстѣ съ этими словами прямо съ восточной стороны летитъ двуголовый шумящій Ёксюкю съ подножіемъ изъ чернаго большаго облака, какъ-бы съ лапами и головной шкурой, съ крышей изъ бѣлаго облака, и кричитъ такимъ голосомъ, какъ-бы отколотая большая глыба каменной горы катится внизъ по каменной-же горѣ; такъ громко (крупно) говорить:

«Ужó-тка, постой-же ты! Развѣ ты не знаешь, что я иду? или знаешь? Кто тебя не знаетъ, Желѣзная Растрѣпа-старуха? ты такъ скоро ходишь-ѣздишь, обманъ у тебя такъ возвышается!»!....

Прилетѣлъ онъ, шумно сверху спустился прямо на Желѣзную Растрѣпу-старуху и какъ будто царапнулъ разъ когтями словно верхоянскими воронѣнными (черненными) косами и семь головъ Желѣзной Растрѣпы-старухи сорвались и поплыли, какъ кочки съ «гривой» (породой длинной травы). Послѣ этого, оборотившись на давешняго дьявола сына, какъ будто клюнулъ разъ клювомъ, какъ верхоянская пешня, и дьяволъ, какъ гнилой пень, раздвоился сверху внизъ, разорвался по срединѣ и поплылъ по морю.

Послѣ этого Кытыграсъ-Бараччи, вылетѣвъ на верхъ, сѣлъ на нижнюю вѣтвь того дерева, на которомъ сидѣла женщина, и, поднявъ вверхъ голову, смотря на женщину, говорилъ, задыхаясь, захлебываясь: «Эдакая ничтожность, гладкая съ наружной стороны, съ бѣлой кожей, бѣло-блѣдная женщина, завлекая бѣлой половиной головы, потопила въ смертномъ волнующемся морѣ моего господина, друга, видимаго божьяго сына, моего серебрянаго человѣка. Харень (жалость)! Велѣла разрубить его кожу, подобную пѣнѣ серебра. Харень! велѣла разрѣзать въ клочки чистое его тѣло, велѣла пролить его достойную сожалѣнія кровь, велѣла сломать каленую крѣпкую его кость. Теперь какою мудростью ты достанешь его на среднее мѣсто въ прежнемъ видѣ? Если ты не приведешь его въ прежнее положенье, не оживишь, я тоже сживу тебя со свѣту!»!

На то женщина поетъ: «Почтенный старецъ, господинъ дѣдушка! постой-осмотрись! Если ты и убьешь меня, спасенія не будетъ; лучше я тебѣ скажу! Давно, когда я была ребенкомъ, дитятей, воспитывалась я за тремя рядами бѣлаго неба; былъ у меня тамъ старшій братъ, Бередь-Бергенъ, держащій перевозъ превосходнаго неба, сопротивляющійся ключникъ грознаго (свирѣпаго) неба, ѣздящій разомъ на трехъ бѣломолочныхъ лошадяхъ. Когда я была ребенкомъ у этого брата, имѣла я способность оживлять умершихъ

съ переменной душой, исцѣлять больныхъ. Было у меня на это платье Желѣзной Дюрью-Ко почтенное Дылбынга (куях ытык Дылбынга), платье, вертящееся въ трехъ мѣстахъ, сборчатое въ семи мѣстахъ, съ подвижнымъ желѣзнымъ крестомъ на днѣ бубна, съ солнечными звонцами (кюнъ кѣгярь кюсянгяляхъ), съ «мѣсячнымъ сіяніемъ» (ый сардангата джаялах) на лопаткахъ, на бедрахъ съ пустыми металлическими трубочками, подобными собранной въ кучу травъ кулусуну почтеннаго озера (улу кель). Была у меня каменно-ледяная шапка (тас бус дулагы бяргяся) съ двумя рогами (икки моестах), съ тремя лучами (рожками) (юсь ёргѣстѣхъ). Былъ у меня четверугольный зелено-пѣгій мой бубень, съ рукояткой какъ ледъ почтеннаго озера, съ двумя отростками-хвостами, съ тремя головами Ёксюкю, съ мѣдяными расходящимися украшеніями (алтан айгыр алык) подобно носовой кости восьмитраваго пѣгаго жеребца, съ девятью звенящими бубенчиками (чонгкунур), какъ кость темени девятитраваго жеребца. Была у меня колотушка къ бубну, какъ вырѣзанная правая плечевая кость лучшаго сохатаго. Пусть все это пошлетъ мой братъ. Поди, привези!»

Слышалъ или не услышалъ, сказалъ Кытыгрась-Бараччи, мелькнулъ. Вылетѣлъ насквозь три ряда бѣлаго неба и вошелъ въ стоящую тутъ деревянную юрточку; (въ переднемъ углу) на билирикѣ лежалъ лучшій человѣкъ. И говоритъ ему (Кытыгрась-Бараччи): «Есть у тебя сестра, отнятая-увезенная длиннымъ дьявольскимъ обманомъ, еще будучи восьми лѣтъ! Эта твоя сестра послала меня, чтобы ты спустилъ бубень и платье». На это тотъ человѣкъ сильно разсердился, разгнѣвался и сталъ говорить ему такъ громко, что отъ крѣпкихъ столбовъ откалывались хамысы*): «Ты-ли хочешь увезти отъ меня бубень и платье»? И послѣ этого выдернулъ стоящій у него въ головахъ мечъ (батас) съ чернемъ, обтянутымъ сарной кожей, и, соскочивъ, колотить его имъ. На это другой (Кытыгрась-Бараччи) подставлялъ руки и ноги, оборонялся и нападалъ на

*) Хамысъ—единственный музыкальный инструментъ якутовъ.

ходу; оба снесли свою юрточку, какъ шапку. Вышедши, долго дрались, ни который не побѣдилъ другаго, упали оба на бокъ и лежать. Лежать они тутъ и видятъ: еще за ними съ желто-бѣлаго неба выглянулъ до половины прекраснѣйшій человѣкъ съ платьемъ изъ солнечныхъ лучей безъ тѣни, посмотрѣлъ на нихъ: «Откуда вы сошлись и стали (въ такое положеніе)»?

На это Кытыграсъ-Бараччи говоритъ: «Какой Богъ (аибыт), котораго мы умоляемъ, ты пришелъ-увидалъ (насъ)? Разсуди насъ! Младшая его сестра послала меня къ этому человѣку за платьемъ и за бубномъ. Когда я пришелъ и сказалъ, онъ не далъ и началъ драться. Вотъ мы и лежимъ!» На это верхній человѣкъ говоритъ: «Этотъ человѣкъ правду говоритъ. Ты долженъ отдать бубень и платье. Они вѣдь нашей породы, нашего корня; назначенные для того, чтобы быть прародителями людей!» — Хорошо, ладно! говоритъ онъ и даетъ бубень и платье. Взявши (ихъ), Кытыграсъ-Бараччи спустился на нижнее мѣсто.

Та женщина, надѣвши свое платье, взявши въ руки бубень, заклиняется и молится создавшей ее создательницѣ (аибыт аисыт), воспитавшей ее хранительницѣ (яехсыт).

«(Имѣющая жалость) милосердная сотворившая моя создательница! Въ первый разъ днемъ, когда ты спустила меня на среднее мѣсто, ты сказала: «Будь съ непрерывающимся дыханіемъ, съ бессмертною жизнью! Пусть распространится отъ тебя воспитываемый скоть! Пусть возникнуть-размножатся отъ тебя рождаемая дѣти, воспринявъ зыбку и колыбель!» И по этому твоему назначенію, не нашедшій подходящей себѣ, въ лучшемъ мѣстѣ, не зная равной себѣ, взявшій меня равнымъ другомъ, этотъ (человѣкъ) попалъ при дорогѣ съ восьми перепутьями въ мудрость - обманъ дьявола, въ колдовство; отняла его несвоевременная смерть; побѣдила его нечаянная смерть; чтобы избавить его отъ этого, чтобы вымыть-вытереть его, возставить, задуй прямо съ востока теплый вѣтеръ,

спусти каплями, подобно снѣгу съ дождемъ, бѣлую божественную жидкость (юрюнгъ сюлюгяй), желтую ильгянь» (арагас ильгянь).

Какъ только она сказала это, подулъ по ея словамъ вѣтеръ; и, поддерживаясь его волнами, вышелъ Сильный человекъ Кѣнчѣ-Бѣгѣ. По словамъ женщины закапала съ неба бѣлая божественная жидкость, желтая ильгянь. Отъ этихъ капель исцѣлились тѣло и кровь Сильнаго человека и сдѣлался онъ гораздо лучше прежняго. Когда приближала съ востока ихъ верховая отжирѣвшая лошадь, мужчина и женщина какъ-будто сѣли на свою лошадь и поѣхали. Кытыграсъ-Бараччи полетѣлъ небомъ, какъ и прежде леталъ.

Въхавши (путемъ-дорогою) пріѣхали они на свою землю и мѣсто, къ своему дому и огню.

Семейство Бѣлаго Юноши приготовило домъ и огонь, говоря: «Пріѣдутъ дѣти наши, войдутъ!» Тутъ и вошли пріѣхавшіе сынъ и невестка. Для пріѣзда ихъ собрались съ ближнихъ мѣстъ сватами, съ дальнихъ мѣстъ по зову, верткіе изъ мужчинъ, выбрались распорядительныя изъ женщинъ, собрались всѣ, которые есть и которыхъ нѣту, убивали много скота, наѣдались-напивались три дня и три ночи безъ отдыха, веселились, играли, икали отъ густой пищи, поперхивались отъ жидкой пищи, голодные насытились, отощавшіе потолстѣли — и разошлись. Послѣ того какъ они разошлись, мужъ и жена живутъ.

По якутскому обычаю женщина стала примѣчать за собою, думая: «Кажется я стала беременной»? Послѣ этого, на южной сторонѣ ихъ мѣста, на краю жилаго мѣста стоитъ взявшійся неизвестно откуда вколоченный желѣзный коль (тимирь тогосо), подобно колу, на которомъ пускаютъ обжарканенныхъ лошадей. Послѣ каждой ночи, какъ встанутъ, растутъ мѣсяца (увеличивается беременность) божьей женщины; послѣ каждой ночи растетъ — увеличивается желѣзное поле вокругъ того желѣзнаго кола. На седьмой мѣсяць заболѣло у женщины тѣло, на восьмой мѣсяць начались

потуги; на девятый мѣсяцъ посадили ее на родильное мѣсто (колья); на десятый мѣсяцъ должна была она родить. Но всѣ якутскія бабки, всѣ знахари, всѣ поднимающіе (которые тянутъ беременную черезъ перекладину за руки, чтобы она скорѣе родила), всѣ старанія старыхъ остались тщетны (безъ пользы). Мучались три дня и три ночи, ничего не добились; женщина стала ужь помирать. «Сколько осталось до моей смерти моего солнца и мѣсяца? Вынесите меня, покажите мое солнце!» Поддерживали ее два человѣка, приползла она до порогу на четверенькахъ, велѣла отворить дверь и, обратившись на лѣтній восходъ солнца, лежитъ, горько стонетъ, плачетъ, терзается: «Вѣроятно, вотъ это-то называютъ «трудностью болѣзни»; вѣроятно это называютъ «силою смерти». Мои бедра не могутъ вынести отъ боли живота у двухъ почекъ, отъ тяжести поясицы! умираю отъ боли судорогъ, начинающихся отъ верхнихъ частей бедеръ! Воспитываемый (мною) духъ моего основнаго дома, возросшая подъ столбомъ (подпорой внутри) юрты, завѣсившаяся шкурой изъ семи вшинъ Няха-Харахсынъ-Нирылынъ-ко-Чямчяй бабка *)! Ты раскрыла для меня твою (смертную) нераскрывающуюся толстую дверь. Духъ моего священнаго огня (ал уот ичиття), разводимаго мною, ты не спасъ, не помиловалъ меня! Духъ восьмигранной вселенной съ мѣдной тросткой господинъ Дремлющій (Амгарыхса), госпожа высокопочтенное (отличное) солнце (Кюнь Кюбяйхся) съ серебряной тросткой **), вы задвинули для меня неотодвигаемую толстую задвижку! Духи растительности (от мас ичиття), духъ травы дѣвица Свѣтящіяся опилки (Кылбадасын кыс) съ руками способными на всякое дѣло, духъ деревьевъ Плосколицій сынъ (Нилахсын уол) написали для меня черную грамоту. Духъ быстрой воды (даллай ичиття) непостоянный господинъ (Едюгядь тоён) обдѣлилъ, не далъ для меня своей доброй стороны. Духъ дикаго дѣв-

*) Въ текстѣ «моя бабка», наджим.

**) Ан ія дайдым аналах ичиття алтан торосколох Амгарыхса тоён, кѣмюсь торосколох Кюнь кюбяйхся хатын.

ственного темнаго лѣса, плечо изъ звѣринаго головнаго мѣха, Барылахъ-батыръ (витязь) (Баттах сарын Барылах батыр) съ подножіемъ изъ густой крови съ мохнатымъ сѣдалищемъ изъ пышнаго хвоя, съ тяжеловѣснымъ угощеніемъ, съ старинной остроконцей шанкой, бѣгунецъ (скоробѣгъ) подобно птицѣ Курагачи, Бырадай (мѣткій) стрѣлокъ (Бырадай бяргянь), имѣющій силу въ груди, катая меня на старомохнатыхъ колѣняхъ Тѣняль-шамана (Тѣняль оюн тоён), иѣжь меня на гривистой шеѣ. Растворись благодарное небо, которому мы жертвуемъ хвостъ и гриву здороваго скота. Распахнись сѣрое небо, имѣющее «сеги» (ремень для поимки оленей) изъ хвоста и гривы саврасой кобылы. Создавшая создательница, воспитательница, обращающая къ добру, хранительница, жалѣющія-милующія, въ рысей шанкѣ подобно рогатой (лучистой) накидкѣ сверхъ одѣяла, (обзаведшаяся) жилищемъ изъ рысины (рысей шкуры) съ пятнами, головою изъ превосходной рыси, (на мѣстѣ) съ некрашѣющей (неблекнущей) травой осокой, съ неблѣклой травой выше спины трехтраваго быка, на мѣстѣ, гдѣ лужи изъ перебродившаго кумыса, гдѣ нѣтъ темной ночи, иѣжатся одними свѣтлыми днями, гдѣ растянулось одно спокойное лѣто и нуждаются въ зимѣ, гдѣ осеннее солнце свѣтло показывается, весеннее солнце всходитъ сіяньемъ! Я спустилась на землю по вашей волѣ и сдѣлалась беременною по-человѣчески и въ день родовъ, когда я должна разстаться съ костью (т. е. ребенкомъ), знахари средняго мѣста, люди земли, не оказали мнѣ пользы. Насталъ день моей смерти. Избавьте, выведите, помилуйте меня отъ смерти»!

Какъ только кончила она это, съ восточной стороны взвились на небѣ бѣлыя облака, подобно бѣлымъ рысыимъ шкурамъ съ головной шкурой и лапами; прямо съ востока шумно подулъ теплый пронзительный вѣтеръ и потомъ какъ-будто небо растворилось, облака раздвоились. «Не ласковое-ли солнце спустилось»? Видимо спустились-прилетѣли двѣ создательницы женщины (икки аисыт джахтар); вошли, женщину видимо подняли; на это женщина родила

сына, отлично-лучшаго съ золотыми вьющимися волосами съ середины темени до плечъ. Какъ только она родила, неизвѣстно откуда пришло: небо совершенно потемнѣло, пролетѣлъ вихорь съ огнемъ, съ черными духами, подобными годовалому теленку; прилетѣвъ-пришедши, снялъ окна, отбросилъ. Выкрутилъ изъ дому на дворъ и пепелъ и угли и огонь и землю и соръ и все; очутились въ темнотѣ-туманѣ. Послѣ, когда они опомнились, когда разсвѣтало, то увидали: дитяти ихъ нигдѣ нѣтъ. Вихорь выкрутилъ его и унесъ.

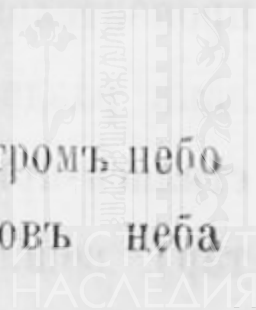
Когда небо у нихъ разсвѣтало, искали они потерянное свое дитя и всадниками и пѣшими, но не могли найти. «Ахъ, все равно, что онъ не родился!» говорили. Жили, плача, печалясь, страшно разочаровавшись. Потерянное потерялось, ушедшее ушло. Люди стали людьми, скоть-скотомъ, жили по прежнему. Когда опомнившись послушали (люди): Создательницы (ансыт), вылетѣвъ двумя бѣлыми стерхами на наружную сторону, видимаго дальняго бѣлаго безукоризненнаго неба, кружась, летаютъ въ вышинѣ и поютъ тамъ:

«Какъ страшенъ дьявольскій обманъ, колдовство земли. Ахъ, какъ мы испугались! Какъ мысль наша убоилась, сердце раздвоилось (отъ испугу)! Нынѣ когда-бы то ни было, какъ-бы мы ни жалѣли, ни сочувствовали родящемуся на землѣ, не спустимся (уже) сами собою видимо. А до послѣднихъ вѣковъ, какъ-бы мы ни жалѣли, пусть дѣлаютъ обряды на показъ только для формы (славы), для обычая! Ахъ, жалость! наше дитя, которое возродили мы, спустившись сами собой, какъ страшно оно потерялось! Но оно какъ-нибудь найдется, будетъ человѣкомъ съ бессмертною жизнью, съ непрерывающимся дыханіемъ. Не должно такъ теряться дитя, для котораго мы, явно спустились!»!

И съ этими словами они поднимались выше и выше на небо и исчезли. Пѣсня ихъ превратилась въ клочковатое облако, воспѣваніе ихъ обратилось въ тучу.

12.

Долго-ли, коротко-ли прожили они, какъ однажды утромъ небо не разсвѣтало, повернулось темнотой; съ четырехъ угловъ неба

взгремѣли на верхъ грозные громы, взвили все чернымъ сильнымъ вихремъ, все одѣли во мракъ. «Ахъ, что это за бѣда!»—сказала старуха Симяхсинь, существо съ земляную урасу жителя-рыбака, выскочила и взбѣжала на юрту; однимъ ухомъ постлалась, другимъ накрылась, и слушаетъ:

Прямо съ сѣверной стороны гремитъ страшная пѣсня, напѣваетъ напѣвъ, кричитъ голосъ, страшно взвизгиваетъ:

«Пѣганный жеребецъ со втянутымъ (узкимъ) брюхомъ, съ скрипящими восьмикопыльными желѣзными санями! Побѣги скорѣе, какъ (только) можешь; зашагай, какъ только можешь шагать. Аккуратнѣе скрыпи своими копытами; поскорѣе очень сильно торопись своими ногами! Говорятъ, мой другъ и вмѣстѣ съ тѣмъ своякъ, человѣкъ съ высокимъ именемъ, по имени Бѣлый Юноша, живетъ сильно разбогатѣвши, сильно распространившись. По этому я очень пожелалъ къ нему ѣхать, очень тороплюсь. А если они думаютъ, что за человѣкъ ѣдетъ, съ какимъ вѣскимъ именемъ, съ важной должностью? Я почтенный Кыйбырданъ-человѣкъ съ лошадыю Хосулеяръ хоро-тябянь съ двойными стременами».

Такъ поетъ голосъ. Старуха Симяхсинь, только что услыхавъ это, взбѣжала въ юрту: «О, какая страсть! Услыхала я то, что не надѣялась услыхать! прямо съ сѣверной стороны ѣдетъ человѣкъ съ такой-то и такой-то пѣснью», рассказала она. Господинъ ея Кѣнчѣ-Бѣгѣ, подпоясавшись колчаномъ и мечемъ, выскочилъ; скоро взбѣжалъ онъ въ поле и, поймавъ стоявшую тамъ свою лошадь безъ сѣдла и безъ узды, вскочилъ на нее, поскакалъ на сѣверъ. И ѣдучи встрѣтилъ самаго отборнаго дьявола на мѣстѣ, гдѣ соединяется встрѣчается человѣческое мѣсто и дьявольское. Встрѣтившись, лошади толкнули другъ друга грудью и стали толкаться; ни которая изъ нихъ не оттѣснила другую. Верховый человѣкъ соскочилъ съ своего коня; человѣкъ съ санями соскочилъ съ своихъ саней. Стали смотрѣть другъ на друга.

Божій человекъ и говоритъ ему: «Не слѣдуетъ тебѣ идти сюда. Возвращайся, пока еще мѣсто твое близко; обращайся, пока (еще) мало вины, мало наказанія»!

Дьяволъ говоритъ: «Что за человекъ съ рѣчами, которыя входятъ теменемъ и выходятъ бокомъ. Видалъ я такихъ, какъ ты, разговаривалъ съ ними, рассуждалъ. И въ самомъ дѣлѣ, какой-же ты смѣлый, «язычный»! Если въ самомъ дѣлѣ ты можешь меня побѣдить, то я ворочусь, пока мнѣ близко мое мѣсто. А если я могу тебя побѣдить, то ты воротись, пока твое мѣсто близко. Вотъ возьми-ка разорви черный платокъ, которымъ я повязываюсь вмѣсто галстука. Если ты перервешь это, значить, ты меня побѣдишь; а если не перервешь, то ужъ я къ тебѣ поѣду» (т. е. не ворочусь)! И отвязалъ онъ ему платокъ съ шеи, подалъ.

— Фу-ты! Эдакая ничтожность! Посмотрите-ка на его досаду, ребята! Даетъ платокъ; насмѣхаясь, говоритъ: «не разорвешь-ли»?— Съ этими словами Кёнчѣ-Бёгѣ потянулъ руками, чтобы разорвать, но платокъ вытянулся, какъ сырая сѣра. Тогда онъ обернулъ одинъ конецъ на одну ногу, а другой конецъ завернулъ на двѣ руки, дернулъ; также какъ прежде вытянулся во весь его ростъ и потомъ вырвалъ конецъ его съ ногъ и обвилъ его съ шеи до пояса; натужась, хотѣлъ оборвать, но (платокъ) прижималъ его еще крѣпче; и сдѣлалъ его такъ, что онъ не могъ даже шевелиться,—и онъ покати́лся на землю. Дьяволъ взялъ его преспокойно и привязалъ къ лошади; лошадь его тоже присоединилъ къ своей; и поѣхалъ къ дому Кёнчѣ-Бёгѣ.

Пріѣхавши, взялъ руками двѣ юрты, сложилъ себѣ на дно двухъ переметныхъ сумъ; собравъ безчетное число людей, жителей двухъ богатыхъ человекъ, дополнилъ ими свои переметныя сумы и потомъ вышелъ-поѣхалъ на свое мѣсто. Оборотилъ голову назадъ, протянулъ ладонь, заржалъ по-лошадиному, сказалъ: хуру-хуру! Протянулъ другую ладонь, замычалъ по-коровьи. На то весь скотъ, стоявшій въ полѣ, всѣ коровы, бывшія въ хотонахъ,

пошли за нимъ въ рядъ, какъ полавки съти. Вотъ такъ онъ увелъ все.

Когда онъ только что отъѣзжалъ, вдругъ внезапно со стороны человѣческаго мѣста, прямо съ южной стороны вдругъ, какъ тѣнь, предсталъ передъ нимъ трехгранный человѣкъ на треногой желѣзной кобылѣ; шумить, трещить, кричить: «Кто не знаетъ тебя, что ты за человѣкъ? Съ чьего разрѣшенія или приказанія нашель ты, собралъ, повелъ бѣлый и черный скоть? Возврати ты этотъ скоть, пока мѣсто твое близко и меньше трудовъ»!

На это дьяволъ испугался: «Э, бабать»! Взгрѣбъ къ себѣ ладонью Кытыграс'а-Бараччи совсѣмъ съ лошадыю и поставилъ себѣ на лѣвую ладонь; смотритъ: «Ай-ей»! говоритъ. «И этотъ еще походить немного на дьявола, смахиваетъ на богатыря»! Взялъ привязалъ его въ торока лошади внизъ головой, вверхъ ногами и поѣхалъ дальше.

Приѣхалъ на свое мѣсто; прежде передъ его домомъ было мѣсто, куда онъ ставилъ человѣческой скоть, уведенный имъ. Тутъ онъ и остановилъ людей и скоть, поставилъ ихъ домá, и по наружной сторонѣ обвелъ каменной стѣной, на которую сверху нельзя войти, и по низу нельзя выйти; въ четырехъ мѣстахъ сдѣлалъ четверы ворота. У восточныхъ воротъ поставилъ караульнымъ теряющагося съ дыханіемъ сыраго моря Желѣзнаго Красная-мѣдь-богатыря (симелянь сикъ баягал тыннах Тимирь Джесиня бухатыр); у южныхъ воротъ поставилъ съ одною ногой толстаго неуклюжаго (содалба) богатыря (соготовх атахтах сон Содалба бухатыр); у западныхъ воротъ поставилъ одноногаго Арджаманъ Джаржамана-богатыря (ангардас харахтас Арджаман Джарджаман); у сѣверныхъ воротъ поставилъ Зычнаго Звонъ-богатыря съ хоролорскимъ языкомъ (Хоролу тыялах Хонгкурдан бухатыр). Поставивши, онъ говоритъ этому народу: «Если будетъ дуть сверху Утиное гнѣздо (Юргель), если задуетъ снизу вѣтерокъ, то вы прійдите ко мнѣ и донесите»!

Часть III.

Хань-Джаргыстай.

13.

Дьявольскій содомъ-обманъ увелъ, какъ сказано, Сильнаго человѣка (Кѣнчѣ-Бѣгѣ) съ людьми и со скотомъ.

Когда еще себѣ вихорь, скрутивъ, вынесъ сына Кѣнчѣ-Бѣгѣ и свустилъ въ пустой осиновый пенъ на высокой черной зычной горѣ (ханжынар хара тас). Дядя этого ребенка Бѣрѣдь-Бѣргѣнь сверху спускалъ ему со снѣгомъ и дождемъ бѣлую живительную жидкость (юрюнгъ сюлюгяй) бѣлаго Господа Бога (Юрюнгъ Аи тоѣн) и воспитывался онъ этимъ. Когда минуло ему десять лѣтъ, онъ понатужился, разломилъ свой осиновый пенъ, выскочилъ изъ скорлупы лица и вбѣжалъ въ долину. Когда онъ бѣжалъ, изъ бѣлошерстныхъ (коней) нѣтъ ни одного ходящаго; трава, выросшая за три года, не была пощипана ни однимъ животнымъ; нѣтъ никого, ни одного человѣка съ лицомъ наперед, съ теплымъ (талымъ) дыханіемъ. Стоитъ только шумящее желѣзное выросшее поле, толщиною въ четыре пальца, въ сорокъ сажень шириною, въ восемьдесятъ сажень длиною. На переднемъ его концѣ стоитъ столбъ изъ прозрачнаго камня (нянжиръ тас) четверугольный въ три сажени вышиною. Прибылъ онъ сюда и выбѣжалъ на столбъ. Тутъ слышитъ онъ и видитъ, что вѣроятно надъ ними есть страшно много скота, страшно много людей. Поднявъ голову и смотря на верхъ, закричалъ:

«Живущій надъ бѣлымъ небомъ съ сѣдалищемъ изъ бѣломолочной каменной горы (ють тас олбохтох), съ мѣстомъ, гдѣ озерья изъ молока, не покрывающагося пѣнкою; съ кроткимъ нѣжнымъ нравомъ, Бѣлый Господь Богъ, который долженъ опредѣлить мое назначеніе, направить меня, чтобъ я сталъ человѣкомъ. Вотъ я на землѣ не знаю ни важной матери, отъ которой я родился; не отгадываю побѣдителя своего отца. Нѣтъ у меня платья надѣтъ на плеча; ни пищи для пропитанія; остаюсь совершенно голоднымъ;

нѣтъ ни верховой лошади, на которой-бы я поѣхалъ; остаюсь пѣшимъ. Господинъ Дѣдушка (т. е. Богъ) (тоѣн ясямъ), посовѣтуй мнѣ, чѣмъ взяться и какъ сдѣлаться человѣкомъ?» — Сказалъ онъ и слушаетъ.

И слышитъ онъ: велѣлъ Господь поворотить, собрать всѣхъ своихъ людей съ востока, приблизить южныхъ людей, привести западныхъ людей и, присоединивъ сѣверныхъ людей, сдѣлавъ собранье, сказалъ Бѣлый Господь господинъ: «Такъ и такъ, такой-то человѣкъ, родившись на землѣ, говоритъ превосходныя рѣчи и плачетъ... Умные люди, отгадайте! знахари, узнайте! откуда и съ какимъ опредѣленіемъ должны быть его верховая лошадь, надѣваемое платье, ручное (держимое) оружіе»? Собравшись, шумѣли (они) три дня и три ночи, да и сказали: Мы не видали его лично собственными глазами! Какъ-же съумѣемъ сказать, приготовить, что тамъ слѣдуетъ? Не могли мы ничего выдумать, какую дать ему лошадь»? Сказали и всѣ разошлись.

Когда они разошлись, Бѣлый Господь господинъ остался въ большой печали. Однако (послышался звукъ) шаговъ; одинъ человѣкъ, ушедшій на западъ, воротился. И воротившись «лос, лос» (стукъ стукъ), постукавъ въ дверь Бѣлаго Господа господина: «Господинъ старецъ (тоѣн огоннѣр)! Вотъ вѣдь я дорогой выдумалъ. Будешь-ли ты согласенъ, если я дамъ имя этому дитяти, родившемуся на землѣ и укажу лошадь»?

Голосъ старика говорить изъ дому: «Ладно; какъ-же не согласишься?»

— «По моему мнѣнію, его верховой лошадыю должна быть: на востокѣ отсюда есть лошадь явно опредѣленная отъ Господа Бога (Аи тангара); если она посмотритъ на солнце, то на лбу (видно) девять серебряныхъ кружковъ (тусакты^{*)}); если посмотреть на мѣсяць, то щеки ея блещутъ въ семи мѣстахъ^{**}); уши какъ двѣ кукушки,

*) Тугус сиринях тусахталах.

***) Сяття сиринянь джярьгяльгяни едястяхъ.

сѣвшія въ рядъ; на лбу (полевые) «пѣтушки» (чохчонгхо); въ глазахъ ласточка (харангалык); въ носу, въ ноздряхъ легкая птица, на хвостѣ съ птицей Курагаччи, на подколенкахъ хвощь-трава (буору от), а повыше подколѣнковъ съ тальниковымъ деревомъ, съ шумной ѣздой, съ бѣдовыми ногами, со скорымъ ходомъ. Есть такая лошадь, съ природнымъ сѣдломъ и уздою. У этой лошади все орудія, все платье готово для мужчины. Если съ послами отъ Господа, семью юношами-людьми (сяття уолан киси) велишь угнать ему эту лошадь, такъ будетъ ему парой. А имя его будетъ Ханъ-Джаргыстай съ Венерой звѣздой (Чолбон) на лбу, съ мѣсяцемъ на затылкѣ, съ солнцемъ на груди, съ бессмертною жизнью, съ непрерывающимся дыханіемъ!»! сказалъ.

Отвѣчалъ господинъ внутри дома: «Ладно, хорошо; пусть такъ будетъ»!

Нижній человекъ подумалъ: «слышалъ я или не слышалъ», не замѣтилъ, откуда взялся, прилетѣлъ къ нему конь съ сѣдломъ и уздою, какъ лучезарный свѣтъ солнца и мѣсяца и, стукнувши, спустился на желѣзное поле, таща серебряный поводъ длиной въ три ручныхъ сажени. Человекъ (Ханъ-Джаргыстай) и схватилъ за этотъ поводъ. Лошадь, гнушаясь и испугавшись этого, тщетно ушिरалась, отскакивала отъ него, — этотъ человекъ не разжалъ сжатой руки, не сдвинулся съ того мѣста, въ которое уперся ногами. Потомъ досталъ изъ ушей лошади платье, свернутое въ трубку и одѣлся въ него. И пришлось оно ему (въ пору, какъ будто) надѣвая на него, примѣривая, шила мастерица женщина. И точно мастеръ человекъ по его рукѣ дѣлалъ ему оружіе, пришлось ему оружіе въ самый разъ, обоимъ въ пору (т. е. оружіе по рукѣ и рука по оружію). Плотнo сѣлъ онъ подъ черную гриву, на широкую поверхность лошади, на круглую спину. Тутъ лошадь, чтобъ сбить его съ себя, заложивъ голову между своихъ ногъ, но не уходя далѣе аркана, билась въ продолженіе трехъ сутокъ. Онъ тоже ни разу не перемѣнилъ своего положенія, ни однажды не расщемилъ

ногъ, которыми сжалъ лошадь. Послѣ этого повернулъ на сѣверъ, разрѣзалъ плетью толстое тѣло лошади (т. е. ударилъ), поѣхалъ. Засвистѣло у него въ ушахъ, какъ крылья бѣлобока (утки).

Ѣхавши сколько-бы ни было, мигомъ доѣхалъ онъ на мѣсто пышнаго жилья, широкаго жительствова, на средоточіе земли почтеннаго Кыйбырдана. Увидалъ это поставленный у восточныхъ воротъ караульный терпящійся съ дыханіемъ сыраго моря Желѣзный Красная мѣдь-богатырь. И показалась это ему, какъ будто небо на него собралась, какъ будто пропасть опустилась на низъ, какъ будто солнце помрачилось. «Ну вотъ прибылъ (тотъ), про котораго мой господинъ говорилъ, что прійдетъ», говоритъ и пошелъ онъ сказать объ этомъ Толстому Неуклюжему, одноногому богатырю: «Вѣрно пришелъ тотъ человекъ, о которомъ говорилъ нашъ господинъ (что придетъ); пойдѣмъ, повѣстимъ его!» Тотъ отвѣчалъ: «Своя жизнь самому дороже; да и самъ онъ зачѣмъ путемъ не жилъ? Съ высокаго неба просилъ покоя, съ яснаго неба вѣтра, съ облачнаго неба домогался бѣды. Если ужъ докладывать, такъ докладывай ты самъ, а я ужъ не буду!» И поѣхалъ тотъ на югъ. Дошелъ онъ къ богатырю, стоявшему на западной сторонѣ, Анъ-Джарсыну. «Такъ-то и такъ-то; пойдѣмъ доложимъ!» Тотъ тоже отвѣчалъ, какъ и южный и ушелъ на западъ. Пошелъ къ стоявшему у сѣверныхъ воротъ Зычному Звонъ-богатырю съ хоролорскимъ языкомъ; сказалъ. А тотъ опять также отвѣчалъ, какъ другіе, и ушелъ на сѣверъ. «Когда столько людей и всѣ такъ устанились, и я тоже уйду. Чѣмъ я лучше ихъ, чтобы идти докладывать?» Сказалъ онъ и исчезъ, спрятался въ сырое море.

Ханъ-Джаргыстай пріѣхалъ, заложилъ свой хлыстъ между землею и фундаментомъ, и съ основанія выворотилъ каменную стѣну. Потомъ въѣхалъ въ это мѣсто и, поражая плетью своею, какъ только хватала рука, заставилъ свою лошадь истоптать одномошно чернопѣгихъ кобылъ и коровъ, не помѣщающихся между лѣсомъ и травою (т. е. безчисленное множество); брела его лошадь по убитому

скоту пониже половины щиколки. И доѣхалъ онъ къ обиталищу почтеннаго (ытык) Ыыйбырдана, а было оно желѣзное въ три ряда. И увидали они (тамошніе жители), что пріѣхалъ якуть-человѣкъ (Саха киси), какъ блестящій ликъ ласковаго молніеноснаго солнца (аламай кюнъ чагалган). Дьявольская дочь, выбѣжавши, увидавши (его) сквозь щелку сѣней, вбѣжала, хлопала-хлопала руками по обѣимъ бедрамъ, прискакивая вверхъ, облизываясь семи саженымъ языкомъ, запыхавшись, говорить: «Господинъ дядя (старшій братъ)! Шея и голова у него очень хороша; румяныя щеки очень прозрачны; отдай на мою очередь его голову и шею; отдай на мою долю румяныя щеки».

Въ это время Ханъ-Джаргыстай пріѣхалъ на дьявольскій дворъ, который былъ гладокъ словно поверхность наковальни почтеннаго кузнеца (улу ус). Увидавъ его (Ханъ-Джаргыстай), почтенный Ыыйбырданъ страшно струсилъ, совершенно растерялся; дрогнула его мысль; захолонуло его сердце; просто не нашель себѣ мѣста. И вдругъ онъ ушелъ передъ своимъ шесткомъ въ землю, думая: «Сдѣлаюсь я трехграннымъ желѣзнымъ остроконцымъ орудіемъ (ёрьбя), пронжу по срединѣ вытянувшуюся становую жилу, черную печень лошади Хана-Джаргыстай; самаго его лишу открытыхъ частей (тѣла), сдѣлаю его непрочнымъ задними частями». И вдругъ вышелъ онъ на верхъ въ видѣ желѣза подъ самой лошадыю Хан-Джаргыстай. Но лошадь откачнулась отъ него; задѣло ее только по самую шерсть; вынырнуло на верхъ трехгранное остроконечное желѣзо. «Схвачу я (это) трехгранное остроконечное желѣзо!» подумалъ Ханъ-Джаргыстай и поймалъ прямо за загривокъ Ытыкъ-Ыыйбырдана; и, сронивъ, началъ сѣчь такъ, что показались его спинныя жилы. Дьяволъ и просить его: «Умоляю тебя, помилуй меня! Господинъ мой, не убивай меня! зная, что ты придешь, я не охладилъ изъ твоего скота ни одного дышащаго (т. е. не убилъ), не сронилъ ни одного суставчатаго; ничего не убилъ; все стоитъ въ цѣлости и сохранности. Ты посмотри: если увидишь, что изъ людей твоихъ или скота что-

нибудь не достаетъ, тогда ужь меня убей!»!—Ну, хорошо, покажи! сказалъ (Ханъ-Джаргыстай), ослабилъ, поставилъ его, вяжетъ желѣзнымъ плетенымъ ремнемъ за шею; связавши, пускаетъ впередъ, колотить его въ спину, ѳдетъ, говоритъ: «Гдѣ эти твои люди и скоть? дай (помоги) мнѣ найти».

Мучась, лишаясь мяса-тѣла, плача, имѣя лицомъ землю (т. е. стыдясь и унижаясь), прискакивая передъ Ханъ - Джаргыстаемъ Ытыкъ-Кыйбырданъ дошелъ (туда), гдѣ онъ оставилъ скоть и людей. И въ самомъ дѣлѣ онъ ничего не убавилъ; изъ людей не убавилось ни одного человѣка; изъ скота не было недостачи ни въ одной скотинѣ. «Это не твое, а мое!» сказалъ человѣкъ. И собралъ все, повелъ къ своему мѣсту, а Ытыкъ-Кыйбырдана повелъ привязаннаго за шею, какъ собаку.

14.

ѳдетъ онъ, гонить скоть и людей, вецетъ Ытыкъ-Кыйбырдана, привязаннаго за шею, подобно собакѣ; подумалъ: «Что ужь онъ теперь сдѣлаетъ послѣ этого? Куда онъ убѣжитъ, дошедши до этого мѣста? А я веду его на ремнѣ!»! И спустилъ (его съ ремня). И оказалось, что онъ (Ытыкъ-Кыйбырданъ) погонщикъ для рогатаго и коннаго скота лучше всѣхъ. Но потомъ, постепенно прячась отъ человѣка за человѣкомъ, отставая-прячась за скотомъ, теряясь отъ дерева за дерево, потерялся (совсѣмъ).

Оставшись, Ытыкъ-Кыйбырданъ обдумалъ свое положеніе. Теткой (старшей сестрой) его была шаманка (удаган) по имени «Ножницы-Плечи (Кыйбый-сарын) Клещи-Пальцы, (Китагас тарбах) дѣвка свистящая красавица (кыс кыкыйдан ко), почтенная на корточкахъ» (ытык чѣкчѣйдѣнь), которая до двадцати лѣтъ сдѣлалась нетерпимою въ восьми дьявольскихъ улусахъ; и потому отецъ и мать посадили ее за толстую дверь, заключивъ ее въ темномъ мѣстѣ на концѣ западнаго неба. Побѣжалъ онъ туда рысью. Добѣжавъ, открылъ дверь, не далъ себѣ (сроку) спокойно войти, палъ на порогъ, и лежа тутъ плачетъ, поетъ и рыдаетъ.

«Ахъ, моя тетка (яджійккямь)! На среднемъ мѣстѣ человекъ по имени Ханъ-Джаргыстай, родившись красивѣе виданныхъ, лучше всѣхъ слышанныхъ, хочетъ стереть меня со свѣту, хочетъ истребить наше имя; восемь дьявольскихъ улусовъ сдѣлалъ, какъ лѣсной валежникъ, какъ остатокъ сѣна (послѣ косьбы). Поди, спаси насъ отъ этого, помилуй!»!

Тетка отвѣчаетъ: «Не то, что людей (т. е. дьяволовъ) спасать, помиловать ихъ, я сама чуть жива; обманъ-колдовство мое потерялись оттого, что я сидѣла въ темной тюрьмѣ. Какъ я пойду и помилую васъ!»!

На это Ытыкъ-Кыйбырданъ говоритъ: «Ахъ, моя тетка (сестра моя старшая)! когда у тебя такія слова, что я буду за человекъ? По крайней мѣрѣ, сдѣлайся на землѣ невыносимымъ морозомъ, такъ что рога у коровъ будутъ ломаться отъ холода, а тутъ будетъ стоять домикъ съ разведеннымъ огнемъ, съ закрытымъ дверями. Была у тебя такая хитрость-мудрость. А если входили сюда скотъ и люди, все равно, что входили въ твое широкое брюхо, все помирало. Какой бы онъ тамъ ни былъ, какъ перейдетъ такую хитрость?»!

— «Ай, дитя мое; въ самомъ дѣлѣ!»! говоритъ тетка. «Кажется точно была у меня эдакая хитрость!»! И потомъ, шаманя, спустилась она на землю.

Солнечный человекъ Ханъ-Джаргыстай вѣхаль-переселялся; вдругъ такой сдѣлался холодъ, что люди корчились-мерзли, лишась движенія, собирались помирать. И, вѣдучи въ такомъ состояніи, видятъ они: стоитъ съ горящимъ огнемъ, съ закрытою дверью домикъ, дворъ котораго какъ-будто только что былъ выметень. Сказавши: «Богатый человекъ явно имѣетъ помощь отъ Бога. Вѣроятно намъ не суждено помереть. Даетъ же Богъ (эдакое добро). Устраиваютъ же духи земли!»!—Люди и скотъ торопились войти. На то господинъ ихъ: «Постойте!»! говоритъ. «Пока я, вашъ господинъ, не сказалъ, въ какой домъ вы хотите взойти? Я, господинъ вашъ, дол-

женъ первый взойти и узнать!»! И, сказавши это, выѣхалъ онъ впередъ рысью—а сперва онъ ѣхалъ позади—и разрубилъ домъ красивою своею непосѣдой плетью; домъ распался на двое; оказалось, что онъ пополамъ сверху внизъ разрубилъ женщину дьявольскую дочь; и осталась она, крича. Говорили: «ударилъ невыносимый холодъ!»! Со всѣмъ нѣтъ! ѣхали они среди самаго лучшаго жаркаго дня.

Запрятавшись за чернымъ облакомъ, Ытык-Кыйбырданъ увидалъ все это; заплакалъ-убѣжалъ назадъ.

Убѣжавъ назадъ—(есть у него) родившаяся вмѣстѣ съ нимъ старшая сестра Постеля съ Вихремъ свистящая красавица, почтенная Эянгиликъ шаманка (халырыктах тьяляхъ хаскыйдан ко ытык Эянгиликъ удаган). Дошелъ онъ туда и, какъ говорилъ теткѣ, какъ плакался ей, также все сдѣлалъ. А та въ свою очередь сказала ему, какъ и тетка: «Хитрости мои, сила моя потерялась. Чѣмъ я одолѣю такого человѣка, (какъ Ханъ-Джаргыстай)? На что полагаясь, пойду?»?

На то Ытыкъ-Кыйбырданъ говорить: «Хотя бы ты, когда они будутъ ѣхать, имѣла хитрость сдѣлаться зноемъ, отъ котораго будетъ сгорать шкура на лбу у быковъ; и посреди того струилась каменная рѣчка. Люди и скоть, кто выпьетъ (воды) оттуда, войдетъ туда, будетъ равняться тому, что войдутъ въ желудокъ. Какой бы онъ тамъ ни былъ, неужели опять не войдетъ»? Тутъ Ытыкъ-Эянгиликъ шаманка, звеня-шаманя, спускается на среднее мѣсто.

Когда ѣхалъ-кочевалъ Ханъ-Джаргыстай, падаетъ на землю такой палящій ни на что не похожій зной, что люди и скоть шли задыхаясь, краснѣя, испекаясь и сгорая. Вдругъ какъ будто только что изъ подъ ледоваго камня бѣжала-журчала каменная рѣчка со льдомъ, съ шугой. Люди и скоть устремились туда, чтобы войти (понирыть) въ воду. Но Ханъ-Джаргыстай сказалъ: «ужо, постойте!»! обѣхалъ ихъ и, пріѣхавъ, ударилъ плетью и оказалось, что

онъ разрубилъ по срединѣ на двое хитрость дьявольской дочери и ее самую. Послѣ этого, ихъ стало весело пригрѣвать солнце и струя воздуха стала нѣжить ихъ легкимъ вѣтеркомъ.

Прикрывшись голубымъ облакомъ, Ытыкъ-Кыйбырданъ увидалъ это, заплакалъ, побѣжалъ назадъ на западъ.

Ханъ-Джаргыстай пріѣхалъ на свое мѣсто и землю, къ дому и огню; разостлалъ, распространилъ людей—людьми, скоть—скотомъ. Вотъ и живетъ.

15.

Однажды утромъ, думая, что пора встать, Ханъ-Джаргыстай всталъ и вышелъ. Не замѣтилъ онъ откуда взялось: лучшей собою челоуѣкъ качается между небомъ и землей, не имѣя опоры ни отъ неба, ни отъ земли, въ платьѣ безъ тѣни изъ лучезарнаго солнечнаго и луннаго свѣта.

«Другъ Ханъ Джаргыстай, что съ тобой случилось? ты говорятъ, сказалъ слово грѣшное; возымѣлъ мысль, ведущую за собою наказаніе. Есть за почтеннымъ небомъ (улу халлан) Улусханнахъ Улутоёнъ (стремительный почтенный господинъ), разбужающійся съ испугомъ, господинъ дьявольскаго происхожденія со ртомъ на кадыкъ. Говорятъ, ты заказалъ ему, чтобы онъ пришелъ къ тебѣ и занялъ мѣсто назначеннаго подручнаго самаго послѣдняго слуги, чтобы онъ былъ тебѣ колодками (пугами) для жирныхъ жеребятъ (первой осени) (т. е. былъ пастухомъ), чтобы онъ толкался у твоихъ телятъ, чтобы былъ ловкимъ твоего хотона, послѣднимъ челоуѣкомъ шалаша, чтобы онъ былъ тебѣ пастухомъ. Говорятъ, такъ ты сказалъ. На это онъ сильно сердится, и, говорятъ, оскорбился и снаряжаетъ двѣсти верховыхъ богатырей, чтобы избили тебя, сровняли съ землей. Остерегись ты этого!»

На это Ханъ-Джаргыстай говоритъ: «Неужели вы не видали двѣсти комаровъ? Развѣ трудно ихъ раздавить? Этыхъ (богатырей) я не считаю лучше тѣхъ (комаровъ)».

Услыхавъ это небесный челоуѣкъ вылетѣлъ на свое небо, Ханъ-Джаргыстай собралъ свой скоть и своихъ людей и запрягалъ

ихъ, приподнявъ свое желѣзное поле въ сорокъ сажень шириною, въ восемьдесятъ длиною. И взявши свой мечъ спрятался, легъ у столба въ три сажени шириною, въ четыре сажени вышиною.

Спустились на коняхъ двѣсти богатырей точно дождикъ и снѣгъ. И, сосчитавъ ихъ съ боку, когда стало ихъ двѣсти, (Ханъ-Джаргыстай) соскочилъ, перевернулъ желѣзное поле, всѣхъ ихъ уничтожилъ, измололъ; не осталось ни одного дыханія.

Спрятавшись за тѣнью голубаго облака, Ытыкъ-Кыйбырданъ увидалъ это, заплакалъ и помчался стрѣлой на западъ.

Побѣжавши назадъ стрѣлой, опять дошелъ къ «разбужающему съ испугомъ стремительному почтенному господину». Дошедши, упалъ онъ у нижней коновязи (окруживъ ее собою, какъ поясомъ), кричащей по львиному. И лежа тутъ сталъ плакать, гнусить и кричать, какъ будто онъ помираетъ, какъ говорить свое завѣщаніе шаманъ, лишаящійся языка.

«Послалъ меня къ тебѣ Ханъ-Джаргыстай, сильно разсердившись, разсвирѣпѣвши, лишая меня и тѣла и кожи, сильно разгнѣвавшись, говоря: «для чего онъ посылаетъ черное войско»? Ни одной души не оставилъ изъ твоего войска, все смололъ. А потомъ, избавивъ меня, послалъ къ тебѣ, чтобъ ты скорѣе шелъ къ нему; сильно сердится, сильно досадуетъ. Ахъ, пожалуста, господинъ мой! не дай меня убить, пойди къ нему. Не дай погубить всѣхъ дьяволовъ съ затемняющей тѣнью! Сердясъ на тебя оттого, что ты нейдешь, вѣроятно онъ не задумается перерѣзать насъ всѣхъ. Ну, пойди же скорѣе!»

Отвѣчаетъ «стремительный почтенный господинъ»: «Въ самомъ дѣлѣ страшнымъ-же человѣкомъ онъ возникъ? лучшимъ-же человекомъ родился. И точно онъ сдѣлаетъ меня рабомъ. Чѣмъ я спасусь отъ этого, какимъ средствомъ спасу своихъ? А въ самомъ дѣлѣ! былъ вѣдь родившійся отъ меня сынъ, который до двадцати лѣтъ не помѣстился (не ужился) въ восьми дьявольскихъ улусахъ; и, заковавъ его толстымъ желѣзомъ, за карауломъ семи черныхъ

тѣней людей (сяття хара кюлюкъ киси), спустили его въ нижнее дьявольское мѣсто, въ пропасть-тартаръ (тантатары), въ семистѣнный желѣзный амбаръ (сяття тимирь ампар). Развѣ вывести этого человѣка и послать съ нимъ (Ханъ-Джаргастаемъ) сражаться?»

И послалъ онъ три черныхъ человѣческихъ тѣни (юсь хара кюлюкъ киси) и велѣлъ привести своего сына, сына высокаго неба (юрдюкъ халлан уола), человѣка по имени Ёксюкюляхъ Бюкюстай*). Этотъ, не дошедши еще до черты отцовскаго мѣста, отъ стремительности своего перваго выхода съѣлъ сорокъ человѣкъ и сорокъ штукъ скота и пришелъ.

— «Остановись, осмотри! Равный-парный тебѣ нашелся. Къ чему ты родился лучшимъ сыномъ? Спаси насъ отъ явной смерти. Якутъ-человѣкъ явно хочетъ взять насъ рабами. Насталъ день исчезнуть намъ со свѣту подъ красной тальничной плетью якута-человѣка; помилуй, спаси отъ этого!»! сказали отецъ и мать, накопили ему сорока саженный стогъ сѣна и худой и хорошей пищи и говорятъ: «кушай это»!

Говорить на это Ёксюкюляхъ-Бякистай: «ладно, хорошо; буду я ѣсть десять дней, буду спать отъ устатку десять дней; а вставши въ девять дней разтяну (расправлю) суставы»!

16.

Берѣдь Бергѣнь, человѣкъ повѣщающій по прежнему, извѣстилъ Ханъ-Джагыстая, что вотъ ты заказалъ такъ и такъ и они снарядили на тебя такого-то силача страшнаго дьявола. На то Ханъ-Джаргыстай говорить: «Я и не говорилъ этихъ словъ и не думалъ такой думы! Не сплю я скокойно отъ этой дьявольской клеветы; пересталъ жить какъ слѣдуетъ. Пусть наименовавшій меня сынъ голубаго неба (кѣхъ халлан уола) Кѣкя-Джасынь войдетъ, посмотреть, какъ я буду помирать-теряться»! Послѣ этихъ словъ небесный человѣкъ (халлан киси) вспорхнулъ на небо.

*) Въ другихъ мѣстахъ: Бякистай.

Когда Ханъ-Джаргыстай запряталъ по прежнему своихъ людей и скоть, а самъ спрятался около того же каменнаго столба, больше чѣмъ когда нибудь небо и земля возмутились отъ страха; бездонныя пропасти заколыхались; каменные горы-утесы растрескались; земляныя горы, обрываясь-разсыпаясь, сдѣлались ровными мѣстами; съ четырехъ угловъ неба вылетѣлъ жестокий вихрь съ лучисто-огненной головой, съ туманно-горяще-пламеннымъ подножіемъ и, скучиваясь, за клубился на темени (верхушкѣ) неба. Когда онъ тутъ клубился, стали отрываться горящіе огни (величиной) съ долбочки и капать кое-гдѣ на землю, и выжгли лѣсъ и траву. Вдругъ сдѣлалось совершенно темно; послѣ шума «спорящагося» сильнаго грома, среди сильнаго стремительнаго вихря вылетѣлъ, кружась, соскочилъ на землю человѣкъ трехсаженной длины, на половину огненный, на половину желѣзный; и отъ силы паденія вошелъ онъ въ желѣзное поле на сажень. Но выскочилъ онъ оттуда и, сверкая краснымъ огнемъ, пламѣнѣя голубымъ огнемъ, пришелъ къ Ханъ-Джаргыстаю, стоящему около столба.

— Вѣдь ты живьемъ хотѣлъ сдѣлать рабами моего отца и мать! Вотъ пришелъ къ тебѣ я, достойный рабства. Ты ли сдѣлаешь насъ рабами? За грѣхъ сказаннаго слова, за грѣхъ твоего помысла, хочешь-ли ты такъ прямо живьемъ сдѣлаться мученикомъ солнца? Или ужъ хочешь раньше успокоиться, вдругъ очутиться во тьмѣ? Говорить онъ, сердится, страшно шумить, подобно тому, какъ лопаются камни.

На то Ханъ-Джаргыстай говоритъ: «ужо, постой осмотрись! Должно быть и у тебя тѣло доступное болѣзни; и у тебя проливающаяся кровь, прерывающееся дыханіе. Вѣдь ты родился на среднемъ мѣстѣ, а потому сильно не гордись, не приготовляйся сильно. Я еще не считаю тебя даже равнымъ чулкамъ, которые у меня на ногахъ; стелькамъ въ моихъ торбосахъ»!

— Эдакая ничтожность! Посмотрите на досаду его языка и обиду его усть! Сказалъ дьяволъ и подлетѣлъ къ нему довольно стреми-

тельно; прямо къ человѣку пошелъ довольно сильно.

Они сошлись, подобно тому какъ сходятся два бойца самца сохатые, взяли за запястья и начали колотить другъ друга. Истоптали они желѣзное поле, какъ мягкій дресвякъ. Отъ силы ихъ боя, отъ шума поднялся вихрь на семь переѣздовъ вокругъ; сронилъ лѣсъ и траву, превратилъ въ валежникъ; изломалъ, наполнилъ, сравнялъ возвышенія земли, кочки и ямы. «Какая бѣда возникла на землѣ»? говорятъ (люди) верхняго девяти родоваго племени. Выглянули: «Ой! попались-же другъ другу люди, которымъ слѣдовало погасться. (Посторонняго) человѣка задѣнуть!»! Сказали они и отступили къ верхнему мѣсту. «Какая стала бѣда на землѣ» (среднемъ мѣстѣ)? говорятъ въ нижнемъ мѣстѣ изъ восьми родоваго дьявольскаго племени. Посмотрѣли: «Ой! попались-же люди, которымъ слѣдовало погасться! человѣка совсѣмъ истопчуть!»! сказали и опустились къ нижнему мѣсту.

Дравшись, не могли побѣдить другъ друга; сравнявшись, потерявъ пѣну легкихъ, упали на обѣ стороны на желѣзное свое поле и отъ силы паденія ушли (бокомъ) въ землю до половины. Лежатъ тутъ Ханъ-Джаргыстай видитъ, что наименовавшій его отецъ сынъ синѣющаго голубаго неба Кёкя - Джасынъ пришелъ и стоитъ-смотреть на голубомъ облакѣ. (Ханъ-Джаргыстай) и зоветъ его словами:

«Назвавшій меня отецъ! Не говорилъ-ли ты, что назначилъ меня къ неумирающей жизни, къ непрерывающемуся дыханію; насталь день моей смерти; вотъ спаси меня теперь и помилуй!»!

Кёкя-Джасынъ, держа въ рукѣ вороненую желѣзную пику, спустился внизъ.

Дьяволь сказалъ на это: «Что съ тобою, Кёкя - Джасынъ? Когда я былъ еще дитятей и когда ты былъ юношей, почему-же ты хотѣлъ спасти-помиловать меня, когда настанеть день моей смерти и далъ сильную клятву, говорилъ важное слово? Если ты ни во что ставишь свои слова, то рви мое дыханіе; если ты обманщикъ, убей (меня)»!

Услыхавши это, съ вороненой (желѣзной) пикой Кёкя-Джасынъ обращается къ Ханъ-Джаргыстаю, упираеть въ него копьёмъ и мечемъ, чтобы убить его.

Говорить на это Ханъ-Джаргыстай: «Бѣлый Господь дѣдушка (Юрюнгъ Аи тоён ясямь), спаси и помилуй!»! На эти слова спустилось восьмигубое (агыс тистяхъ) божье оружіе (аи атарата). Увидѣль это Кёкя-Джасынъ и съ своей пикой въ рукахъ побѣжалъ-полетѣль плавно къ своему голубому небу. Божіе оружіе съ лучами совсѣмъ остановилось на разстояніи протянутой якутской руки.

Ёксюкюляхъ Бюкюстай говорить-лежить:

«Господинъ мой, другъ мой Ханъ-Джаргыстай, не убивай меня! Чтѣ за ненависть между нами? Повѣрилъ я людскимъ сплетнямъ, пришелъ-подрался за челоуѣка. Если ты станешь за мою жизнь, я буду тебѣ послѣднимъ низшимъ рабомъ. Если подумаю я тебѣ худое, скажу ложь, сдѣлаю грѣхъ—пусть всѣ мои боги (бары тангарам) давятъ меня! пусть мое небо спустить на меня каменный дождь (тас самыр) и побьетъ меня! Пусть не подымаетъ меня земля, обратившись топкимъ болотомъ, покрытымъ мхомъ! Пусть переломятся руки, которыми я держу! Пусть стянетъ ноги, которыми я хожу! Пусть лопнетъ мой животъ! Пусть перервется мой спинной мозгъ! Зрячіе мои глаза пусть сдѣлаются сѣро-чернымъ камнемъ! Пусть стянетъ мой языкъ! Пусть стиснутся мои челюсти такъ, чтобы не понадала туда жидкость, и не выходилъ оттуда (мой) голосъ! Пусть помѣшаюсь я, сдѣлавшись совершенно глухимъ, не различая ни запада, ни востока, потерявъ и разумъ и память!»!

Повѣрилъ, согласился челоуѣкъ; отправилъ оружіе Господа (Аи тоён атарата) назадъ на верхнее мѣсто; тихо поднялось оно на верхъ и ушло. Послѣ того, поцѣловавшись въ губы, сдѣлавши заклинаніе Богу (Аи тангара), исцѣливши свое раненое тѣло плюновеніемъ, вышли къ своему дому, пришли.

12.

Стало три старыхъ дома (т. е. Бѣлаго Юноши, Кёнчѣ-Бѣгѣ, Кычыграсъ *)-Бараччи); а четвертымъ сталъ домъ, гдѣ жили вмѣстѣ

*) Въ другихъ мѣстахъ Кытыграсъ.

Ханъ-Джаргыстай и Ёксюкюляхъ-Бякистай. Распорядительность работъ у этихъ людей, крѣпость всего сдѣланнаго ими, скорость ихъ походки, изобиліе ихъ добычи на охотѣ, доброкачественность ихъ совѣсти; кротость ихъ мысли; умъ и память ихъ были просто лучше всѣхъ. Всякій могъ-бы желать и удивляться ихъ дружбѣ. Если одного изъ нихъ нѣтъ, то другой не ѣсть; если одинъ изъ нихъ какъ-нибудь запоздается, то другой не спитъ, не сидитъ съ печали, говоря: «Что, молъ, сдѣлалось съ моимъ другомъ»? Живутъ поживаютъ эти люди сыто, богато, прекрасно, пресчастливо.

Живя такъ согласно, въ одно утро человекъ говоритъ: «Другъ! Вотъ изъ-за ябеды дьявола дошелъ я до такихъ бѣдъ и битвъ. Я имѣю намѣреніе идти жаловаться на это. Ты знаешь, гдѣ господинъ начало, голова, пышное жилище, Ытыкъ-Кыйбырданъ съ лошадью Хоро-тябень*). Укажи ты мнѣ, заруби (разъясни обстоятельно)»?

Тутъ Ексюкюляхъ-Бякистай протянулъ руку, выпрямилъ указательный палецъ прямо на сѣверъ, говоритъ, сидя:

«Хорошо, другъ! Поѣзжай ты на своемъ голубоцестромъ быкѣ подобномъ водяной волнѣ (т. е. страшно сильномъ); возьми (имѣй) для саламы (жертвы, вѣшаемой на деревьяхъ) кровяныя шейныя позвонки, возьми вмѣсто махалки (бычій) хвостъ съ мяснымъ сокомъ; и потомъ поѣзжай прямо на сѣверъ. Проѣхавъ нѣсколько, доѣдешь на мѣсто, гдѣ безъ вѣтру дуетъ вѣтеръ (постоянно вѣтреная погода), гдѣ еловый лѣсъ съ шишками, подобными койламъ (желѣзная кирка, которой копаютъ могилы); тамъ, гдѣ, должно быть, бѣжить огненное животное (уот субурга кыл) съ тремя ногами (юсь субурга атахта) въ рядъ (въ линію) Мякъ-тугуй. Доѣхавши туда, убей своего голубоцестраго быка (кѣхъ ярень огус) и разрѣжь, искроши, его мясо; развей-растели тутъ мелкіе кусочки со словами: «Наѣлись-бы вы духи этого мѣста (сирина иччитя)»! Потомъ надѣвши на себя шкуру быка, дойдешь до почтеннаго корня (прародителя) кузне-

*) Хоро тябень атаха Ытык Кыйбырдан кябь соруна баса кѣсѣ тоѣно ханна буологай.

цовъ и тамъ онъ (т. е. почтенный прародитель кузнецовъ) укажетъ тебѣ путь, по которому ты долженъ будешь идти (жить)».

— До моего пріѣзда паси мой скоть, распоряжайся людьми! Не обижай старика и старуху, старыхъ людей! Сказалъ Ханъ-Джаргыстай, распростился, принялъ многія благословенія и, какъ сказалъ его другъ, поѣхалъ на сѣверъ и прибылъ къ одной желѣзной юртѣ.

Когда вошелъ онъ туда, спитъ тамъ человекъ страшнѣе всего; протянулъ ноги свои по обѣ стороны печи, а голову свою заткнулъ, заложилъ подъ переднюю кровать; храпитъ онъ, какъ шумъ быстрой каменной рѣчки; обвалилась его юрта въ четырехъ углахъ. И когда онъ вдохнетъ въ себя, то весь лѣсъ и трава наклоняются къ нему: притягиваются; а когда выдыхаетъ изъ себя, то падаетъ все на десять верстъ въ окружности; со снѣгомъ и дождемъ тоже было; вѣроятно уснулъ онъ лѣтъ десять тому назадъ; огонь погасъ ужъ лѣтъ десять тому назадъ. На это, какъ говорилъ его товарищъ, пришелъ онъ быкомъ, надѣвши бычью шкуру, и потомъ съ разбѣгу съ лѣвой стороны отъ входа боднулъ спящаго человека прямо въ бокъ и надломилъ ему ребро.

Посмотрѣлъ онъ на него (Ханъ-Джаргыстай) и улыбнулся: «Ба, Ханъ-Джаргыстай, бѣдняжка! Съ мученіемъ черезъ препятствія пришелъ, бѣдный!» И сказавши это, царапнулъ свою печку десятью пальцами; десять деревьевъ-елей загорѣли съ трескомъ. Потомъ пошарилъ онъ на правой-же сторонѣ со входа, досталъ одинъ раздувательный мѣхъ изъ рыжей кобылей шкуры, дырявый въ девяти мѣстахъ; поставилъ его небрежно на мѣсто. Съ другой стороны досталъ изъ подъ кровати клещи, взялъ притиснулъ клещами за голову стоящаго, обратившагося въ голубопестраго быка Ханъ-Джаргыстай и бросилъ (его) въ отверстіе горна, дыряваго въ семи мѣстахъ. Какъ только онъ бросилъ его туда, мѣхъ самъ собою сталъ шумно раздувать. Обратилъ тѣло и кровь его въ искрящееся желѣзо, онъ (кузнецъ) вытащилъ его сверкающаго и бросилъ на растрескивающуюся наковальню. И сталъ колотить его молотомъ,

(который былъ) съ половиннымъ чернемъ; сталъ съ визгомъ напилить его старымъ истертымъ напилкомъ, и сдѣлалъ изъ него стрѣлу съ «губами» (выежкой на тупомъ концѣ стрѣлы для вставки тетивы).

«Дитя мое, Ханъ-Джаргыстай! Не боюсь холода, не останавливаясь отъ жара, не раскатываясь на гладко-каленномъ, съ безсмертной жизнью, съ непрерывающимся дыханіемъ, доконай врага скорѣе стрѣлы, сильнѣе воды, достигни мучившаго тебя и воротись на свое мѣсто!» Сказалъ (кузнецъ), и посадивъ на большой палецъ, сшибъ щелчкомъ на сѣверную сторону.

Не зная Ханъ-Джаргыстай, сколько времени онъ летѣлъ (стрѣлою), шумно прилетѣлъ къ господину дьяволу Арсынъ-Долой-Господину и, влетѣвши по вершинѣ потолка по мрачной трубѣ, вонзился на шесткѣ. Хвастливый человѣкъ парень Кяръ-Джебяръ, входя и выходя, подошелъ (къ шестку) и выхватилъ его. Арсынъ-Долой-господинъ сказалъ ему: «Дай-ка сюда! Откуда твой родъ и для какой надобности ты пришелъ и выхватываешь»? Взялъ стрѣлу и говоритъ: «Эттатай! Многострадальный Ханъ-Джаргыстай бѣдняжка, дитя мое! Подите-ка, три парня, у которыхъ не видно тѣни, выведите-ка мнѣ Желѣзнаго Дыбырданъ-богатыря, у котораго тоже незамѣтно тѣни»!

На это открывши семь рядовъ дверей, вывели изъ желѣзныхъ амбаровъ страшнаго человѣка, дышащаго огнемъ, съ глазами, какъ Венера (Чолбон) въ холодное время. Предсталъ онъ, какъ тѣнь передъ Арсынъ-Долой-господиномъ. «Поди-ка, парень, къ Уолуяръ-Улу-господину и доложи-ка ему, что есть человѣкъ его улуса, сынъ голубѣющаго голубаго неба, господинъ Кѣкя-Джасынъ. И тотъ хотѣлъ убить названнаго своего сына, человѣка по имени Ханъ-Джаргыстай'я. Ну, пусть онъ его разсудитъ. И потомъ пусть поймаешь-пошлетъ моего человѣка по имени Ытыкъ-Кыйбырдана; да пусть не говоритъ, что онъ гдѣ-нибудь тамъ (а пошлетъ); на него жалуются».

И съ этими словами велѣлъ вытолкнуть его на дворъ. Если дунуть туда, а вдохнуть сюда Желѣзный Дыбырданъ, наступивши

одной ногой на дворъ, и пока еще не сказали: «взялъ онъ одну ногу или не взялъ» — втащилъ (ужь онъ) Ытыкъ-Кыйбырдана, заголосившаго дребезжащимъ голосемъ.

«Какъ Улу-тоёнъ разсудилъ Кёкя-Джасын'а»? — спрашиваетъ Арсынъ-Долой-господинъ.

Отвѣчаетъ Желѣзный Дыбырданъ: «Велѣвшій поймать его, велѣлъ его приколотить внизъ головою, вверхъ ногами на концѣ западнаго неба черезъ ступни желѣзными гвоздями, чтобы, если воротятся худые дни, худые годы, то чтобы во вѣки вѣковъ былъ онъ духомъ вѣтра, родоначальникомъ (основаніемъ) черной пурги»!

Послѣ того какъ Арсынъ-Долой-господинъ сказалъ: «Бросьте Ытыкъ-Кыйбырдана въ горящій огонь! Пусть не будетъ онъ такимъ клеветникомъ»! открыли каменную дверь изъ булыжника съ желѣзными винтами и взвился оттуда огонь. «Ужб, стой, берегись! Вотъ назначенные тебѣ»! сказали и втокнули туда (Ытыкъ-Кыйбырдана). Голосъ его такъ и раздался крикомъ. За тѣмъ дверь захлопнули и завинтили крѣпко винтами.

Послѣ этого Арсынъ-Долой-господинъ, держа стрѣлу вверхъ, сказалъ: «Дитя мое, дошедши до своего мѣста, будь человѣкомъ, родоначальникомъ людей»! Надавалъ благословеній, посадилъ стрѣлу на большой палецъ и выщелкнулъ. Долетѣвши до своего дома стрѣла стрѣлою, у дома своего онъ очутился человѣкъ человѣкомъ.

Во время его отсутствія другъ его Ексюкюляхъ-Бюкюстяй дома домовничалъ отлично, работалъ его работу какъ нельзя лучше, службу его служилъ, «ходьбу его ходилъ» превосходно; когда пришелъ сталъ онъ считать (время), то оказалось, что ѣздилъ онъ круглыхъ два года.

18.

Поживши нѣсколько, въ одно утро Ханъ-Джаргыстай говоритъ своему другу Ексюкюляхъ-Бюкюстяю:

«Другъ! Вотъ богатствомъ мы разбогатѣли, сыты, живемъ лучшимъ житьемъ; такъ нужно намъ нынче жениться; взявши жен-

щину-человѣка, сдѣлаться людьми. Довольно далеко на востокъ отсюда есть дѣвушка съ шелковыми нитками, по имени Солнце Кёгяля Почтенная Нѣжная Красавица (солку сабтах Кюнь Кёгяля ытык Норуллан ко) съ отцомъ Эркинъ-Эряляся*) господиномъ и матерью Эбирь-туоно госпожей**). (Эта дѣвушка) гладить свои волосы (прическу на вискахъ) жиромъ семи подколѣнокъ, мажется масломъ (жиромъ) восьми бабокъ (косточекъ въ концѣ берцовой кости), пьётъ растопленное масло, она ровная мнѣ, для меня назначена. Поѣду я, возьму ее; а потомъ будемъ снаряжать твой домъ; а до тѣхъ поръ ты поживешь, домовничая, хѣдя за скотомъ также, какъ и прежде ты домовничалъ, ходилъ за скотомъ»!

Когда сказалъ онъ это, Ёксюкюляхъ-Бякистая — чертъ какъ чертъ, потянуло нижнее (дьявольское) мѣсто у дьявола преисподней — страшно раздосадовался до того, что съ хорошей матицы стали откалываться куски на рожень, мазанный свѣтлый домъ сталъ просвѣчивать около балокъ, привскакивать на верхъ до того, что въ тонкихъ мѣстахъ начало пучить, а въ толстыхъ надламываться, разсердившись всталъ-поеть-говорить-дышетъ:

«Вѣрно ты, думая обо мнѣ: «я побѣдилъ» (его), «заставилъ просить помилованья», — хочешь ужъ сдѣлать меня рабомъ, не отходящимъ отъ дома; хочешь, чтобы, когда заболѣютъ у тебя отецъ и мать, я чистилъ ихъ грязь и погань; чтобы, когда они умрутъ, я поднималъ ихъ вшивыя кости! Это рѣшить скорость нашей ноги, поспѣшность хода, сила груди»!

Сказавши такъ, не давши себѣ времени выйти въ двери, выбилъ онъ изъ домовой стѣны семь деревъ и выскочилъ туда. Соскочивъ, какъ будто покатався на землѣ, превратился въ шумящаго Ёксюкю и мрачный полетѣлъ шумно. Выскочивъ за нимъ Божій человѣкъ, вскочилъ на свою лошадь и поскакалъ за нимъ, не простившись ни съ кѣмъ изъ своихъ домашнихъ.

*) Въ другихъ мѣстахъ: Яркинъ-Яряляся-тоён.

***) Также: Ябирь туоно хатын.

Крылатое, не смотря на то, что оно крылатое, далеко не улетало; бѣгущее ногами (четвероногое), хоть и скоро бѣжало, не догоняло. Не замѣтили, долго-ли они ѣхали; кажется, переѣхали очень далекое мѣсто.

Дьяволъ человѣкъ оглядывается назадъ и летитъ впередъ приговаривая:

«Вотъ бѣдняжка! лучше воротись-ка ты домой, пока твой домъ близко; спокойнѣе-бы тебѣ было. У меня что-ли ты хочешь отнять женщину? Лошадь и самъ ты, плывете вы безъ толку, какъ вода и снѣгъ? Лучше есть тебѣ равная жена, приданая раба Улутуён'а старуха Симяхсинь, Скверность - красная - мѣдь-ямигять *). Поди воротись; хорошо-бы тебѣ взять ее!»

Сзади его Божій человѣкъ въ сердце и гнѣвъ не перестаетъ скакать; дьяволъ сверху внизъ дуетъ-брызжетъ огнемъ (на среднее мѣсто); ни лошадь, ни самъ Божій человѣкъ не пострадали отъ этого. ѣхали отряхивая, какъ дождь и снѣгъ.

Съ одного мѣста дьяволъ-человѣкъ опередилъ его больше. Тамъ далеко показалась тридцатигранная серебряная юрта. Дьяволъ, долетѣвши туда и какъ будто покругивъ надъ юртой, спустился. Надъ кроватью югяхъ отбросилъ онъ три дерева (бревна изъ стѣны), и взвилъ, вынесъ-унесъ на верхъ женщину, человѣка съ лицомъ, какъ полный ликъ ласковаго солнца. Увидавши это, ѣдущій сзади, Божій человѣкъ сказалъ: «ахъ, вѣдь, досадный!»! вытащилъ лукъ со стрѣлою, выстрѣлилъ сзади. Выстрѣлъ его, стрѣла попала въ волоса, собранные подъ затылкомъ и перехваченные серебромъ. Женщина полетѣла внизъ; но Ёксюкюляхъ-Бюгюстай повернулся и, пока женщина не упала еще на землю, зацапилъ ее и полетѣлъ. Люди-войско, (многочисленные) какъ комары въ весеннее комарное время, вышедши, остались съ плачемъ.

Съ мѣста, гдѣ выстрѣлилъ, до мѣста, гдѣ стояла юрта, приѣхалъ Ханъ-Джаргыстай, ѣхавши три дня и три ночи. Приѣхавши,

*) Симяхсинь-ямяхсинь Нириль-Джась-ямягить.

ноги его не пошли, чтобы войти; мысль его не захотѣла. «Къ кому (туть я) войду»? подумалъ онъ. Былъ передъ домомъ холмъ собственно (назначенный) для увеселенья въ развалку и для дреманья и увеселительное мѣсто, ростанъ (дорогъ) и пошелъ онъ туда. Росло здѣсь большое дерево съ семью серебряными корнями, съ восьмью нерасходящимися разными стволами, съ девятью не ломающимися звонкими (чистыми) сучьями, съ бѣлою мезгою въ три пальца, съ черною корою въ шесть пальцевъ, съ шишками подобно чоронамъ, собраннымъ въ кучу, съ серебряными листьями, подобно большимъ якутскимъ стаканамъ.

Спустившись туть, изготовивъ постелю, положивши себѣ подъ голову сѣдло, постлавши вмѣсто постели подсѣдельный коврикъ, накрывшись своей шубой-дохой, лежалъ онъ. Вышелъ изъ дому страшный собою господинъ-старецъ съ рѣдкою бѣлою бородой, съ высокимъ выдавшимся горломъ, видный собою, со звучнымъ голосомъ; пришелъ къ нему (этотъ) человѣкъ, опираясь на свою тростку съ побрякушками (хангыргастах тороско), надѣвши на отворотъ свою рысью (съ рогами) шапку и накрывшись своею дохой изъ волчины съ черными полосками на лапахъ. Пришедши, кланяется Ханъ-Джаргыстаю и, сѣвши, говоритъ:

«Видимый божій юноша, происходящій отъ солнца и мѣсяца (Кюньтянь ыйтан тѣрюдьяхъ кѣстѣрь ай огото), что съ тобою? Что я тебѣ сдѣлалъ? Ты лежишь, не входя въ мой домъ, не грѣясь у моего огня? Длинный твой переходъ укоротился, широкая мысль обузилась; лежишь ты, мучаясь, осѣдая, какъ земля. Я болѣе тебя долженъ-бы былъ печалиться, человѣкъ родившій-воспитавшій (украденную женщину). И по снамъ и по примѣтамъ долженъ былъ я имѣть сыномъ-зятемъ человѣка, по имени Ханъ-Джаргыстай, покровительствуемаго отъ Бога Господа, думалъ я быть его родственникомъ; но сила невидимаго, хитрость дьявола, отняла-ограбила! Чтожь будемъ дѣлать? Лучше иди, встань, войдемъ!» — сказавши взялъ онъ его за запястье.

На то Ханъ-Джаргыстай, усмѣхнувшись, улыбнулся и всталъ. И взявшись за руки, пошли они, вошли въ домъ.

Почтили его лучшимъ почтеньемъ, накормили его лучшимъ кушаньемъ. Когда такой хорошій человекъ, какъ Ханъ-Джаргыстай вошелъ, разговаривалъ, говорилъ, смѣялся, (то) смотря на это домашніе начали развлекаться; печаль ихъ начала разсѣваться; мысль ихъ стала поправляться; стали они позабывать (горе). Настала ночь. Легли спать.

19.

Приблизительно около полуночи, Ханъ-Джаргыстай слышитъ, подъ главнымъ окномъ плачетъ голосъ его лошади: «Назначенный мой хозяинъ! Заткнулись уши, которыми ты слышишь; зрячіе твои глаза закрылись; мы съ тобой расстаемся. Среди пути ты остался пѣшимъ, среди дороги ты съ одною голенью (т. е. безъ коня). Назначили меня въ темное дьявольское заключеніе, въ толстую дьявольскую тюрьму». Услыхавши это, Ханъ-Джаргыстай: «Во снѣ ли я видѣлъ или на яву слышалъ»? Не давая себѣ сроку войти въ двери, выскочилъ сквозь стѣну, вышибя (изъ нея) семь бревенъ. И видитъ, лошадь его скрылась на западную сторону со словами: «Назначенный мой хозяинъ, прощай!» Показались лишь только четыре каменные копыта да мелькнулъ хвостъ. И за тѣмъ послышался стукъ захлопнувшейся двери.

Выскочивши и выхвативъ свой мечъ, узорчатый до половины рукоятки, (столь свѣтлый, что на немъ) отражались губы и зубы ослабившагося юноши; воткнувши этотъ свой длинный мечъ въ землю до половины, упершись на нее, плачетъ-говорить-поетъ, стоя:

«Воспитательница мать хранительница, соболѣзнующая госпожа Создательница (итимъежиляхъ яехсить іамъ, асынылах аисыт хатынымъ)! Мучусь я мученьемъ! дьяволъ повергъ меня своей хитростью; нынѣ остался я пѣшимъ посреди земли; хитрый лучшій дьяволъ увелъ равнаго моего друга, мою лошадь. Промахнулся я, лова его рукою; чтобы идти за этимъ, спустите мнѣ съ высокаго неба лета-

ющее бѣлое облако безъ головы и безъ ногъ; пѣсней своей спустите ко мнѣ».

Какъ только онъ сказалъ это, на лучшемъ мѣстѣ закружилось бѣлое облако, (у котораго) не замѣтно, ни головы ни ногъ.

Старикъ и старуха, вскочивши, говорятъ: «Что ты за видимый божій юноша, (если) хочешь идти за худой дѣвчонкой? Хочешь идти за выросшимъ жеребенкомъ? И у насъ есть выросшій жеребенокъ; и у насъ еще есть выросшая дѣвушка; возьми ихъ! явно къ дьяволу не ходи! Одно яичко гдѣ не гніеть? Одного жеребенка кобыла гдѣ не выкидываетъ? Одного ребенка гдѣ женщина не рождаетъ?»

— Нѣтъ, полноте. Иду я; прощайте, старикъ и старуха! сказалъ онъ, сѣлъ на бѣлое облако и полетѣлъ на сѣверъ.

Летѣвши, присоединялся онъ къ ночующему облаку, сообщался гуляющему облаку, примѣшивался къ пѣганому облаку; и въ одномъ мѣстѣ, въ тонкомъ бѣломъ облакѣ, видитъ онъ, что за голубопестрымъ быкомъ, какъ водяная волна, взявшись за хвостъ (его), свѣсившись, качается-идетъ старуха Симяхсинь. Прожужжалъ Ханъ-Джаргыстай къ сѣверной сторонѣ, проѣхалъ мимо эту старуху. И минуя ее, слышитъ, раскачивается старуха Симяхсинь, поетъ:

«Ахъ ребята! какой-то это витязь, выскочившій изъ женскаго утеса (родившійся отъ женщины), ѣвшій питательную пищу, воспитанный опьяняющимъ рожкомъ, успокоенный сладкимъ, выросшій-растолстѣвшій, смотрящій горломъ, считающій важностью то, что онъ потолстѣлъ! Какъ-то осталась отъ него, мучась, матушка его, старуха. Кромѣ того, вѣроятно, онъ ѣдетъ, понавшись въ какія нибудь препятствія. Давно, когда я была маленькая, когда Солнце-господинъ (Кюнь тоён) былъ юношей, я тоже ходила (жила) тамъ служанкой; подружившись съ нимъ, тоже разговаривала при закатѣ его и восходѣ (при входѣ его и выходѣ). Была я тоже у Стремительнаго Важнаго господина (Улусханнах Улу тоён); при входѣ и выходѣ его тоже разговаривала съ нимъ. Была я тоже знакома съ госпо-

диномъ со снѣжнымъ сугробомъ, съ чиномъ-почтенъемъ въ домъ величиною, съ похвальнымъ (самымъ лучшимъ) Ханъ-Хараханъ-тоён'омъ *). Была я тоже у шамана двухголоваго (икки хос бастах) Донъ-Арбаллин'а (растрепа). Была я тоже у господина мѣсяца (Бий-тоён) съ людьми и со скотомъ, какъ лунный свѣтъ. Была я тоже знакома съ Лучистымъ Юргель (Плеяды)-господиномъ (ерьгестехъ Юргяль тоён) съ пугливыми (юрьгюкь) людьми и скотомъ. Была я тоже въ дружбѣ съ виднымъ Чолбонъ (звѣзда Венера)-господиномъ (толоннох Чолбон тоён) со смѣлыми (чобо) людьми и скотомъ. Жила (была) я тоже у Эряйдяхъ-Буруйдяхъ Эрь-Соготах'а (у несчастнаго одинокаго). Была я тоже у сироты Бяйбяджинг'я на темнокарей лошади, съ наростомъ на колѣняхъ, съ тусахтой на лбу. Была я тоже у Хараджелъ - Мохсогол'а (чернаго сокола) съ черной иноходой лошадыю, какъ отвалившаяся часть черной горы. Видѣла я тоже Нѣжнаго Юркаго (Нарын Нургустай) съ колчаномъ съ побрякушками. Была я тоже у Арсынъ-Долой-тоён'а, господина дремлющаго восьмиродоваго племени дьяволовъ нижняго-мѣста. Была я тоже у Уолуя богатыря (Уолуя бухатыр) со ртомъ на темени, съ кулакомъ изъ лучшаго камня, съ обиталищемъ изъ ледянаго холма. Была я тоже у Туолланъ-Бурай-богатыря, распространившагося на обширномъ камнѣ, для котораго (какъ будто) приготовлены каменные мысы. Была я тоже у Желѣзнаго Липпярдянь богатыря съ посохами изъ семи лѣсинъ съ корнями. Хотя я и не была со всѣми ними въ любовныхъ отношеніяхъ, но все-таки разговаривала-толковала съ ними. А этотъ бѣдный, вѣроятно, ѣдетъ въ торопяхъ, считая себя лучше всѣхъ ихъ». Говоря (это), стала она проѣзжать мимо.

Бѣлое облако Ханъ-Джаргыстая было съ поводомъ; поворотилъ онъ его и, облетая, загородилъ (путь) этой старухѣ: «Госпожа бабушка! Несчастный я съ уменьшившимся умомъ, съ укоротившейся

*) Хар хаингнах балаган сага ханнах чиннах хаягамсык Хан Харахан тоён.

мыслью; поэтому я проѣхалъ тебя. Госпожа бабушка, не видала-ли ты, не узнала-ли ты чего, расскажи?»

— «Э, голубчикъ! Не напрасно ли ты не ворочаешься, пока у тебя мѣсто (родина) близко. Не знаю ужъ, возьмешь-ли ты, одолѣвъ отсюда весьма крѣпкое мѣсто съ разными хитростями? Видѣла я, какъ шумящій Ёксюкю, держа въ когтяхъ одну женщину, пролетѣлъ черезъ огненное море и внесъ ее въ ледяной холмъ со ртомъ на вершинѣ. Не знаю ужъ я, какъ взять это якуту-человѣку. Не думаю, чтобъ онъ взял!»!

Услыхалъ или не услышалъ, святой человѣкъ полетѣлъ дальше; и слышитъ вдругъ на низу плачь своей лошади, ржаніе ея. Все это вошло ему (снизу), сквозь подошву послышалось (т. е. прямо изъ подъ него).

Оборвавшись съ верхняго мѣста съ шумомъ спустился Ханъ-Джаргыстай туда, гдѣ слышался голосъ его лошади. У корня почтенныхъ кузнецовъ четыре большихъ кузнеца, видомъ какъ отдѣльные (свободныя) оборванные горы, съ рожами, какъ полный мѣсяцъ, въ правой рукѣ съ молоточками въ одинъ пудъ, въ лѣвой рукѣ съ клещами, у которыхъ каждая сторона по два (пуда), (эти кузнецы) привязали его лошадь внизъ за шею листовымъ желѣзомъ, глаза и уши закрыли лоскутомъ краснаго желѣза; на четыре ноги приготовили десятипудовые желѣзные кандалы; трое изъ нихъ были окончательно придѣланы. А одни (четвертые) были надѣты, только не была заложена кандалная задвижка. Спустившись сюда, Ханъ-Джаргыстай, не взвѣдя свѣта, отстегнулъ кандалы, надѣтые на его лошадь, и выдернувши изъ лошади четыре волоса, сказалъ: «Будьте четырьмя чернопѣгаными кобылами, гостинцами для господъ дѣдушекъ!» И когда онъ сказалъ это, четыре волоса превратились въ четырехъ пѣганныхъ кобылъ. Четыре кузнеца проглотили это, бросивши въ горло по одной (штукѣ) за разъ, и сказали: «Дитя наше, славный человѣкъ явный божій сынъ, достигни своего врага, побѣди его, будь человѣкомъ!»!

Ханъ-Джаргыстай вывелъ свою лошадь на острую высь высокаго облака, на уступъ бѣлаго облака, чтобы она, напуганная привязанная еще съ давешняго времени, отъѣлась; сказалъ: «когда буду я нуждаться (въ тебѣ), прійди (тогда)»! И пустилъ (оставилъ) ее въ облакахъ. Самъ, превратившись въ двухголоваго затемняющаго Ёксюю, полетѣлъ прямо на сѣверъ.

20.

Летѣвши довольно долгое время, перелетѣлъ онъ огненное горящее море, легъ, спустившись на гнѣздо Ёксюю, бывшее на ледяномъ холму. Когда лежалъ онъ тутъ, не много спустя, прямо съ южной стороны шумно летитъ затѣмняющій шумящій Ёксюю, держа въ когтяхъ что-то величиною въ два деревянныхъ дома богатаго человѣка. На лету увидалъ онъ, что лежитъ Ханъ-Джаргыстай, обѣ свои ноши выронилъ въ море, страшно закричалъ и, прилетѣвъ сверху, стрѣлой ударилъ на Хана-Джаргыстай. На когти подставили другъ другу когти, на клювы подставили клювы, на крылья подставили крылья, дрались они, дрались по высямъ высокаго неба, по плоскостямъ преисподней; но ни одинъ не одолѣлъ другаго. Уничтожили другъ у друга пухъ и все свое мясо (всѣ физическія силы); обезсилившись, опустились на двѣ большія горы, на двѣ стороны; лежали.

Дьяволъ человѣкъ лежа и говоритъ:

«Другъ! Ты превосходный человѣкъ! я думалъ, что онъ едва-ли сюда прійдетъ, едва-ли достигнетъ. Поровнялись мы съ тобой. Однакожь спустимся-ка мы теперь къ почтеннымъ родоначальникамъ кузнецовъ (ус-хан), какъ два куска желѣза безъ головы и безъ ногъ; тамъ мы велимъ себя разсудить». — Ладно! отвѣчаетъ божій человѣкъ.

Какъ-будто покатались не много и сдѣлавшись трехгранными желѣзными трезубцами, влетѣли черезъ отверстіе въ трубу къ почтеннымъ прародителямъ кузнецовъ (ус хан тёрдюляр).

Съ правой стороны подскочилъ одинъ толсторожій кузнецъ, а съ лѣвой какой-то съ зеленымъ лицомъ; захватили ихъ клещами, стали раздувать на двѣ стороны мѣхами. Дули ихъ три дня и три ночи, но ни отъ котораго не отлетѣла ни одна искра, (хоть-бы) какъ отъ огнива; равные люди попались. «Наше испытаніе-приговоръ къ вамъ безсиленъ; пусть судить (васъ) само широкое небо (кенъ халлан)»! сказали они (кузнецы) и повыбросали ихъ на дворъ.

Вышедши отсюда, они превратились въ двухъ самцевъ львовъ (атыр хахай) съ острыми клыками, съ грубо всклокоченной шерстью съ загнутыми когтями и начали драться. Дрались по (всѣмъ) концамъ земли, по острымъ оконечностямъ горъ; извели все свое мясо и шерсть и оба упали, выбившись изъ силъ. Вотъ лежа дьяволъ и говорить: «Наше умѣнье (способность) превращаться (оборачиваться) поравнялось, сила наша сравнялась, сдѣлаемся-ка мы теперь двумя елями, спустимъ пѣснею громъ, дадимъ ему разсудить». Отвѣчаетъ человѣкъ: «Откуда ты достанешь? Ну, доставай; я согласенъ».

Дьяволъ человѣкъ лежитъ, поеть-вѣщаетъ къ небу:

«Родился я, воспитался въ запутывающихся торопливыхъ облакахъ, возникъ, заслоняясь вихревыми черными облаками. Всталъ я на ноги за стѣнкой Бурой-Орѣ Джасын'а*) съ нетерпѣливымъ темениемъ. Началъ я ходить на (шевелищемся) горлѣ бодливаго (горно) каменнаго неба. Друженъ я былъ съ сильнымъ громомъ; грозный спорящійся громъ обѣщалъ заступиться за меня. Насталъ день моей смерти, спаси! Вы говорили: «Непостигнетъ тебя смерть отъ родившагося на среднемъ мѣстѣ съ перемененной душой, видимо приходящаго»! Но смерть хочетъ меня постигнуть. То-нуогай»!

Послѣ этихъ словъ оба они превратились въ двѣ хвойныя безконцыя ели; сильный спорный громъ, взгремѣвшій съ четырехъ угловъ неба, вышелъ на небо, погремѣлъ и три дня и три ночи жегъ ихъ большой молніей, поражалъ ихъ громовымъ камнемъ ве-

*) Въ текстѣ: орой—бурой ор джасын.

личною въ бычью голову, но не спало ни одного листика, ни одной шишки; кора не надтреснула ни въ одномъ мѣстѣ. Послѣ этого духъ сильного грома сказалъ: «Пусть разберетъ (васъ) судъ самаго высокаго неба (юрдюкъ халлан); пусть разберетъ само назначеніе широкой преисподней. Мой судъ не могъ васъ разобрать!» И съ этими словами шумно улетѣлъ назадъ.

Послѣ этого двѣ ели со снѣгомъ на вѣтвяхъ упали на землю, (борцы) превратились въ самихъ себя и начали биться красно-голыми кулаками. Дравшись такимъ образомъ, ни который изъ нихъ не побѣдилъ; упали на обѣ стороны и лежали, запыхавшись.

Божій человѣкъ говоритъ: «Я исполнялъ все сказаннаго тобою слова (предложенія); скажу-ка теперь я!» На то дьяволъ сказалъ: «Хорошо, скажи!»

Божій человѣкъ и говоритъ: «Вѣдь есть Господь-Богъ; вѣдь есть неутомимый всегда сытый жеребецъ, совершенно бѣлый, съ круглогорбатымъ хребтомъ, съ неухватимой спиною, съ крѣпкими губами, съ неспотыкающимися суставами (ногами); позовемъ его, сядемъ и заставимъ его биться. На глоткѣ ближайшаго неба, на горѣ близкаго неба, ты обѣщаль скоро меня вспомнить, близко услышать! Происходящій отъ солнца и мѣсяца, явный божій молодецъ, вѣчный лучшій мой другъ, назначенный мой конь, спустись-ка ты сюда!»

И спустилась со звономъ къ низу лошадь съ волнующею гривой, съ длиннымъ тонкимъ хвостомъ. На это сказалъ человѣкъ: «Ну-ка, сядемъ на нее (верхомъ)!» А дьяволъ говоритъ человеку: «Сядь ты сначала!» Божій человѣкъ сѣлъ на лошадь и она билась подъ нимъ три раза, но онъ ни разу не подвинулся со своего сидѣнія и, спустившись, сказалъ дьяволу: «Ну-ка, сядь верхомъ!» Дьяволъ: «Другъ! Какъ то тѣло у меня вздрагиваетъ, мысль боится, волоса встали дыбомъ, боюсь! Ты лучше не сажай меня на это животное. Я и такъ отойду, уйду!»

На то божій человѣкъ: «Нѣтъ, я до сихъ поръ отъ тебя не слыхалъ еще справедливаго слова, до сихъ поръ ты еще не дѣлалъ

правды. И до этого ты далъ было мнѣ весьма почтенное слово, великую клятву; но въ словѣ не устоялъ, клятву свою преступилъ. Что ты тамъ не говори, я тебѣ не вѣрю, съ какими бы переломами (т. е. съ переломами тѣла при нарушеніи) ты ни давалъ клятвы. Ну, садись!»!

Дьяволъ: «Нѣтъ, другъ мой, умоляю тебя! Пожалуйста, не сади меня! Страшенъ, силенъ онъ. Никакъ я не сяду»!

Божій человекъ: «Хочешь, не садись. Я нарочно для того поѣду по восьми дьявольскимъ улусамъ, по всему якутскому народу, чтобъ рассказать о твоёмъ мошенничествѣ и о томъ, какъ ты преступилъ клятву. Если ты желаешь имѣть имя обманщика, не держащаго своего слова, если нѣтъ у тебя стыда въ лицѣ, ломающагося ребра (стыдливости), то пожалуй не садись»!

Дьяволъ: «Нѣтъ, братъ; чѣмъ получать мнѣ такую славу, сяду я, хотя-бы и перервались у меня отъ этого вены сердца».

И сказавши, вздрагивая, вскочилъ на лошадь.

На третьемъ прыжкѣ лошадь перекинула его черезъ голову, пнула его по срединѣ, на двое перешибла поперегъ да и въ длину тоже на двое. Поплылъ онъ по морю, раздѣлившись на четыре части.

Послѣ этого Ханъ-Джаргыстай, дошедши до ледянаго холма, обиталища дьявола, раздавилъ его ногою и пустилъ въ море. Жена его лежала при смерти въ страшномъ мученіи. Когда увидала она его, поблѣднѣла кровь на ея ланитахъ. И стала она умирать отъ радости и испуга. Оживилъ онъ ее, приводя ее въ чувство трупомъ (т. е. поднося зажженный труть къ носу). Послѣ этого мылъ онъ ее, оттиралъ въ восьмипроточномъ морѣ и, посадивъ ее на поясницу своей лошади, прилетѣлъ къ ея отцу и матери.

Когда онъ прилетѣлъ (къ родителямъ), обрадовались (родители) имъ, какъ-бы они воскресли изъ мертвыхъ; собрались лучшіе люди, ѣли лучшія кушанья, играли всевозможными играми, радовались-веселились цѣлыхъ тридцать ночей. И въ этомъ весельи цѣлый мѣсяць они не считали даже за одну ночь.

«И у меня тоже есть родители; я тоже имѣлъ хозяйство»! Сказалъ Ханъ-Джаргыстай и собрался ѣхать. На то старикъ, отецъ дочери, раздѣлилъ въ приданое на двое восемь домовъ своихъ рабовъ, отдѣлилъ половину скота, далъ ей; вотъ сдѣлавши это, благословлялъ, благословлялъ (ихъ) и отправилъ.

Вотъ такъ, гоня скотъ, пріѣхалъ Ханъ-Джаргыстай съ женою къ своему дому и огню (хозяйству). Когда они прибыли домой, и люди и скотъ его ужасно расплодились. Младшую сестру его дѣдушки, женщину по имени Бѣлую Юкяйдянь красавицу взялъ Бередь Бергенъ, содержащій небесный перевозъ (Халлан берегесинь туппут). Богатѣя, сыто, плодясь, распространяясь, живутъ вотъ съ Кытыграсъ-Бараччи четырьмя домами. Говорятъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ распространились якуты; отъ нѣкоторыхъ — инородцы (тунгусы, ламуты). И происходя отъ нихъ, до сихъ поръ мы еще живемъ хорошо, какъ молоко.

Примѣчаніе. Сравни 3-ю часть этой сказки со сказкой: Небесный перевозчикъ Бяредь-Бяргень, т. 1 глава V. Въсто Лысбырдана и сына Мерзнущаго Моря (съ сестрою) является здѣсь Дыбырданъ - Кыбырданъ со старшей сестрою (Текикой), напускающей на людей невыносимый морозъ. Въсто главнаго господина корня кузнецовъ, здѣсь герою коня даетъ Бѣлый Господь Богъ, и пр.. Въ другихъ сказкахъ упоминается дьяволъ Желѣзный Лискирьдянь-богатырь, сынъ Анъ-Арбаллина-шамана. Въ сказкѣ «Халланъ-Джаргыстай аттахъ Халланъ-Хачія шаманъ» дѣйствующимъ лицомъ является сынъ солнца-Джаргыстай (Кюнь-Джаргыстай-Уола-Джаресъ-Бярген). (Не произошло-ли самое слово ханъ (почтенный) отъ сокращенія изъ слова *халланъ* (небо)?) Стр. № 13 (по подлиннику).

13. *Ханъ-Джаргыстай.* Въ этой сказкѣ дѣдушкой Ханъ-Джаргыстай называется Суохъ-Киси-огото-тутука-батырь, у котораго младшимъ сыномъ былъ лежащій въ расслабленіи мочащійся подъ себя человекъ. Когда пріѣхалъ вѣстникъ на бѣломолочномъ конѣ

отъ Кюрё-Джясягяй господина и повелѣлъ всѣмъ тремъ сыновьямъ Тутука-батыра жениться на (трехъ) дочеряхъ Хара-ханъ-тоён'а, то младшій сынъ, еле-еле вышедши изъ юрты, вдругъ потерялся неизвестно куда. Старшіе братья двое искали его долго, не могли найти. Стали наконецъ шестами щупать въ большемъ холмѣ, образовавшемся у нихъ изъ сложеннаго пуху и шерсти упромышленныхъ животныхъ. И оказалось, что онъ лежалъ, спрятавшись въ этой кучѣ. Вытащили они его оттуда и, привязавши къ дереву, понесли его на плечахъ (какъ покойника) (далеко) къ дому Ханъ-Хараханъ-господина и, внесши въ юрту, положили его на кровати близь дверей. Когда они пришли туда, три дочери этого господина уже приготовились къ замужеству; вѣстникъ Кюрё-Джясягяй'я уже передалъ ихъ отцу его приказъ; и отецъ раздѣлилъ все свое имущество на пять частей; одну себѣ, другую женѣ, и три равныя части тремъ сестрамъ. Младшая дочь плакала, что выпало на ея долю быть женою разслабленнаго; но должна была исполнить волю славимаго Бога и своихъ родителей.

И вотъ, вышедши за мужъ, вышла она однажды на восходѣ солнца доить кобыль. Вдругъ съ восточной стороны пріѣзжаетъ какой-то красивый верховой человѣкъ, и говоритъ ей: «Чѣмъ быть тебѣ за разслабленнымъ, лучше выйди ты за меня замужъ. Имя мое — Юрюнгъ-Уолантай; я не требую отъ тебя ни платья, ни пищи; у меня всего довольно; будемъ супругами; разслабленный человѣкъ не догонитъ насъ»! — Нѣтъ, — отвѣчала женщина, — я не могу оставить того, кого назначили мнѣ родители! — Отказала. Тутъ вдругъ лошадь этого верховаго исчезла; самъ онъ покатался, и оказалось, что этотъ пріѣзжій и былъ тотъ самый ея разслабленный мужъ, только онъ сталъ теперь отличнѣйшимъ мужчиной, гораздо лучше своихъ братьевъ.

И вотъ, забеременѣвъ отъ него, послѣ трудныхъ родовъ, родила она ребенка. Какъ только ребенокъ выдѣлился изъ тѣла матери, онъ тотчасъ вмѣстѣ съ сорочкой выбѣжалъ изъ юрты и убѣжалъ далеко, далеко. И только отецъ его проворный человѣкъ едва

успѣлъ его поймать и привести въ юрту. Положили его въ зыбку, онъ ее разбилъ; дали ему рожкомъ рогъ трехтравой коровы, онъ его разжевалъ, выбросилъ; не бралъ въ ротъ ни какой пищи, какой бы ему ни давали. Что ни надѣвали на него, все сбрасывалъ, срывалъ; ходилъ совершенно голый. Часто уходилъ изъ дому и терялся дня по три и болѣе.

Однажды потерялся онъ на тридевять дней. И въ это время вдругъ съ западной стороны пріѣхалъ страшный дьявольскій богатырь, идя вмѣстѣ съ громомъ, уподобляясь облаку, дую вмѣстѣ съ вѣтромъ, сопутствуя вмѣстѣ съ вихремъ. Это былъ желѣзный Дыбырданъ-богатырь, имѣющій матерью Вертящійся огонь. Махнулъ онъ, хлопнулъ двумя ладонями, и всѣхъ людей-родственниковъ Юрюнгъ-Уолантая вмѣстѣ со скотомъ и имуществомъ уложилъ въ карманъ, уѣхалъ.

Вотъ черезъ тридевять и семь дней возвратился домой сынъ. Нѣтъ и признаковъ отцовскаго дома; стала совершенная тундра. Тогда онъ, обратившись лицомъ къ востоку, сказалъ: «Я пожелалъ ѣдомой пищи якута-человѣка съ тѣломъ доступнымъ болѣзни, съ проливаемой кровью, рожденнаго на средней землѣ; пожелалъ верховой лошади. Какое будетъ мое имя, моя должность; какая будетъ моя лошадь»? Поминаемые господа, славимые боги, распорядитесь объ этомъ, дайте, помилуйте!» И слово это, раздавшись, услышалось на третьемъ чисто-бѣломъ небѣ; и сколько тамъ было боговъ, всѣ они собрались, стали совѣтоваться между собою: «Какую дать ему лошадь, какое имя? Никто изъ насъ не можетъ назвать; можетъ назвать только почтенный Духъ Рѣчи Ханъ-Джаргъ-стай; но его между нами нѣтъ». Тутъ одинъ богъ по имени Бѣё-Джястикъ сказалъ: «Я», говоритъ, «назову лошадь, дамъ ему имя. Лучше меня никто не назоветъ. На поднимающемся бѣломъ гребнѣ (горѣ) южнаго неба стоитъ привязанная на арканъ лошадь; если эта лошадь взглянетъ себѣ на правую сторону, то лицо ея выйдеть семью человѣческими лицами; а если посмотреть себѣ на лѣвую сторону,

то представляется имѣющею щеки изъ шарообразнаго спектра отраженныхъ отъ снѣга (видимаго для глазъ) лучей осенняго солнца при быстромъ потокѣ воздуха, съ поперечной тусахтой, Джабынъ-Тугуй-Ко-Джялликъ-Кымнилахъ (съ подвижной красивой плѣткой). Вотъ эту лошадь надо ему дать. А наименовать его слѣдуетъ Ханъ-Джаргыстай-богатырь!» — Хорошо, — говорятъ, — ступай приведи эту лошадь. И, отправившись, онъ чрезвычайно скоро доставилъ эту лошадь. Тутъ причитаемые боги, собравшись, стоя, сказали: «Никогда да не знаютъ ошибки твои четыре каменные копыта! и да будешь ты сама безустаточна! Пусть не пристаешь къ тебѣ никакая хитрость дьявольскихъ родовъ!» И, сказавши такъ, осѣдлали, положили на нее пищу, ѣдомую мужчиной, надѣваемое платье, топоръ, котелъ, мечъ, лукъ, и, погоняя, спустили на среднюю землю.

Вотъ эта лошадь спустилась съ неба. А тутъ былъ одинъ только пенъ достопочтеннаго кудряваго дерева съ восьмисложной вершиной. Къ нему-то и привязалъ Ханъ-Джаргыстай своего коня, одѣлся, наѣлся; сталъ такимъ богатыремъ, что земля не поднимаетъ. «Неужели есть кто нибудь лучше меня?» подумалъ онъ.

Поѣхалъ на западъ отыскивать своихъ родителей. Ъхалъ. Приѣхалъ наконецъ въ чрезвычайно темное дьявольское мѣсто, гдѣ не слышенъ поданный голосъ, не слышенъ вскрикнутый крикъ; стало такое мѣсто, гдѣ слышенъ только одинъ тотъ крикъ, которымъ шаманы погоняютъ *).

9.

Ч а р ч а х а н ь .

Есть, говорятъ, Чарчаханъ; у него человекъ Волосяное Горло (кыл кюёмйа киси), да человекъ Древесно-листяная Грудь (сябирь-дах тюёсь киси), да Воючій Бокъ (сытыган ёттюк киси), да Пузырь Голова (хабах мей киси). И имѣетъ онъ вшиваго быка (быт орус), достигающаго до облака, блѣклаго быка (хагдан орус), достигающаго до-неба; а сосѣдями у него три ѣдуна (юсь - мангыс).

*) Конца этой сказки въ нашей рукописи не достаетъ.

Пришла пора имъ ѣсть этого быка; убили, разрубили мясо. Листковая Грудь поднялъ грудину, набитую (жиромъ); да поднявши грудину, сломалъ грудь и умеръ. Хотѣлъ Волосяное Горло проглотить болтающуюся часть легкихъ, да оборвалъ себѣ горло, померъ. Хотѣлъ Травяная Нога (от атах) горшокъ сварить, пришелъ за водой; почерпнулъ воды, вытащилъ, поставилъ на ледъ; пошелъ самъ прыгать. Попрыгавши, пришелъ, потянулъ воду рукой, рука сломалась; пнулъ воду ногой, нога сломалась. Потянулъ другой рукой, и она сломалась; пнулъ другою ногой, и она сломалась. Покатился, толкнулъ спиной; спина сломалась. Толкнулъ еще воду головой; разлетѣлась голова въ дребезги; померъ.

«Ахъ, холодно, холодно!»! сказалъ человѣкъ Травяные Штаны (от сыэля) и сѣлъ грѣться у огня. Прыгнулъ огонь (т. е. уголь), скакнулъ на засохшую траву, а много-ли ему (Травянымъ Штанамъ) надо? Померъ. «Ахъ, горе мое, всѣ мои люди перемерли!»! сказалъ Пузырь Голова и въ печали поцарапалъ голову; десять его пальцевъ и зацѣпились въ головѣ; померъ.

Одинъ одишешенекъ вертѣлся Чарчаханъ; опечалился. «Кто-же это съѣстъ мясо Вшиваго Быка, достигающаго до неба»? Пошелъ тянуть ѣдуна. Вотъ пришелъ къ главному ѣдуну. «Ѣдунъ, Ѣдунъ!»! говоритъ старецъ. «Много-ли ты съѣдаешь»? «Совсѣмъ», говоритъ «мало (нынче) ѣмъ!»! Выбѣжалъ Чарчаханъ, пришелъ къ среднему ѣдуну, спросилъ: «Много-ли ты съѣдаешь»? — Э, — говоритъ, — я старикъ, совсѣмъ пересталъ ѣсть! — «Провались-же чортъ въ пропасть! не находится для меня даже ѣдящаго человѣка; пусть чорта чортъ поберетъ!»! вскричалъ Чарчаханъ, выскочилъ, побѣжалъ.

Прибылъ, влетѣлъ къ меньшему ѣдуну. А Ѣдунъ совсѣмъ голый лежитъ у шестка задомъ къ огню. «Ѣдунъ, Ѣдунъ! Пришелъ я къ тебѣ, потому что извѣстенъ ты, какъ ѣдокъ. Вотъ убилъ я блѣклаго быка, достигающаго до неба, убилъ я вшиваго быка, достигающаго до облака; а семейство мое все померло!»! — Эе! (говорить Ѣдунъ). Захотѣлъ идти (поѣсть), позвалъ жену, сказалъ:

«Дѣвка! Подай мнѣ мою шубу изъ тридцати бычьихъ кожъ!»! Натесала жена льду (съ оконъ или изъ угловъ юрты), подала. «Подай», говоритъ, «мои штаны изъ семи быковъ. Подай мои торбоса, сшитые изъ девяти паръ бычьихъ камосовъ. Подай мои рукавицы, сшитыя изъ девяти переднихъ бычьихъ камосовъ! Дѣвка, подай мою шапку изъ девяти бычьихъ головныхъ шкуръ, содранныхъ съ рогами. Подай мой поясъ изъ девяти бычьихъ хвостовъ!»! Подпоясалъ (еще) къ поясу сумочку, (сшитую) изъ кожи девяти бычьихъ половыхъ мошенокъ. «Ну», говоритъ, «пойдемъ! только если не насытишь, то (ужь мы) вокругъ печки побѣгаемъ»!

Вотъ Чарчаханъ пришелъ вмѣстѣ съ ѣдуномъ къ своему дому. Вошелъ ѣдунъ, сѣлъ въ правой половинѣ (юрты); (а Чарчаханъ) собралъ бычье мясо, подалъ; (ѣдунъ только) выплюнулъ изъ рта рога до копыта: «На эту пищу чтó-ли ты», говоритъ, «меня звалъ»? (Чарчаханъ) принесъ, подалъ восемь посудъ якутскаго масла; (ѣдунъ только) кору выплюнулъ. Принесъ Чарчаханъ, подалъ восемь посудъ (холлогос) кислаго молока: (ѣдунъ) только берестяную посуду выплюнулъ. «Это чтó-ли, говоритъ, твоя пища»? — Не наѣлся. «У меня нѣтъ (больше) пищи!»! отвѣчалъ Чарчаханъ. «Гм... гм..» сказалъ тутъ ѣдунъ. «Для этого ты звалъ, чтó-ли? обида моя, досада! Какія-же гостинцы женѣ и дѣтямъ моимъ»? «Старикъ, старикъ! нѣту, нѣту!»! отвѣчалъ Чарчаханъ, стоячи и смотрячи (на ѣдуна), поднявъ носъ. Стали бѣгать вокругъ печи. Развязался - спустился ремень у Чарчахановыхъ торбасовъ; ѣдунъ и наступилъ на него; упалъ Чарчаханъ, брякнулся. (ѣдунъ) уложилъ (Чарчахана) въ сумочку: «Вотъ, говоритъ, мой подарокъ женѣ и дѣтямъ»!

Скоро ѣдунъ шелъ домой, (хотя и) тяжело поднималъ ноги. Дорогой на одномъ мѣстѣ сѣлъ испразниться. Сумочку взялъ, положилъ къ подножію пня; а Чарчаханъ прорѣзалъ сумочку тупоконцымъ ножомъ, выпалъ.

Вотъ прибылъ (ѣдунъ) къ женѣ; взялъ сумочку, бросилъ на лабазъ; влетѣлъ въ домъ. «Какіе у тебя гостинцы»? спросила жена.

«Э, какая еще у него пища, говоришь? Я-то не наѣлся; принесъ самага Чарчахана». Тутъ ѣдунова жена съ радости проглотила наперстокъ и иголку, только брякнули. Взяла стащила сумочку, Чарчахана совсѣмъ нѣтъ. Подняла сумочку, вошла (въ юрту), сказала: «Мужъ! Чарчахана-то нѣту!» «Досада! Ты (вѣрно) съѣла (его), обдѣлила моихъ дѣтей!» (сказалъ ѣдунъ и) разрѣзалъ ей внутренность острымъ (стариннымъ) ножомъ. Но и внутри жены нѣтъ Чарчахана; выпали (только) съ брякомъ наперстокъ да иголка. «Эдакая тварь! Чарчахановъ обманъ! Вотъ жалость, заставилъ (меня) убить собственную жену!» Пошелъ обратно дорогой. Вотъ (на дорогѣ) лежитъ Чарчаханъ. «Ростопчу-же я твои восемь боковъ!» (подумалъ ѣдунъ) и поскорѣе наступилъ ему на бокъ; а въ боку у лежащаго Чарчахана набита кора; раздался только (одинъ) трескъ коры. Взялъ (ѣдунъ Чарчахана), уложилъ въ сумочку. И неся его на спинѣ, пришелъ домой; положилъ на лабазъ; влетѣлъ въ юрту). «Вы, девять моихъ плѣшивыхъ сыновей, девять моихъ плѣшивыхъ дочерей! принесъ я вамъ въ гостинцы Чарчахана. Ступайте, введите!» Подняли дѣти, принесли Чарчахана. Положили на верхъ на полку. «Развѣ вы сможете съѣсть (голый) Чарчахановъ жиръ? Ужо, принесу я на спинѣ сухой мелкой (какъ песокъ) рыбы!» Пошелъ.

А Чарчаханъ сказалъ его дѣтямъ: «Какъ вы (такъ) съѣдите мой жиръ? Найдите, дайте мнѣ острый ножикъ! Я сдѣлаю и дамъ вамъ ложку!» Тутъ отыскали они острый старинный ножъ и дали ему. Сдѣлалъ онъ ложекъ по числу (дѣтей). «Садитесь вы всѣ рядомъ! хорошему я дамъ хорошую ложку, худому — худую». Съели они рядомъ. Какъ ударилъ онъ разъ острымъ ножикомъ по ихъ головамъ и упали рядомъ головы всѣхъ дѣтей. Сдѣлалъ Чарчаханъ кровать, положилъ (на нее) рядомъ дѣтскія головы, закрылъ одеяломъ. А мясо ихъ сварилъ, вынулъ изъ горшка, положилъ на столъ; жиръ ихъ почерпнулъ въ чашку. Изжарилъ ихъ сердце, вытащилъ, положилъ на столъ. Вырылъ нору со сквознымъ проходомъ подъ домомъ; вошелъ въ нору и легъ.

Пришелъ ѳдунъ, отворилъ дверь. «Возьмите, говорить, сухую мелкую рыбу!» Нѣтъ, не увидалъ ни одного своего дитяти. «Парни, возьмите!» кричалъ (ѳдунъ); не слышали. Толкнулъ мелкую рыбу, разсыпалъ; влетѣлъ (въ юрту). Мясо съ жиромъ наварено-наварено; и на столъ поставлено. Рѣжетъ онъ мясо, ѳсть. «Хы, хы!» говорить. «Какъ это былъ онъ мнѣ родственникомъ по тѣлу! Тѣло у меня какъ-бы подернуло!» Рѣжетъ жиру, ѳсть. «Хы, хы!» говорить. «Какъ это былъ онъ мнѣ родственникомъ по жиру? Къ чему-бы это жиръ у меня подернуло?» Рѣжетъ сердце, ѳсть. «Хы, хы!» говорить. «Что за родство по сердцу? Сердце у меня подернуло! Парни, дѣвки, вставайте!» кричитъ. Нѣтъ, сыновья и дочери (опять спятъ), лежатъ. Разсердился (ѳдунъ), вскочилъ; потянулъ одѣяло, чтобы раскрыть; дѣтскія головы скатились рядомъ. «Ё, бѣкѣтѣсь батас, бѣкѣтѣсь батас!» вскричалъ онъ, вздрогнувши, какъ ёмюряхъ, и растопталъ ихъ на-мелко. Съѣлъ и заплакалъ. «Эдакая ничтожность, Чарчаханъ! Шляясь, обманывая, ты заставилъ (меня) убить собственныхъ дѣтей! Вѣдь, достигну-же», говорить, «я Чарчахана!» А Чарчаханъ откликнулся на дворѣ: Об!

Пролетѣлъ ѳдунъ черезъ стѣну кровати на правой сторонѣ юрты, вышелъ, закричалъ: Чарчаханъ! — «Об!» откликается (Чарчаханъ) внутри дома. Влетѣлъ (ѳдунъ въ юрту) сквозь домовую стѣну билирика, сказалъ: Чарчаханъ! «Об!» откликается на дворѣ (Чарчаханъ). Вылетѣлъ сквозь правую сторону дома, вышелъ, сказалъ: Чарчаханъ! «Об!» отвѣчалъ голосъ внутри дома. Вошелъ-пролетѣлъ сквозь лѣвую сторону дома, сказалъ: «Чарчаханъ!» Об! отвѣчалъ на дворѣ (Чарчаханъ). Изошли домовыя стѣны; прошелъ; пролетѣвши насквозь подъ порогомъ, закричалъ: «Чарчаханъ!» — «Да вотъ я!» отвѣчаетъ (тотъ). — Да гдѣ ты? «Да вотъ лежу; развѣ у тебя глаза лопнули?» — Гдѣ ты лежишь? — Высунулась голова изъ норы (ямы). «ѳдунъ, ѳдунъ! войди-ка, войди!» говорить Чарчаханъ. Хотѣлъ ѳдунъ войти, да завязъ и началъ биться; не проходитъ; вошла только голова съ шеей. Срѣзалъ ему голову острымъ ножомъ,

убилъ Ёдуна; умеръ (онъ). (Чарчаханъ) разрубилъ его мясо, развѣялъ ысыэх'омъ солнца и мѣсяца. Только.

10.

Пташка и Ёдунъ (обжора).

(Чычак икки мангыс).

Говорять были вдвоемъ пташка и Ёдунъ (мангыс). Жили сообщившись (въ товариществѣ). Наступилъ зной.

— «Вспотѣлъ я такъ, что стало саднить», сказалъ Ёдунъ.

— Выкупайся! сказала пташка.

— «Развѣ я не утону въ водѣ?»

— Держись за траву (осоку)!

— «Развѣ не порѣжетъ руку?»

— Надѣнь рукавицы.

— «Развѣ рукавицы мои не вымокнуть?»

— Вытащи да высуши!

— «Развѣ высохнуть да не переломаются?»

— Вымни себѣ!

— «Какъ смогу вымять?»

— Молотомъ выколоти себѣ!

— «Что такое? Развѣ не разорвется?»

— Зашей себѣ!

— «Развѣ иголка не поколетъ пальца?»

— Наперстокъ надѣнь себѣ!

— «Какой досадный! Что за разныя слова! Съѣмъ вѣдь я тебя!»

При этихъ словахъ Ёдунъ схватилъ его и поставилъ на (желѣзный) роженъ.

— Ёдунъ, сварилась я, сварилась! поверни, поверни! говоритъ пташка.

Ёдунъ повернулъ.

— Ёдунъ, сварилась я, сварилась; съѣшь-съѣшь!

Ёдунъ взялъ, проглотилъ ее цѣликомъ и сѣлъ облизывать роженъ.

— Изгнила я, изгнила! Выкинь (выбрось)! сказала пташка, царая внутренность Ёдока.

На это Ёдунъ сходилъ около пня.

— Собака Ёдуна, приди, съѣшь, а то я засохну! сказала пташка.

Собака пришла, заразъ проглотила.

— «Собака Ёдуна-Ёдуна, изгнила я! выбрось!»! сказала пташка внутри собаки. Собака сходила около пня.

— А вѣдь хорошо бываетъ безгрѣшному! Вотъ и до сихъ поръ лежу я, видючи (свѣтъ) солнце! говорить-лежить, смотреть (пташка), не смыкая глазъ.

— Тьфу! что за разные слова у этого дьявола! Ужѣ я тебѣ дамъ! сказалъ Ёдунъ, вырвалъ цѣлый кустарникъ съ корнемъ, и, собравши всю силу, ударилъ по сабачьему калу. Тутъ-то, говорятъ, сабачье кало разлетѣлось разными пташками на всѣ четыре стороны неба, прикрикивая: «чалыб!»! (ча-чип, чип-чап)!

Посмотрѣлъ Ёдунъ на небо: «Что за разные штуки творить дьяволъ». (*Вариантъ*. Ахъ, досада, вѣдь сдѣлалась «снѣжной» чечеткой?)—сказалъ и остался (съ этимъ, почесывая голову руками).

11.

Онгостонъ-Чоканъ и Олонъ-Долонъ.

(*Онгостонъ чокан икки олон долон*).

Говорятъ, есть Онгостонъ-Чоканъ (Оногостонъ-Чоканъ) и Олонъ-Долонъ. Они очень дружны. Живутъ оба сосѣдями; между ними пять верстъ. Онгостонъ-Чоканъ женатый.

Разъ утромъ Олонъ-Долонъ приходитъ въ гости къ Онгостонъ-Чокану. Вотъ, сваривши горшокъ, кормятъ его. У старинныхъ людей ножи бывали длинные, до двухъ большихъ четвертей (со среднимъ пальцемъ). Олонъ-Долонъ, наѣвшись, обтирая свой ножъ по наколѣннику, сказалъ: «А—а! я думалъ, что у здѣшнихъ людей закроймы кровати изъ березоваго дерева, а у нихъ закройма изъ сына Ханъ-Хараханъ-господина» *)!

Тутъ Онгостонъ-Чоканъ заглянулъ подъ кровать и видитъ, лежитъ подъ кроватью сынъ Ханъ-Хараханъ-господина, одѣвшись въ

*) Ханъ-Хараханъ тоён.

черную соболиную доху. «Вотъ досадный!» сказавши, нападаетъ на него, беретъ за соболиную доху; вотъ стали драться. Въ дракѣ сынъ Ханъ-Хараханъ-господина сталъ одолѣвать Онгостонъ-Чокана; туда сюда сталъ его припирать. Тутъ Онгостонъ-Чоканъ кричитъ: «Олонъ-Долонъ, спаси, не дай убить!» — Соскакиваетъ Олонъ-Долонъ и прямо противъ печени пронзилъ ножемъ сына Ханъ-Хараханъ господина; убилъ.

Онгостонъ-Чоканъ говоритъ: «Эхъ! какъ не хорошо, что ты убилъ и насъ не рознялъ! Теперь господинъ Ханъ-Хараханъ какъ оставитъ насъ живыми? одолѣетъ. Куда уйдемъ и станемъ людьми?» — Ну, я спасу; надѣйся на меня, говоритъ Олонъ-Долонъ.

Лежить передъ огнемъ убитый человѣкъ. Связавши, за шею, Олонъ-Долонъ взвалилъ его себѣ на спину, несетъ къ отцу матери. Путешествуя ночью, спустилъ его около коновязи. Влетѣвши въ домъ (его родителей), говоритъ: «Отецъ и мать, положите меня вмѣстѣ!»

— Э, говорятъ, ступай, ложись вонъ съ дядей!

— Э, чортъ съ тобою, поди ложись вмѣстѣ съ тетками! говоритъ дядя.

— Э, пошелъ, ложись съ младшими сестрами! что это за мученье? Куда ты ходилъ? говорятъ тетки.

— Поди, вонъ ложись вмѣстѣ съ Симяхсинь-эмяхсинь (старухой)! что это, какой ты мучительный человѣкъ. Кажется, не дашь уснуть, говорятъ (младшія) сестры.

— «Отецъ и мать, дядя, тетки и сестры! Утромъ увидите, что выйдетъ». Сказавши, Олонъ-Долонъ выскочилъ и приведши къ дверямъ одного именитаго жеребца по имени Ыстыйбанъ, распоролъ ему брюхо, убилъ; затѣмъ теперешняго убитаго человѣка пофеллъ. Въ брюхо ему по прежнему отверстію воткнулъ ножъ, вытащенный имъ изъ этого-же (родительскаго) дома.

Утромъ старуха Симяхсинь, затопивши огонь, выскакиваетъ; вотъ и видитъ, сынъ господинъ Харыэджа-Бяръганъ въ черной соболиной дохѣ удавился, повѣсившись на главной коновязи; большой

столовый ножъ воткнулъ себѣ въ брюхо; жеребецъ тоже страшно пропалъ, лежитъ. Вошла она (въ домъ), спустивши языкъ на грудь. Услыхавши, нѣкоторые попадали въ обморокъ; нѣкоторые совсѣмъ нагіе, другіе только полуодѣвшись, повыскакали. И шумъ и плачь. «Ты не положила спать вмѣстѣ съ собой! ты не положила спать вмѣстѣ съ собою!» говорятъ между собою. Просто ужасъ!

Утромъ Олонъ-Долонъ пришелъ къ нимъ, какъ гость. «Э, объ этомъ плачете, что-ли? Совѣтъ этого пустяки (т. е. это легко поправить). Есть лисица шаманка (сасыл удаган); къ ней надо послать!» совѣтуетъ онъ. Ну а къ ней кто-же пойдетъ? переговариваются между собою. Олонъ-Долонъ говоритъ: «Да я могу сходить!» Ну ступай. А что возьмешь за плату?— «А вотъ, говоритъ, дайте половину имущества Ханъ-Хараханъ-господина». Какъ не дадимъ, и не то бы дали!— И, отдѣливши половину имущества, отдали (ее) ему.

Пришедши къ лисицѣ шаманкѣ Олонъ-Долонъ говоритъ: «Зовутъ тебя, иди!» На это лисица шаманка, выдавши пищи девяти волкамъ своимъ сыновьямъ, восьми лисицамъ—дочерямъ, поѣхала на одной лошади съ Олонъ-Долономъ.

Положивши «сѣдалище» (олох, шаманскій коврикъ) передъ огнемъ, велятъ узнать, говоря: «отъ кого и отъ чего умеръ!» Громко шаманя, лисица шаманка спустилась въ преисподнюю, тщательно искала (причину смерти), но въ мѣстѣ начала смерти ея не нашла. Потомъ, дошедши на среднемъ мѣстѣ (землѣ) къ родоначальнику (духовъ) острыхъ орудій (войны), говоритъ: «съ свободными устами сивый человѣкъ». На то Олонъ-Долонъ выскакиваетъ, привязываетъ на хвостъ къ одному дикому жеребцу огонь въ большомъ турсукѣ. И, влетѣвши въ домъ, кричитъ: «Конь горитъ!» Всѣ люди выскакиваютъ. Олонъ-Долонъ взялъ шаманку за оба бедра. Утопилъ тамъ въ чуланчикѣ въ кумысѣ, стоявшемъ въ кожанной посудѣ, положилъ вверхъ ногами. Лисица шаманка задохлась и умерла тамъ.

Вотъ народъ вбѣжалъ въ домъ. «Что это? Гдѣ шаманка?» говорятъ. «Взболтайте кумысу!» сказали. Олонъ-Долонъ вбѣжалъ

(въ чуланчикъ). «А, говорить, я думалъ, что у здѣшнихъ людей хамнатаръ (мутовка) изъ березы; а у нихъ мутовкой барыня-женщина!» И съ этими словами взялъ шаманку за ногу и началъ толочь (двигать вверхъ и внизъ) кумысъ.

— Что это! Что говорить этотъ человѣкъ? посмотрите! — Вбѣжали парни, посмотрѣли; лежитъ шаманка, утонувши въ кумысъ. «Ой, какая страсть!» говорятъ. Опять плачь поднялся, бѣда сдѣлалась. «Что вы плачете? совѣтъ этого скоръ. Не плачьте по пустому!» говоритъ Олонъ-Долонъ и смотритъ однимъ глазомъ на огонь. — Ну, какой-же совѣтъ? Спаси насъ! Мы не оставимъ даромъ твои труды! «Если дашь свою дочь, если дашь большую половину (не много болѣе половины) имущества, пожалуй-бы и спасъ! У ней девять волковъ-сыновей, восемь лисицъ - дочерей, справиться не такъ-то легко!» говоритъ-шумитъ Олонъ-Долонъ.

— Пожалѣемъ-ли, говорятъ, объ этомъ, чтобы позволить растерзать, съѣсть себя тѣмъ животнымъ!

Ну, вынесши лисицу-шаманку, привязалъ къ ней подъ мышки два пузыря съ кровью, а себѣ къ пяткамъ привязалъ два шила; потомъ посадилъ шаманку впередъ себя на голубопестраго быка, самъ сѣлъ сзади, доѣзжаетъ къ дому лисицы-шаманки. Вотъ тутъ дѣти ея прискакиваютъ кверху, говоря: «Мать пріѣхала, гостинцы привезла; вотъ поѣдимъ!» Подняли страшный крикъ, ревъ, вой, лай.

— «Тише, голубчики! Ой, тише! Это ужасно пугливый быкъ. Мать ваша пріѣхала сильно уставши, испугаете!» говоритъ Олонъ-Долонъ. Не послушались дѣти, не перестали скакать. Подъѣзжая къ коновязи, Олонъ-Долонъ пришпорилъ своего быка шильями. Вздогнулъ быкъ, отскочилъ въ сторону, опять пришпорилъ, опять быкъ сталъ отскакивать. «Вы и меня и мать свою заставили убитъ!» говоритъ Олонъ-Доловъ и упалъ на спину. Отброшенная быкомъ лисица-шаманка шлепнулась на ту сторону, два пузыря съ кровью лопнули, и лице и все забрызгали.

Олонъ-Долонъ, совершенно разбившись, лежитъ - бранится. «О исчадія! Не слушая человѣческихъ словъ, убили вы свою мать! А потомъ жалѣете еще, плачете, — глаза ваши убудутъ (уменьшатся)! Ужъ какъ я вамъ говорилъ: не пугайте! Впрочемъ совѣтъ этого скоръ. Я сдѣлаю, что не будете жалѣть; очень не изнуряйтесь!»! Сказавши это, всталъ и привязалъ своего быка къ лѣсинѣ.

«Идите за мной!»! говоритъ Олонъ-Долонъ девяти сыновьямъ-волкамъ и восьми лисицамъ-дѣвицамъ. Послѣдовали. Дошедши къ одному озеру, прорубилъ три проруби.

— Ахъ, умираемъ отъ сожалѣнія! говорятъ — плачутъ волки-сыновья и лисицы-дочери.

«Постойте, постойте! Совѣтъ этого очень скоро исполнится!»! приговариваетъ Олонъ-Долонъ и окончательно выдалбливаетъ прорубь.

«Ну, голубчики, вотъ впустите ваши хвосты сюда въ воду и сидите! пройдетъ!»! говоритъ. На то всѣ спустили свои хвосты въ прорубь.

Спустили хвосты, сидятъ: «Вотъ умираемъ», говорятъ, «по спинѣ мурашки ползаютъ!»! Подняли страшный вой. «Э, ужо! Вотъ еще немножко спина ваша поболитъ, тотчасъ и прійдетъ вамъ средство не жалѣть (о матери)», говоритъ Олонъ-Долонъ.

— Спаси, говорятъ, умираемъ. Кажется и хвосты примерзли; хоть хвосты-то наши отдѣли! кричатъ.

«Ужѣ, отдѣлю! Посмотрите на эту палку! Вотъ этимъ отобью хвосты!»! говоритъ Олонъ-Долонъ и показываетъ имъ дубину.

— Нѣтъ, помремъ, говорятъ. Отдѣли наши хвосты, совсѣмъ примерзли! и начали выть.

«Ну, хорошо. Теперь совѣтъ скоръ!»! И, сказавши это, всталъ, началъ своей палкой бить по шеямъ, убивать, и убивая говоритъ оставшимся: «Видите, какъ они успокоились; тотчасъ перестали жалѣть». Изъ волковъ и лисицъ только по одному оторвали хвосты и убѣжали; отъ нихъ и распространились волки и лисицы. Отъ этого у нихъ на хвостахъ бѣлыя шишки.

Олонъ-Долонъ, ушедши оттуда, взялъ у Ханъ-Хараханъ-господина дочь и большую часть имущества и пошелъ домой. Всѣ сильно были рады, что онъ спасъ ихъ, а дѣвушка сильно плакала, что вышла за такого страшнаго.

Взявши еще половину имущества Онгостонъ-Чокана, Олонъ-Долонъ, говорятъ, и до сихъ поръ живетъ сыто и богато. Кончилось.

У якутовъ довольно много, подобно этой, юмористическихъ сказокъ, въ которыхъ наказывается смертью. Такова, на примѣръ, сказка о Харысъ-Тёкяй и Тюкюмь-Тёкяй. Оба они жили сосѣдями Ханъ-Хараханъ-господина. Вотъ Харысъ-Тёкяй отправился въ гости къ Ханъ-Хараханъ-господину. У Ханъ-Харахана былъ ребенокъ, а жены не было; онъ и заставлялъ своего гостя водиться съ ребенкомъ, выносить его на дворъ для испражнений. Харысъ-Тёкяй выносить его, тычетъ ему тупоконцымъ ножомъ въ задницу; ребенокъ плачетъ, но не испражняется. Накормили гостя кумысомъ съ масломъ; на ночь постлали вмѣсто постели дверь. Спали. На утро Ханъ-Хараханъ-господинъ заставлялъ гостя вмѣстѣ со старухой Симяхсинь убирать скотское кало. Тотъ выходитъ и, когда принимается за работу, старуха Симяхсинь убиваетъ его, ударивъ желѣзной лопатой въ спину. Харысъ-Тёкяй померъ. А Тюкюмь-Тёкяй и говоритъ: «Пойди-бы мнѣ въ гости къ Ханъ-Хараханъ-господину!» Пошелъ. Тотъ также заставлялъ его выносить своего ребенка на дворъ для испражненія. Тотъ убиваетъ ребенка и бросаетъ въ воду. Входитъ въ юрту. «А ребенокъ то мой гдѣ?» спрашиваетъ Ханъ-Хараханъ-господинъ. Я его убилъ и бросилъ въ воду!— отвѣчалъ Тюкюмь-Тёкяй. «Ну, этотъ человекъ не оставитъ насъ въ живыхъ! Надо бѣжать!» подумалъ Ханъ-Хараханъ-господинъ, и, когда Тюкюмь-Тёкяй уснулъ, онъ убилъ много своего скота изъ шкуръ сошилъ огромную суму, куда и уложилъ это мясо. Но Тюкюмь-Тёкяй уже замѣтилъ это, и не замѣтно тоже влѣзъ въ ту же суму. Вотъ Ханъ - Хараханъ - господинъ, взваливъ громадную суму на плечи, отправился, бѣжалъ изъ дому. Шель, шель, шель,

шелъ, шелъ. «Ну, этотъ Тюкюмь-Тёкяй утомилъ-же меня!» — Вдругъ сзади него съ праваго уха раздается голосъ Тюкюмь-Тёкяй'я: «Да, Тюкюмь - Тёкяй заставилъ тебя устать»!... «Фу!»! сказалъ Ханъ-Хараханъ-господинъ. «Голосъ-то его впитался мнѣ въ правое ухо»! — Разсердился, отрѣзалъ себѣ правое ухо. Пошелъ дальше. Шелъ, шелъ, шелъ, шелъ, шелъ. Усталъ. «Ну, усталъ-же я отъ этого Тюкюмь-Тёкяй'я»! Вдругъ сзади съ лѣваго уха послышался голосъ Тюкюмь-Тёкяй'я. «Голосъ-то его впитался мнѣ въ лѣвое ухо»! Отрѣзалъ себѣ и лѣвое ухо. Пошелъ дальше. Шелъ, шелъ, шелъ, шелъ. Притомился. «Ну, горе! Притомился-же я отъ этого Тюкюмь-Тёкяй'я»! Вдругъ сзади головы раздается голосъ Тюкюмь-Тёкяй'я: «Да, утомилъ-же тебя Тюкюмь-Тёкяй»! «Фу! да и въ мозгъ-то мнѣ впитался его голосъ»! сказалъ Ханъ-Хараханъ-господинъ и вырубилъ себѣ головной мозгъ. Пошелъ дальше. Ну, далеко-ли уйдетъ человѣкъ безъ мозга? Упалъ (вмѣстѣ съ ношей). «Ну, надѣлалъ-же мнѣ труда Тюкюмь-Тёкяй»! сказалъ Ханъ-Хараханъ-господинъ. Вдругъ изъ-за середины туловища раздается голосъ: «Да, надѣлалъ-же тебѣ труда Тюкюмь-Тёкяй»! Разсердился опять Ханъ-Хараханъ-господинъ, прокололъ себѣ сердце и померъ. Тутъ Тюкюмь-Тёкяй вылезъ изъ суммы, взялъ все его мясо, пришелъ въ его домъ, завладѣлъ всѣмъ имуществомъ Ханъ-Хараханъ-господина и живетъ до сихъ поръ.

Такова-же сказка Крищенья-огоннёръ (старикъ), младшая дочь котораго подобнымъ-же образомъ овладѣла имуществомъ ѳдуна, взявшаго ее за мужъ. У якутовъ есть еще сказка Тогоноконъ-эмяхсинь. У ней было пять коровъ и сѣрая собака, а въ сосѣдяхъ жила Сасылаканъ-кысь (лисица-дѣвица). Сасылаканъ-дѣвица приходитъ въ гости къ старухѣ. «Сасылаканъ-дѣвица! Поищи у меня въ головѣ вшей; я дамъ тебѣ одну корову»! — Вотъ Сасылаканъ-дѣвица ищетъ у ней вшей и припѣваетъ: «Ну, старуха Тогоноконъ, нагнись! пять коровъ уничтожьтесь! Пѣстрая собака набочись! четыре столба

(дома) торчите» (т. е. чтобы стѣны юрты разрушились)! — Когда выискала вшей, старуха дала ей одну корову. На другой день повторилось тоже; и такъ далѣе, пока старуха не отдала ей всѣхъ пять коровъ; и за тѣмъ Сасылыканъ-дѣвица убила сѣрую собаку и съѣла самое старуху.

12.

Б а с ы м н и л а н ь - б а т ы р ь .

(Безъ якутскаго текста).

Вотъ если сверху: (то) подъ звенящимъ широкимъ небомъ съ девятью подпорами, съ тридцатью ременными петлями (скобами), а если снизу, то надъ незыблемой широкой пропастью семижды окаймленной водной плѣсенью возникаетъ, увеличивается, живетъ перворожденной Басамниланъ (одолѣвающій) - батырь съ послѣдне-рожденнымъ Эрбяхтай-Бяргянь. Возникли они, не зная (своего) господина отца съ зычнымъ голосомъ, съ бородою (черной), какъ накопченная печать. Возникли они, не зная почтенной госпожи матери, носившей въ чревѣ десять мѣсяцевъ и заботливо родившей. Возникли они, не зная, пришли-ли они вмѣстѣ съ южнымъ или сѣвернымъ вѣтромъ; не знали, явно-ли они спустились съ неба; возникли они, вышедши, вынырнувши изъ нижней широкой пропасти.

Имѣли тридцатигранный сквозной серебряный блестящій домъ, подобно совершенно развитому (тѣлесно) самцу (оленю или сохатому) съ девятью верхушками роговъ, прибѣжавшему вскачь съ дневнаго переѣзда; домъ, покрытый трехслойной серебряной мазью. Когда, сидя, посмотрѣлъ онъ изнутри: матицы были изъ хорошаго дерева, домовые столбы изъ богатаго дерева, съ стѣнами изъ многого дерева, съ потолкомъ изъ многого дерева, съ почтенной широкой печью подобно госпожѣ женщинѣ, надѣвшей на распашку доху изъ жеребенка и бѣгущей на западъ; широкій почтенный шестокъ подобно девятигодовалому совершенно развитому (тѣлесно) жеребцу съ отрѣзанными ногами и головой, растянутаго ничкомъ. А ниже его былъ серебряный полъ подобно шкурѣ трехгодовалаго сохатаго,

растянутой надъ первымъ льдомъ озера, замороженной и выскобленной. Былъ серебряный столъ подобно листу бумаги русскаго чело-вѣка, разостлавшаго листъ, сидящаго и пишущаго письмо. Было у него серебряное блюдо подобно трехгодовалому сохатому съ отрубленными головой и ногами и разостланному горизонтально. Были вилки изъ серебра подъ чернью подобно обработанной затылочной кости умной лисицы. Была сковорода изъ серебра подъ чернью подобно внутренней перепонкѣ шеститраваго жеребца, когда ее держать растянутою горизонтально. Были золотыя закроймы кровати подобно не жеребившейся впродолженіи восьми лѣтъ жирной кобылѣ съ притянутой на бокъ головою. Когда, сидя, посмотрѣлъ онъ въ сторону: былъ у него хапахчи (чуланчикъ) съ побрякушками, подобными семи-восми бѣлымъ жеребенкамъ, привязаннымъ за голову къ ремню, стоящими, играя ногами и головой.

Когда, поворотившись, посмотрѣлъ онъ изнутри, была у него узорчатая кровать; когда, сидя, посмотрѣлъ повыше, было у него шахматное одѣяло; а когда, сидя, посмотрѣлъ выше, было у него пѣшечное одѣяло; когда посмотрѣлъ съ боку, была у него дорогая подушка. Когда, сидя, повернулся, посмотрѣлъ на лѣвую сторону, была у него полка прибаютница. Когда посмотрѣлъ ниже, былъ у него насмѣшливый югяхъ (уголь). Когда, сидя, посмотрѣлъ еще далѣе, былъ у него прибаутникъ-хотонъ (хлѣвъ). Когда, сидя, повернулся на восточную сторону, былъ у него огромный серебряный порогъ подобно шеститравому табунному быку съ отрубленными головой и ногами, растянутому ничкомъ. Когда посмотрѣлъ онъ еще далѣе, были у него серебряныя сѣни подобно прибѣжавшей въ запуски лошади съ свѣтлыми напиками (лошади), на которой ѣздятъ верхомъ для веселья. Когда, сидя, онъ посмотрѣлъ еще далѣе, были у него серебряныя двери, отворяемыя со стукомъ восемью юношами. Посмотрѣлъ онъ еще далѣе, было толстое прясло, отодвигаемое со стукомъ девятью юношами. Далѣе былъ серебряный дворъ, на которомъ не удерживается на ногахъ девятитравый конь, подобно ло-

шади съ свѣтлыми напликами, употребляемой для верховой ѣзды на веселье, прибѣжавшей вскачь за дневной переѣздъ. Былъ почтенный блестящій серебряный мусоръ, на которомъ не удерживается на ногахъ шеститравый жеребецъ. Было девять господъ серебряныхъ столбовъ подобно девяти господамъ человѣкамъ въ дохахъ, сшитыхъ изъ волчьей шкуры, стоящихъ говоря по-человѣчески, молвя по-якутски. Были золотые (два) столба съ колышками подобно двумъ дѣвицамъ, держащимъ двухъ стержневъ внизъ головой за обѣ ноги и заставляющимъ ихъ дрыгать (ногами). Былъ высокій серебряный лабазъ подобно стоящимъ и нюхающимъ восьми четырехгодовалымъ сохатымъ.

Когда онъ, оборотившись, всталъ, посмотрѣлъ на южную сторону: было девять пустыхъ пней подобно девяти бѣловатымъ волкамъ, стоящимъ, воя. На лѣвую сторону была роща изъ сухаго березника, подобная семи дѣвицамъ, наряженнымъ въ платья съ серебряными украшеніями, стоящимъ и тянущимся пальцами съ золотыми кольцами, смотрящимъ на лѣтній восходъ солнца и пляшущимъ пляску. Когда, вставши, посмотрѣлъ на востокъ: было блестящее поле подобно растянutoй «рубашкѣ» (внутреннему жиру) тучной коровы. Когда всталъ онъ, посмотрѣлъ еще далѣе, было мѣдное поле (столь обширное), что его не перебѣгаетъ поперегъ горностайная самка. А когда онъ посмотрѣлъ къ югу отъ этого, было оловянное поле. А когда всталъ онъ, посмотрѣлъ еще далѣе, было не покрывающееся пѣнками молочное озеро. Когда посмотрѣлъ на южную сторону, было дерево, (взбираясь на которое) засыпаютъ и провѣтриваются (люди). Посмотрѣлъ онъ къ югу, былъ подъ нимъ холмъ изъ бѣлой глины для валянія (животнымъ). Когда всталъ онъ, посмотрѣлъ ниже этого, были почтенныя горы (съ лѣсомъ) подобно двумъ табуннымъ жеребцамъ, смотрящимъ другъ на друга и ставшимъ для того, чтобы бодаться. Были черные торчащіе камни подобно двумъ самцамъ медвѣдямъ, дравшимся, оборвавшимъ кожу съ боковыми космами и, закапавши (камни) темною кровью, убѣ-

жавшимъ въ лѣсъ. Былъ темный лѣсъ, подобный семи бѣлопѣганымъ оленямъ, бѣгущимъ рысью. Почтенные лѣсные мысы подобно девяти голубоватымъ оленямъ, бѣгущимъ рысью другъ за другомъ. Когда онъ всталъ и посмотрѣлъ на южный конецъ, были тамъ обрамливающія кругомъ горизонтъ бѣлыя горы подобно бѣлымъ оленямъ, бѣгущимъ рысью другъ за другомъ. Были девять деревьевъ съ выдавшимися сучками подобно девяти солдатамъ (вооруженнымъ) саблями, и стоящимъ на караулѣ у царской кладовой. Когда онъ всталъ, посмотрѣвши, ближе этого, были осиновыя деревья подобно Кынапъ-шаману, хвастающему передъ народомъ. Былъ мелкій ерникъ подобно семи пожилымъ старухамъ, бѣгущимъ и тащащимъ за собою ремешокъ обуви. Когда, повернувшись, посмотрѣлъ онъ ближе этого, были серебряныя кочки, подобно отрубленной и стойма поставленной головѣ шамана Больчогнура.

Думая, что это должно быть грань моего мѣста, думая, гдѣ оканчивается верхній конецъ кудряваго дерева съ восьмисложными вѣтвями, когда всталъ онъ, посмотрѣлъ, проросъ онъ черезъ «пѣшее» небо якутскаго человѣка, проросъ онъ бѣлое небо трехъ рядовъ, сдѣлался главной коновязью изъ серебра подъ черную у бѣломолочнаго Бѣлаго Господа Бога, пьющаго бѣломолочную пищу, кушающаго разбрызгиваемый ысыэхъ, имѣющій ысыэхный колъ изъ желтаго коня, высокій столбъ изъ чисто-бѣлаго коня, коновязь изъ сѣраго коня, съ постоянно восходящимъ полнымъ мѣсяцемъ, съ незакатывающимся кружащимъ по небосклону солнцемъ, съ безсчетными ночевками, съ переднимъ корпусомъ изъ нѣжнаго лѣта, дышущаго ужаснѣйшимъ жаромъ, имѣющій мѣсто пеструю средину, подобную пестротѣ пуха казарки (гуся) и вязанокъ изъ конскаго хвоста и гривы (вѣшаемыхъ въ жертву); имѣющій хорошую широкую надь (горный подъемъ) подобно широкой большой рѣкѣ; серебряное поперечное сѣдалище подобно рубцамъ нѣба четырехтраваго жеребца, (это кудрявое дерево) съ листьями, растянувшимися отъ Татты; съ рыжеватыми сучками, протянувшимися отъ....*),

*) Тутъ въ рукописи пропускъ.

съ господами шишками подобно богатому человѣку, махающему и держащему кверху дномъ стаканъ-чоронъ съ девятью кольцеобразными возвышеніями; съ золотыми листьями подобно стоящему старинному Нарахъ-шаману, держащему за желѣзную рукоятку навзничъ бубенъ съ деревяннымъ кругомъ, обтянутый кожей годовалаго жеребенка и ударяющему въ него, съ золотою корою, съ серебряною мезгою, съ древесиной изъ серебра подъ чернью. Отъ этой золотой коры святая желтая божественная жидкость переливалась внизъ къ корню и вспухала, поднималась кверху подобно жирной чисто-бѣлой кобылѣ (поднимающейся на ноги); ею голодный наѣдался, отоцавшій откармливался; завтракалъ верховый, и пѣшій ужиналъ. Подумалъ онъ: «Куда-то достигаетъ нижній корень» (дерева)? Всталъ и посмотрѣлъ. Спустился, проросъ онъ (сквозь землю), дошедши къ госпожѣ коровницѣ и сдѣлавшись ея ысыэхнымъ коломъ.

«Какой-то у меня возникъ-стоитъ конный скоть»? — Подумалъ онъ и посмотрѣлъ; былъ у него жеребецъ Анъ-Джарылыкъ, кобыла Кюнь-Кюльбяри, кобыла Аи сыбая (не жеребившаяся); сивая лошадь для верховой ѣзды на промыселъ, желтая лошадь для верховой ѣзды въ дорогу, бѣловатая лошадь для выѣзда за пастьбой скота; чисто бѣлая лошадь для почетнаго выѣзда; лошадь съ веселыми нащликами для выѣзда на веселье. «Какой-то родился, стоитъ у меня рогатый скоть»? Всталъ онъ и посмотрѣлъ; былъ у него быкъ господинъ Тойбой, корова мѣсяцъ дойница. Собрано имущества восемь амбаровъ. Весело (шумно) жили (эти два брата); возникли они подобно двумъ рогамъ трехтравой коровы; нѣтъ у нихъ родственниковъ, нѣтъ сосѣдей, нѣтъ домашнихъ людей; двоечкомъ они возникли.

Изошелъ свѣтъ свѣтлолучезарнаго чисто-бѣлаго неба; наступила застѣняющая черная ночь. Спали. Настало утро. Небо ихъ разсвѣтало; солнце ихъ взошло. Проснувшись, встали они. Думая: «должно быть заачкались мы въ темной матери ночи»? совершенно стерли (грязь), вымылись темною (морскою) водой. Провѣ-

трѣвшисѣ на провѣтривающемъ деревѣ, вышли они на бѣлоглиняный холмъ для валянья; поиграли, вошли въ домъ. Поправляли себѣ горло выбродившимся кумысомъ изъ верхнихъ частей молока не жеребившейся кобылы, родившейся въ полнолуны января мѣсяца; считали деньги толстымъ жиромъ; веселились, играли; одинъ себѣ веселился весельемъ пятидесяти человѣкъ; а вдвоемъ играли съ весельемъ двухсотъ человѣкъ. Выбѣжали въ свое поле. Продолбили насквозь полторапудовою пешнею ледъ молочнаго озера, не покрывающагося пѣнками. Собираютъ чернаго скота, возникшаго во множествѣ вмѣстѣ съ чернымъ лѣсомъ, сгоняютъ бѣлаго скота, возникшаго во множествѣ съ бѣлымъ лѣсомъ, напоить въ проруби, напаивать за одинъ разъ толстомясыхъ съ двойнымъ наружнымъ жиромъ; худошерстныхъ и тонкомясыхъ напаивать за одинъ разъ. Вотъ когда пригнали они сюда, встали, посмотрѣли; вода поднялась кверху, вышла изъ проруби. Сталь онъ смотрѣть; тутъ вода проруби брызнула, поднимаясь кверху. А съ низу ея поднимается кверху, выходитъ (кто-то) съ головою и ногами. Вышелъ, вылетѣлъ всадникъ, славный собою, съ пятисаженною тальею, съ боками въ три ручныхъ сажени, съ шестисаженными плечами, съ плечевыми мускулами подобно главной зарубинѣ богатой лѣсины, съ бедрами подобно средней чуркѣ большаго дерева. Проѣзжая, притягивая на половину поводъ, молвилъ: «Ты не оскорбляйся, что я назвалъ тебя другомъ человѣкомъ, назвалъ тебя нуждающимся другомъ. Перво-рожденный Басымпланъ-Батыръ, послѣрожденный Эрьбяхтѣй-Бяръганъ друзья, слушайте вы, внимайте обоими вашими ушами, подобными (нѣжнымъ) уткамъ; смотрите, взирайте обоими большими свѣтлыми вашими глазами; правильно думайте сиюю подобно большой рѣкѣ. Пришелъ я на ваши дорогія имена, на ваше почтенное назначеніе. Возникшій, живущій у края западнаго вѣтра, атаманъ дьяволовъ, сильный изъ невидимыхъ, лучшій изъ неизвѣстныхъ, дьявольскій богатырь Желѣзный Дыбырданъ пришелъ и заперъ въ продолженіи цѣлыхъ девяти лѣтъ. Я леталъ (отъ него), превра-

шалъ во всѣхъ чернатыхъ верхняго мѣста; и этихъ (птицъ) онъ догналъ. Бѣжалъ я, превращаясь всѣми звѣрями, бѣгающими на землѣ, и (всѣхъ ихъ) онъ догналъ. Ходилъ-бросался я взадъ и впередъ. Я имѣлъ младшей сестрою вотъ эту женщину шаманку Урукку-Курукку съ ехидными мыслями, со стельками изъ шести пузырей, почтенную штуку. Онъ говоритъ: «Дай мнѣ ее!» а я не даю, да вотъ такъ и хожу. Ходилъ я широкимъ моимъ шагомъ, длиннымъ моимъ переходомъ, перечерчивая мой трудъ большимъ пальцемъ, разсѣкая мученіе носомъ, бредя по несчастію голенью; приблизился смертный мой день, день моей гибели; свѣтлая душа хочетъ выйти изъ внутренности. Пришелъ я къ вашей хорошей славѣ, превосходному назначенію. Помилуйте, скройте (меня) въ вашемъ тѣсномъ, спрячьте въ вашемъ широкомъ!»!

Погладили они этого пришедшаго человѣка, сдѣлали его огнивомъ, положили въ карманъ. Погладили госпожу, превратили въ ремень съ обротью, вдѣли на руки. Пошли домой; спали. Утромъ встали, выбѣжали въ поле, совершенно вымылись темною водою морскою; провѣтривались на провѣтривающемъ деревѣ; валялись на бѣлоглиняномъ холмѣ для валянья. Пришли домой, пили отстоявшійся выбродившійся кумысъ, заколачивали зубы мягкими костями, считали деньги толстымъ жиромъ; играли, веселились. Втроемъ они смѣялись смѣхомъ, играли играми трехсотъ человѣкъ; переиграли всѣ игры-исторіи десятка человѣкъ. Этого вновь пришедшаго человѣка опять обратили огнивомъ; положили въ карманъ.

Вошли въ свое поле; на льду ихъ проруби, сидеть, прилетѣвши, небесный мрачный Баръ-Ёксюю, съ когтями подобно кося величюю съ новый черпакъ, съ клювомъ подобно каленой пешнѣ, съ (большими) крыльями подобно подвижной берестѣ *).

*) Конца сказки въ рукописи нѣтъ.

VI. РУССКІЯ СКАЗКИ У ЯКУТОВЪ ВЕРХОЯНСКАГО ОКРУГА.

(Въ переводъ на русскій языкъ).

1.

Илья Муромецъ.

Въ городъ Муромъ жилъ-былъ старикъ со старухой, крестьянинъ по имени Климъ. Богатъ былъ этотъ пашенный; было у него двадцать табуновъ коннаго скота, нѣсколько сотъ коровъ и быковъ, безсчетное число барановъ, а въ амбарахъ и сундукахъ было собрано много разнаго богатства; одного только не доставало ему, не было дѣтей. Ужь давно прошла молодость, а старикъ со старухой все еще надѣялись имѣть дѣтей; наконецъ нельзя было ужь и надѣяться, и они просто впали въ отчаяніе. Старику было восемьдесятъ два года, а старухѣ семьдесятъ. Въ одну ночь старикъ Климъ видитъ дивный сонъ; предсталъ ему старикъ и говоритъ: «Поди ты со своей старухой въ такой-то городъ, что лежитъ отсюда за двѣ недѣли ходьбы; помолись тамъ Богу, и Богъ дастъ тебѣ ребенка». Послушался старикъ Климъ и пошелъ со своею старухой въ этотъ городъ. Всего они ходили пять недѣль, а черезъ сорокъ недѣль старуха, Климова жена, родила сына, который при появленіи своемъ на свѣтъ божій не издалъ ни одного звука, не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія; однако-же былъ живъ, потому что все-таки водилъ глазами. Онъ ѣлъ, когда ему вливали въ ротъ пищу, и, такъ какъ ночью онъ закрывалъ глаза, то вѣроятно и спалъ; онъ росъ обыкновеннымъ образомъ ни скоро, ни тихо, но все-таки лежалъ безъ всякаго движенія. Больше прежняго опечалился старикъ Климъ, что молъ Богъ далъ сына да такого «не дошлаго». Видитъ онъ въ одну ночь опять сонъ; и повелѣвается ему опять сходить къ тому-же святому мѣсту, гдѣ раньше онъ вымолилъ у Бога сына. Послушался старикъ опять и пошелъ туда со своею старухой.

Сыну не было дано еще никакого имени, хотя былъ ему уже двѣнадцатый годъ. Прошло три недѣли, какъ ушли его родители, какъ вдругъ утромъ явились къ нему три свѣтлыхъ красивыхъ юноши. «Здравствуй, Илья Муромецъ!» сказали они такимъ пріятнымъ голосомъ, какого онъ еще не слыхалъ. «Здравствуйте!» сказалъ Илья Муромецъ и самъ испугался, потому что ему показалось страннымъ и чуднымъ, какъ онъ, еще не издавшій до того ни одного звука, уже привѣтствовалъ ихъ! «Здравствуйте!» повторилъ онъ, чтобъ удостовѣриться, точно-ли онъ говоритъ. «Вставай!» сказали вошедшіе. «Вставай, угощай насъ!» Какъ быть? Подумалъ Илья Муромецъ. Вѣдь заговорилъ-же я съ ними, такъ, можетъ быть, и встану? подумалъ онъ, протягивая руки, а суставы ихъ хрустнули такъ сильно, что обвалилась вся наружная обмазка хижины. Уперся онъ обѣими руками о кровать, на которой лежалъ восемнадцать лѣтъ и легко спрыгнулъ на полъ (кровать была высокая). Сдѣлалъ онъ два шага впередъ и вдавилъ въ землю двѣ половицы до ладыжекъ. Угостилъ онъ гостей, свѣтлыхъ юношей, по тогдашнему обычаю. Что тутъ они пили-ѣли, я ужъ и не знаю.

Много было радости, когда воротились старики; бѣднымъ много сдѣлали добра и богатыхъ накормили до сыта. Старикъ Климъ все готовъ былъ сдѣлать для сына; еслибъ Илья Муромецъ попросилъ у него принести ему мѣсяцъ (луну), то старикъ вышелъ-бы просить мѣсяцъ сойти къ нему, потому что просить этого его Илюша.

По близости отъ нихъ жилъ сосѣдъ, тоже человѣкъ богатый да не очень. У этого сосѣда былъ жеребенокъ весь въ ранахъ и гноѣ; просто нельзя было и подойти близко отъ вонн. Сосѣдъ сталъ было раздумывать, кого-бы нанять стащить куда-нибудь подальше этого двухгодовалого жеребчика. «Странно!» думалъ онъ. «Этотъ жеребчикъ живучее животное! столько ранъ, кажется и мѣста цѣлаго нѣтъ, а все-таки себѣ живетъ!»

Разъ утромъ Илья Муромецъ и говоритъ: «Отецъ мой любезный, добрый человѣкъ, не откажи въ моей просьбѣ, и скажи, что

исполнишь!»! — Исполню, исполню, мое дорожке дитя! сказалъ старикъ Климъ. Ну говори же скорѣе, въ чемъ состоитъ твоя просьба, чтобы, услыжавши, я исполнилъ ее поскорѣе? — «Выпроси или купи», говоритъ, «для меня у сосѣда того жеребенка, котораго онъ оставилъ въ полѣ безъ всякаго призрѣнія» — Для чего тебѣ этотъ жеребенокъ? онъ весь въ ранахъ, даже въ нихъ завелись черви, а вони столько, что и не подходит. Вѣдь у меня есть много жеребятъ, лошадей, табунныхъ жеребцовъ; возьми изъ нихъ себѣ любаго! — «Нѣтъ, отецъ, купи мнѣ именно ту больную лошадь, а не другую».

Пошелъ Климъ къ сосѣду и послѣ обыкновенныхъ разговоровъ говоритъ ему, хозяину: «Послушай, сосѣдушка, продай вонъ ту молодую лошадку, которую ты оставилъ въ полѣ за тѣмъ, что она совершенно ни къ чему не годна!» Сосѣдъ, думая, что Климъ шутитъ, отвѣчалъ ему, что пожалуй продастъ за сто монетъ. — «Даты не шутишь-ли?» сказалъ Климъ. «Я вѣдь безъ шутокъ хочу купить». — Нѣтъ, не шучу, сказалъ сосѣдъ. Она мнѣ столько стоитъ! — Осердился на него Климъ: «Какъ, молъ, такъ дорого цѣнить такую скотину? только притѣсняетъ меня».

— Что, отецъ, привелъ лошадку? спросилъ Илья Муромецъ у отца. — «Нѣтъ мой сынъ; онъ сильно дорожится; подумай самъ, запросилъ сто монетъ, экій вѣдь чудакъ» — Ахъ, отецъ, другіе сынки въ мои лѣта еще не столько мотають, а это вѣдь была моя первая просьба! — «Ну-ну, не печалься! я куплю у него и за сто монетъ».

Вотъ опять старикъ Климъ пошелъ къ сосѣду и опять, послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ, просить отдать ему за вчерашнюю цѣну ту лошаденку, которую онъ просилъ. «Нѣтъ братъ, я за эту цѣну отдать не могу», сказалъ сосѣдъ, «а хочешь, изволь за двѣсти монетъ!» Больше вчерашняго разсердился Климъ и ушелъ; больше вчерашняго опечалился его сынъ. Тутъ Климъ и говоритъ, что за двѣсти монетъ купить, только, молъ, не печалься.

Въ третій разъ пошелъ Климъ къ сосѣду, опять просить лошадку, а тотъ ему и говоритъ, что только за триста отдасть и то только для него. Хоть и сильно Климъ любилъ своего Илюшу, но былъ ужь чрезмѣрно скупъ. Услыхавъ такую цѣну, Климъ чуть не ударилъ сосѣда, думая, что тотъ нарочно набавляетъ цѣну, зная (безпредѣльную) его любовь къ сыну; а сосѣдъ просто шутилъ и никакъ не думалъ, что тотъ говоритъ серьезно да еще такъ настойчиво.

Когда Климъ шелъ назадъ домой, сынъ встрѣтилъ его на половинѣ дороги и спросилъ: «Гдѣ ты оставилъ лошаденку? я самъ приведу, притащу ее»...—Нѣтъ, дитя мое, посуди самъ, ну, посуди же: вѣдь онъ, этотъ скряга, ракалія-сосѣдъ, за эту груду гноя просить цѣлыхъ триста монетъ! Съ чѣмъ это сообразно? — «Ахъ, отецъ, отецъ, вѣрно ты не хочешь купить и только. Вѣдь у тебя монетъ много; ихъ лопатами можно грести, а тутъ только триста... Ахъ, несчастный я сынъ! отецъ не любитъ меня». И заплакалъ горько Илья Муромецъ. Боже мой, какъ испугался старикъ, увидавъ слезы своего сына; онъ сталъ божиться, что во что бы то ни стало, непременно купить эту лошадь; а если сосѣдъ не дастъ, убьетъ его, мерзавца, да возьметъ. И убѣждалъ старикъ.

Испугался сосѣдъ, увидавъ, что Климъ вбѣжалъ къ нему опрометью. Климъ весь запыхавшись, едва переводя дыханіе, брякнулъ ему деньги на столъ, и монеты со звономъ покатались на всѣ четыре стороны. «Вотъ тебѣ триста монетъ, а лошадь моя!» не своимъ голосомъ прокричалъ Климъ и опрометью выбѣжалъ изъ комнаты, говоря: «Лошадь моя, моя! Ты самъ назначилъ цѣну 300 монетъ; теперь ужь необманешь; деньги ты взялъ; деньги у тебя, а лошадь моя, моя, моя»!.. А сосѣдъ вытаращилъ глаза, и не зналъ, что подумать; но, опомнившись, онъ закричалъ Климу въ слѣдъ: «Стой, я не за триста даю, а даромъ»!.. Э, нѣтъ, не обманешь! кричалъ ему Климъ. Ты у меня триста просилъ, теперь не прибавишь! — «Странно, право, странно», думалъ сосѣдъ. «Значить

Климъ съ ума сошелъ; ну, а триста-то монеть? Гмъ, да что? Вѣдь онѣ триста монеть годятся, пойти да припрятать ихъ».

Притащилъ Климъ больную лошаденку къ себѣ во дворъ; всѣ его слуги разбѣжались отъ вони, а Илья Муромецъ просто себя не зналъ отъ радости и просилъ отца оставить лошаденку тутъ у столба и не трогать ее.

Мнѣ ужъ и не рассказать, сколько было удивленія, когда на другое утро вмѣсто паршивой лошаденки у столба увидали прекраснаго сильнаго коня; изъ глазъ его искры сыпались; онъ нетерпѣливо билъ землю копытомъ; отъ храпу его подымались вѣтры.

Просить Илья Муромецъ отцовскаго благословенія, просить указать дорогу въ Кіевъ, куда онъ хочетъ ѣхать.

«Малое дитя, ты не доѣдешь въ Кіевъ; есть три дороги и во всѣхъ трехъ большія препятствія. Первая и самая краткая идетъ вотъ сюда; но только тутъ среди дороги издавна свилъ себѣ гнѣздо Соловей-разбойникъ. Мимо него птица не пролетаетъ, ни звѣрь четвероногій не пробѣгаетъ, ни ползучая змѣя не минуетъ и ни человекъ не проходитъ, не проѣзжаетъ—все погибаетъ; говорятъ, за пятьдесятъ верстъ кругомъ ничего не растетъ. На второй дорогѣ, говорятъ, живетъ сорокъ разбойниковъ, которые ничему спуску не даютъ, ничего мимо не пропускаютъ; а третья дорога ужасно длинна, черезъ полтора года можно доѣхать. Вотъ какъ сынъ мой! И если ужъ ты непременно хочешь ѣхать, то возьми богатырскіе доспѣхи, мечъ и лукъ со стрѣлами. Они есть у меня, потому что дѣдъ твой былъ знаменитый богатырь и я также не падалъ отъ чужой руки, не просилъ пощады, хотя и не былъ такъ знаменитъ, какъ твой дѣдъ. Поѣзжай, дитя мое! пусть духи горъ, лѣсовъ и водъ сопровождаютъ тебя благословеніями и добрыми предсказаніями. Пусть вѣтеръ умѣряетъ противъ тебя свой порывъ, солнце охлаждаетъ свои лучи!» И много разнаго говорилъ Климъ, даже у меня изъ памяти вышибло.

И выбралъ Илья Муромецъ все, что ни лучше, изъ того, что

нужно богатырю и сказалъ: «Поѣду по первой дорогѣ; она короче да и препятствій больше; меньше времени и больше дѣла (славы)».

Поѣхалъ Илья Муромецъ по той дорогѣ, гдѣ жилъ Соловей-разбойникъ. Выѣхалъ онъ не замѣтно въ дивную сторону: земля черная, травы нѣтъ, сѣрые камни поблѣли, зеленый лѣсъ почернѣлъ-обгорѣлъ. Непостоянный вѣтеръ дуетъ-бушуетъ во всѣ стороны, дикій крикъ потрясаетъ пространство, клочки грязныхъ облаковъ, нагромоздившись другъ на друга, безалаберно разгуливаютъ. Вихри поднимаются въ двѣнадцати мѣстахъ разомъ, взвиваютъ къ небу столбы красной и черной горѣлой земли. Ужасъ и страхъ.

Вдругъ конь у Ильи Муромца остановился, какъ вкопанный, и началъ фыркать; прищпорилъ его Илья Муромецъ, но онъ никакъ не могъ идти впередъ: пятился, бился и только. «Отъ чего это конь нейдетъ?» подумалъ Илья Муромецъ и, поднявъ глаза, увидалъ передъ собой огорѣлый дубъ громадной величины и тутъ между вѣтвями сидѣлъ Соловей-разбойникъ и свисталъ изъ всей силы. Досталъ стрѣлу Илья Муромецъ, вложилъ въ лукъ и выстрѣлъ попалъ Соловью-разбойнику прямо въ лѣвый глазъ; свалился онъ съ своего мѣста съ шумомъ, ломая сучья, но Илья Муромецъ поймалъ его. «Куда, думаетъ, мнѣ его дѣть? Къ сѣдлу привязать, не стоитъ; въ карманъ положить, тоже не стоитъ и въ карманъ-то его не уложишь; а лучше вотъ его куда!» Тутъ Илья Муромецъ нагнулся, приподнялъ со стремени ногу, вложилъ туда ногу Соловья-разбойника и придавилъ своей ногой.

Поѣхалъ онъ дальше и пріѣхалъ къ одному дому; высыпало оттуда десять дѣвокъ-разбойницъ, сестеръ Соловья-разбойника, и стали онѣ просить Илью Муромца войти къ нимъ, отдохнуть у нихъ. Илья Муромецъ отказался. Вѣдьмы стали усердно просить; Илья Муромецъ сталъ отказывать упорнѣе; наконецъ терпѣніе у него стало лопать. А Соловей-разбойникъ мигалъ сестрамъ единственнымъ своимъ глазомъ, чтобы тѣ отстали отъ Ильи Муромца, что онъ страшный человѣкъ и что пронялъ даже его, Соловья-разбойника, и

позорно везеть. Не послушались его сестры, и поплатились за это. Илья Муромецъ за одинъ разъ своимъ хлыстомъ снесъ имъ всѣмъ головы и поѣхалъ дальше.

Пріѣзжаетъ онъ къ городу Кіеву, къ царю Владиміру и пріѣхалъ, какъ богатырь. Выходятъ всѣ встрѣчать его; были тамъ тоже богатыри Владиміра, и Владиміръ тоже встрѣтилъ его, и спрашиваетъ его: «По какой ты дорогѣ пріѣхалъ»? — Да по той, которая короче. — Удивляется царь Владиміръ: «Какъ», говоритъ, «ты проѣхалъ по самой прямой; тамъ, говорятъ, ни птица не можетъ пролетѣть, ни звѣрь четвероногій не можетъ пробѣжать; тамъ говорятъ, и вѣтры не дуютъ прямо, а кружатъ. Живетъ, говорятъ, тамъ Соловей-разбойникъ, который и дѣлаетъ всѣ эти пакости!» — Да, какже, говоритъ Илья Муромецъ; сказывали, что живетъ какая-то птица и вотъ я привезъ какую-то птицу! — «Гдѣ же она»? спросилъ тотъ. «Приткнулъ я», говоритъ, «ее къ стремени!» — Вѣдь онъ, говорятъ, свиститъ такъ сильно, что ни какой громъ не гремитъ такъ громко! — «Не хотите ли послушать? прикажите мнѣ!» — Если милость твоя будетъ. А впрочемъ скажи: какъ твое имя? — «А имя мое Илья Муромецъ», отвѣчалъ онъ. «Ну, посторонитесь подальше, онъ вѣдь свиститъ-то громко. А вамъ, свѣтлый царь, я зажму уши». И, зажавши царю руками уши, приподнялъ его отъ земли; и сказалъ Соловью разбойнику: «Свисни-ко ты, Соловей-разбойникъ, самымъ маленькимъ свистомъ!» Раздался трескъ или свистъ; что то чрезвычайно громкое. Все собраніе (людей) попадало съ ногъ; ветхіе дома развалились. А царь черезъ два часа опомнился и то потому, что ему еще зажалъ уши Илья Муромецъ. Черезъ три дня, когда всѣ пришли въ себя, проситъ царь Илью Муромца, чтобы держалъ онъ эту штуку гдѣ нибудь по дальше, чтобы не казалась она въ этихъ мѣстахъ, если можно. Послушался его Илья Муромецъ, переломилъ птицѣ одно крыло, одну ногу и отпустилъ ее, приказавъ ей, чтобы не появлялась она въ этихъ мѣстахъ.

Вотъ пригласилъ царь Илью Муромца къ себѣ въ хоромы и угощаетъ его, посадилъ на первое богатырское мѣсто; а было у него тутъ пятьдесятъ богатырей. Былъ тамъ у него поварь, онъ же и лакей; входилъ и выходилъ очень часто. Вошелъ онъ въ хоромы и выкрикнулъ: «Поповскій сынъ богатырь со своимъ слугою!» И точно, вошелъ человекъ средняго роста, очень красивый, и за нимъ кривой и хромой слуга. Царь, увидавъ его, пробормоталъ: «И онъ тоже богатырь, хоть и не сильный». Дали ему мѣсто и онъ сѣлъ.

«Смерть Тамаровичъ съ бумажными крыльями!» выкрикиваетъ поварь.. Кромѣ Ильи Муромца и Поповича, все собраніе встрепенулось; самъ царь поблѣднѣлъ. Видите-ли, Смерть Тамаровичъ съ царицей шуры-муры заводилъ, а царю это не нравилось, а запретить онъ ему не могъ, потому что тотъ былъ очень силенъ. Смерть Тамаровичъ огнемъ дышетъ, на бумажныхъ крыльяхъ, летаетъ, все живое поѣдаетъ, а что противъ него поставишь? Ну, и приняли; вошелъ, значить. Обычной чести хозяину не далъ, а прямо прошелъ къ царицѣ въ чуланъ; и даже никому не поклонился.

Черезъ нѣсколько времени вышелъ онъ, страшный на видъ человекъ съ трехъугольной острой стальной шляпой на головѣ и огромнымъ мечемъ на боку. Когда, вышедши, онъ сѣлъ, ему принесли полтора ведра горячаго вина; онъ разомъ осушилъ, а принесли двое! Поповскій сынъ сидѣлъ у дверей, увидаль это и сказалъ: «У моего отца», говоритъ «была черная кошка; разъ отецъ налилъ ей на тарелкѣ горячей похлебки; она обварила себѣ горло и пропала. Не случилось бы того же самаго съ нами, богатырями!» Осердился Смерть Тамаровичъ, выдернулъ мечъ и бросилъ въ него. Поповичъ былъ хоть не сильный, да ловкій и верткій парень; и успѣлъ отвернуться. А его косою слуга поймалъ этотъ мечъ за рукоятку. «Пригодится, пригодится старушкамъ», сказалъ Поповичъ, «чтобы сдирать жилы съ кожи» *).

*) Самый плохой ножъ якуты употребляютъ на это будто-бы постыдное дѣло, какъ позорный инструментъ.

Подали Тамаровичу двѣ вареныхъ или жаренныхъ свиньи; онъ проглотилъ ихъ не жуя и съѣлъ съ костями. «Послушай-те!»! сказалъ тутъ Поповичъ. «У моего отца священника была маленькая пестрая постельная собаченка. Отецъ какъ-то во время обѣда далъ ей утиную кость; жадная собака хотѣла проглотить разомъ, подавилась и околѣла. А вѣдь плохо будетъ, если тоже случится съ нами, съ богатырями!»! Ну, и больше того разсердился на него, Тамаровичъ, покраснѣлъ какъ плавленная печь, искалъ глазами вокругъ себя оружія, чтобы бросить въ него, но не нашелъ ничего, сорвалъ съ головы свою шляпу съ острыми краями и бросилъ въ Поповича. Отвернулся Поповичъ и тутъ. А хромой слуга Поповича подхватилъ шляпу и прямо какъ-то угодилъ надѣтъ ее на кулакъ. «Нужна будетъ шляпа!»! сказалъ Поповичъ. «Жаль, что у нея края острые; а то для коровницы была - бы славная скамейка». А за столомъ драться Тамаровичу было нельзя; было бы противъ обычаевъ богатырскихъ. Вызвалъ онъ его, чтобы тотъ явился на другой день въ каменное поле для поединка. И выскочилъ Тамаровичъ такъ скоро, что не успѣлъ отворить дверей, а вырвалъ ихъ съ петель. «Жаль Поповича!»! сказали всѣ богатыри, кромѣ Ильи Муромца. «Пропадетъ малый; не сильный малый, а умный былъ». А Ильѣ Муромцу онъ очень понравился. «Будемъ друзьями!»! сказалъ онъ ему. Обнялись, поцѣловались, крестами помѣнялись и сдѣлались такимъ образомъ крестными братьями. Призадумался однако Поповичъ. Тамаровичъ вѣдь его убьетъ, непременно убьетъ и съѣстъ. Ыздить-то вѣдь онъ какъ страшно; на громаднѣйшей птицѣ съ желѣзнымъ клювомъ и когтями, но только крылья, какъ у него, такъ и у птицы, бумажныя. Сталъ Поповичъ молиться Богу, всю ночь молился, дождя просилъ.

Вотъ и утро. Вотъ, кажется летитъ Тамаровичъ: громъ съ западной стороны и небо все въ огнѣ; и съ восточной стороны громъ, тучи поднялись, молнія засверкала, вѣтеръ поднялся и полилъ крупный дождь. Отсырѣли крылья Тамаровича. Бросилъ онъ

птицу и пошелъ къ этому полю пѣшкомъ, а ходилъ онъ чертовски скоро. А Поповичъ ужь давно стоялъ, ждалъ его. «Съѣсть, съѣсть!»! думаетъ онъ. «А то птица изорветъ когтями». И увидалъ, что Тамаровичъ одинъ бѣжитъ къ нему и закричалъ ему. «Безсовѣстный, что это ты противъ одного человѣка идешь съ цѣлымъ войскомъ? Ишь ты!»! — Неужели войско за мной идетъ? подумалъ Тамаровичъ, оборотился, а Поповичъ наскочилъ и отрубилъ ему голову.

Долго праздновали богатыри это торжество; поздравляли Поповича. А Илья Муромецъ и Поповичъ дали другъ другу слово: звать въ нуждѣ другъ друга на помощь; и чтобы непременно другой приходилъ; а если не придетъ, то какъ-нибудь убить измѣнника.

А Илья Муромецъ давно ужь не спалъ, съ мѣсяць или еще больше. Вотъ выѣхалъ онъ въ степь, снялъ съ лошади сѣдло, пустилъ ее по лугу и уснулъ богатырскимъ сномъ. Сначала храпѣлъ тихо; вѣтеръ дулъ отъ этого храпу; а потомъ сталъ такъ громко храпѣть, что за сто версть казалось, что громъ гремитъ. Поднявшуюся пыль принимали люди за облака и ждали свѣтопреставленія. Около тридцати дней гремѣлъ этотъ громъ; ну, вдругъ что-то треснуло и все это остановилось. Илья Муромецъ вскочилъ, какъ сумашедшій, схватился за грудь и поймалъ рукою какую-то стрѣлу. Опомнившись, онъ посмотрѣлъ на свою грудь и увидалъ, что стрѣла попала прямо въ крестъ. Сталъ онъ разсматривать стрѣлу; стрѣла тупая и написано на стрѣлѣ: «Что ты спишь, братъ мой Илья Муромецъ? Пусть онъ спасаетъ своего друга, Поповича, или стрѣла эта поразитъ его сердце!»! — «Да гдѣ же онъ?»? сказалъ себѣ Илья Муромецъ и, взявъ стрѣлу, выстрѣлилъ ее на верхъ. Стрѣла полетѣла на югъ. «А, тамъ!»! сказалъ онъ, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ.

Ѣхалъ онъ путемъ-дорогою, долго-ли, коротко-ли, Богъ его знаетъ; и прѣзжаетъ прямо въ чистое поле къ шатру богатыря Поповича. Встрѣтилъ его Поповичъ живой и здоровый, и при томъ еще веселый. «На что-же ты меня звалъ? съ кѣмъ ты тутъ де-

решься»? — Съ желѣзнымъ войскомъ, а тамъ съ огненнымъ. «Какъ же»? — А вотъ увидишь!

Вдругъ послышался рѣзкій звукъ пилы, которой пилятъ желѣзо, и звукъ молотовъ. И вдругъ высыпали въ поле желѣзные люди; сталъ Поповичъ косить ихъ, какъ сѣно. «Лишь не оглядывайся!» вскричалъ онъ Ильѣ Муромцу. «Даромъ, что они желѣзные да очень хрупкій народъ! махнешь, глядишь, ихъ штукъ пять, шесть и нѣтъ!» — Губи ты ихъ тутъ, а я посмотрю, откуда это они являются. Сказавъ это, Илья Муромецъ перелетѣлъ черезъ желѣзное войско и увидалъ, что семь дюжихъ кузнецовъ куютъ громадными молотами и пилятъ громадными пилами раскаленное желѣзо и какъ только двинуть пилой или ударять молотомъ по желѣзу, такъ оттуда пять-шесть желѣзныхъ человѣкъ выпрыгнуть и бѣгутъ впередъ. Однимъ взмахомъ, за-разъ онъ отрубилъ имъ головы и, взявъ молотъ, какъ ударилъ по наковальнѣ, то точно, и онъ людей желѣзныхъ можетъ ковать! Скоро пришелъ къ нему и Поповичъ, перерубивъ весь желѣзный народъ; Илья Муромецъ показалъ ему, какою штукой выдѣлывался этотъ желѣзный народъ и подарилъ ему всѣ молоты и наковальни. «Тебѣ, молъ, безсильному человѣку хитрость эдакая пригодится»!

«Ну, а гдѣ же огненные-то»? Спросилъ Илья Муромецъ. — А вотъ видишь тотъ утесъ, что напротивъ насъ? изъ-подъ этаго утеса и выскакиваютъ! «А какъ же»? — Да вотъ увидишь! — Вдругъ что-то скрипнуло, треснуло и утесъ началъ подниматься со скрипомъ, показалось отверстіе; въѣхалъ въ отверстіе какой-то старикъ, подперъ поднявшійся утесъ своимъ посохомъ и исчезъ; какъ вдругъ посыпали оттуда, какъ искры, огненные люди съ огненными мечами. Но только взмахнетъ Поповичъ мечемъ, они и потухаютъ, а впередъ все-таки ходу не даютъ; вотъ сыплютъ они и сыплютъ. Поповичъ опять сталъ махать, косить ихъ, а Илья Муромецъ перелетѣлъ на своей крылатой лошади черезъ утесъ. Вотъ какъ перелетѣлъ и увидалъ, что пять огромнѣйшихъ дюжихъ мужчинъ высѣ-

кали огонь пятифунтовыми огнивами изъ пятифунтовыхъ кремней, и какъ ударять по кремню, сколько искорокъ высыпится, всѣ онѣ обращаются въ огненныхъ солдатъ и бѣгутъ впередъ. Илья Муромецъ и этихъ также срубилъ, какъ и кузнецовъ, взялъ себѣ всѣ эти снаряды; попробовалъ высѣкать огненныхъ солдатъ и точно, можетъ. Скоро посѣлъ къ нему и Поповичъ; Илья Муромецъ разсказалъ ему о кремняхъ, отдалъ ихъ ему и спросилъ его, для чего онъ дрался съ этими людьми.

«А вотъ для чего; это вѣдь войско царь-дѣвицы, которая живетъ, вонъ видишь, въ тѣхъ хоромахъ»?—Вижу. Ну! «Она красива, какъ солнце; и я хочу на ней жениться»!—Пойдемъ, если такъ, къ ней! сказалъ Илья Муромецъ.

Вотъ въѣхали они къ ней во дворъ. Увидѣвши ихъ изъ окна сверху, она послала къ нимъ на встрѣчу двухъ своихъ генераловъ съ двумя маленькими собаченками: «Пусть-де приласкаютъ этихъ собачекъ; они, молъ, будутъ беспокоить ихъ лаемъ»! Поповичъ уже протянулъ руку, но Илья Муромецъ отдернулъ ее и сказалъ посланцамъ: «А покажите-ка, какъ ихъ приласкать-то»?—Да, обыкновенно, какъ собакъ ласкаютъ, отвѣчали тѣ.—«Нѣтъ, я еще не ласкалъ собакъ», сказалъ онъ имъ. «Покажите, какъ»! прибавилъ онъ грозно. Какъ только посланные протянули руки къ собаченкамъ, какъ вдругъ одна изъ нихъ превратилась въ медвѣдя, а другая въ волка, и каждая, схвативъ по посланному за поясъ, перепрыгнула черезъ высокую стѣну двора.

Пошли они дальше; видятъ, идутъ къ нимъ опять на встрѣчу два человекъ съ подносами, на которыхъ разложены разныя дорогія платья. «Послала насъ наша луна-царица, просить она васъ къ себѣ, но прежде одѣньтесь вотъ въ эти платья, такъ какъ по здѣшнимъ обычаямъ никакой иностранецъ не можетъ входить въ своей одеждѣ»!—А какъ же ихъ надѣть? спрашивалъ Илья Муромецъ.—«Да обыкновенно какъ», отвѣчали посланные. «Нѣтъ, покажите, какъ»! говорилъ Илья Муромецъ, удерживая Поповича, ко-

торый началъ было ужъ растегивать пуговицы верхняго платья. Какъ накинули посланные на себя эти платья, такъ и окаменѣли, какъ были.

Отворили они дверь въ самые чертоги царицы, одну, другую, наконецъ послѣднюю дверь золотую. Какъ только онъ дотронулся до конца этой двери, вдругъ загремѣла музыка такая пріятная, что Илья Муромецъ простоялъ тутъ цѣлый часъ. Дернулъ онъ, дверь со звономъ растворилась и брызнулъ изъ комнаты яркій рѣзкій солнечный свѣтъ прямо въ глаза Ильѣ Муромцу. Свѣтъ былъ до того силенъ, что Илья Муромецъ принужденъ былъ нѣсколько зажмурить глаза и тутъ увидалъ, что свѣтъ этотъ происходилъ отъ чудесной красоты царевны. Царевна, увидавъ Илью Муромца, была удивлена не менѣе его; она никогда не видала человѣка такой красоты и человѣкъ-то его (это она думала про Поповича) какой милый. Что они тутъ говорили, просто и не пересказать. А извѣстно только то, что Поповичъ женился на ней и остался тутъ царствовать. Говорятъ, царь-дѣвица хотѣла выйти замужъ за самаго Илью Муромца, а за Поповича не хотѣла. Но Илья Муромецъ сказалъ, что онъ не можетъ жениться ни на какой женщинѣ, что такой дескать его законъ и что если онъ женится, то вся его сила потеряется, красота его исчезнетъ и останется онъ калѣкой. — Долго гуляли они на свадьбѣ. Черезъ восемь дней уѣхалъ Илья Муромецъ; царь (Поповичъ) и царица прощались съ нимъ со слезами.

Выѣхалъ онъ изъ этихъ мѣстъ; ѣхалъ, говорятъ, долго, заѣхалъ въ совершенно каменистыя мѣста; лѣсу совершенно нѣтъ. И видитъ, что на встрѣчу къ нему движется какая-то гора. Но нѣтъ, это не гора, а человѣкъ на лошади, но такой громаднѣйшій, что показался ему, совершенно съ гору. Илья Муромецъ превратился въ пчелу и сталъ жалить эту громаднѣйшую лошадь; а всадникъ поймалъ и положилъ его въ карманъ. Вотъ кажется, онъ пріѣхалъ домой; скрипнула дверь, кажется, взошелъ; Илья Муромецъ не видалъ этого, а только догадывался. «Ей, жена!» закричалъ богатырь.

«Поймалъ я какую-то птицу или что-то такое; съжарь ее, я съѣмъ»! Вынулъ онъ Илью Муромца и отдалъ женѣ. Жена была очень большая баба, взяла она ножъ и хотѣла его рѣзать, да угодила на самый крестъ Ильи Муромца. Нагнулась она, посмотрѣла и сказала: «Ба, это не птица! на ней крестъ. Должно быть, это какой-нибудь богатырь». Бросила она его на полъ со словами: «Покажись, кто ты такой». Онъ показался ей въ настоящемъ видѣ, какъ человекъ. «Ба, да это мой внучекъ Илья Муромецъ! Здравствуй»! Что ужь они тутъ говорили, я не знаю.

Поѣхали они на другой день вмѣстѣ. «Ну что, Илья Муромецъ»? спрашиваетъ этотъ великанъ-богатырь. «Какой у васъ бываетъ самый звонкій звукъ»? — А вотъ бываетъ, когда въ Кіевѣ зазвонятъ во всѣ колокола или когда громъ гремитъ! — «Ну, а не хочешь-ли послушать свистъ моей нагайки»? — Хорошо, послушаю! сказалъ онъ. Отъѣхалъ не много этотъ великанъ отъ него, махнулъ нагайкой разъ, ужасно громко; въ другой разъ махнулъ, у Ильи Муромца въ глазахъ зарябило. Въ третій разъ махнулъ, — Илья Муромецъ чувствъ лишился. Мѣстность была каменистая, но и та не выдержала, въ нѣсколькихъ мѣстахъ растрескалась. «Ну, что? громко»? спросилъ старикъ, когда Илья Муромецъ пришелъ въ себя. — «Ужасно громко»! сказалъ Илья Муромецъ. — Я-бы могъ хлопнуть еще громче, да только не хочу; отъ этого, пожалуй, можетъ быть преставленіе свѣта!

Поѣхали они дальше. Заѣхали въ лѣсъ такой крупный, высокій. Этотъ старикъ тутъ что-то увидалъ, ящикъ и еще что-то такое. «Что это»? спросилъ онъ у Ильи Муромца. — Гробъ! сказалъ Илья. Но только ужь очень большой! — «А для меня былъ-бы онъ въ пору»? — Не знаю. — «Попробую-ка я, лягу». Спустился онъ и легъ. «Закрой-ка, говоритъ, крышкой-то: ладно-ли будетъ»? Илья Муромецъ едва поднялъ крышку и закрылъ. «Душно»! говоритъ; «открой»! Илья Муромецъ засунулъ съ боку мечъ, хотѣлъ отворить крышку; вдругъ на обоихъ концахъ очутились обручи. Уда-

рилъ онъ по этимъ обручамъ, хотѣлъ разрубить ихъ, сдѣлалось двѣнадцать. Кричалъ онъ (Илья) ему: «Какъ ни ударю, обручей все становится вдвое»!—Ну, говоритъ, если такъ, значить, мнѣ суждено здѣсь умереть. Богомъ было запрещено мнѣ хлопать моимъ хлыстомъ. Вотъ, говоритъ, въ изголовьи выйдетъ пѣна; ты, говоритъ, съѣшь этой пѣны немножко, половину; сдѣлаешься самымъ сильнымъ могучимъ богатыремъ въ свѣтѣ. А всего не съѣдай! то ты самъ своей силы не одюжишь и земля тебя не подыметъ!—Вотъ и вышла пѣна у изголовья; умеръ этотъ богатырь. Илья Муромецъ съѣлъ этой пѣны ровно три четверти, а того богатыря похоронилъ; зарылъ гдѣ-то близко. И поѣхалъ дальше.

Вдругъ встрѣчаетъ онъ одного какого-то старика, бѣднаго какого-то, дряхлаго. Этотъ старикъ никакъ не можетъ поднять свою ношу и вскинуть на спину. Подѣхалъ къ нему Илья Муромецъ и пожалѣлъ его. Былъ у Ильи Муромца хлыстъ съ крюкомъ на одной сторонѣ; хотѣлъ онъ задѣть этимъ крюкомъ ношу и поднять старика на спину. Потянулъ крѣпко, уперся ногами въ стремя; лопнули на стременахъ ремни. Еще потянулъ; лошадь упала на колѣни. «Да что это такое? Какая тяжесть»! подумалъ онъ. Спустился съ лошади, хотѣлъ поднять суму одной рукой и не могъ. Употребилъ онъ всѣ силы и едва-едва поднялъ ее обѣими руками. Старикъ очень легко поднялъ эту ношу на спину. «Проклятый великанъ»! подумалъ Илья муромецъ. «Онъ не силу мнѣ далъ, а слабость»!—А что ты думаешь: тутъ много? спросилъ его старикъ.—«Да если бы и самымъ тяжелымъ была набита сума, такъ было бы не больше фунтовъ тридцать». Нѣтъ, это будетъ потяжелѣе. Это вѣсь трехъ четвертей земли. Вѣдь я, говоритъ, Николай Чудотворецъ!—Тутъ онъ (Николай Чудотворецъ) и исчезъ.

(Дулголахскій наслегъ Верхоянскаго улуса).

2.

Старецъ Пилигримъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ-былъ государь могучій царь. У этаго государя недавно родился сынъ; назвалъ онъ его Иваномъ-

Царевичемъ и на радостяхъ сдѣлалъ великій пиръ. Люди въ сказкѣ скоро растутъ; вотъ и Ивану-Царевичу пятнадцатый годъ пошелъ, наступила ему пора вступить на службу. Сзываетъ царь всѣхъ сосѣднихъ царей, числомъ всѣхъ сорокъ четыре и проситъ принять участіе въ его радости. Пьютъ, ѣдятъ и веселятся короли; пьютъ, ѣдятъ, пьянствуетъ и веселится народъ. Всѣ тюрьмы открыты, преступники выпущены на волю; только одна тюрьма не открыта, для радостнаго дня открыто только одно окошко. Въ этой тюрьмѣ уже болѣе десяти лѣтъ запертъ былъ человѣкъ, весь золотой.

Въ это время Иванъ-Царевичъ стрѣлялъ изъ серебрянаго лука золотою стрѣлою и угодилъ въ открытое окно тюрьмы золотого человѣка. Подбѣжалъ къ окошку Иванъ-Царевичъ и сталъ просить, чтобъ золотой человѣкъ выбросилъ ему изъ окна его стрѣлу. «Нѣтъ, нельзя Царевичевскую стрѣлу выбрасывать въ окно», сказалъ золотой человѣкъ. — «Я не буду сердиться, только дай мнѣ мою стрѣлу!» кричалъ Иванъ-Царевичъ. «Если ты, Иванъ-Царевичъ, хочешь взять свою стрѣлу, то сдѣлай милость, прикоснись къ запору темничныхъ дверей; за это я могу отдать тебѣ твою стрѣлу». Съ быстротой легкой птицы подбѣжалъ Иванъ-Царевичъ къ дверямъ темницы и лишь коснулся ихъ, какъ дверь, неотворявшаяся болѣе десяти лѣтъ, распахнулась съ трескомъ, а крѣпкіе желѣзные замки и запоры со звономъ посыпались на полъ и рассыпались въ прахъ. На порогѣ появился человѣкъ высокаго росту, красивый и чудный, какъ солнце; въ одной рукѣ онъ держалъ стрѣлу Царевича, а въ другой трость съ загнутой верхушкой. «Возьми свою стрѣлу, Иванъ-Царевичъ, и будь счастливъ. Я не забуду твоей услуги. Когда тебѣ будетъ нужно, скажи: «старецъ Пилигримъ»! Не забудь!» И золотой человѣкъ, старецъ Пилигримъ, махнулъ тростью по воздуху и исчезъ изъ удивленныхъ глазъ Ивана-Царевича, который не могъ понять, какъ открылась темница отъ одного его прикосновенія. А между тѣмъ такой ужъ законъ, такое ужъ устройство темницъ въ томъ государствѣ, что только прикоснись кто-нибудь изъ царской

крови, всѣ запоры отскакивали, двери отворялись. Иванъ-Царевичъ радовался, что самъ имѣлъ случай выпустить такого человѣка, который «не можетъ быть, чтобъ въ чемъ-нибудь былъ виноватъ и вѣроятно его забыли выпустить!»! подумалъ онъ и убѣждалъ къ на минуту оставленнымъ друзьямъ, къ на-мигъ прерваннымъ играмъ.

Между тѣмъ царь и его гости, тоже цари, раскутились, напились и начали хвастать другъ передъ другомъ, кто своими богатырями, кто конями, иной золотомъ; одинъ изъ нихъ хвасталъ даже тѣмъ, что въ его царствѣ родятся такіе ловкіе воры, «до которыхъ другимъ царямъ далеко». А царь-хозяинъ слушалъ ихъ да только посмѣивался про себя и думалъ: «хвастайте, молъ, утѣшайтесь!»! И наконецъ, когда всѣ истощили запасы своего хвастовства и высчитали всѣ свои богатства до ниточки, царь-хозяинъ, съ важностью глядя свое брюхо ладонями, сказалъ имъ: «Друзья мои, сорокъ четыре короля! все, чѣмъ вы хвастаете, есть у меня въ десять разъ больше; но тѣмъ, чѣмъ я могу хвастать, ужь никто изъ васъ не похвастаетъ! Хотите-ли знать, что у меня есть? У меня есть человекъ, золотой человекъ, весь золотой съ головы до ногъ. Ну, скажите, у кого есть такой человекъ?» Всѣ короли замолчали, вытаращили глаза, разинули рты, растопырили руки. «Скажите, у кого изъ васъ есть золотой человекъ, который-бы нѣлъ громче и пріятнѣе всего, что можно слышать, который-бы говорилъ лучше всякой книги?» Молчаніе; а тѣ изъ царей, которые были поближе къ диванамъ, тяжело опустились на нихъ, тогда какъ другіе только дрожали. Такъ ихъ поразило то, что можетъ быть такой человекъ. «Я вижу, что ни у кого изъ васъ нѣтъ золотого человека!»! сказалъ царь. «Пойдемте, я покажу вамъ его!»! Все собраніе двинулось.

Любопытство возвратило силы тѣмъ, которые потеряли ихъ отъ удивленія, и всѣ пошли за царемъ въ темницу, въ ту самую, изъ которой Иванъ-Царевичъ выпустилъ старца Пилигрима. Царь чуть не упалъ въ обморокъ, когда увидалъ, что дверь

отворена. Онъ зналъ, что эту дверь можетъ отворить только царевичъ, а потому, не спрашивая никого, прямо призвалъ Ивана-Царевича. «Ты выпустилъ золотого человѣка»? спросилъ грозно царь. Да, я выпустилъ его! — «Повѣсить его, повѣсить его!» закричалъ царь и запрыгалъ, затопалъ на одномъ мѣстѣ отъ гнѣва. «Повѣсить его; онъ осрамилъ меня передъ сорока четырьмя королями, моими друзьями! Повѣсить его, чтобъ онъ своимъ видомъ не напоминалъ мнѣ этого дня моего стыда!» И царь взвылъ, а слуги бросились на царевича, чтобы исполнить царское приказаніе; но короли остановили ихъ; они теперь опомнились, ободрились, золотого человѣка нѣтъ; стало быть, что имъ робѣть. А одинъ изъ нихъ сталъ говорить царю, что нельзя убивать Царевича рукою палача, что и другому нельзя его убить, хотя вина его и велика, а что царь-солнце долженъ умилосердиться, простить и выгнать его изъ предѣловъ царства. Царь и самъ опомнился, что онъ ужъ хватилъ черъ-чуръ и совѣмъ-бы простилъ царевича, да опять нельзя, начавши такъ строго, такъ ослабить наказаніе; а потому тутъ-же и положилъ такое рѣшеніе: «дать царевичу грамоту отъ моего имени, кто онъ таковъ, да тройку лошадей и одного слугу, хоть-бы и Ваську, который теперь при мнѣ, и отправить его изъ города, чтобы не казался онъ мнѣ на глаза!» И въ тотъ-же вечеръ, какъ сказано, и отправили его.

Вотъ выѣхалъ Иванъ Царевичъ со своимъ слугой - кучеромъ Васькой. Ивану-Царевичу было 15 лѣтъ, а Васькѣ-слугѣ 16 лѣтъ. Иванъ-Царевичъ былъ высокій, красивый, бѣлый, какъ кровь съ молокомъ, съ длинными кудрями, какъ золото. А Васька-слуга былъ маленькаго роста, невзрачный, косоу, съ взъерошенными волосами, съ ноздрями къ небу, съ огромными грубыми руками, сиплымъ голосомъ, толстыми большими губами, да и самъ онъ былъ очень толстъ. Выѣзжая изъ роднаго города, Иванъ-Царевичъ плакалъ, а Васька-слуга радовался, самъ не зная чему.

Бѣхали они цѣлую ночь, сами не зная куда. Вотъ и утро, солнце взошло, жарко сдѣлалось, а они бѣдутъ по чистому полю; ни съ которой стороны глазъ лѣсу не увидить. Чисто и гладко вездѣ, негдѣ укрыться отъ жару. Иванъ-Царевичъ просто сталъ умирать отъ жажды, какъ вдругъ видятъ они колодезь. Остановились они и хотѣли напиться, но это трудно было сдѣлать съ одного разу; колодезь былъ глубокой, а лѣстницы не было. «Послушай, другъ»! сказалъ Иванъ-Царевичъ Васкѣ слугѣ. «Я спущу тебя на кушакѣ въ колодезь, достань мнѣ воды, я умираю отъ жажды»! — «Какъ можно, мой солнце-царь»! сказалъ Васька-слуга, «чтобъ вы носили меня или вытаскивали изъ колодезя! Я слуга, я и долженъ исполнять эту обязанность. Я васъ спущу на кушакѣ. Напившись, вы, если можно, и вынесете воды для запасу». Согласившись на такое предложеніе своего слуги, Иванъ-Царевичъ спустился въ колодезь на кушакѣ, т. е. Васька слуга спустилъ его. «Вытягивай»! сказалъ Иванъ Царевичъ изъ колодезя. А Васька слуга и говоритъ: Нѣтъ, не вытащу! «Я тебѣ дамъ все, что только у меня есть, вытащи только; здѣсь холодно, духъ захватываетъ». «Если ты, Иванъ-Царевичъ хочешь, чтобы я вытащилъ тебя оттуда, то помѣняемся именами: ты будешь Васька слуга, а я Иванъ Царевичъ. Ладно»? — Ну, хорошо, только вытащи меня скорѣе. «Нѣтъ, этого мнѣ мало; ты поклянись мнѣ крѣпкой клятвой, что никому не скажешь, что ты Иванъ-Царевичъ». Тутъ Иванъ-Царевичъ поклялся въ колодезѣ крѣпкой клятвой, что онъ мѣняется съ Васькой-служгой мѣстомъ и именемъ и что онъ никому этого не скажетъ. Вытащилъ его Васька-слуга и тутъ-же заставилъ его отдать ему его платье, сѣлъ на мѣсто Иванъ-Царевича и сталъ бить и ругать его, говоря, что онъ не умѣетъ править лошадьми и что онъ, какъ только пріѣдетъ въ какой-нибудь городъ, заставить его высѣчь.

Вотъ въѣзжаютъ они въ городъ, въ царство царя, котораго они прежде не знали, а царя богатаго и сильнаго. Васька-слуга по наружному виду узналъ царскій дворецъ и велѣлъ тутъ оста-

новиться. Входитъ онъ къ царю и сказываетъ, что онъ наслѣдникъ такого-то царя; въ доказательство этого кажетъ грамоту, данную царемъ, отцомъ Ивана-Царевича. И принялъ его царь съ честью, подобающей такому царевичу. Живетъ тутъ Васька-слуга уже двѣ недѣли и присматривается къ царской дочкѣ, а дочка была хороша, какъ восходъ весенняго солнца, нѣжна, какъ тихая поверхность воды, на которую только дунь и сейчасъ заколышется; и добра-та царевна, какъ ангелъ. Всѣ люди того государства называли ее ангеломъ. Васька-слуга тому царю понравился; онъ любилъ дородныхъ и молчаливыхъ, а Васька-слуга, какъ извѣстно, былъ толстъ и, изъ боязни сказать не кстати, молчалъ.

Вотъ однажды и говоритъ онъ царю: «Мой Васька-слуга человекъ весьма сильный и ловкій; если приказать ему бору своротить, онъ непременно своротитъ; но только ужь куда какъ грубъ и мошенникъ страшный. Онъ теперь безъ работъ и можетъ надѣлать пакостей; дать-бы ему такую работу, съ которой онъ-бы съ трудомъ могъ справиться, и лучше, еслибъ запереть его въ темницу». «О», сказалъ царь, «онъ у меня напляшется. Выпустить тѣ сорокъ четыре коня, съ которыми никто не могъ справиться, и приказать Васькѣ-слугѣ, чтобы онъ къ вечеру пригналъ ихъ ко дворцу, а иначе не сносить ему своей головы», сказалъ царь своимъ приближеннымъ, а тѣ (нѣкоторые даже не дослыхавъ) выбѣжали изъ комнаты исполнять царское приказаніе. А Васька-слуга отъ радости припрыгнулъ на стулъ. «Будьте увѣрены», говорилъ ему царь, «этихъ коней онъ никакъ не пригонитъ и вечеромъ я его велю казнить!»

Вотъ выгнали сорокъ четыре желѣзныхъ лютыхъ жеребца изъ какого-то амбара и жеребцовъ тѣхъ только и видѣли, всѣ скрылись изъ глазъ, а Ивана-Царевича вытолкали за ворота, говоря, что если онъ къ вечеру ихъ не пригонитъ, то его на-колѣ посадятъ. Пошелъ Иванъ-Царевичъ; шелъ, шелъ, усталъ, зашелъ въ какое-то поле, запнулся, упалъ и сталъ плакать, кляня свою несчастную судьбу: что онъ теперь будетъ дѣлать? Если останется тутъ, съ го-

лоду пропадетъ; а то и волки заѣдятъ; а воротится безъ этихъ жеребцовъ, на-коль посадятъ; а жеребцовъ тѣхъ гдѣ онъ найдетъ? Да вѣдь велѣли пригнать къ тому-же вечеру! «Хоть-бы старецъ Пилигримъ помогъ! вѣдь онъ-же говорилъ: призови только мое имя, я помогу. Но гдѣ ужъ поможетъ, только обманулъ, а я черезъ него несчастнымъ сдѣлался!»— Не плачь, не плачь, Иванъ-Царевичъ! раздался около него голосъ, какъ шумъ каменистой рѣчки. Старецъ Пилигримъ тебя не обманывалъ, онъ правду говорилъ. Иди ко мнѣ!

И старецъ Пилигримъ, прилетѣвшій туда на коврѣ самолетѣ, взялъ Ивана-Царевича за руку и посадилъ къ себѣ на коверъ-самолетъ, взлетѣлъ за облака и опустился около одного громаднѣйшаго дома въ саду. Лишь только коверъ коснулся земли, какъ вдругъ зазвенѣли колокольчики, заиграла гдѣ-то какая-то невыразимо-пріятная музыка, птички слетѣлись стаей и защебетали вокругъ ихъ. Иванъ-Царевичъ смотрѣлъ на все это, розиня ротъ, выпуча глаза, и не замѣтилъ онъ, что старецъ Пилигримъ ушелъ отъ него и что бѣжить къ нему, протянувъ руки, бѣлая какъ снѣгъ, большая толстая старуха пріятной наружности и кричить: «Гдѣ онъ, мой ангелъ, спаситель-освободитель моего сына»? И, увидавъ Иванъ-Царевича, схватила его, какъ ребенка, и чуть не задушила его поцѣлуями. Внесла она его въ комнаты на рукахъ (такая она была сильная), накормила разными сладостями, вымыла его разными душистыми водами, причесала его золотымъ гребнемъ и одѣла его въ дорогое платье. Затѣмъ повела его въ особую комнату, всю изъ зеркалъ, и дала ему выпить стаканъ какой-то жидкости. Иванъ-Царевичъ отпилъ только пятую часть. «А подними-ка этотъ камень!» сказала старуха Ивану-Царевичу, указывая на лежащій въ углу камень порядочной величины. Съ большимъ трудомъ едва могъ Иванъ-Царевичъ сдвинуть его немного съ мѣста. «Не много, даже-мало», сказала старуха, «а все-таки есть». Вышедши потомъ, она дала ему «скатерть-самобранку»; а эту скатерть только разверни, такъ вдругъ появятся и задымятся теплыя кушанья, и сколько человекъ сядетъ

за столъ, столько и приборовъ на немъ явится и рюмки тоже наполнятся виномъ, какимъ не вздумаетъ гость. И еще дала ему старушка камень свѣтлый-пресвѣтлый; только вынь его изъ кармана въ какой угодно темной комнатѣ, онъ такъ и заблеститъ, какъ солнце и станетъ свѣтло, какъ днемъ.

Пока старушка давала Ивану-Царевичу упомянутыя вещи, явился старецъ Пилигримъ и сказалъ ему: «Поѣзжай, мой другъ! Вотъ тебѣ лошадь. Доѣхавши, ты ее опусти; а какъ только она будетъ нужна тебѣ, шепни: «сивка-сивка»! и она явится передъ тобой! А эти царскіе кони теперь не убѣгутъ. Какъ только они завидятъ твою лошадь, то стрѣлой понесутся домой; теперь они вонъ тутъ», прибавилъ онъ, указывая Ивану-Царевичу на поляну не далеко отъ дома. Вотъ сѣлъ Иванъ-Царевичъ на свою сивку и закричалъ старушкѣ и старцу Пилигриму: «Прощайте»! Стегнувъ лошадь; и понесла она его къ полю, гдѣ стояли тѣ царскіе жеребцы. Какъ только завидѣли они Ивана-Царевича, то всѣ стрѣлой понеслись къ дому; а у тѣхъ, которые отставали, лошадь Ивана-Царевича изгрызала спины. Мигомъ очутились они у царскаго дворца; жеребцы вбѣжали во дворъ, а Иванъ-Царевичъ отпустилъ сивку и пошелъ въ людскую. Всѣ удивлялись, какъ Иванъ-Царевичъ могъ пригнать такихъ страшныхъ лошадей, а Васька-слуга, когда дошла вѣсть объ этомъ до царя, сильно струсилъ; но все-таки сказалъ: «Онъ еще и не то можетъ сдѣлать; дайте ему, царь, порученіе по труднѣе, онъ и то исполнитъ»!

Насталъ вечеръ. Когда въ людской погасили всѣ огни, Иванъ-Царевичъ вынулъ свой камешекъ и потомъ разостлалъ на столѣ свою скатерть. Сначала всѣ слуги испугались, увидавъ свѣтъ отъ камня; потомъ удивились, и наконецъ, когда обоняніе ихъ почувствовало запахъ самыхъ лучшихъ кушаній и винъ, которые они подаютъ только къ царскому столу, а сами рѣдко отвѣдываютъ, стали придвигаться къ столу, ѣсть и пить. А когда Иванъ-Царевичъ сказалъ имъ: «Кричите во все горло: здоровья Ивану-Царе-

вичу!»! тогда толпа, уже опьянѣвшая, заорала во все горло: «Желаемъ здоровья Ивану-Царевичу и благодаримъ его именитаго Ваську-слугу! Ура!»!—Во дворцѣ слышали это, а запретить, чтобы не кричали здоровья Ивану-Царевичу, почли не приличнымъ и потому оставили безъ вниманія. Васька-слуга радовался, думая, что слуги кричатъ ему здоровье. «Вѣрно они удивлены моимъ важнымъ красивымъ видомъ», думалъ онъ.

Прекрасная царевна ложилась почевать рано; и вдругъ около полуночи была разбужена этими криками, потому что ея спальня была недалеко отъ людской. Разбудилась она и испугалась, растолкала свою толстую дѣвку-чернавку и послала ее на кухню узнать, чему челядь такъ раскричалась?—Дѣвка-чернавка, вѣроятно, воротилась-бы, постоявши у дверей, и наврала-бы что-нибудь царевнѣ, но тутъ были другія причины; она слышала ужь, что Васька-слуга, переименованный Иваномъ-Царевичемъ, хочетъ посвататься на ея царевнѣ и думала, что и сама она (дѣвка-чернавка) выйдетъ за его слугу, а онъ такой красивый, поетъ такъ хорошо, никогда не толкается, какъ это дѣлаютъ другіе слуги, а потому она съ радостію пошла въ людскую. Вошла она туда и, удивленная, стояла ровно полчаса; а потомъ, воротившись къ царевнѣ, такъ ужь расписала балъ прислуги и свѣтлый камень, что та захотѣла непременно посмотреть сама. Набросивши на плечо какое-то платье своей дѣвки-чернавки, пошла она въ людскую и долго-долго смотрѣла въ щель на двери; и такъ ей захотѣлось завладѣть этимъ свѣтлымъ камешкомъ, что она тутъ-же послала дѣвку-чернавку просить Ваську-слугу (Ивана-Царевича) продать ей этотъ камень за какую угодно цѣну; а сама воротилась въ спальню.

Когда дѣвка-чернавка передала Васькѣ-слугѣ (Ивану-Царевичу) желаніе царевны, тотъ сказалъ: «Пусть царевна спитъ или просто лежитъ, а Васька-слуга простоятъ около нея одинъ часъ, тогда камень будетъ ея, а не мой!»! Царевна отвѣчала на это, что этого сдѣлать нельзя, а пусть, сколько хочетъ, требуетъ денегъ.

«Нѣтъ, мнѣ денегъ не надо», сказалъ Иванъ - Царевичъ; «что мнѣ въ нихъ? вѣдь я сказалъ цѣну камня, а другой не требую и не беру». Когда дѣвка-чернавка передала эти слова царевнѣ, та подумала: «А вѣдь что-жь? Что онъ можетъ мнѣ сдѣлать? вѣдь за то камень будетъ мой, и ни у кого такого не будетъ! Скажи ему, что я согласна!» Сказала она дѣвкѣ - чернавкѣ, а черезъ полчаса Иванъ-Царевичъ уже стоялъ и дремалъ около нея. Уже приближалась минута срока, какъ вдругъ Иванъ-Царевичъ какъ будто задремалъ, упалъ лицомъ къ лицу царевны и поцѣловалъ ее. «Что это ты?» сказала царевна. — Ахъ, простите! я задремалъ, думая о звѣздахъ! сказалъ Иванъ Царевичъ и, отдавъ ей камень, ушелъ.

На другой день утромъ выпустили изъ одного амбара сорокъ волковъ и приказали Ивану-Царевичу пригнать ихъ къ вечеру. «А если ты не пригонишь, то прикажемъ тебѣ повѣситься!» сказали они. Но волки разбѣжались, и гдѣ-жь ихъ сыщешь? Опять по вчерашнему плачетъ Иванъ-Царевичъ и также по вчерашнему является старецъ Пилигримъ и увозитъ его домой. Выбѣжала на встрѣчу старуха-мать, внесла Ивана-Царевича въ домъ на рукахъ. Накормила его, обтерла ему слезы, пригладила и повела во вчерашній чуланъ и заставила пить тотъ же стаканъ, который онъ вчера началъ. Иванъ-Царевичъ выпилъ, но не много: осталось почти полстакана. «А подними-ка этотъ камень!» сказала старуха, указывая на тотъ камень, который въ прошлый разъ онъ едва могъ сдвинуть съ мѣста. Иванъ-Царевичъ, схвативъ его обѣими руками, приподнялъ не много отъ полу, почти на четверть и выпустилъ; камень почти на два пальца ушелъ въ каменный полъ. «А, ничего, все-таки прибавилось!» сказала старушка. «Хотя еще и очень, очень мало. А вотъ тебѣ и другой камень еще больше и свѣтлѣе вчерашняго. Я знаю, вчерашній ты промоталъ, шалунъ!» И старушка такъ привѣтливо улыбнулась ему, что онъ бросился ей въ ноги и поцѣловалъ ея руку. Вотъ пришелъ и старецъ Пилигримъ, далъ ему (Ивану-Царевичу) желѣзный хлыстъ и сказалъ: «Волки собраны

туть на дворѣ. Тѣбѣ стоитъ только свиснуть этимъ хлыстомъ по воздуху и они всѣ понесутся обратно домой». А между тѣмъ сивка-бурка, конь Ивана-Царевича, стоялъ у крыльца. Сълъ Иванъ-Царевичъ на своего коня и махнулъ по воздуху тѣмъ хлыстомъ; всѣ волки взвыли и понеслись обратно домой. Черезъ нѣсколько минутъ они исчезли въ воротахъ, а Иванъ-Царевичъ, спустившись съ коня, отпустилъ его въ поле, а самъ вошелъ во-дворъ пѣшкомъ. Удивился царь и еще больше вчерашняго струсилъ Васька-слуга и просилъ царя дать ему завтра работу по-труднѣе. Царь отвѣчалъ на это: «надѣйтесь!»

Настала ночь; больше вчерашняго въ людской раздаются шумъ и пѣсни. По вчерашнему-же царевна торгуетъ свѣтлый камень, но Иванъ-Царевичъ уступаетъ его не иначе, какъ за то, чтобъ царевна позволила ему простоять около нея полтора часа. «Чтожь? Вчера онъ мнѣ ничего не сдѣлалъ; что онъ можетъ сдѣлать мнѣ и сего дня?» думаетъ она и соглашается. Иванъ-Царевичъ стоялъ около получаса; вдругъ притворился, что задремалъ, пошатнулся и упалъ прямо царевнѣ лицомъ къ лицу и поцѣловалъ ее три раза. Царевна сердилась, но онъ оправдывался тѣмъ, что вздремнулось. Однакожь прошло полтора часа и другой камень остался въ рукахъ царевны.

Опять настало утро и выпустили изъ какой-то клѣтки сорокъ лебедей, которые вскрикнули, взмахнули своими огромными бѣлыми, какъ снѣгъ, крыльями, взлетѣли на воздухъ и разлетѣлись въ разныя стороны, Богъ вѣсть куда. И приказали Ивану-Царевичу пригнать ихъ непременно къ вечеру, «а если, молъ, не пригонишь, то казнятъ тебя смертною казнію, вытянуть всѣ твои жилы, изрѣжутъ твое тѣло тупыми бритвами», сказали они и вытолкали его за ворота. Иванъ-Царевичъ выбѣжалъ на ближайшее поле за-городъ и закричалъ вовсе горло: «Старецъ Пилигримъ, старецъ Пилигримъ! лебедей, лебедей выпустили! О»!— Въ тотъ же мигъ появился около него старецъ Пилигримъ и сказалъ: «Тссъ! что ты кричишь?

Не слѣдуетъ такъ дѣлать, ступай сюда на коверъ; полетимъ опять ко мнѣ». Иванъ-Царевичъ всталъ на коверъ, который, не много колышась и вертясь, понесъ ихъ по небу за облака, быстрее стрѣлы и птицы; не долго онъ несъ ихъ и скоро спустился на землю тамъ-же, гдѣ и прежде опускался.

Выбѣжала та-же старушка и, внося Ивана-Царевича въ домъ, сказала: «А тяжеленекъ ты сталъ!» Напоила, накормила его, дала опять новый камень, и свѣтлый и красивый, а прелесть его и рассказать нельзя. Потомъ заставила донить стаканъ съ сильной водой; на этотъ разъ Иванъ-Царевичъ выпилъ весь стаканъ и почувствовалъ какую-то дрожь и, по приказанію старухи, онъ поднялъ прежній камень такъ легко, какъ фунтовый мячъ. «О, о! слава Богу, довольно!» сказала старуха. Тутъ вошелъ старецъ Пилигримъ и сказалъ старушкѣ, что Иванъ-Царевичъ гоститъ у нихъ въ послѣдній разъ и ты, дескать, старушка, благослови его чѣмъ нибудь. Заплакала старуха горько, заплакалъ и Иванъ-Царевичъ; дала ему добрая старушка маленькій перстень въ руки, который ночью также блестѣлъ, какъ и тѣ свѣтлые камешки, которые она давала ему прежде. «Нá», говоритъ, «и дай его невѣстѣ!» А старецъ Пилигримъ сказалъ: «Зови меня, Иванъ-Царевичъ, нынѣ только тогда, когда жизнь твоя будетъ въ полной опасности; я буду далеко; мнѣ очень нужно». А лебеди уже всѣ были пойманы и привязаны къ длинной веревкѣ; Иванъ-Царевичъ взялъ конецъ ея и полетѣлъ на своемъ сивкѣ назадъ.

Ночь эту слуги опять начали веселыми криками. Царевна купила камень также, какъ и въ прошлые разы, но только съ тою разницею, что Иванъ-Царевичъ стоялъ около нея два часа и поцѣловалъ ее четыре раза; и особенно послѣдній разъ такъ горячо поцѣловалъ, что царевна чуть не лишилась чувствъ и, разсердившись, хотѣла пожаловаться. Но дѣвка-чернавка сказала, что сама-же царевна останется виновата, а между тѣмъ и гнѣвъ-то царевны

прошелъ и она уже думала о томъ, какъ будетъ хвастать и пристыдить другихъ царевенъ своими камнями.

Между тѣмъ шумъ въ людской до того усилился, крики: «да будетъ счастливъ Иванъ-Царевичъ!»! неистовы, что во дворцѣ всѣ разбудились и, по приказанію царя, всѣ были арестованы. Однакожь на другой день никого никакъ не наказали именно потому, что они кричали вивать Ивану-Царевичу, и только Ваську-слугу (Ивана-Царевича) посадили въ темницу въ общей комнатѣ арестантовъ и то посадили, по просьбѣ Васьки-слуги, который говорилъ, что слуга его мошенникъ, онъ кричалъ ему здоровье не отъ чистаго сердца, а непременно изъ какихъ-нибудь видовъ.

Сидитъ Иванъ-Царевичъ въ темницѣ, но у него и свѣтло и весело: развернулъ онъ свою скатерть. Арестанты кричали, что они никогда не бывали такъ счастливы. Пьяные они Богъ знаетъ съ чего кричали: «Скоро худо будетъ царю, худо будетъ, будетъ, будетъ!»! Караульные сначала хотѣли унимать, но потомъ сами обѣлись и напились дѣ-пьяна. «Во дворцѣ большая суматоха», рассказывалъ Ивану-Царевичу одинъ солдатъ, потягивая вино. «Говорятъ, съ западу пришелъ какой-то сильный могучій богатырь о трехъ головахъ и, остановившись на каменномъ полѣ, боевомъ мѣстѣ богатырей, послалъ своего чловѣка (который, когда перегнется три раза, такъ будетъ съ меня ростомъ) съ письмомъ, въ которомъ требуетъ, чтобы ему дали за мужъ царевну или послали сильнаго богатыря, который могъ-бы его побѣдить, а если не такъ, то онъ развѣтетъ государство, какъ пепель! Стоитъ только ему чихнуть!»!—Ну, что-же? Кто пошелъ противъ него? спросилъ Иванъ-Царевичъ. «У нашего царя вѣдь богатырей нѣтъ; сто лѣтъ тому назадъ они вывелись; такъ онъ предложилъ идти сразиться Ивану-Царевичу (Васькѣ-слугѣ); тотъ хвасталъ, что онъ богатырь и царь обѣщалъ, если онъ побѣдитъ, отдать за него свою дочь. Ну и поѣхалъ Иванъ-Царевичъ (Васька-слуга) къ полю битвы въ экипажѣ безъ кучера; править отлично, точно весь, вѣкъ кучеромъ былъ; и

взялъ онъ съ собой осьмину водки, говорить, что у богатырей рука не подымается безъ водки». И солдатъ сталъ уже болтать безсвязно, потому что во время разсказа сильно перехватилъ вина, да и всё-то собраніе было пьяно и храпѣло мертвецки. Хотя дверь и была заперта, но Иванъ-Царевичъ былъ царской крови и стоило ему коснуться запора, то они отскакивали со звономъ и онъ очутился у задней стороны темницы.

«Сивка, сивка!»! сказалъ онъ тихо и сивка тутъ, какъ тутъ. Сѣлъ онъ на коня и сказалъ: «Вези на поле богатырскихъ сражений!»! и въ минуту очутился на каменномъ ровномъ мѣстѣ. Трехъ-голового богатыря еще не было, а потому Иванъ-Царевичъ опомнился, что богатырю слѣдуетъ одѣться по-богатырски и, спустившись, онъ снялъ съ лошади сумы, въ которыхъ были разные наряды богатырскіе, мечъ и сабля, щитъ, шлемъ и стальная кольчуга. Нарядился онъ во всё эти штуки и всё они пришлись ему въ пору, точно для него сдѣланныя. Сѣлъ онъ на коня, взялъ трубу, висѣвшую на сѣдлѣ, сталъ трубить вызовъ и такъ громко, какъ будто вблизи гремѣлъ громъ. И явился на конѣ трехъ-головый богатырь и Иванъ-Царевичъ, бросивъ въ него копье, сразу сразилъ его, уронилъ на землю и срубилъ всё три головы; шумъ однако былъ порядочный и въ городѣ его было слышно. Старые люди, видавшіе и слыхавшіе прежде въ другихъ государствахъ богатырскій бой, сказали, что это походить на средній богатырскій бой и что лучшіе шумятъ громче этого. А Иванъ-Царевичъ, покончивъ дѣло, уѣхалъ потихоньку съ поля битвы и, отпустивъ коня, прошелъ въ темницу и уснулъ тамъ крѣпкимъ сномъ.

А Васька-слуга выѣхалъ въ боръ на своей коляскѣ и, наѣвши тамъ сырыхъ гнилыхъ грибовъ, напившись водки, осмѣлился наконецъ выглянуть изъ за лѣсу на богатырское поле. — «Вѣдь все равно трехъ-головый-то съѣстъ меня или убьетъ, а то и царь велитъ казнить! лучше раньше ему поддаться». Выглянулъ, увидалъ тушу-то богатыря и испугался; потомъ, вглядываясь мало-по-малу

и привыкнувъ, подвинулся впередъ и увидалъ, что онъ убитъ. Увидавъ это, онъ такъ обрадовался, что чуть съ радости-то не издохъ. А однакожь сѣлъ въ свою коляску, взялъ въ нее три головы богатыря и поѣхалъ въ городъ; въ городѣ ужасно обрадовались, увидавъ его; называли избавителемъ, подумали: онъ для того изъ города выѣзжалъ престо, чтобы своимъ богатырскимъ грознымъ видомъ не испугать царевны. Свадьбу назначили черезъ три дня.

На другой день опять явился страшный посланецъ съ письмомъ къ царю, въ которомъ писалъ пришедшій съ сѣвера богатырь, чтобы царь послалъ къ нему богатыря для битвы или отдалъ за него свою дочь. Конечно, Васька-слуга отправился; а Иванъ-Царевичъ убилъ богатыря по прежнему. А потомъ Васька-слуга привезъ въ городъ пять головъ этого богатыря. Радости было столько, что и описать нельзя. Старые люди говорили, что по шуму битвы богатырей надо полагать, что это была самая сильная битва.

Вотъ и третій день насталъ, ведетъ Васька-слуга царевну въ церковь вѣнчаться. А, говорятъ, царевна не соглашалась выдти за него замужъ, потому что лицо у него было мерзкое, и все не хорошо. Да уговорилъ и приказалъ отецъ, боясь, что отказъ дочери ожесточитъ такого сильного богатыря, какъ Иванъ-Царевичъ и онъ можетъ раззорить ихъ государство въ конецъ. Вотъ звонятъ колокола, вотъ ужъ и вѣнецъ хотятъ надѣть, какъ вдругъ въ церковь является человекъ исполинскаго роста черный, какъ ночь, и съ глазами, какъ уголь. Прошелъ онъ прямо къ царю, сталъ передъ нимъ на колѣни, и тутъ былъ выше его и пошаривъ, досталъ изъ кармана пакетъ, запечатанный огромной печатью, на которой были изображены кошка и собака, положилъ его себѣ на голову, и почтительно склонилъ голову передъ царемъ. Тотъ поблѣднѣлъ, увидавъ надпись: «отъ морскаго шайтана и царя, семиглаваго богатыря». Проворно распечаталъ и развернулъ гнилую бычью кожу, на которой огромными красными буквами было нацарапано слѣдующее: «Свѣтлѣйшій мой братъ! Пусть свѣтлое солнце грѣетъ тебя теплѣе

обыкновеннаго, пусть ночь дѣлается для тебя темнѣе и тише обыкновеннаго и вѣтры, безпокойство моря, не шевелятъ тебя. Ты сла-
венъ, слава твоя дошла до меня морскаго царя, семиголоваго бога-
тыря, и я вышелъ изъ моря породниться съ тобой, сдѣлать тебя
своимъ отцомъ; говорятъ, у тебя есть дочь красавица, какъ восхо-
дящее солнце. Дай мнѣ твою дочь; пошли ее ко мнѣ! волей или
неволей, я всетаки ее возьму. Ну, а если хочешь испытать мою
силу (можетъ быть, ты думаешь, что я хвастаю), пошли ко мнѣ
богатыря. Я состяжусь съ нимъ и, одержавши побѣду, опять буду
просить удовлетворенія. Войска не посылай; это будетъ напрасная
трата народа. Невѣсту мою, твою дочь, вывезите за-городъ на
каменное поле, поставьте тамъ шатеръ и оставьте ее тамъ. Богатырь,
одержавшій побѣду, возьметъ себѣ ее оттуда. Я не могу явиться къ
вамъ въ городъ, потому что я слишкомъ тяжелъ; некаменная мѣстность
меня не поднимаетъ и я могу испортить вамъ городъ. Жду теперь-
же. Шайтанъ морской царь» *).

Въ этотъ день всѣ преступники были выпущены изъ тюрьмы,
а съ ними былъ на волѣ, разумѣется, и Иванъ-Царевичъ; онъ былъ
въ церкви и видѣлъ все; можетъ быть онъ и имѣлъ какой-нибудь
планъ помѣшать свадьбѣ Васьки - слуги, но о немъ ничего не гово-
рится. — Царь тутъ же въ церкви прочиталъ письмо морскаго-
царя и объявилъ, что желающій можетъ выдти на битву съ морскимъ
царемъ и что побѣдителю онъ отдастъ свою дочь, которая будетъ
находиться въ шатрѣ недалеко отъ поля битвы. Ни одинъ голосъ
не отвѣчалъ на это. Царь весь покраснѣлъ и слезы выступили у
него на глазахъ. «Иванъ-Царевичъ!» сказалъ онъ обращаясь къ Вась-
кѣ слугѣ. «Неужели вы, побѣдившій уже сильныхъ богатырей,
добровольно уступите свою невѣсту морскому чорту? (Не уступлю,
пока свѣтъ стоитъ! сказалъ самъ себѣ Иванъ-Царевичъ). Неужели
вы не выйдете съ нимъ на битву? (Иду, иду! говорить про себя
Иванъ-Царевичъ, выходя изъ церкви). И вотъ мое рѣшеніе: пере-

*) Въ рукописи въ подстрочномъ примѣчаніи это письмо помѣщено и
на якутскомъ языкѣ.

монія брака отлагается; кто побѣдитъ, тотъ и возьметъ царевну!» И приказалъ царь священнику остановить церемонію. Васька поблѣднѣлъ отъ страху, какъ бумага, а бывшіе въ церкви думали, что онъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва на морскаго богатыря. «Хорошо, поѣду!» сказалъ Васька-слуга. «Дайте только мнѣ хорошую лошадь и полведра водки». И, собравшись, уѣхалъ онъ изъ города въ боръ, напился водки и уснулъ мертвецки. А царевну со слезами увезли за городъ, поставили тамъ шатеръ и, оставивъ её въ немъ, уѣхали всѣ обратно, оставивъ ее одну и безъ чувствъ.

Лишь только провожавшіе ее въѣхали въ городъ, какъ послышался призывный звукъ богатырской трубы громче самаго сильнаго грома; это трубилъ Иванъ-Царевичъ. «Это Иванъ-Царевичъ (Васька-слуга) трубить», сказали и въ городѣ.

Иванъ-Царевичъ выѣхалъ въ поле богатырской битвы и остановился; взялъ трубу и началъ трубить вызовъ. И вдругъ увидалъ, что прямо изъ моря выходитъ челоуѣкъ не челоуѣкъ, а какое-то страшилище съ семью головами, подобно семи копнамъ сѣна. Все оно было покрыто какою-то чешуей со слизью, глаза зеленые, ростъ исполинскій, ужасъ что такое, а средняя голова его была золотая; въ этой-то средней головѣ и была его жизнь. Оно было безъ лошади, а Иванъ-Царевичъ на конѣ. Какъ только увидало оно Ивана-Царевича, зацѣло-зашипѣло на семи языкахъ, средняя-то голова начала дуть и сколько тутъ было пыли, всё подняло на воздухъ. Стало темно; потомъ опять очистился воздухъ; въ это время разѣхался на него Иванъ-Царевичъ и разомъ отрубилъ три головы, а на четвертой головѣ его мечъ завязъ. Морской царь схватилъ мечъ прямо за лезвіе и порѣзалъ себѣ всѣ четыре пальца. Иванъ-Царевичъ выдернулъ мечъ и, отѣхавъ отъ него опять назадъ, разѣхался на него и съ лѣвой стороны отрубилъ три головы и опять его мечъ увязъ въ золотой головѣ и опять высвободилъ его самъ морской царь, порѣзавъ себѣ четыре пальца.

До сихъ поръ морской царь молчалъ, а тутъ испустилъ та-

кой громкій крикъ, что совершенно оглушилъ всѣхъ на двѣ минуты даже находившихся въ городѣ; поднялся такой сильный вѣтеръ, что морская вода залила почти половину города. Ивана-Царевича тоже чуть-чуть не ошеломило, однако-же онъ поднялъ мечъ и изо всей силы ударилъ имъ морскаго царя; но тотъ какъ-то отвернулся, а Иванъ-Царевичъ, потерявъ равновѣсіе, зашатался на сѣдлѣ. Тутъ морской царь сронилъ его съ сѣдла быстрымъ движеніемъ руки и началъ душить. «О, старецъ Пилигримъ! Погибаю, спаси!» только и успѣлъ сказать Иванъ-Царевичъ и въ глазахъ у него сдѣлалось темно.

Выбѣжалъ изъ лѣсу медвѣдь съ гору величиной и, бросившись прямо на морскаго царя, разомъ перегрызъ ему горло. Тяжело вздохнулъ морской царь—и отъ этого всѣ каменные горы превратились въ песчанья; тяжело вздохнулъ и издохъ. Въ мигъ медвѣдь сталъ старцемъ Пилигримомъ (потому что это былъ онъ) и началъ приводить въ чувство Ивана-Царевича, котораго морской царь только задушилъ, а не успѣлъ убить. Когда Иванъ-Царевичъ очнулся, старецъ Пилигримъ показалъ ему на убитое тѣло морскаго царя, распростился съ нимъ и сказалъ, что уже никогда больше ему нельзя будетъ прійти. Тутъ простились они оба въ слезахъ.

Солнце заходило. Иванъ-Царевичъ замѣтилъ, что при паденіи съ лошади онъ порѣзалъ мизинецъ лѣвой руки, и изъ раны шло не много крови. Созвалъ онъ своего коня и быстро поѣхалъ къ шатру царевны; поспѣшно спустившись, поспѣшно распахнувши, вошелъ въ шатеръ. Царевна увидала его и чуть опять не лишилась чувствъ. «Ахъ, перевяжите: рана!» сказалъ Иванъ-Царевичъ. «Я Иванъ-Царевичъ и боюсь за васъ; надѣюсь побѣдить врага, только перевяжите поскорѣе». Тутъ Иванъ-Царевичъ былъ прекрасенъ въ своемъ богатырскомъ нарядѣ, блестящемъ золотомъ, серебромъ и сталью. Царевна была рѣшительно поражена его красотой и молча глядѣла на него. «Ахъ, ради Бога, перевяжите рану, вотъ эту!» сказалъ онъ, показывая маленькую рану на мизинцѣ. А ца-

ревна, увидавъ, что «онъ точно раненъ», сорвала съ шеи тонкій шелковый платокъ съ золотомъ, какой только у ней былъ, и нѣжно перевязала ему руку. Перевязывала она довольно долго; и все ей хотѣлось перевязывать эту рану, смотрѣть на него, а въ это время Иванъ-Царевичъ, не замѣтно для нея, какъ-то снялъ ея перстень и надѣлъ на ея руку свой, который дала ему старуха-мать старца Пилигрима. Поцѣловалъ ее Иванъ царевичъ и вышелъ, сѣлъ на коня и уѣхалъ.

«Отчего это онъ принимаетъ такой хорошій мужественный видъ только на битвѣ съ богатырями, почему въ городѣ онъ дѣлается такимъ некрасивымъ, даже гадкимъ; и голосъ какой-то у него сильный и глаза-то какіе-то заплывшіе жиромъ и руки жесткія, какъ желѣзо, точно кучерскія, такія некрасивыя, а тутъ и бѣлыя и такія хорошія». Тутъ царица посмотрѣла на свои руки, которыя ужъ подлинно были бѣлы, малы и до крайности красивы; посмотрѣла и удивилась, что вмѣсто ея перстня остался другой еще красивѣе ея собственнаго. «Ахъ, Боже мой! онъ ужъ успѣлъ подмѣнить мой перстень своимъ! почему онъ тамъ такъ не ловокъ и вѣчно что-нибудь изломаетъ, уронитъ или замараетъ»? Въ это время изъ города съ большимъ шумомъ пріѣхало множество экипажей; люди съ музыкой и радостными криками отвезли царицу обратно въ городъ и дорогой рассказали, что Иванъ-Царевичъ (Васька-слуга) пріѣхалъ, убивъ морскаго царя, и что онъ сильно ушибъ правую руку. «Ахъ, я перевязала ему лѣвую!» воскликнула царица, но никто не обратилъ вниманія на эти слова.

Васька-слуга, пробудившись и вспомнивши, за-чѣмъ онъ уѣхалъ, подумалъ: «Вѣдь мнѣ ужасно счастливитъ; по крайней мѣрѣ называюсь царевичемъ; да и морской царь теперь, можетъ быть, ужъ убитъ. Думаю я, что этихъ богатырей убиваетъ тутъ какая-нибудь нечистая сила этого поля!» И выглянулъ онъ изъ-за лѣсу, но ужасно испугался головъ морскаго царя, которыя, оскаливъ зубы, какъ-будто смотрѣли на него и величина-то ихъ была страшная:

именно, каждая почти въ два охвата! Но, пришедши мало по-малу въ себя, онъ пошелъ къ убитому чудовищу и сталъ смотрѣть золотую голову. «А хорошо-бы было увезти её», подумалъ онъ и, заложивши подъ нея руку, хотѣлъ ее поднять; но голова потеряла равновѣсіе, въ которомъ находилась прежде, пошевелилась и раздавила всѣ четыре пальца правой руки. Два часа лежалъ Васька-слуга безъ чувствъ; наконецъ всталъ, охая, сѣлъ въ сани и правя лошадыми лѣвою рукою, едва-едва доѣхалъ въ городъ. Но однакожь дорогой онъ придумалъ рассказъ о битвѣ и о томъ, что правую руку ему исчавкалъ морской царь. Въ городѣ лекаря перевязали ему руку и на другой день была назначена его свадьба.

Зазвонили во всѣ городскіе колокола, палили изъ пушекъ, когда Иванъ-Царевичъ (Васька слуга) во второй уже разъ повелъ царевну въ церковь. Вотъ началось и вѣнчаніе; продолжали служить, дошли до того, что попъ сталъ спрашивать жениха и невесту: имѣютъ-ли они взаимное желаніе вступить въ бракъ? Женихъ отвѣчалъ удовлетворительно; спросилъ попъ у невесты разъ—молчить; другой разъ—молчить; третій разъ.... Но тутъ послышался большой шумъ у дверей и всѣ взоры обратились туда; въ церковь явился человѣкъ необыкновенной красоты, высокій и статный; какъ будто въ церкви свѣтлѣе стало отъ него; лѣвая рука у него висѣла на перевязи, и самые пальцы были перевязаны чуднымъ платкомъ. Вошелъ онъ и сталъ недалеко отъ брачной пары. Попъ не повторялъ третьяго вопроса, а смотрѣлъ на вошедшаго; женихъ смотрѣлъ на него такъ, какъ будто на него хочетъ обрушиться гора; царь съ царицей съ недоумѣніемъ, народъ съ удивленіемъ. Вошедшій поклонившись царю и окинувъ всю церковь яснымъ взоромъ, стоялъ спокойно. Попъ, который такъ странно, какъ сумасшедшій, смотрѣлъ на одну точку, удивилъ царевну и она машинально обратила голову въ ту-же сторону, — увидѣла она Ивана-Царевича и вскрикнула; это былъ тотъ самый витязь, котораго она видѣла въ день битвы морскаго царя; вотъ и платокъ, которымъ она перевязала его руку, вонъ и перстень ея блеститъ!

Тихо рукой она отстранила отъ себя Ваську-слугу и, подошедши къ Ивану-Царевичу, взяла его за руку и повела на мѣсто вѣнчанія. Царь смотрѣлъ на это ошеломленный; хотѣлъ говорить, но голосъ не дѣйствовалъ; хотѣлъ пошевелиться и не могъ, словно окаменѣлъ. Изъ этого положенія вывелъ его Васька-слуга, бросившійся въ ноги и закричавшій самымъ отчаяннымъ голосомъ: «Солнце царь! не вели казнить! Простите: я не Иванъ-Царевичъ, а просто слуга Ивана-Царевича, что вонъ стоитъ съ твоей дочерью. Прости для дня свадьбы твоей дочери!» И Васька-слуга ужасно взвылъ. «О, прощаю, замолчи только!» сказалъ царь, опомнившись не много, а все еще не понимавшій, какъ это случилось. А между тѣмъ царица сказала священнику: «Желаю идти замужъ за Ивана-Царевича, вотъ этого!» и указала на витязя. Испугавшійся священникъ, не спрашивая ничего у жениха, благословилъ пару и поспѣшно кончилъ обрядъ.

Много ѣли и пили въ этотъ день. Иванъ-Царевичъ тутъ-же въ церкви разсказалъ царю во всеуслышаніе народа свою исторію и прибавилъ, что онъ не сказывался, потому что далъ клятву, а когда Васька-слуга самъ сказалъ настоящее свое имя, то клятва сдѣлалась не дѣйствительной. Послѣ того, говорятъ, гуляли цѣлую недѣлю и царь назначилъ послѣ того Ивана-Царевича своимъ наслѣдникомъ, а царь родной, отецъ царевича, тоже, услыхавъ его похождение, назначилъ и своимъ наслѣдникомъ. И такимъ образомъ, когда умерли оба царя, Иванъ-Царевичъ счастливо правилъ обоими государствами, соединивъ ихъ въ одно.

VII. РУССКІЯ СКАЗКИ

(разсказываемыя въ сел. Русское Устье, близъ впаденія рѣки Индигирки въ Ледовитый океанъ и записанныя мною отъ тамошняго уроженца.)

1.

В о р о н ь.

Жилъ былъ царь. У этого цара ни сынъ, ни дочь. Сталъ онъ молебны служить: «Дай Богъ мнѣ сына или дочь, при молодости на утѣху, при старости на замѣну». Богъ ему далъ дѣвчонку.

Эта дѣвчонка на дворъ вышла, потерялась. Нигдѣ не могли найти.

Опять сталъ царь молебны служить: «Дай Богъ мнѣ сына или дочь; при младости на утѣху, при старости на замѣну. Умру да на царство посажу». Богъ ему далъ сына.

Этотъ сынъ большинькой сталъ, на дворѣ похаживаетъ, лучкомъ-тамарчикомъ пострѣливаетъ; сталъ, говорить: «Тятенька мой родиминькой! Пусти меня въ чистое поле, широкое раздолье, людей посмотрю, да и самъ себя покажу, сестру поищу!» Нѣтъ; говорить, еще малъ.

Опять сталъ проситься: «Тятенька мой родиминькой! Отпусти меня въ чистое поле, широко раздолье, людей посмотрю, да и самъ себя покажу, сестру поищу!» Ну, говорить, ступай, Богъ съ тобой!

Поя'халъ. Яхалъ-да, яхалъ - да; видитъ, городъ стоитъ. При'яхалъ городу. Коню связалъ, въ юрту вошелъ. Его сестра сидитъ. Напоила, накормила; задрала. — Вдругъ вѣтеръ сталъ; вдругъ громъ загремѣлъ, вдругъ воронъ прилетѣлъ. На дворъ сѣлъ, однѣмъ крыломъ махнулъ, подвѣра закрылъ; другимъ крыломъ махнулъ, совсѣмъ закрылъ. Въ юрту вошелъ: «Фу», говорить, «бабá, чаво русскимъ духомъ пахнетъ»? Нѣтъ, говорить голову часала да волосья въ огонь бросала. «Нѣтъ», говорить; «врешь!» — Нѣтъ говорить, мины мѣшечки трясла-да! «Врешь, убью», говорить, «скажи!» Ну, говорить, мой братъ при'яхалъ! «Чаво», говорить, «таишься»?

Выдернула; вышелъ парень-отъ. «Бабá», говорить, «поди, мои орѣшки привеси!» Пошла бабá, орѣшки принесла. Воронъ всѣхъ сѣлъ; парень все-то одну ѣсть. «Бабá, говорить, поди баньку истопи. Пошла бабá, баньку истопила. Пошли. Воронъ напередъ ушелъ. Воронъ пришелъ въ баню, парень пришелъ. Парня за волосья поймалъ, давай драть. Дралъ-да, дралъ-да, до смерти задралъ. Два тѣ глаза выставилъ да на стѣнку прилѣпилъ, самага-то подъ полокъ бросилъ.

Пришелъ воронъ. Баба́-то говоритъ: «Гдѣ братъ»?—Твой, говоритъ, братъ остался париться. Сдали, сдали: братъ все то нѣту. Сдали-сдали. Пошла баба въ баню. Въ баню пошла; пришла, два глаза на стѣнѣ; самъ подъ полкомъ лежитъ. Говоритъ: «убилъ вѣдь! нашто таишься»?—Ну, сидятъ (т. е. живутъ).

Саръ опеть сталъ молебны служить: «Дай Богъ мнѣ сына или дочь: при младости на утѣху; при старости на замѣну. Умру да на царство посажу!» Богъ ему далъ сына.

Этотъ сынъ большинькой сталъ; лучкомъ-тамарчикомъ пострѣливаетъ. «Тятенька мой родименькой! Пусти меня въ чистое поле, широко раздолье, людей посмотрю, да и самъ себя покажу; сестру поищу, брата»!

Еще малъ, говоритъ.

Опеть сталъ проситься: «Тятенька мой родименькой, тятенька мой сердечненькой. Отпусти меня въ чисто поле, широко раздолье; людей посмотрю, да и самъ себя покажу; сестру поищу, брата»!—Ну, говоритъ, Богъ съ тобой!

Пойхаль. Пріяхаль. Видитъ, городъ стоитъ. Не далеко отъ отъ города живутъ (т. е. существуютъ, есть) пастушки. Этимъ по-стушкамъ дояхаль, говоритъ: «вы чьи, пастушки»?—Мы Ворона Вороновича, семи городовича. «Когда воронъ - отъ родится, на пору годится. На ладоньку посадимъ, на другую приплюшимъ: мы съ перстами, мокренько будетъ»! Прояхаль онъ ихъ.

Прояхаль. Пріѣхаль городу, коня связаль, вошелъ въ юрту. Его сестра сидитъ. Эта сестра его накормила. «Я тебя запрачу»! Ну, како пратанье! Хошь воронъ будетъ, дакъ чево доспѣеть?—Лежить на урунѣ (лавка и кровать). Вдругъ вѣтеръ сталъ; громы загремѣли, тучи! Воронъ прилетѣлъ; на дворѣ сялъ: однимъ крыломъ махнулъ, поддвѣра закрылъ, другимъ крыломъ махнулъ, совѣмъ дворъ закрылъ. Въ юрту вошелъ. Поздоровались. «Здравствуй, зятенькъ»! Здравствуй, шуринокъ! Поздоровались.

«Баба́, говорить. Поди мои орѣшки принеси!»! Пошла баба́, орѣшки принесла. Стали орѣхи есть. Воронъ одну ѣлъ, парень со-всѣмъ съѣлъ. «Баба́, говорить. Поди баньку истопи!»! Баба пошла, баньку истопила. Пошли въ баню. Парень напередъ ушелъ. Воронъ пришелъ позадь. Воронъ какъ ступилъ, парень за волоса поймалъ, давай драть. Дралъ-да, дралъ-да: живой. Опеть сталъ драть; до смерти и задралъ. Два-тѣ глаза выставилъ, да на стѣну прилѣпилъ, самага-то подъ полокъ бросилъ. Брата живой-молодой водой брызнулъ; братъ говорить: «Фу, долго спалъ, бодро сталъ»!—Сестру взялъ, поѣхали домой. Поѣхали. Яхали, яхали. Видятъ: городъ стоитъ. Приѣхали: отецъ ихъ саръ; живутъ. Царь да царица—по-коль они ѣздили—ходятъ-ходятъ да трясутся (т. е. состарѣлись). Жили, жили; поживали, да и теперь живутъ.

2.

Крестьянскій парень.

Жилъ былъ крестьянинъ. У этого крестьянина три сына. Онъ имъ по берестяной юрточкѣ доспѣлъ. Говорить: «Чего во снѣ увидите, скажите»! По утру пришли. Большой парень пришелъ: «Я во снѣ видѣлъ: какъ живемъ, такъ и жить станемъ. Лучше-то не будемъ, хуже-то не будемъ»! Средней пришелъ. «Чего, говорить, во снѣ видѣлъ»?—Во снѣ видѣлъ я: какъ живемъ, такъ станемъ жить; хуже-то не будемъ, лучше-то не будемъ»!—Третьей пришелъ: «Чего во снѣ видѣлъ»? Онъ говорить: чего видѣлъ, да не скажу, говорить. Онъ его давай драть. Дралъ-да, дралъ-да, трюю обмеръ. «Скажи, говорить, что во снѣ видѣлъ»?—Не скажу, говорить. Опеть сталъ драть; на моро вынесъ, сталъ драть. Опеть трюю обмеръ. «Скажи, говорить, чего во снѣ видѣлъ»?—Не скажу, говорить.

Вдругъ гости корабельщики бѣгутъ. «Крестьянинъ! . говорить. Какого бѣдняка задираешь»?—Своего сына, говорить, задираю. Говорятъ: дай намъ хоть за сто рублей!—Ну онъ говорить: «возьмите, говорить, за сто рублей»!—Пояхали, повезли. Спрашиваютъ у него: «Чего во снѣ видѣлъ, скажи: твой отецъ, мать теперь да-

леко»!—Нѣтъ, не скажу, говоритъ. На берегъ вышли, давай его драть. Вдругъ опять гости—корабельщики бѣгутъ. «Какого бѣдняка задираете»?—говоритъ. Э, говоритъ, такъ его мать, крестьянскаго парня задираемъ! — «Дайте намъ хоть за сто рублей»!—Ну, берите его за сто рублей. Пояхали-повезли. У него и спрашиваютъ: «чево во снѣ видѣлъ? Скажи»! На полъ плюнулъ: «Фу, говоритъ, люди-то дикіе живутъ. Родному отцу не сказывалъ, имъ стану сказывать»! На берегъ вышли; давай его драть. Драли - драли; трою обмеръ. «Скажи: чево во снѣ видѣлъ»?—Не скажу, говоритъ.

Опять гости корабельщики бѣгутъ; съ нимъ сарь. «Дайте, говоритъ, намъ хоть за сто рублей»!—Берите, говоритъ, его, такъ его мать, за сто рублей. Взяли, пояхали. Опять спрашиваютъ: «Крестьянскій сынъ! Чаво во снѣ видѣлъ»? Фу! на полъ плюнулъ—цари-то дикіе живутъ. Родному отцу не сказывалъ, царямъ сказывай, чужимъ людямъ!—Опять стали драться. Трою обмеръ. «Скажи, чаво во снѣ видѣлъ»!—Пфу! на полъ плюнулъ—цари-то дикіе живутъ. Родному отцу не сказывалъ, царямъ сказывай!

Поѣхали домой. Приѣхали домой. Опять стали спрашивать: «Скажи; чаво во снѣ видѣлъ»? Не скажу, говоритъ. Сарь посадилъ его въ сорокасаженную темницу: по одной ложечкѣ, по одному калачику въ день даетъ. Царь уѣхалъ жениться, на друго царство.

Этотъ парень—дѣвкѣ-то, которая ему таскаетъ, и говоритъ: «Поди, скажи царовой матери, скажи: хошь твой сынъ уѣхалъ, да безъ меня не женится». Ну пошла, сказала. Царыца его кликнула; послала: «почему знаешь, что не женится»? говоритъ. Ну, говоритъ, не женится безъ меня. Сарь-отъ сухопутномъ поѣхалъ, на коняхъ; она ему и говоритъ: «Ты поѣдь, говоритъ, на корабль». Онъ (парень) поѣхалъ на корабль. Яхалъ-яхалъ; видитъ: два парня дерутся. «На что, говоритъ, деритесь? Кого отымаются»?—Животъ чево былъ, отъ отца, отъ матери остались, раздѣлилися: только портки да рубаху не можемъ раздѣлиться. «Я, говоритъ, васъ разсужу»! Говоритъ: «По лучку, по тамарчику доспѣйте, да махните! который

покинетъ, тотъ совсѣмъ возьметъ!»! По лучку, по тамарчику доспѣли, махнули. За лучкомъ, за тамарчикомъ убѣжали. Этотъ парень рубаху, портки схватилъ да побѣжалъ къ кораблю. Прибѣжалъ. «Спѣхивайтесь!»! говоритъ.

Пояхали. Вдругъ видятъ: два парня опять дерутся. «Кого отымаются?»— Отъ отца, отъ матери остались: животь чаво былъ, все раздѣлилися; только столъ со столешницей не можемъ раздѣлиться. «Я васъ разсудю. По лучку, по тамарчику доспѣйте да махните, который покинетъ, тотъ совсѣмъ возьметъ». По лучку-тамарчику доспѣли; за лучкомъ-тамарчикомъ побѣжали. Онъ столъ со столешницей схватилъ, да побѣжалъ къ кораблю. Къ кораблю прибѣжалъ: «Спѣхивайтесь!»! говоритъ. Пояхали.

Яхали, яхали. Видитъ: городъ стоитъ. Подъѣзжаютъ къ этому городу, пристали; гостямъ корабельщикамъ говоритъ (парень): «Мой корабль, говоритъ, не усыпайте. Корабль засохнетъ». Портки да рубаху надѣлъ, сивкой невидимкой очутился; пошелъ этому городу. Пришелъ этому городу. Переѣзжать хотятъ за рѣку; сара смотрѣтъ: какъ сарь станетъ свататься. У носъ лоточки заскочилъ: серебряна лоточка, золочоно весѣлко. Переяхали; онъ выскочилъ изъ лоточки. Пошелъ этому городу.

Царева невѣста сидитъ, сѣпочки шьетъ. Она на окошечко положила, сошила-да. Этотъ сѣпочки выхватилъ да серкву къ святымъ подъ образа легъ. Этотъ дѣвка и говоритъ сару: «Поди, говоритъ; ты мнѣ эдакинькія сѣпочки дашь, которыя я шила; я за тебя за мужъ пойду! буди ты дашь-да. Не дашь-да, не пойду!»! Онъ пошелъ у святыхъ просить, серкву. «Святые, говоритъ, я жениться хочу: сѣпочки нѣту; дайте мнѣ сѣпочку!»! Онъ ему и отвѣчаетъ вмѣсто святыхъ: «Дамъ, говоритъ. Почто не дамъ?»— Вдругъ бросилъ ему сѣпочки. Онъ почему знатъ, что ему человекъ бросилъ; думать: Богъ!

Эта дѣвка и говоритъ сару: «Буди, говоритъ, мнѣ перстень дашь, то я за тебя за мужъ пойду. Буди не дашь, не пойду!»!—

Пошелъ у святыхъ просить. «Святые! Жениться хочу: перстень нѣтъ. Дайте перстень!» — Они ему бросили перстень. Святые тѣ говорятъ: «дайте намъ кушакъ!» — Почто, говоритъ, не дадимъ: отъ васъ жалѣть станемъ! — Этотъ святымъ-тѣ положилъ (кушакъ), этотъ мужикъ-отъ, саръ-отъ. Онъ взялъ, парень-то.

Саръ-отъ и женился. Женился; поѣхалъ на свою сторону. Онъ (парень) напередъ корабль свой взялъ да и поѣхалъ напередъ сара. Приѣхалъ къ саровой матери, говоритъ: «посади меня въ темницу!» Она его посадила. Саръ и приѣхалъ. «Подите, говоритъ, позовите его, который въ темницѣ сидитъ!» — Позвали. Прачется, не подходитъ къ царю: «Онъ, этотъ парень говорилъ: саръ хоть уѣхалъ, да безъ меня не женится! Онъ, говоритъ, обернулся сивкой невидимкой, да, говоритъ, тебѣ-ка и отвѣчалъ вмѣсто святыхъ». Чего, говоритъ, отвѣчалъ? Врите, говоритъ, какой онъ мнѣ станетъ отвѣчать! — «Ну, говоритъ, посмотрите!» Бросилъ ему кушакъ. «Это, говоритъ, чей кушакъ?» Правда, говоритъ: этотъ мой кушакъ. Это, говоритъ, я святымъ отдалъ. Правда, видно ты былъ. — Этотъ чей перстень? — «Это, говоритъ, мой перстень». Пожаловалъ его чинъ. Живуть-поживають, да таперъ живутъ.

3.

Промышленники.

Жила была старушка. У ней сынъ. Этотъ сынъ женатой; промышленникъ; кажной день ѣздитъ-промышляетъ. Эту (свою) бабу и послалъ: «Тамъ мясо, говоритъ, есть. То поди да принеси!» говоритъ. Пошла эта баба. Пошла, принесла мясо. «Чаво, говоритъ, долго ходила?» Искала, говоритъ.

Опять уѣхалъ промышлять. Опять домой приѣхалъ. Бабу и послалъ. «Поди, говоритъ, опять мяса принеси!» Баба долго ходила. Вдругъ трое (мужики) бѣгутъ къ (бабѣ), ей говорятъ: «Съ нами пойдёмъ!» Она и говоритъ: «Не ходите, говоритъ. Вы этта близко лежите, говоритъ. Ужѣ я завтра буду!» — Пришли. «Чаво, говоритъ

(мужъ), долго ходила»? — Нѣтъ, говорить, не могла найти: все-то искала.

Опять уѣхалъ промышлять. Опять домой приѣхалъ. Бабу послалъ: «поди, говорить, опять мяса принеси»! — Баба говорить: «не пойду: не найди; вмѣстѣ пойдемъ»! Ну, пошли. Мужу говорить: «Мужъ, говорить, станемъ играть»! — Какъ? говорить, и пошелъ (съ ней); полно лепетать. «Я осердюсь», баба-то говорить. Мужъ-еть говорить: «Какъ»? Боится: баба-то осердится. Она мужу-то ноги-тѣ, руки-тѣ связалъ; говорить: «рви»! Онъ сталъ рвать, не можетъ сорвать. Она, баба-то закричала: «трое, говорить, бѣгите»! Трое приѣжали; давай его стрѣлять изъ лука; стрѣляли да стрѣляли, стрѣляли да стрѣляли, бѣда долго стрѣляли; всё-то не могутъ попасть: лежацій обертывается. Одинъ человекъ серебряну стрѣлу выдернулъ да и стрѣлилъ: по самому сердцу попалъ, убилъ. Увезли бабу сабѣ-ка.

Вдругъ эта старушка ждала-ждала парня: ниту парня, все-то ниту. Она ждетъ; пошла эта старушка. Эта старушка пошла; пришла, парень гдѣ лежитъ; поволокла. Волокла-да, волокла-да, приволокла. Огонекъ затопила; на скамеечку положила парня-то (мертвѣй); давай раны-то шаркать. Шаркать рукой; шаркала-шаркала; парень ка-быть сталъ.

Парень говорить: я, говорить, поѣду бабу искать! «Полно, говорить; рана еще сырая»! — Опять у матери спросился: «я, говорить, поѣду бабу искать». Ну, Богъ съ тобой, говорить. Пойхалъ. Ыхалъ да яхалъ; видитъ: юрта стоитъ юкагирская. Этой юртѣ приѣхалъ, дирку и смотритъ: тутъ его баба сидитъ съ этими людьми. Вдругъ закричалъ: «Нягарча» ваша пришла! Дѣо убивайте: вашъ олень раненой ушелъ, не могли убить»! Вдругъ выскочили всѣ ногіе. «Вы трое, говорить, стрѣльте меня по стрѣлѣ, и я, говорить, васъ трѣмя стрѣлами троихъ стрѣлю»! Первой стрѣлилъ: мимо. Другой стрѣлилъ: мимо; его-то стрѣлили: онъ обертывается. Третьей стрѣлилъ: мимо. Онъ стрѣлилъ одного — убилъ; другого стрѣлилъ,

опеть убилъ: эдакой стрѣлокъ. Третьяго стрѣлилъ: третьяго убилъ. Бабу взялъ, за оленьей хвостъ связалъ косами-те (у бабы косы живутъ вѣдь, какъ!) поволокъ; поѣхалъ: баба-то волокотся. «Станешь, говоритъ, бѣгать? меня станешь убивать?» — Приѣхалъ старухѣ матери: «Чаво, говоритъ, мужа-то убила-да хорошо?» — Эта старуха-та говоритъ бабѣ сыновей-то. Она молчитъ. «Невѣстка! пойдѣмъ играть!»! говоритъ. Пошли; шли да шли; долго шли. Она ей и говоритъ: «Лягъ!»! титьки-то отрѣзала.... «Чаго, говоритъ, сладко?» — Долхан, долхан! — Это, говоритъ, сладко-сладко! — Умерла.

Старушка пришла. Жили были поживали, да теперя живутъ. Только.

4.

Опять промышленникъ.

Жилъ былъ мужикъ. Онъ промышленникъ; съ бабой. Каждной день ходитъ да промышляетъ. Уѣхалъ промышлять. Вдругъ баба сидитъ и на дворъ вышла. Воронъ на лѣсинѣ сидитъ; говоритъ: «я тебя унесу вѣдь!»! Она говоритъ: Я мужу скажу вѣдь! — Улетѣлъ воронъ; она въ юрту ушла. Мужъ приѣхалъ. Мужу хочеть сказать, позабудеть; хочеть сказать, позабудеть.

Въ юрту ушли; лягли спать. По утру опять мужъ уѣхалъ промышлять. Баба-то на дворъ вышла: воронъ на лѣсинѣ сидитъ, говоритъ: «я тебя унесу вѣдь!»! За праву титьку поймалъ да и понесъ. Несъ-да, несъ-да, домой принесъ. Тутъ у него: дѣвки это, натаскалъ эта.

Мужъ ѣдетъ. Бабы ни дымъ, ничего не выходитъ. Приѣхалъ. Баба не выходитъ. Въ юрту пришелъ: баба ниту. Сталъ искать. Кликать сталъ: «баба! баба!»! Ниту баба. Сталъ искать; подъ лавками совсѣмъ выворочалъ; не могъ найти бабу. Сталъ лучинками искать: ниту, не могъ найти.

Пошелъ шухома (незнакомымъ мѣстомъ). Идетъ; видитъ: юрточка стоитъ. Пришелъ къ этой юрточкѣ. Старушка сидитъ. «Ба-

бушкà, чево, мою бабу не видала»? говоритъ. Нѣтъ, говоритъ, я не знаю. Знать-да, да, моя сестра знать!—Накормила его, напоила, спать повалила.

По утру сталъ. Пошелъ. Идетъ; видитъ: юрточка стоитъ. Къ юрточкѣ этой пришелъ. Старушка сидитъ. «Бабушкà, мою бабу не знашь»? Нѣтъ, говоритъ, я не знаю. Знать-да, да моя сестра знать!—Напоила его, накормила, спать повалила.

По утру сталъ. Напоила его, накормила. Пошелъ. Идетъ, идетъ. Вдругъ видитъ: юрточка стоитъ. Пришелъ къ этой юрточкѣ. Старушка сидитъ старая. «Бабушкà! говоритъ, мою бабу не видала». А, говоритъ, твою бабу воронъ унесъ. За праву титьку, говоритъ несеть. Пол-то (половину) крови весь высосалъ. Напоила его, накормила, спать повалила.

По утру сталъ. Ему старушка говоритъ: «Я тебѣ дамъ, говоритъ, тамаръ! Ты говоритъ, пойдешь. Станутъ, говоритъ, два холма драться. Ты, говоритъ, этимъ тамаромъ махни (выстрѣли стрѣлой). Черезъ два-те холма буде тамаръ перемахнетъ, ты съ тамаромъ вмѣстѣ. Чуть обробѣшь, холмы такъ тебя и задавятъ. Оттуль, говоритъ, пойдешь: станутъ два волка драться: не робѣй, не робѣй, говоритъ: махни, да съ тамаромъ самъ. Чуть буде обробѣешь, такъ волки тебя тутъ заѣдятъ. Оттуль, говоритъ, пойдешь: станутъ два медвѣдя драться: не робѣй, не робѣй, говоритъ: махни да и самъ съ тамаромъ вмѣстѣ. Чуть буде обробѣешь, такъ медвѣди тебя тутъ заѣдятъ. Оттуль пойдешь. Ты до мора дойдешь, обернись рыбочкой. Станутъ семь дѣвокъ идти по воду. Твоя баба въ середкахъ будетъ»!

Пошелъ. Видитъ: два холма дерутся. Черезъ ихъ какъ перемахнулъ, и съ тамаромъ самъ вмѣстѣ. Пошелъ опять. Два волка дерутся. Махнулъ, да и съ тамаромъ самъ. Опеть пошелъ. Два медвѣдя дерутся. Пришелъ медвѣдямъ: махнулъ да и самъ вмѣстѣ съ тамаромъ. Опеть пошелъ; видитъ: огонь-пламя горитъ; чуть до неба не достаетъ. Перемахнулъ, да и самъ съ тамаромъ вмѣстѣ. Перемахнулъ; пошелъ. Идетъ: мѣро стоитъ, большое мѣро.

Пришелъ этому мору. Обернулся рыбочкой да и поплавливаетъ. Семь дѣвокъ идутъ по воду. Его баба въ середкахъ. Говорить (имъ): «какъ воронъ уснетъ, хоть одна придите, мнѣ скажите»! Пришли, ему сказали: «воронъ уснулъ»! Пошелъ, убилъ ворона топоромъ. Взялъ свою бабу. Дѣвки-то къ своимъ, къ матерямъ, отцамъ пошли; кто женатые (замужнія) — мужикамъ.

Пришелъ домой. Жили были, поживали и теперь живутъ.

5.

С т а р и ч е к ъ .

Жилъ-былъ старичекъ; этотъ старичекъ пошелъ. Нашелъ медвѣдя. Одну ногу отсѣкъ да взялъ. Пришелъ домой старухѣ; сварили ногу. Старуха посуду мыла, да воду-то вынесла. Вдругъ прибѣжала: «Старикъ, медвѣдь идетъ»! Старикъ лягъ подъ желѣзное корыто въ уголъ; старуха сидитъ. Пришелъ медвѣдь въ сѣни:

Скрипи-скрипи нога,

Скрипи липовая!

Я по сѣничкамъ шель,

По деревничкамъ шель.

Всѣ людиньки спягъ,

Всѣ коровушки лежатъ,

Одинъ строганой не спитъ,

На моей шкуркѣ сидитъ,

Мою коску мнетъ,

Мою шерстку комеляритъ.

Вошелъ въ домъ. Пошелъ; черезъ порогъ сталь переходить; старикърнулъ. Желѣзно корыто на двое расколomъ. Эдакой сильнойрджѣжъ! Только.

6.

С т а р и к ъ .

Жилъ былъ старикъ. Онъ рыбу удить. У него два амбара: сухари да калачи. Онъ и говоритъ: «Старуха! поди, говоритъ, сухари да калачи на дворъ выброси. Теперь лѣто стало: на что

сухари да калачи»? — Пошла старуха, бросаетъ. Рыбу ничего не могутъ добыть. «Поди, старуха! Лопатой гребни амбары: калачика не осталось-ли»? Пошла старуха; гребетъ такъ; сухарчикъ да калачикъ нашла. Одинъ сухарь съѣлъ; она калачикъ съѣла. «Поди, старуха, гребни другой амбаръ. Однако туто-ка осталось!»! Четыре сухара нашла. Съѣли по два сѹхарчика. Сидятъ: пошелъ старикъ штанами неводить; штанамъ чаво добудеть? Налима добылъ. Стали ѣсти. Старуха стала налимью голову исти, подавилась да умерла. Старичекъ опеть пошелъ штанами неводить; опеть налива добылъ. Сталь исти, сталь исти; опеть голову-то ѣлъ, подавился, да и умеръ. Только.

2.

Моховой старичекъ.

Жилъ-былъ Моховой старичекъ: юрта-то моховая, да и самъ— отъ моховой. Живетъ онъ. Пошелъ сѣтишки смотрѣть. Вдругъ два парнишка бѣгутъ. «Дѣдушка! насъ чѣмъ-нибудь оберни. Насъ могусъ гонить!»! Онъ одного кремешкомъ обернулъ, друго-то огнивкой. Говорятъ: «Буде могусъ будетъ, говори: въ пролубъ спустились!»!

Могусъ пришелъ: «Старикъ! гдѣ ребята»?— Въ пролубъ спустились!— Могусъ въ пролубъ спустился.

Этотъ старичекъ имъ говоритъ: «вы чаво мнѣ дадите»? Они говорятъ: «Поди да нашему отцу говори: я твоихъ ребятъ отъ могуса избавилъ. Ты мнѣ чаво дашь?»

Пошелъ онъ, говоритъ (царю): «Я твоихъ ребятъ отъ могуса избавилъ. Ты мнѣ чаво дашь»? Онъ (сарь) ему говоритъ: «Я тебѣ дамъ полбичья (имѣнья), полжитья, полѣимѣнья своего!»! Старичекъ и говоритъ: «Этими дарами не дари; эти дары у самого есть. На золотой вѣсочкѣ связана собачка, на золотой полочкѣ пониже образъ, эту собачку дашь-да, возьму». Онъ заплакалъ да отдалъ. «Это говоритъ, ничьи науки, это моихъ ребятъ науки!»!— Этотъ сарь ему говоритъ: «Эту собачку не веди, все неси!»! Старикъ собачку бьетъ да идти велитъ. Собачка нейдетъ. Старичекъ бьетъ ее. Старичекъ пришелъ домой.

Пошелъ сѣтишки смотрѣть. Пришелъ; сѣтишки высмотрѣлъ, пришелъ домой. Все настрапаное, чаво есть, все на столѣ стоитъ настрапано. Пришелъ старичекъ, сѣлъ. Къ сѣтишкамъ будго пошелъ, самъ корѣнкой (корой) обернулся, на колоду прильнулъ. Вдругъ эта собачонка обернулась дѣвкой: красивая дѣвка. Кожица-то лежитъ; онъ вдругъ отлѣпился; эту кожицу (кожу) въ огонь бросилъ. «Уже, уже, говоритъ (дѣвка). Бросилъ да думай»!

Могусова парнишка на дворѣ ходитъ, лучкомъ тамарчикомъ пострѣливать. Вдругъ махнулъ подъ небеса: вдругъ тамарчикъ Моховому старику упалъ туды. «Моховой старичекъ, дай мой тамарчикъ»! Моховой старичекъ говоритъ: «нѣтъ, не дамъ», говоритъ. «Иди посмотри: у меня баба какая хорошая есть»!—И, говоритъ. Какá у тебя баба будетъ?—Пришелъ: баба кака красивая сидитъ, штрасть. Онъ пошелъ, отцу-то говоритъ: «Тятя, говоритъ. Моховаго старичка убей, да мнѣ-ка бабу-то дай»!—Поди, говоритъ, Моховаго старичка кличь!—Пришелъ. «Моховой старичекъ! говоритъ. Отдай бабу, говоритъ, моему парню. Будѣ, говоритъ, не отдашь, я тебя убью». Какъ дамъ? говоритъ. Я самъ безъ бабы буду?—«Дай, говоритъ, убью»?—Нѣтъ не дамъ, говоритъ. Ружье принеся; убить хочеть изъ ружья. «Дай»! говоритъ. Моховой старичекъ: «не дамъ»! говоритъ. «Убью»!—Моховаго старичка убилъ. Бабу взяли. У бабы спрашиваютъ: «Ты откуда ему пришла эдакая»?—Говоритъ: «Онъ у моего царя меня взялъ. Его ребятишекъ избавилъ, да то-то меня взялъ»!—Жили-были, поживали да и теперь живутъ.

8.

Д в а п а р н я .

Жили-были два парня. По рѣзну два парня живутъ. Одинъ-отъ парень и пошелъ другу-то въ гости. Пришелъ: онъ ниту; одна баба сидитъ. Пришелъ; сидитъ. Баба-то їду намѣсила въ котлѣ: мясо. Сварила мясо. Въ уголь поставила. Сидитъ мужикъ. Вдругъ парень прїяхалъ, другъ ево. Прїяхалъ. Ёду поставила мужу. Тутъ недалеко отъ нихъ крестьянинъ живетъ. Парень—отъ (хозяинъ) говоритъ

другу-то: «ѣшь!» говоритъ. Онъ не ѣсть, молчитъ. Говоритъ: «ѣшь!» говоритъ. Онъ говоритъ: «Чаво ѣсти стану? Подъ постелями люди лежать да не ѣдятъ!» Онъ сталъ постели перетрясать всѣ: «гдѣ, говоритъ, какіи люди лежать?» Бабину постелю тряхнулъ: тутъ крестьянскій парень лежитъ. Стали драться. Дрались-да, дрались-да; мужикъ-отъ и говоритъ: «Другъ, говоритъ, прощай, и бѣлый свѣтъ прощай!» У мужика (хозяина) пѣна изо рту пошла. Этотъ мужикъ-отъ соскочилъ, оловомъ облитый батас (мечъ якутскихъ сказокъ) большой выдернулъ у парня съ боку, уткнулъ супроти сердца. Этотъ парень-отъ печалиться сталъ. «Этого крестьянскаго парня убили; теперь намъ крестьянинъ чаво доспѣеть?»—А онъ сидитъ да говоритъ: «утро вечера мудренѣе бываетъ».

Онъ и пошелъ къ крестьянину. Ночью они легли спать. Пришелъ. Въ его лопотѣ одѣлся, пришелъ, да: «мама, говоритъ, меня пусти легчій!»—Онъ какъ ихъ сынъ измудрялся. Она говоритъ: «Поди: вотъ, говоритъ, твоя постель; лягъ!» Онъ пошелъ сестрѣ. Семь сестеръ у него. Первой пришелъ: «Сестра, пусти меня легчій!» Поди, говоритъ. Твоя постель вонъ, лягъ! говоритъ. Другой пришелъ: «Сестра, меня пусти лягчій!»—Поди, говоритъ. Твоя постель вонъ, лягъ, говоритъ. Третьей пришелъ: «Сестра, пусти меня легчій!» Поди, говоритъ, твоя постель вонъ, лягъ!»—Четвертой пришелъ: «Сестра, пусти меня легчій!»—Поди, говоритъ. Твоя постель вонъ, лягъ!—Пятой пришелъ: «Сестра, пусти меня легчій!»—Поди, говоритъ. Твоя постель вонъ, лягъ!—Шестой пришелъ: «сестра, пусти меня легчій!»—Поди говоритъ. Твоя постель вонъ, лягъ!—Семой пришелъ: «Сестра, пусти меня легчій!»—Поди, говоритъ. Твоя постель вонъ, лягъ!—Ушелъ.

Пошелъ да крестьянскаго парня (принесъ) на сарай. Тутъ на сараѣ-тѣ постѣвошные луки. У одного лука тетиву отрѣзавъ да пошелъ. Крестьянскаго парня супроти сердца ножикъ уткнулъ да повѣсилъ на сарай. По утру встали. Тутъ его служанка, работница ихъ, пошла трубу отворять; огонь топить. Трубу отворила да пришла:

«ой, говорить, на сараѣ чаво-то у насъ, говорить, вѣсится!»! Выскокали, всѣ выскокали; ихъ парень вѣсится.

Отъ нихъ недалеко эга-баба живетъ. Говорять: «Кто по ее поѣдетъ? Человѣкъ, который умретъ, черезъ три года оживляетъ (эта шаманка)»! Который убилъ парень-отъ: «Я, говорить, поѣду!»!— Поѣхалъ; привезъ эгу-бабу. Стала шаманить она.

Этотъ парень все на-дворъ выскакивать. Все бересточки конямъ-тѣ привязывать, хвостамъ-тѣ. Онъ вдругъ выскочилъ, да всѣмъ конямъ-то: огонь высѣкъ, хвосты-те и запалилъ. Хвосты-те и загорѣлись: они и стали скакать. Люди-то всѣ и выскокали на дворъ. Онъ и воскочилъ въ юрту. Да у яги-те баби стоитъ кадь съ водой; она шаманить да и пьетъ воду-те. Онъ эгу-то бабу поднялъ, да въ кадь-ту, въ воду-то головой поставилъ, ногами подверхъ.

Пошли въ юрту. Со всѣмъ эга-баба эдакъ доспѣлась. У эгой-те бабы дѣти-те: волки, медвѣди, лисицы, сиводушки, песцы; какой звѣрь на бѣломъ свѣтѣ есть, всѣ еѣ дѣти. Онъ и повезъ бабу-то (къ дѣтямъ). Привезъ да имъ говорить: «Поведите мать домой!» Она мертвая. Они съ коня-то и сдернули: она пала, чаво. «Ну, говорить, мать-то убили вотъ»! Всѣ стали вѣять. Медвѣди страшные живутъ. На ево и стали нападать, говорятъ: «ты нашу мать убилъ!» — Нѣтъ, говорить, не плачьте, не плачьте. Я, говорить, вамъ что скажу. Буде вы то доспѣете, ваша мать оживетъ; буди не доспѣете, не оживетъ! — «Ну, говорятъ, чаво скажешь, все доспѣемъ», говорятъ. — Подите, говорить, по пролубѣ вырубите, да хвостами сядьте; хвосты-те въ воду запѣхайте да сядьте. Въ ту пору́ ваша мать оживетъ. Буди, говорить, не сядите, ваша мать не оживетъ! — Сяли. Хвосты-те замерзли. Стали дѣргаться. Дѣргаются, дѣргаются: не могутъ. Отъ важнаго звѣря, отъ рассомахъ, отъ волка, отъ медвѣдя, отъ оленя, отъ песцо́хъ, отъ лисицо́хъ, по одному звѣри оторвались да ушли. Другихъ-те онъ убилъ, да взялъ себѣ-ка.

Ушелъ домой. Пошелъ, коней-те взялъ. Уѣхалъ свой домой.

Уяхалъ тамъ бабѣ, другу своему пріяхалъ. «Вотъ говоритъ, ты печалился, говорилъ: хрестьянинъ. Хрестьянинъ чево доспѣтъ»? И коней-те, рассомаховъ-те, лисицѣхъ, медвѣдѣхъ, песцохъ, сиводушекъ, чернобурыхъ другу-то раздѣлился; ино-то самъ взялъ. И живутъ они. Жили-были поживали, да топеря живутъ.

УШ. ПѢСНИ,

записанныя отъ того уроженца Русскаго устья.

1.

А л е ш а.

Два коня, два коня да коня добрыя,
Два копя, два копя да бурзумѣнскія,
Ещё двѣ да сабли вѣстрыя.

Прѣзжаютъ они да ко могилочкѣ 2.

На могилочкѣ лежитъ камушѣкъ,

Тутъ на камушкѣ-то написано;

Три дороженьки да написаны: 2.

Еще перва-то дорога Тугарину.

Приклоняются они да ко камушку:

«Мы поѣдемъ мы, слуга, да мы Тугарину».

Намъ Тугарину яхать не выхатъ 1.

— У Тугарина дѣвки заманчивыя 2.

— Намъ за дѣвками гузнáми залежатися 2.

«Мы поѣдемъ мы, слуга, на Вуяндину» *).

— На Вуяндину яхать не выхатъ.

— На Вуяндиной дѣвки заманчитыя, 2.

— Намъ за дѣвками гузнáми залежатися 2

«Мы поѣдемъ Алешенька, «блатъ», 2.

«Мы поѣдемъ мы солнышку Владиміру», 2!

Поѣхали да они Солнышку Владиміру, 2.

*) Уяндина рѣка в. Верх. округа.

Пріѣзжаютъ они Солнышку Владиміру.
Алеша вѣжетъ своево-то коня за золочено кольцо, 2.
Это тотъ-ли ево слуга за мѣдное кольцо, 2.
Приходѣли они да Солнышку Владиміру 2.
Испроговоритъ Солнышко Владиміръ — отъ:
«Еще пѣрвое мѣсто Алѣшинькѣ,
«Еще пѣрвое мѣсто на переднюю кровать;
«А другое тибѣ мѣсто подлѣ вообраза;
«Еще третьѣ-то мѣсто подлѣ меня»!
Да садился этотъ Алешинька.
Пріѣзжаетъ Тугаринъ-отъ Солнышку Владиміру,
А несутъ его Тугарина во дѣмъ:
Подъ однимъ-те концомъ тридцать богатырей,
Подъ другимъ-те концомъ да другихъ тридцѣть.
Приносили Тугарина Солнышку Владиміру,
Посадили Тугарина на кровать Владиміровой женѣ:
Еще ноги-то положилъ на колѣнки ей,
Еще голову-то ей на грудь положилъ.
Подносили Тугарину полведра вина,
Подносили Алѣшинькѣ полведра вина:
Алешинька-та да потихоньку пьетъ;
А Тугарина-отъ да на одинъ душѣкъ;
А Тугаринъ-отъ на одинъ духъ выпивать 2.
Подносили-то Тугарину бѣлу лебедь-то 2,
Подносили Алѣшенькѣ другу бѣлу лебедь.
А Тугаринъ-отъ онъ сѣлкомъ ее глотать;
Только косточки-суставчики выплѣивать, 2.
А Алешинька да потихоньку (помаленьку) ѣсть, 2.
Да половину-то да слугѣ даетъ,
Половину-то онъ да слугѣ своему даетъ.
Какъ Алѣша спроговоритъ слугѣ своему, 2:
«Ты слуга, ты мой слуга, да слуга паревокъ!
«Ты не будь, не будь слуга Тугарина Змѣевича,

«Еще будь ты, будь Алёшиньки Поповича.

«Еще спомнишь-ли, Екимша,

«Еще спомнишь-ли, Екимша, вспомятуешь-ли?

«Какъ у нашего у свѣта у бѣтишка 2.

«У Левонтія попа да у Ростосково,

«Была у него собачища жадная, 2.

«Еще жадная собака обжорчитая 2.

«По подлавицамъ собака каталася (валялася) 2.

«Лебедину костьё грызла, подавилася; 2,

«Оттого этой собакѣ смерть случилася, 2.

«Ещё завтра-те по утру Тугарину тоже будётъ, 2.

«Еще вспомнишь-ли, Екимша, вспомятуёшь-ли? 2.

«Какъ у нашего у свѣта, у батішка, 2

«У Левонтія попа да у Ростовскаго

«Была у него корова-то жадная, 2.

«Какъ помои-те хлебала, охлебалася,

«Лебедино костьё грызла-подавилася;

«Оттого этой коровѣ смерть случилася.

«Еще завтра то по вѣтру Тугарину тоже будётъ»!

А Тугарину-то показалоса за досадочку,

Онъ стрѣлялъ ево да онъ булатнымъ ножемъ.

Этотъ тотъ ево Екимша подхватливъ былъ, 2.

Этотъ тотъ его булатный ножикъ на полѣтехъ подхваталъ,

На полетехъ те хваталъ.

Еще тотъ-то Олѣша спроговорить:

«Не хочу я ево бѣлу душечку губить,

«Не хочу я ево да кровь горячую пролить, 2.

«Не хочу я да бѣлы столики марать 2.

«Выѣзжай ты Тугаринъ на войну завтра!

«Выѣзжай ты Тугаринъ въ чисто поле,

«То твоя-то головушка на плаху пойдётъ»! 2.

А не хто за Волёшу не ручаётся;

Одинъ Солнышко-ть Владиміръ-отъ ручаётся;

А за Тугарина да весь городъ ручаётся.

Выѣзжаетъ Тугаринъ на чисто поле.

«Посмотри-ка, слуга, выѣхаль-ли Тугаринъ на чисто поле?»

Ещё выскочилъ слуга да посмотрѣть ёво:

Еще выѣхаль да Тугаринъ на чисто поле, 2,

Кругъ Тугарина змѣи огненные,

Змѣи огненные да оплетаются...

Онъ шель-то Олѣша во Божью церковь, 2.

Богу молится:

«Еще Богъ ты Богъ, да Богъ спаситель мой!

«Принеси ты тучу грѣзную,

«Еще вымочи да у Тугарина.

«Еще вымочи у Тугарива гумажны крылья!»

А пришла-то туча, туча грозная,

Еще вымочила у Тугарина гумажны крылья,

Еще палъ-то Тугаринъ на сыру землю.

Поѣхаль-то Олѣша Тугарину, 2.

Пріѣхаль-да Олѣша Тугарину-те:

«Еще хочешь ты, Олѣша, тибя дымомъ задушю?

«Еще хочешь ты, Олѣша, такъ искрами засыплю;

«Еще хочешь ты, Олѣша, огнёмъ-пламенемъ спалю,

«Еще хочешь ты, Олѣша, живьемъ тебя сглочу;

«Еще хочешь ты, Олѣша, головнями застрѣлю!»

Изъ дыры-те головни выскакиваютъ.

— На что ты, Тугаринъ, за собой силу ведешь?

— Я одинъ да одинъ какъ да пѣрстичёкъ, 2,

— Ты, Тугаринъ, да за собой силу ведешь!

Онъ поворачиваль коня да коня на круто, 2.

Этотъ тотъ-то Олѣша подвѣртливъ былъ,

Подвертывался да подъ конину грѣву,

Отсѣкаль онъ своей да саблей вострой,

Отсѣкалъ онъ своей да саблей востренькой.

А Тугаринъ-отъ упалъ да земля на трое расколоса

Какъ Тагарину голову на вострѣ копьѣ соткнулъ;

Своево-то коня да поводѹ повелъ,

На Тугариновомъ-те конѣ онъ поѣхалъ-да,

На Тугариновомъ-те конѣ поѣхалъ онъ,

Своево-то коня да поводѹ ведетъ.

Этото Солнышка Владиміра жена-то его да спроговорить:

«Ещё знать-то добра молодца по поѣздочкѣ,

«Ещё знать-то Тугарина по поѣздочкѣ да по походочкѣ 2

А Тугаринъ-отъ ѣдетъ, Олѣшину-то голову

«На востромъ копьѣ везеть», 2.

(Слуга):—Ты не ври, ты не ври да не вобманывай!

—Какъ Олеша-то ѣдетъ на Тугариновомъ конѣ,

—Своево-то коня да поводѹ ведётъ,

—Какъ Тугаринову-то голову на востромъ копьѣ (везеть)

Привзжаеть Олеша Солнышку Владиміру,

Онъ бросаетъ эту голову стекольчато вокно:

«Ты возьми ты, Солнышко Владимірова жена,

«Ты возьми-возьми Олѣшину голову,

«Тугаринъ-отъ привезъ тебѣ»!

Ещё тотъ-то Солнышко Владиміръ спроговорить:

—Еще первуѣ мѣсто переднѣ мѣсто,

—А друго-то тибѣ мѣсто подлѣ меня, 2.

—Еще треть-то мѣсто, куды самъ хочешь! (Это своей

бабѣ говорить, чтобы она легла съ нимъ).

«Какъ былъ-бы ты да не мой-бы дядюка,

«Я бы назвалъ тебя я бы прямо сводничкомъ.

«Какъ-бы не тетушка была-бы, назвалъ курвой б...лю»!

2.

Ц а р ь Е л и з а р ь .

«Вы почто вы не пьете, вы не кушаете:

«На ково вы лиха думаете? 2.

«На меня на сара да на королевича 2.
«На королевну, на царицу да на Марью на королевшну,
«На сестрицу на свою да на родимáю»!
— Не на кóво мы да лихá не думаёмъ! 2.
— Ни на тебя сара ни на королевича,
— Ни на царицу на твою да на королевну,
— Ни на сестрицу на свою да на родимáю.
— Еще хотимъ мы идти да подъ Бренчеть городъ, 2.
— Тому-то сару, сару Елизару, 2.
— Да ещё хотимъ поблонъ полонить Марью Елизаровну, 2.
— Со малымъ-то со чадомъ со Михайлушкомъ, 2.
«Не полонить вамъ да царя Елизара, 2.
«Еще саръ да Елизаръ хитёлъ—мудёлъ 2»!
— Еще дай ты намъ силу охотную.
— Не давай ты намъ силушку невольную,
— Еще дай ты намъ силу охóтную!
Пояхали они да подъ Бренчеть городъ 2,
Тому-то сару, сару Елизару 2.
Еще хочуть поблонъ полонить Марью Елизаровну
Со милымъ со чадомъ со Михайлушкомъ.
Полонили они да подъ первóй горóдь 2,
Красны дѣвушки да всѣ молодушки,
Еще ниту въ томъ числѣ Марья Елизаровна.
Полонили они да по другой городъ,
Красны дѣвушки да всѣ молодушки 2,
Ищё нѣту въ томъ числѣ Марья Елизаровна 2,
Полонили они да во третьей городъ, 2.
Красны дѣвушки да всѣ молодушки,
. . . . или въ томъ числѣ Марью Елизаровну
Со милымъ-то со чадомъ со Михайлушкомъ
Разостáвили они да бѣль полотняный шитёръ,
.

Въ третѣй черной воронѣ въ чистомъ полѣ воскуркаетъ:

«Ты руби-сѣки, силушка безсчетная!»

Пріѣхала силушка, вырубилла 2.

Силу ѡху-то всю изрубилъ, и Марью Елизаровну взялъ. Хотуть воевать они; они за ружья поймають: ружья простыя совсѣмъ выломанныя.

Зá луки поймають — луки вывоманныя; побѣжали они во чисто поле

— Тута ихъ не знаю, настигли; не знаю, нѣтъ-ли.

3.

М и л о с л а в с к і й.

Да пошла-то наша сила 2

Да по гóръ-горѣ Покровской 2.

Въ горóду ко Смоленской 2.

Какъ Илья сынъ Милославскій 2

На передь онъ выбѣгаётъ, 2.

Пушку-порохъ зарежаетъ,

Сталь по городу стрѣляти 2.

Полож. ла сорока т

Пріѣзжаетъ-то Илья

Пріѣзжаетъ-то сару своему

Пріѣзжаетъ-то сару зятю своему, 3

И тотъ-то саръ спроговоритъ:

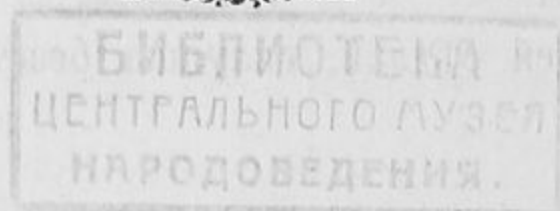
«Осталися малы дѣтушки на покаянiе,

«Осталися малы дѣтушки на скитанiе,

«И осталися у нихъ да жены плачуть-сидятъ,

«Малы дѣтушки да скитаются;

«Малы дѣтушки да они истъ хотятъ!»!

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ ЯКУТСКИХЪ ОБРАЗЦАХЪ.

СОКРАЩЕНІЯ: г. гора, зв. звѣзда, лош. лошадь, мѣстн. мѣстность, оз. озеро; пт. птица, р. рѣка, созв. созвѣздіе.

- Адамъ-Бурай 129.
Аджарай-Бегё 101, 116.
Айбыть-айсыть хатынь 87, 121, 194.
Аи-сыбыя, лош. 251.
Аисыть 121, 197, 198, 223.
Аи-Тангара 141, 161, 203, 215.
Аи-тоень 115.
Аламай-Сандалы 162.
Алысь-лукань 137.
Ангарыхса 196.
Ань-Арбаллинъ 231.
Ань-Джарсалы 162.
Ань-Джарсынъ 156, 205.
Ань-Джарылыкъ, лош. 251.
Ань-Джасынь 134.
Ань-Сабахъ 135.
Ань-Улаханы 135.
Аралланъ бухатырь 26.
Арангасъ сулусъ, созв. 108, 110.
Арджаманъ-Джарджаманъ 201.
Арсинъ-Долай, Арсинъ-Долой 134, 156, 218, 219, 225.
Аръ-Тоеень 105, 149.
Атъ-Хая 59.
Ачараманъ-Чачыраманъ см. Ачираманъ.
Ачираманъ-Чачыраманъ, Ачараманъ - Чачыраманъ (Чачарыэманъ) 165, 168—170, 178.
Бай-акымай 125.
Байбяджингъ 225.
Байдунцы 58.
Бакананъ 137.
Баръ-Ексюкю 253.
Барылахъ-батырь 197.
Басымниланъ 122, 127, 128, 130, 247.
Бата-батырь 55—57.
Батагайская долина 103.
Баттагыянъ-Хосунъ 68.
Баянай 94.
Бекёнюкя 102.
Бередь-бяргянъ, Берёдъ - бергёнъ 99, 192, 202, 212, 231.
Берь-хара 95.
Болджонгнуръ, Больчогнуръ 113, 250.
Боллорукъ 86, 104.
Бурой-Орь-Джасынь 228.
Бусуханъ 104.
Бутактай, р. 54, 56.
Бырадай-бяргянъ 197.
Бычикасъ 44.
Бюгюстай 162.
Бюёрсюнь-Бегё 95.
Бюкюстай 157, 161, 162, 169, 170.
Бяръ-хара 47, 50.
Венера, зв. 21, 108, 110, 145, 204, 218, 225.
Джаба-баба Джесь хотобо 125, 126, 130.
Джабынь-Тугуй-Ко, лош. 234.
Джаресь-бяргёнъ 231.
Джелликъ-Джясягай-тоёнъ, 85.
Джербяхъ-бяргянъ, 99, 101.
Джесиня 201.
Джуро-бегё 119, 121.
Джюръ-Бегё 130.
Джярьгястай 148.
Джясягай 85, 148, 158, 232.
Додонгсо, быкъ 122.
Дологоно 42.
Долонукса 156.
Донъ-Арбаллинъ (Дуонъ - Арбаллинъ) 169, 225.
Дуодонгсо, быкъ 105.
Дыбылынгса 156, 187.
Дыбырданъ 218, 219, 231, 233, 252.
Дылбынгса 148, 193.
Дюрью-Ко.
Едюгядь-тоёнъ 196.
Екень, оз. 62, 64.
Ексёкю, пт. сказочн. 26, 160, 161, 171, 191, 193, 220, 226, 227, 253.
Ексюкюляхъ Бюкюстай 212, 215, 216, 219—221.

Елёрсюбютъ, мѣстн. 61.
 Еликъ-тюрьянь 109.
 Ерюсь (Лена), р. 47.
 Катыграсъ-Барацци (котыграсъ барацци), Кытыграсъ-Барацци 152, 174—179, 191—195, 201, 215, 231.
 Кёгюль-Бёгё 157.
 Кёгяльджинь 148, 168.
 Кёгяльлинъ 140.
 Кёгяля-ытыкъ-Норулланъ-ко 220.
 Кёкёнянь 137.
 Кёкя-Джасынь 212, 214, 215, 218, 219.
 Кёлюянь 26.
 Кёмюсь Бекенюкя огонноръ 102.
 Кёмюсь Мёкёнюкянь 169.
 Кёнгюряхъ, мѣстн. 65.
 Кёнёгё 137.
 Кеньче-Бёгё, Кёнъчя-Бёгё 164, 183, 184, 195, 199, 200, 202, 215.
 Кёрё-Джасыгай 148, 158.
 Кёхё-Бурай 148.
 Кибыргасъ-Хабыргасъ 103.
 Кикенянь 137.
 Кись тангарата 24.
 Китагасъ-Тарбахъ 207.
 Константинъ царь 28.
 Ко-чамчай-тысы-хопчолгу 156.
 Куопуи 28.
 Курагаччи, пт. сказ. 30, 197, 204.
 Кыбтый-Сарынъ 207.
 Кыгынанъ 137.
 Кыйбырданъ, Ытыкъ - Кыйбырданъ 156, 199, 205—211, 216, 218, 219, 231.
 Кыладагасынь 27.
 Кылбадасынь-кысь 197.
 Кындысь, зв. 108, 110.
 Кынныята 38.
 Кысь - Кыскыйданъ, Кысь - Хаскыйданъ 156, 207.
 Кытыграсъ см. Катыграсъ.
 Кычыграсъ-Барацци см. Катыграсъ.
 Кюбйяй-хатынь 105, 149.
 Кюбйяхся 196.
 Кюёгяль-удаганъ 78, 111.
 Кюнь-Джаргыстай 231.
 Кюнь Кёгяльджинь 168.
 Кюнь-Кёделю, коб. 137.
 Кюнь-Кельбёрё, коб. 105.
 Кюнь-Кюбйяхся 196.
 Кюнь-Кюльбяри 251.
 Кюнь-Сёгяля 189.
 Кюнь-тоенъ 111.
 Кюнь-Туналыкка 112, 114, 119, 162.
 Кюнь-Эёрьянь 188.
 Кюре-Джасыгай 148, 158, 232.

Кяльбистяй-Куога 116.
 Кяльтяскиляръ 66.
 Кянянь, р. 41.
 Кярпастиръ 27.
 Кяръ-Джебаръ 218.
 Ламуты 7, 25, 58, 59, 60, 61, 65, 128, 129.
 Лёгёй 47—49, 53.
 Лена, р. 47, 51.
 Липпярдянь 225.
 Лискирдянь 231.
 Лошадь-гора 20, 59.
 Лыппычеха (Лыппычыэха) 178, 179, 181.
 Лысбырданъ 231.
 Люмкюрдянь 188.
 Маянтылапъ 47—50.
 Медвѣдица, созв. 108, 110.
 Могойдахъ 58.
 Мумурдаха 55.
 Мюрю, мѣстн. 47.
 Мякъ Тугуй, 106, 114, 116, 216.
 Мятисъ 29.
 Нараха 251.
 Нарынъ-Нургустай 225.
 Нахръ 25.
 Нилахсынъ-уоль 196.
 Норулланъ-ко 220.
 Нюлгу-Халгый 62, 63, 64.
 Нюльгуна 55.
 Няха - Харахсынъ-Нирылынъ-ко-Чямчай 196.
 Огутаекы 103.
 Оленекъ, р. 28.
 Оллё, р. 59.
 Олонъ-Долонъ 240—245.
 Омостонъ-Чоканъ 240, 241, 245.
 Очорбой хосунъ, Очоргой хосунъ, 48, 49.
 Плеяды 21, 77, 108, 138, 148, 225.
 Сагсаргана-бяргянь, 56, 57.
 Сайсары, мѣстн. 47.
 Саппы-хосунъ 67, 68.
 Сасылыканъ 246.
 Сиксирькя 41.
 Симяхсинъ-емяхсинъ 82, 102, 104, 129, 131, 136, 153, 199, 221, 224, 241, 245.
 Сирь-Сирябилъ 162.
 Содалба, Содалбы 140, 201.
 Сулуръ-батырь 103.
 Суодалба 106.
 Суодарба 100.
 Суордаи 59.
 Суохъ-кисп 231.
 Сурдуругасъ-Самдарагасъ 103.

Сухсаргана-бяръгань 55.
 Сыратъ, народъ 21.
 Сызанника 41.
 Сюгэ-тоенъ 38.
 Сюлюмядирия 187.
 Сюмиъ Джасынь 148.
 Сяркъянь-сясянь 116, 117, 121.
 Таконанъ 137.
 Татта, р. 19, 26, 250.
 Текико 231.
 Тёня 129.
 Тёняль 197.
 Тимирь Бюкюстай 157.
 Тимирь Джесиня 201.
 Тимирь Силирьбай 191.
 Тимирь Содалбы 140.
 Тимирь-Чонкурданъ 169.
 Тогоноконъ 246.
 Тоёнъ-кель, оз. 56.
 Тоёнъ-Тойболу, быкъ 137.
 Тойбой 251.
 Тара-томторъ, мѣстн. 140.
 Тунгусы 24, 65—67.
 Тунылакса 112, 114, 119.
 Туолланъ-Бурай 225.
 Тутука-батырь 231, 232.
 Тыгынь 48—53.
 Тынгыль 53, 54.
 Тэлебисъ-батырь 110.
 Тюкюмь-Тёкяй 245, 246.
 Тюръгань-Чогуй 100, 114.
 Тяльбистай-Ко 116.
 Тялябисъ-батырь 103, 130.
 Угаллиланъ-Уланъ, лош. 115, 120.
 Улусханнахъ-Улу-тоёнъ 210, 224.
 Улу-тоёнъ 23, 221.
 Уолуя 225.
 Уолуяръ-Улу 129, 218.
 Ураныканъ 89, 91—95.
 Урукку-Курукку 253.
 Халантай 23.
 Халланъ Джаргыстай, лош. 231.
 Халланъ-Хачія 231.
 Халыгасъ-батырь 103.
 Халыгысь 130.
 Халынгысь-батырь 110.
 Ханъ - Джаралы, Ханъ - Джары-
 лыкъ, Ханъ-Джарылыкъ, лош., 105,
 122, 137.
 Ханъ-Джаргыстай 131, 202, 204—
 219, 221—227, 230, 231, 233, 234.
 Ханъ-харахъ-ханъ 80—85, 87.
 Ханъ-хараханъ-тоенъ, 225, 232,
 240—242, 245, 246.
 Хаптагай-батырь 58—62, 65, 66.
 Хараджелъ-Мохсоголъ 225.
 Хара-ханъ см. Ханъ-Хараханъ.
 Харысь Тёкяй 245.
 Харыэджа-бяръгань 241.

Хардженъ-бергенъ 85.
 Харжитъ-Бергенъ 80.
 Хаскыйданъ-ко-батырь 156.
 Хатысь-луканъ 137.
 Ходжугуръ 74—77.
 Хоккумуй 4.
 Хомолой-хорсуна 122.
 Хонкурданъ 54, 201.
 Хоппуй 29.
 Хоро 54.
 Хоро-Дыбырданъ 114, 116, 121.
 Хоро-Тябень, лош. 156, 199, 216.
 Хосулояръ, лош. 199.
 Хотось 62, 63, 64.
 Хохое-батырь 61.
 Чакчакясь 43.
 Чарчаханъ 234—239.
 Черень, народъ 28.
 Чолбонъ, зв. 108, 110, 145, 204,
 218, 225.
 Чыбыэнъ 44.
 Чярчягясь 39.
 Ыбыэнъ 44.
 Ыйбымгалахъ-удаганъ 78.
 Ый-тоенигъ 78, 110, 225.
 Ый-ыдалынъ, корова 137.
 Ый-ыэныксытъ, корова 105.
 Ылбальджинъ 148.
 Ымгалы 111.
 Ымгабыль Хосунъ 67, 68.
 Ырбайбанъ-мылахсынъ 104.
 Ыстыйбанъ, лош. 241.
 Ытыкъ-Кыйбырданъ см. Кый-
 бырданъ.
 Эбиръ-туоно 220.
 Эёргянь 188.
 Эркинь-Эряляся 220.
 Эрайдахъ-Буруйдахъ - Эрь - Сого-
 тахъ 225.
 Эямяликъ 209.
 Эяхсиль-хатынь (яехсытъ) 58, 85,
 87, 194, 223.
 Юджиянь 74—79.
 Юёбгяй 103.
 Юкяйдянь-Ко 132, 143, 147, 149,
 151, 152, 176, 231.
 Юннюгянь 57.
 Юргюкъ-удаганъ 77, 111.
 Юръганъ (Плеяды) 21, 77, 78, 79,
 108, 110, 111, 148, 201, 225.
 Юрюмъ Елькёню 158.
 Юрюнгъ-Уоланъ 131, 132.
 Юрюнгъ-Уолантай 232.
 Юрюмъ Аи тоёнъ 85, 113, 135,
 149, 202, 215.
 Юряйба-Сарайба 104.
 Ютьтасъ безляхъ тоенъ 119.
 Ялькяняй 147.
 Янгя 26.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Беркутъ пт. 69—71.
 Богоргоно, пт. 73.
 Бубень шаманскій 24, 148, 193.
 Бурундукъ 27.
 Быкъ 23, 217; однорогій и одно-
 глазый 100.
 Бѣлка 27.
 Вода безсмертная 95.
 Волкъ 2, 24.
 Восемь 13, 77, 82, 87, 88, 94;
 боговъ 21.
 Восьминогій, ая 87, 101, 110.
 Гады (происхожденіе ихъ) 86, 107.
 Глаза 53, 54.
 Громъ 21, 117, 128, 155.
 Далысь 68.
 Девять 94, 101, 112, 118, 131, 145;
 боговъ 43, 58, 65, 81, 82, 88, 21;
 огней 154; св. женщ. 16, 20
 Дерево 113, 127.
 Дятель 25.
 Желна 25.
 Желѣзный доли или юрта 82, 83,
 85; лабазъ 108; дерево 127; колъ 195.
 Жеребець 22.
 Журавль 25, 27, 71—73.
 Заяць 1, 27.
 Клестъ 25.
 Кровяное море 90, 92, 94.
 Кукушка 102.
 Кукша птица 26.
 Куропатка 25, 27, 34, 42, 102.
 Кяряхъ (вывѣш. жертвен. шкура)
 24.
 Лабазъ 78, 108, 129.
 Лахатта, пт. 71—73.
 Лебедь 73.
 Левъ (хахай) 228.
 Летяга 26.
 Лисица 27, 104, 105.
 Лось (сохатый) 1, 28, 59.
 Лягушка 27.
 Медвѣдь 2, 27, 160.
 Молочное озеро 133, 252.
 Муравей 26.
 Мышь 1, 2.
 Мышь солнечная 126.
 Мѣсяць 5, 20, 22, 78, 79, 110,
 111, 148, 225.
 Овражка 27, 28.

Огонь 24, 121, 124, 127, 131, 133,
 154, 165.
 Огненное море 156.
 Олень 21, 22, 42, 127, 188.
 Орелъ 19, 72, 101.
 Паукъ 26.
 Пупъ земли 18, 112, 133, 144, 152.
 Пять 80.
 Радуга 21.
 Рога 28.
 Рыба 94.
 Саксонъ утка 25.
 Сата (волш. камень) 24.
 Семь 7, 21, 32, 36, 38, 42, 44, 46,
 62, 65, 74—77, 85, 87, 88, 107, 108,
 112, 124, 126, 127, 133, 135, 165.
 Смертное море 94, 184, 186.
 Собака 35.
 Соболь 24.
 Соколь 25.
 Солнце 5, 12, 20, 21, 22, 78, 79,
 110, 148, 188, 189, 196, 224, 231.
 Солнечная мышь 126.
 Сохатый (лось) 1, 28, 59, 118
 Стерхъ 25, 74, 75—77, 85, 88, 143,
 147, 174, 198.
 Сурокъ 26, 27.
 Сѣверное сіяніе 21.
 Сюлюгя, божественная жид-
 ность 113, 195, 202.
 Тарбаганъ 26, 27.
 Три волка 144; ворона 144; золот.
 волоса 149.
 Тридевятъ 68.
 Турпанъ 73.
 Филинъ 73, 74.
 Хамнатаръ, мутовка 41.
 Хвоць, раст. 83, 85.
 Хомышъ, муз. INSTR. 27.
 Чачиръ 48.
 Челюсть 117, 128.
 Черви (происхожденіе ихъ) 86,
 107.
 Четыре 105: грома 155; кузнеца
 226.
 Чечетка 2.
 Чирокъ, пт. 69—71, 73, 74.
 Шестъ 51.
 Ылбай рыба 6.
 Ысыэхъ 48, 49, 128, 161.

